

ISSN 2312-377X

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

**№ 1 (29)
2014**

ВЫПУСК ПОСВЯЩЕН 420-ЛЕТИЮ Г. СУРГУТА

Сургут
Издательство СурГУ
2014

Издание зарегистрировано в Западно-Сибирском межрегиональном территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (г. Тюмень)
Свидетельство ПИ № 17-0414 от 15 апреля 2002 г.
Выходит два раза в год

Учредитель и издатель:
ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»

Главный редактор:
С.М. Косенок, д.пед.н., профессор

Редакционная коллегия:
О.Г. Литовченко, д.биол.н., профессор
В.В. Мархинин, д.филос.н., профессор
Т.Ю. Денисова, к.филос.н., доцент

Ответственный редактор:
А.А. Хадынская, к.филол.н., доцент

Редактор:
А.П. Чалова, к.филол.н.

Переводчик:
М.А. Ставрук, к.пед.н., доцент

Технический редактор:
М.А. Кобякова, к.пед.н.

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной Электронной Библиотеки на сайте e-library.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции
А.А. Хадынской, СурГУ («Северный регион»)
ул. Энергетиков, 8
г. Сургут Тюменской обл.
628412

8-902-817-05-37
E-mail: sev_region@mail.ru
www.surgu.ru

© ГБОУ ВПО «Сургутский
государственный университет ХМАО –
Югры», 2014

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 2000 г.

2014

№ 1 (29)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 6

СУРГУТУ 420 ЛЕТ

Приветственное слово ректора СурГУ С.М. Косенка..... 7
Приветственное слово главы города Сургута Д.В. Попова..... 8
Приветственное слово Еремея Айпина..... 9

Пузанов В.Д.

Русская экспедиция 1594 г. на юг Сибири и основание города Тары..... 11

Кодинцев А.Я.

Туземное правосудие на Тобольском Севере в первой четверти XX века..... 16

Труфанова Ж.Н.

Факторы формирования условий жизнедеятельности коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на рубеже XX-XXI веков..... 22

Антонова Н.Л., Лисицына М.И.

Влияние кризиса на моногорода на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры..... 28

Балалаева О.Э.

Общинное движение в Сургутском районе и община «Яун-ях»..... 35

Стаканова Л.П.

Значимость «взрослых» детей в системе жизни Мань Ускве..... 44

Динисламова С.С.

Семантика традиционной культуры в эпических песнях народа манси, исполняемых на народных игрищах..... 50

Онина С.В., Нахрочева М.И.

Антонимы и их структурно-семантические особенности в современном хантыйском языке..... 58

Главан А.А.

Особенности образования и употребления числительных в речи современных ханты 66

Ставрук М.А.

Расширение спектра образовательных услуг для коренных народов Севера посредством программ Университета Арктики..... 69

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Денисова Т.Ю. Апология философии</i>	75
Лошаков Р.А. Кантовское <i>a priori</i> как эсхатологическая реальность.....	80
Корснес К.-Ф. В. Удел человека в бытии: эссе об экзистенциальном страхе как проявлении человеческого бессилия.....	93
<i>Денисова Т.Ю. О диалоге</i>	100
Денисова Т.Ю. Путь бедной веры: о плодотворности сомнений.....	102
Эпштейн М.Н. Тезисы бедной веры.....	111
Климань С.В. Философское осмысление темы любви в христианстве.....	125
Соловьев А.В. Медиаискусство: quo vadis?.....	133
Немцев М.Ю. Изобретение достоинства в современной России.....	139

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Совертков П.И. Методика работы с кластером по математике.....	146
Апалькова Г.А., Хан Г.О. Формирование профессиональной компетенции у студентов экономического направления посредством изучения специальной английской лексики.....	158
Брылеева Ю.В. Метод проектов в современной педагогической деятельности.....	163
Лыццова Н.Л. Комплексная оценка состояния здоровья студентов высшей школы.....	166
Лавлинский С.П., Хадынская А.А. В «лабиринте сцеплений»: по итогам работы Школы словесника и Школы читателя...	173

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Зубарева Л.В., Кутуева О.В. Формирование затрат на услуги авиапредприятий.....	189
Пилипенко Е.В. Марк Голанский как архитектор ВТО.....	197
Попова Е.В. Методические подходы к оценке социальной ответственности бизнеса.....	205
Галкина Т.В. Функционально-стилистическая специфика языка сетевых средств массовой информации.....	210

*URBI ET ORBI***Мархинин В.В.**

Социально-гуманитарные науки, философия и искусство..... 217

Дегтяренко К.А., Дмитровская М.А.

Алогичные перечисления и нумерология как средства создания гротескно-комического в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста»..... 227

Полторжицкая Г.И., Иващенко Р.Ю.

Современное состояние мифологической прозы на территории Восточного Казахстана..... 237

Наши авторы..... 244

От редакции

Дорогие друзья!

Наш журнал поменял внешний облик, но мы по-прежнему выполняем нашу университетскую миссию, заявленную в названии издания: «Северный регион: наука, образование, культура».

Открывает номер подборка материалов, посвященная важной дате для нашего города – 420-летию со дня основания. В этой юбилейной рубрике собраны статьи разной направленности, но объединяет их одна общая тема – родная Югра, ее достижения и проблемы, культура и наука. Ученые размышляют о прошлом и будущем края, намечают перспективы его развития, показывают нам культурные истоки и особую красоту суровой северной земли. Мы рады, что на такое событие откликнулся своим приветствием не только наш уважаемый ректор доктор педагогических наук, профессор Сергей Михайлович Косенок, но и глава города Дмитрий Валерьевич Попов и легенда югорского края, большой писатель и хранитель народных традиций Еремей Данилович Айпин.

Рубрика «Наука» обращается к отрасли знаний, никогда прежде не бывавшей в фокусе внимания журнала, – философии. Редакция выражает особую благодарность добровольному куратору рубрики, кандидату философских наук **Денисовой Татьяне Юрьевне** за организацию того удивительного диалога, который вели на наших страницах ученые разных стран и различных научных школ. Подробно об этом можно почитать в двух обстоятельных предисловиях рубрики, призванных сориентировать читателя в сложнейших лабиринтах философских изысканий.

Традиционная рубрика «Проблемы образования» поднимает вопросы высшего и школьного образования, а также их преемственности и возможности продуктивного сотрудничества.

Наша постоянная рубрика «Социальные и культурные процессы» освещает широкий спектр проблем, связанных с современным состоянием общества: социальная ответственность бизнеса, специфика языка СМИ и пр.

Рубрика «Urbi et orbi», как всегда, демонстрирует плодотворность синтеза различных гуманитарных наук в осмыслении важнейших человеческих проблем.

Мы заинтересованы в сотрудничестве, материалы принимаются редакцией постоянно по адресу: Сургут, ул. Энергетиков, 8, СурГУ, офис 121, редакция журнала «Северный регион», или по электронному адресу: sev_region@mail.ru. На последней странице журнала вы можете ознакомиться с требованиями к оформлению статей, убедительно просим их придерживаться. Редакция вправе отклонять материалы без объяснения причин. Гонорары журнал не выплачивает, но каждый автор имеет право получить три экземпляра со своей статьей.

С уважением, редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура».

СУРГУТУ 420 ЛЕТ

Дорогие друзья!

Очередной выпуск журнала «Северный регион: наука, образование, культура» вышел в свет в канун знаменательного события в жизни Сургута. В июне город будет отмечать юбилей – 420 лет со дня основания. Эти столетия были полны радостными и драматическими моментами, периоды расцвета сменялись почти полным забвением, круговерть исторических событий писала судьбы Сургута и его жителей.

Безусловно, особое место в современной истории города занимает Сургутский государственный университет. Его создание ознаменовало собой начало нового этапа развития территории, стало свидетельством трансформации идеологии «временщика» в философию «города-дома», в котором живут постоянно и соответственно заботятся о его комфорте и процветании. Вполне закономерно превращение университета в научный, образовательный, культурный центр, в котором сосредоточена интеллектуальная элита, где формируются прогрессивные идеи, меняющие внешний облик города и влияющие на содержательное наполнение его жизни. И лишнее тому подтверждение тот факт, что именно СурГУ оказано доверие сформулировать «Стратегию развития города до 2030 года».

Сегодня современность ставит перед обществом непростые задачи: диверсификация экономики и уход от «нефтяной» зависимости, инновационное развитие промышленности, урегулирование межнациональных отношений и формирование зрелого гражданского общества, если хотите, создание новой идеологии в условиях, когда город и регион переживают новую волну переселения. Кому, как не нам, университетскому сообществу, необходимо активно включаться в процесс поиска путей разрешения этих задач своими научными разработками по приоритетным направлениям, инновационными изменениями в образовательной деятельности, просветительской работой.

Новый импульс развитию университета придаст строительство университетского городка, что, в свою очередь, определит и новый вектор развития Сургута. Это аксиома, проверенная временем: кампусы со своей особой средой концентрируют творческую и научную мысль, становятся базой для научных открытий и создания «прорывных» технологий.

Конечно же, реализацию этих грандиозных планов невозможно представить без журнала «Северный регион: наука, образование, культура», который уже на протяжении 14 лет дает слово на своих страницах ученым и публицистам, организует полемику по широкому кругу общественно значимых вопросов, предоставляет возможность заявить о результатах научных изысканий как именитым исследователям, так и начинающим авторам.

Я уверен, что журнал, верный своим традициям просветительства и направленности на исследование проблем, актуальных для города и округа, еще долгое время будет с честью выполнять свою миссию. Желаю авторам статей и редакции полета творческой мысли, а всему университету и Сургуту – процветания!

Ректор СурГУ д.пед.н., профессор С.М. Косенок

Уважаемые читатели!

Рад приветствовать вас на страницах журнала «Северный регион: наука, образование, культура» – одного из первых научно-просветительских изданий в Югре! В целом издание ориентировано на широкое и глубокое исследование проблем, касающихся развития Сургута и всего Югорского края, а его главная миссия – приобщение к науке молодого поколения. За 14 лет своего существования журнал приобрел своих постоянных и верных читателей.

Перед вами 29-й, особенный выпуск. Он посвящен 420-летию со дня основания Сургута. Благодаря проведенным учеными Сургутского госуниверситета исследованиям вы откроете для себя неизвестные страницы истории нашего города и края, от времен Ермака до событий последних лет. Безусловно, интересны и познавательны будут статьи по краеведению, по фольклору и языкам коренных народов Севера. Думаю, что мнение специалистов о влиянии кризиса на моногорода, к которым можно отнести и Сургут, заинтересует не только экономистов.

От себя лично желаю журналу «Северный регион: наука, образование, культура» долголетия, дальнейшего развития, новых талантливых авторов, признания и уважения коллег, благодарных и преданных читателей.

Научное сообщество Сургутского государственного университета и всех жителей поздравляю с 420-летием Сургута. Желаю сплоченности, крепкого здоровья, благополучия, успехов и новых достижений на благо нашего города!

Глава города Д.В. Попов

Дорогие мои сургутяне!

Сердечно поздравляю вас с Юбилеем! Нам всем 420 лет! Это такое малое мгновение в истории человечества, но такая важная веха в истории города и в судьбе каждого моего земляка и сородича. Сургут – это первый город, о котором я услышал в далеком детстве, когда только начал осознавать себя человеком на этой земле. Ибо моя река Аган, на берегу которой в малом родовом селении я родился, впадала в Великую Обь совсем неподалеку от города Сургута. И мои сородичи, бабушки-дедушки и родители часто вспоминали, как ездили в Сургут. В старые, белоцарские времена это были рассказы о поездках на сургутские ярмарки. А в наши дни в деревню Варьеган из Сургута начали ходить катера с грузом разных товаров, которые на обратном пути увозили просоленную рыбу. А зимой обозы увозили в Сургут добытую здесь пушнину и замороженную в мешках рыбу. Все в те годы крутилось вокруг районного центра – Сургута, главного города Среднего Приобья. В школе мы загадывали загадки. Где самый большой дом? В Сургуте. Где главный Божий дом? В Сургуте. А потом сочинили и распевали песню, которая начиналась словами: «Райисполком – длинный дом...».

Я слышал и мифы о Сургуте. Его основал Большой Остяцкий князь Бардак, который в давние времена храбро защищал свою вотчину и народ от иноземных завоевателей. Немного позднее через Сургут перебрался с южного берега Оби на реку Пим другой легендарный мой сородич – Юганский Богатырь Танья. Позднее здесь проживала и работала врачом Екатерина Мухина из тромаганского рода по имени «Короп», представлявшая наш округ в самом высоком органе власти в Москве: она была депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР. Я слушал и живо представлял город Сургут и моих знаменитых предков.

Потом я пошел в школу. И в первом классе ко мне приехала из Сургута моя любимая учительница Александра Петровна Жирякова. Она тоже была из сказки. Я сразу и на всю жизнь влюбился в нее. Она была очень красивая. Голубоглазая миниатюрная блондинка. С мягкими, белыми, как первый снег, вьющимися волосами в короткой стрижке. Потом, когда я впервые в кино увидел знаменитую американскую актрису Мэрилин Монро, неожиданно поразился: копия моей учительницы. Только моя учительница была красивее, лучше. Миниатюрнее, добрее, умнее, теплее. Она меня научила любить русский язык, любить литературу, любить арифметику, рисование, родной язык. Она научила меня любить жизнь. Многому она меня научила. Научила лобзиком выпиливать и собирать ажурные тонкие шкатулки. Она меня принимала в октябрюта. Сама аккуратно обшила красной тканью выпиленную из фанеры звездочку и сама же пришила эту красную звездочку к моей рубашке на левой стороне груди. Так я стал октябренок. А потом пришла весла, я закончил первый класс. Она выписала мне аттестат за первый класс, куда внесла пятерки по всем предметам, а под ними поставила свою подпись и написала свою фамилию красивым почерком: «А. Жирякова». Как я осознал впоследствии, она тоже любила меня. На последнем уроке она погладила обложку моей тетради по русскому языку и сказала: «Я возьму твою тетрадь на память». Потом отец увез меня на каникулы в наше маленькое поселение на Агане, а она уехала на каникулы в Сургут. Прошло лето. Наступил сентябрь. Я с неописуемым волнением приготовился к встрече с любимой учительницей. Но моя учительница не пришла в класс. Она не вернулась в школу, в мою деревню. Первая, любимая, потерянная. Потом, спустя годы, я начал разыскивать ее следы. В Сургутском архиве разыскал о ней всего две записи. Первая: «Жирякова Александра Петровна. 02 октября 1958 года прием». Вторая запись:

«20.07. 1959 года уволена. Учитель начальных классов» (Фонд 12, опись 2. Дело № 25, стр. 280–281). Ее следы на этом обрываются. Учительница, потерянная в Сургуте. Сейчас с глубоким сожалением и печалью осознаю: потерянная, наверное, теперь уже навсегда. Потерянная безвозвратно...

Сейчас, в дни юбилея города, я вспоминаю многих великих сургутян. Отсюда, с пристани на Черном мысу, на пароходах уходили на фронт в 1941 году воины, мои сородичи и земляки. Здесь же в 1945 году сургутяне со слезами радости за выживших и слезами горя за погибших встречали героев, победителей-воинов, возвращавшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Здесь живут коренные сургутяне, ветераны труда и мои друзья, самый справедливый в мире народный судья Алексей Сорокин, моя аганская учительница Октябрина Павловна Антипина, легендарный мостостроитель Валентин Солохин, замечательный строитель, Герой Соцтруда Вера Панасевич, мои однокурсницы по Ханты-Мансийскому педучилищу Рита, Люба, Зоя, Люда... Здесь жили мои старшие товарищи, уже ушедшие из жизни ветераны войны Андрей Николаевич Сибирцев и чета Каневых – Екатерина Филипповна и Николай Савватеевич, журналист Иван Прокопьевич Захаров, мои незабвенные учителя Антонина Степановна Хмелева, Анна Федоровна и Виктор Прохорович Исаковы, Валерий Павлович Пластинин. В Сургуте же я познакомился с известными геологами и нефтяниками: Фарманом Салмановым, Виктором Пархомовичем, Владимиром Богдановым и многими другими.

Мои великие сургутяне, с юбилеем! Нам всем 420. И за это время мы многое и многое успели сотворить. Юбилей наш созидательный, светлый, памятный. Юбилей, согретый памятью многих и многих прекрасных людей!

*По рождению и по духу истинный сургутянин
Еремей Айтин*

УДК 94(571.12)

В.Д. Пузанов

РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1594 Г. НА ЮГ СИБИРИ И ОСНОВАНИЕ ГОРОДА ТАРЫ

Аннотация: Город Тара был основан в 1594 г. для политического контроля над территорией Сибирского царства. Руководил русской военной экспедицией воевода князь Андрей Елецкий. В XVII в. гарнизон в Таре являлся одним из крупнейших в Сибири. Большое количество служилых людей в Таре было необходимо для решения многих задач. Служилые люди защищали южные территории Западной Сибири от кочевников.

Ключевые слова: город, острог, уезд, воевода, служилые люди.

V.D. Puzanov

RUSSIAN EXPEDITION 1594 SOUTH SIBERIA AND BASE CITY TARA

Abstract: The city of Tara was founded in 1586 for the political control over the Siberian Kingdom territory. The Russian expedition was led by the military governor Prince Andrew Eletskiy. In the XVII-th century the Tara garrison was one of the largest one in Siberia. A large number of military people called «sluzhilye lyudi», concentrating in Tara, were caused by the need of many problems' solving. For example, «Sluzhilye lyudi» protected the southern territories of Western Siberia from nomads.

Key words: town, burg, district, voivode, service class people.

Тара была основана русским правительством для борьбы с Кучумом за бассейн р. Иртыш. Город и после разгрома Кучума долго был военным центром, главная задача которого состояла в борьбе с кочевниками за южные территории Сибири.

В 1594 г. из Москвы была отправлена военная экспедиция князя Андрея Елецкого на юг Сибирского царства, чтобы создать форпост русской власти в Среднем Прииртышье. В этот край после строительства Тюмени и Тобольска отступил Кучум, собирая дань с местного населения. Андрей Елецкий должен был изгнать Кучума и ногаев из южных татарских волостей и привести их под власть царя. Андрей Елецкий в 1594 г. основал город Тару на юге русских владений Сибири [3, с. 354].

Почему главой военной экспедиции, посланной для основания Тары, был назначен князь Андрей Елецкий? Андрей Васильев сын Елецкий происходил из рода князей Елецких, которые на протяжении поколений несли сторожевую службу на юге Владимирской Руси. Елец являлся одной из южных крепостей Рязанской земли, которая по своему южному положению часто видела набеги кочевников. Елецкие вели свой род от князя Ивана Козельского, принадлежали к потомкам князей Чернигова. Первые воеводы Тары А.В. Елецкий и Ф.Б. Елецкий родились в младшей ветви Елецких, которая происходила от Семена Юрьевича Елецкого [2, с. 52].

Князья Елецкие были Рюриковичи по происхождению, однако, будучи боярами рязанских князей, они после объединения Руси не вошли в боярскую элиту московской знати. Елецкие входили в Государев двор, иногда выполняли важные поручения царей, были воеводами, стряпчими, стольниками. В 1582 г. князь И.М. Селезнев-Елецкий был назначен царем воеводой большого полка войска, посланного в Казанский край. Воевода

передового полка А.Я. Измайлов оспорил это назначение, заявив, что «ему Андрею меньше князя Ивановича Елецкого быть не в местно потому что преж всего Елецкие князья служили рязанским князьям великим и бывали с прадедом его и з дедом и с иными рязанскими бояры». Однако царь не отменил этих назначений, но разрешил записать челобитье А.Я. Измайлова в разряде и после службы дать ему суд.

А.В. Елецкий начал свою службу в Твери при дворе царя Симеона Бекбулатовича. По данным боярских списков конца XVI – начала XVII вв., князь А.В. Елецкий входил в нижнюю группу Государева двора и в элиту служилых землевладельцев Боровского уезда. Князь А.В. Елецкий служил среди выборных дворян по Боровску, имея довольно крупный оклад в 500 четей [1, с. 56]. По данным разрядов, начало боевой деятельности князя А.В. Елецкого было положено в Ливонскую войну. В ноябре 1577 г. в Корелу царем был назначен новый воевода М.А. Безнин, а с ним стольники и дворяне с письменным головой князя И.А. Солнцевым-Засекиным удела царя Симеона Бекбулатовича. В том числе были головы из удела царя Симеона Бекбулатовича: из Твери князь Григорий Солнцев-Засекин и князь А.В. Елецкий [5, с. 640].

В 1588 г. князь А.В. Елецкий был послан в Новгород. Он стал известен в качестве полководца после Ливонской войны. Конец этого конфликта не стал завершением борьбы Русского государства и Литвы. На рубеже государств шли частые набеги, стычки. В 1592 г. князь А.В. Елецкий служил одним из четырех воевод Чернигова (в списке А.В. Елецкий упомянут вторым воеводой после Григория Никитина Борисова-Бороздина).

В 1592 г. по приказу царя А.В. Елецкий возглавил поход русских войск из Чернигова в район Киева. В это время литовские люди поставили острог на спорной территории между Русью и Литвой. Войско из трех полков, которым командовал воевода большого полка А.В. Елецкий, разбило литовцев и разрушило поставленные ими укрепления. Таким образом, территория осталась за Русским государством [6, с. 41]. В 1593 г. А.В. Елецкий и Ф.Б. Елецкий служили на государевой службе на юге, защищая южные укрепления от набегов кочевников. Победа над литовцами была замечена в Москве, и в 1593 г. А.В. Елецкий был назначен воеводой крупной военной экспедиции на р. Иртыш.

Позднее князь А.В. Елецкий был направлен воеводой в южные крепости Русского государства для борьбы с набегами кочевников. После службы в Сибири он служил три года воеводой в Ливнах, где упоминается под 1597 г. В 1597-1599 г. А.В. Елецкий упомянут в списке воевод украинских городов. В 1599 г. А.В. Елецкий служил воеводой вместе с И.А. Басмановым; позднее он служил в Москве. В 1600 г. А.В. Елецкий был назначен приставом к польскому послу Сапеге, в 1601 г. встретил посла Швеции. Служба князя Андрея Васильевича Елецкого способствовала усилению значения рода Елецких. По данным боярского списка 1606 г., к этому году князь Федор Андреевич Елецкий и князь Семен Андреевич Елецкий служили государю стольниками и были посланы на службу под Калугу.

Вторым воеводой Тары стал князь Федор Борисов сын Елецкий, который служил в конце XVI – начале XVII в. с князем А.В. Елецким в выборе по Боровску. Федор Борисов сын Елецкий был троюродным братом А.В. Елецкого [7, с. 167]. К 1588 г. ему был назначен оклад 350 четей. В 1588 г. он с А.В. Елецким был послан в Новгород. Возможно, он также с А.В. Елецким был послан и на Тару в 1594 г., а затем после основания города сменил здесь князя А.В. Елецкого, который прибыл на Русь. В 1595 г. князь Ф.Б. Елецкий упомянут в качестве воеводы Тары, и был он им до 1597 г. В феврале 1597 г. царь Федор Иоаннович послал в Сибирь новых воевод. Позднее князь Ф.Б. Елецкий получал назначения в украинные города, в 1598 г. был засечным воеводой у Белевской и Бобриковской засеки; в 1599 г. он служил воеводой Воронежа.

В экспедицию князя Андрея Елецкого были посланы значительные силы из Москвы, Поволжья и Сибири. По данным Книги Записной, в походе 1594 г. участвовали служилые люди городов Сибири, а также Казани, Перми и Вятки. В наказе Андрею

Елецкому предписывалось взять в экспедицию 147 московских стрельцов, 554 конных человек из Казанского края, в том числе 300 башкир и 100 казанских и свияжских татар, 100 человек литвы, черкас и казаков конных и 100 служилых татар Тобольска, 40 человек литвы, черкас и казаков конных и 50 конных татар Тюмени, а также несколько сотен ясачных татар волостей юга Сибири. Всего отряд Андрея Елецкого насчитывал 1541 человек ратных людей.

Андрей Елецкий, после основания города и утверждения русской власти в бассейне реки Иртыш, должен был отпустить обратно большинство служилых людей и сформировать первый гарнизон Тары: «в новом городе оставить людей по росписи, смотря по делу». В Москве планировали, что в Таре останутся на зиму 100 московских стрельцов, 40 тюменских литвы, черкас и конных казаков, 100 тобольской литвы, черкас, конных казаков и 50 тобольских татар. В наказе князю Андрею Елецкому предлагалось при необходимости брать дополнительные военные силы из городов Тобольск и Тюмень. В Таре тюменские служилые люди находились около года. Позднее тюменский воевода князь Григорий Долгорукий жаловался царю, что их удерживают в Таре еще к 30 мая 1595 г., что вызвало определенные проблемы в самой Тюмени: «а на Тюмени людей мало, посылать в проезжие станицы и в отъезжие караулы неково». Позднее посылки служилых людей в Тару из других городов Сибири продолжались.

После основания Тары русские военные отряды оттуда подчинили русской власти южные ясачные волости Сибирского царства, а в 1598 г. нанесли решающее поражение Кучуму, разбив его войско. По данным «Нового летописца», поход на Кучума из Тары состоялся по повелению Бориса Годунова. Русские служилые люди Тары взяли в плен 8 цариц и 3 царевича, и большую часть двора Кучума, который бежал с малым отрядом. После этого поражения Кучум уже не был серьезным соперником Русского государства в Азии.

Назначением города Тары был контроль над ясачным населением южной части Сибирского царства по среднему течению реки Иртыш. Тарский уезд был одним из крупнейших в Западной Сибири по числу ясачного населения. В 1594 г. в уезде было 955 плательщиков ясака. Таким образом, все ясачное население насчитывало более 4-х тысяч человек. Однако по ряду причин, прежде всего окраинного положения Тарского уезда, число плательщиков ясака часто менялось. К 1624 г. в Тарском уезде имелось 650 плательщиков ясака, на которых был положен оклад на 1 802 рубля.

В 1624 г. по дозору в ясак было положено дополнительно 182 человека, и общее число ясачных людей, таким образом, увеличилось до 831 человека. Однако этот дополнительный набор был проведен с большим напряжением. Наложенную сверх старых платежей сумму 470 рублей никогда не удавалось собрать полностью. В 1620 г. южные тарские волости были заняты ойратами. В 1628 г. часть ясачного населения Тарского уезда восстала и ушла к ойратам и Кучумовичам. В 1634 г. число плательщиков ясака снизилось до 657 человек. Позднее ясачное население Тарского уезда росло медленно. Только к началу XVIII в. число плательщиков ясака было восстановлено до уровня 1594 г., составив в 1707 г. 910 человек.

На рубеже XVI–XVII веков на территории Тарского уезда начинается борьба между русскими и группами ойратов за власть над южными тюркскими группами, которые ранее входили в Сибирское царство. После военного разгрома русскими Кучума в 1598 г., контролировавшего часть этих территорий, русским пришлось столкнуться здесь с ойратами. В сентябре 1606 г. ойраты тайши Урлюка заняли часть ясачных волостей Тарского уезда, захватывая промысловые места, беря в плен ясачных людей.

В 1610 г. отряд из 200 ойратов совершил набег под Тару, разграбив по пути ряд ясачных волостей. В 1615 г. ясачные татары верхних волостей Тарского уезда сообщили, что они не могут платить ясак полностью: «а как на них приходят наши изменники непослушники ойратские люди и воюют их и детей в полон емлют». К этому времени ойраты захватили часть южных промыслов и зверовий. Служилые люди Тары писали

в 1615 г., что к городу «прилегли многие орды и царевичи, собрався с ойратскими людьми и с ногаи» в 7–8-ми днях от города и нападают на город и волости. В 1618 г. на ясачные волости Тарского уезда совершил нападение царевич Ишим с ойратами, а осенью тайша Зенгул, что вызвало отправление 2-х военных экспедиций из Тары. В 1634 г. на город Тару было совершено два набега ойратов 12 сентября и 13 октября. События 1634 г. стали эпохой наиболее острой борьбы русских и ойратов за территорию Тарского уезда, после которой отношения приняли более спокойный характер.

Тара обладала серьезными укреплениями и вооружением. По данным списка Тары 1696 г., отряд князя Андрея Елецкого в 1594 г. поставил город рубленый в 1 версте от р. Иртыш, над притоком этой реки. Позднее одна стена города над рекой обвалилась, и в 1607 г. воевода князь Сила Гагарин поставил эту стену силами служилых людей. Городовой список 1627 г. отмечал наличие на Таре 11 укрепленных башен, 6 в городских стенах, из них 2 на воротах и 5 в остроге. На башнях стояли 7 пищалей. Кроме того, в городе имелся рубленый круглый раскат о восьми углах, где стояла пищаль. Г.Ф. Миллер справедливо полагал, что город Тара чаще других сибирских городов подвергался нападениям и потому «об его укреплениях больше всего заботились» [4, с. 77].

В 1673 г. воевода князь Федор Мещерский построил новую стену города с тремя башнями от реки. В 1683-1685 г. воевода Гаврила Елагин поставил три остальные стены города. В 1638 г. воевода князь Федор Бярятинский поставил на Таре новый острог, но его стены к 1656 г. обвалились. В 1656 г. воевода Иван Чаадаев поставил новый острог. В 1673 г. воевода Федор Мещерский поставил на Таре острог без башен для скорости строительства. Однако и этот острог быстро развалился. В 1680 г. острог был перестроен служилыми людьми. В 1686 г. на Таре был построен новый острог без башен. По данным списка 1696 г., с одного конца город и острог Тары были прикрыты рекой, с поля был прорыт ров на 700 метров и поставлены двойные надолбы. Однако к 1696 г. эти надолбы обвалились, а новые служилые люди не ставили «за скудостью». В целом, укрепления Тары были значительны. В 1688 г. рубленый город с башнями лежал на расстоянии 345 метров, а острог – на 1 300 метров. К 1688 г. в Таре имелось 5 церквей, 690 дворов русских людей, бухарцев, служилых татар и захребетных татар.

Экспедиция Андрея Елецкого получила для нового города 23 пищали. В Москве были даны пищаль в 4 гривенки ядро, к ней 200 ядер железных, пищаль девятипядная в 2 гривенки ядро, к ней 200 ядер железных, 10 пищалей затинных, к ним 2 000 ядер, 10 пищалей долгих, к ним 2 000 ядер. Также Андрей Елецкий должен был взять пищаль девятипядную и 200 ядер в городе Пельме, у воеводы Петра Горчакова.

В 1626 г. в городе имелось 18 пищалей, пищаль полуторная, к ней 280 ядер железных, 2 пищали девятипядные, к ним 270 ядер железных, пищаль скорострельная железная, 10 затинных пищалей. К 1647 г. в городской казне города состояло 16 пищалей, из них 1 скорострельная железная и 10 затинных, а также 107 самопалов и пищалей ручных. К 1677 г. число пищалей возросло до 19 (5 медных, 3 железных, 1 скорострельная железная, 10 затинных), в тоже время отмечалось, что ядер к затинным пищалям больше нет. К 1701 г. в городе было 17 пищалей, 5 пищалей медных, 2 пищали железных, 10 пищалей затинных.

Гарнизон Тары до 1635 г. по своей величине находился на втором месте среди городов Тобольского разряда после столицы Сибири Тобольска, а позднее, после усиления гарнизона Тюмени, отступил на третье место. Тара представляла собой военную крепость, город, где служилые люди составляли не просто большую часть населения, но долгое время были вообще единственной категорией русского населения в городе и уезде. Списки первой половины XVII в. специально отмечали, что на Таре нет посадских людей.

Литература

1. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.
2. История родов русского дворянства. М., 1991.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1937. Т. 1.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1941. Т. 2.
5. Разрядная книга 1465 – 1605. М., 1984. Т. 3, Ч. 1.
6. Разрядная книга 1465 – 1605. М., 1989. Т. 3, Ч. 3.
7. Редкие источники по истории Руси. М., 1977.

УДК 34.158(091)(571.12)

*А.Я. Коди́нцев***ТУЗЕМНОЕ ПРАВОСУДИЕ НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Аннотация: История национальной политики в России включает вопрос о формировании органов юстиции малых народов. Целесообразность и возможность создания таких органов обсуждалась два века. В отношении туземных народов Севера России возможность создания таких органов была наиболее вероятна в первой трети XX века.

Ключевые слова: туземное правосудие, туземные советы, родовые управы, комитет севера, туземный суд.

*A.Y. Kodintsev***ABORIGINAL JUSTICE AT THE TOBOLSK NORTH
IN THE FIRST QUARTER OF THE XX-TH CENTURY**

Abstract: The history of the national policy in Russia includes the questions of forming the Justice organs for the small nations. Desirability and feasibility of such bodies' establishment have been discussed for two centuries. With regard to the indigenous peoples of the Russian North the bodies' establishment was mostly possible in the first third of the XX-th century.

Key words: the aboriginal justice, indigenous councils, tribal council, North committee, native court.

Этническое судопроизводство народов Сибири до революции основывалось на Уставе М. Сперанского 1822 года. Характер работы судов у народов Тобольского Севера в начале XX века подробно описал А.А. Дунин-Горкавич. Функции судопроизводства (которые законами империи никак не регулировались) возлагались (с 1822 года) на родовые и инородческие управы. С 1901 года на основании Судебного устава для губерний и областей Сибири от 13.05.1896 года родовое управление являлось судом первой инстанции, инородческая управа судом второй инстанции. Фактически дела самоедов и остяков рассматривались не в управах, так как трудно было собрать коллегиальный суд, а на волостных съездах во время сбора ясака. Причем разбор дела происходил в простой устной форме. Остяки заявляли претензию, представляли доказательства. Виновный всегда (?) сознавался. Опрос свидетелей помогал выяснить степень вины. Старшина формально испрашивал мнение народа о «худости» совершенного дела. Старшина постановлял приговор и тут же приводил его в исполнение. За имущественные правонарушения следовала высокая материальная ответственность. Схожая система применялась у самоедов. Применение права отличалось формализмом (например, хватание ноги старосты во время исполнения наказания приводило к его отмене). Дело возбуждалось и велось частным лицом (пострадавшим). Право не было зафиксировано. Таким образом, мы видим право, характерное для эпохи *chiefdom* (вождества), когда народ имеет только простые государственные формы организации. В таком обществе управление отождествляется с судом, иногда еще к нему добавляется сбор налогов [1].

Дополнительным подтверждением нашей мысли является отношение туземцев к идее власти правосудия в годы гражданской войны. В то время инородческие управы исчезли. 20 января 1921 года состоялось объединенное собрание ненцев и ханты Обдорской волости Березовского уезда. Собрание решило восстановить инородческий суд в лице старшин (4 от самоедов, 3 от остяков). Суд располагался в Обдорске, двое судей работали в тундре. Вводились нормы ответственности за преступления, в том числе за кражу оленей. Эти нормы полностью совпадали с обычаями дореволюционного времени. Интересен факт, откуда инородцы взяли суд, которого никогда они не имели? Ответ очевиден: они отождествляли управление и суд. Такая ситуация была типичной для ранних обществ. Все народы проводили такое отождествление, в том числе русские почти до XVII века. Впрочем, суд так и не был создан, а советские туземные органы доверия у инородцев не вызывали, и судебные функции, как и в XIX веке, осуществляли семьи и роды [2].

Вместе с советской властью на север пришел Наркомат по делам национальностей. Этот орган занимался построением государственных форм у всех малых и больших народов РСФСР. В июле 1922 года конференция туземных племен Полярного Севера предложила Наркомнацу допустить местное население в состав народных судов, ввести судопроизводство на национальных языках, бороться с «внутренним» судом. Но было неясно, как это осуществлять. Неграмотные туземцы не знали норм советского законодательства и не могли бы даже расписаться. Ввести судопроизводство на национальных языках было невозможно, так как письменность у финно-угорских народов отсутствовала [3].

В феврале 1925 года ВЦИК и СНК РСФСР создают Комитет Севера при Президиуме ВЦИК. Этот орган заменил для северных туземцев ликвидированный Наркомнац. Комитет должен был, в том числе, разработать основы административного и судебного устройства малых народностей Севера применительно к их быту (ст. 2, пункт «е» Положения о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1925 год). Одновременно создают Комитеты Севера при Уральском облисполкоме и Тобольском окружисполкоме [4].

С момента создания комитетов актуализировался вопрос о введении туземных судов на Севере. Введение происходило под контролем местных прокуроров. Известно несколько аналитических записок, в которых прокурорские работники размышляли о целесообразности введения судов. Мнения колебались от нейтральных до отрицательных. Уровень коренного населения оценивался как «дикий», «некультурный». Осуждению подвергались языческие обычаи, телесные наказания, покупки и кражи женщин, кровосмешение, сорорат, огромные штрафы. Отдельные обычаи сотрудники прокуратуры не могли понять и объяснить, и они выглядели для них дикостью. Туземцам приписывались обычаи массовых изнасилований и прочие небылицы. Было понятно, что применить советское судопроизводство к туземцам было невозможно. У отдельных работников зарождались идеи о создании туземных судов, подобных северокавказским, для приучения местного населения к основам судопроизводства с последующим их переводом на советское право [5].

Наконец, 11 декабря 1925 года было принято Положение об управлении туземных племен на северных окраинах Тобольского округа. Оно зафиксировало ситуацию, существующую с 1822 года. По-прежнему сохранялись родовые собрания и управления, районные туземные съезды и советы (бывшая управа). По-прежнему родовое управление являлось судом первой инстанции по обычаям своего племени, райсовет являлся судом второй инстанции. Положение предусматривало разработку особого положения об организации судебной части [6].

5 февраля 1926 года Комитет Севера РСФСР утвердил Временное положение об организации судебной части на северных окраинах Тобольского округа. Особенность этого

положения заключалась в том, что впервые государство составило подробную процессуальную инструкцию о порядке рассмотрения судебных дел. В Положении уже говорится о туземном суде. Это не означает, что такие суды были созданы. «Туземный суд» функционировал при родовых управлениях и районных туземных советах. Туземный суд первой инстанции рассматривал дела туземцев своего родового объединения, и он не мог отказать в рассмотрении иска. В суд передавались все семейные, имущественные, наследственные дела (за исключением дел, связанных с государственным интересом или оформленных в нотариальном порядке). Все тяжкие уголовные и часть преступлений средней тяжести изымались из компетенции тузсуда. Преступления против женщин могли рассматриваться в судах по выбору потерпевшего. Приговоры по уголовным делам подлежали утверждению в суде второй инстанции. Срок для обжалования приговоров и решений суда второй инстанции не мог превышать 2-х недель.

Туземным судом второй инстанции должен был стать президиум райтузсовета. Приговоры и решения суда должны были носить окончательный характер. Любые жалобы должны были быть записаны. Тузсуд второй инстанции мог надзирать за нижестоящими судами и отменять их решения/приговоры. Основанием для отмены могло служить превышение полномочий или существенное противоречие основам советского законодательства. Также тузсуд мог рассматривать споры между родовыми объединениями.

Тузсуды не руководствовались нормами процессуальных кодексов. Запрещались мучительные наказания. Допускалось примирение сторон в любых случаях. Допускалось заочное рассмотрение дела. Положение определяло статус сторон процесса, сроки, отводы. Положение ограничивало размеры взысканий и изъятий по искам. Дела рассматривались публично.

Можно отметить, что на всех стадиях было возможно вмешательство народного суда, который получал протоколы, мог отменить решения/приговоры тузсудов. То есть советская власть пыталась встроить тузсуды в судебную систему. Предполагалось, что тузсуды, по своему статусу, должны были занимать промежуточное положение между самостоятельными старыми родовыми управами и современными народными судами [7].

Пока райтузсоветы создавались в 1925–1926 годах, судебная работа не была организована. 14 октября 1927 года вышло новое постановление ВЦИК и СНК РСФСР о выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР. Вскоре выходит инструкция по применению постановления. Постановление и инструкция в целом совпадали с временным положением 1926 года, уточняли и развивали его.

Согласно инструкции дела должен был рассматривать председатель совета и два члена. В случае невозможности собрать суд в таком составе допускалось заседание одного судьи с участием двух заседателей. Допускалось избрание постоянных и временных (на одно заседание) заседателей. К избранию в заседатели не допускались лица, лишённые избирательных прав, в том числе шаманы, торговцы, лица, осуждённые за преступления с учётом неотбытия срока. Из участия в рассмотрении дела исключались лица, материально или кровно заинтересованные. Инструкция содержала аналогичный положению 1926 года, но более подробный перечень категорий дел, которые мог рассматривать туземный суд, в том числе почти все гражданские дела и мелкие уголовные. Перечень уголовных дел, подлежащих рассмотрению тузсудом, был сокращён. В нём остались дела по оскорблению, клевете, имущественным преступлениям. Из него исчезли дела по преступлениям, направленным против здоровья и прав личности (например, кражи женщин).

При поступлении гражданского иска суд осуществлял действия, характерные для обычного советского гражданского суда, вплоть до мелочей (выяснение личности, дееспособности, объявления, отводы, совещательная комната). Назначался день слушания, вызывались участники. Допускалось представительство. Судебное заседание могло быть перенесено. Срок подачи жалобы на пересмотр решения тузсовета был увеличен до 2-х

месяцев. Также подробно в уголовном судопроизводстве регламентировалась процедура подачи заявления, прекращения дела, мировое соглашение, перенесение сроков и прочее.

Более точно определялись меры взысканий и наказаний, которые могли применять тузсуды. В их числе: лишение свободы до 6 месяцев, принудительные работы до 1 года, штраф, конфискация имущества, общественное порицание, увольнение от должности, возмещение вреда. Далее следовало перечисление мер ответственности, смягчающих или отягчающих ответственность. В отношении бедняков действовала смягченная уголовная ответственность, не применялось лишение свободы, снижался штраф. Жизненно важные для аборигена вещи (чум (юрта), одежда, орудия промысла, перевозочные средства, продовольствие) конфискации не подлежали.

Решения и приговоры подлежали исполнению в течение 2-х месяцев. Туземные советы могли потребовать немедленного исполнения решения по гражданскому делу, если были уверены, что проигравший затягивает дело. Предусматривалась процедура обеспечения иска и наложения ареста. Лицо, отказывавшееся исполнить решение тузсуда, исполняло его в принудительном порядке. Протоколы заседания туземного совета и туземного райсовета не велись. Приговор или решение тузсовета могли быть вынесены в устной форме, тузрайисполкома только в письменной. Судебные пошлины не взимались. Тузсуды ставились под контроль народных судов, которые должны были истребовать дела, инструктировать работников тузсудов.

Таким образом, характер работы тузсудов принципиально не отличался от работы народных судов, а по уголовным делам они вообще могли выносить решения только в соответствии с советским законодательством. Правовым обычаям местных народов уже почти не оставалось места. Такой суд не мог вызывать у них большого интереса [8].

Впрочем, и эта инструкция снова подверглась переработке. 24 февраля 1928 года Тобольский окрисполком принял текст дополнительной инструкции применительно к Тобольскому округу. Судебные функции возлагались на Уральский, Ямальский, Тазовский, Шурышкарский, Синский, Казымский, Сосьвинский, Нарымский, Карымский, Назымский, Балыко-Пимский, Тром-Юганский, Юганский районные туземные исполкомы и их родовые советы. 4 параграф инструкции предполагал, что применение местных обычаев допускалось, только если они не противоречили советскому законодательству. Также решался вопрос о «целесообразности» каждого обычая. Параграф 8 также ухудшал положение инородцев, так как предполагал право советских органов самим определять, какое имущество туземцев подлежит конфискации и описи. Зато более точно определялись суммы уплат при выполнении принудительных работ и размеры штрафов. При подаче устных жалоб жалобщик в подтверждение подачи жалобы ставил на специальной бирке тузРИКа свою тамгу. В 1929 году в инструкцию продолжали вносить изменения [9].

Председатель Тобольского окружного суда Наговицын предложил, и Комитет Севера с ним согласился, ввести формы судебных документов для тузсудов в ноябре 1928 года. В том числе по форме 1 предполагалось ввести книгу тузРИКа для записи приговоров и решений по делам, рассмотренным родовыми советами. По форме 2 реестр дел, рассмотренных тузРИКом по первой инстанции, включал в себя простейший протокол судебного заседания. Все отчеты родовых советов состояли только из бирок с отметкой о количестве рассмотренных дел. И далее шла инструкция с подробными разъяснениями по заполнению судебных документов. Дела в протокол должны были заноситься в краткой форме [10].

В 1927–1928 годах среди представителей национальных меньшинств идея введения родовых судов регулярно обсуждалась. По данным протоколов общих собраний, коренные жители радовались введению родовых судов. В 1927 году родовые суды приступили к работе (по сути дела, они никогда и не прекращали своей деятельности). Они рассматривали в основном семейные дела и дела по оскорблениям [11].

В конечном счете, руководство туземными судами было возложено на Тобольский окружной суд. Отдельные суды (Тазовский райсовет) начали работу во второй половине 1928 года, другие с января 1929 года, а некоторые к работе не приступили. Сразу же все пошло не так, как планировали работники Комитета Севера. Райтузсуды стали принимать и рассматривать дела по первой инстанции. Началось широкое применение мер к лишению свободы. Постановления тузсудов стали нарушаться. Суды выносили решения, подтверждающие земельные права родов и факты купли-продажи жен. Большинство судей были неграмотными [12].

В 1 полугодии 1929 года Карымский тузрайсуд (Кондино) рассмотрел всего 25 дел. В родах суды якобы не работали. Гораздо больше дел за тот же срок рассмотрел Тазовский тузсуд. Суд рассматривал дела о возмещении вреда, конфискации имущества, возврате захваченного имущества, возврате приданого, семейные дела и 28 дел о возврате калыма. Также суд рассмотрел уголовные дела по захватам, клевете, оскорблениям, кражам, побоям, поджогам, изнасилованиям. За изнасилование суд давал всего 6 месяцев принудительных работ или 11 рублей штрафа. Просматривая дела, Тобольский окрсуд добивался отмены многих из них, особенно в случае превышения компетенции или чрезмерно мягких наказаний. Также приговоры/решения тузсудов отменяли местные власти, подрывая их авторитет и унижая туземцев [13].

Работа тузсудов неоднократно обсуждалась на заседаниях советских органов власти. На заседаниях Сургутского райисполкома было подчеркнуто, что созданные тузсуды фактически не действуют. Исключение составили Верхнепимский райтузсуд и Балыкский родовой тузсуд. Но за 1,5 года они рассмотрели ничтожное число дел: первый 3, второй 5 [14]. В итоге обсуждение работы тузсудов в 1930 году резко прекращается. Стали формироваться национальные округа, туземные советы были ликвидированы, а вместе с ними исчезли и туземные суды.

Туземные суды должны были стать инструментом приучения туземцев к советскому правосудию, способом отучить их от правовых обычаев. Заодно это был бесплатный для государства судебный аппарат в пустынном крае. Неуплата судебных пошлин, сохранение элементов местных обычаев в системе гражданского права, участие коренного населения в отправлении правосудия рассматривались советским государством как средство привлечения туземцев к процедурам правосудия. Введение туземных судов не было интересно самим туземцам. Поэтому они вводились так долго и бесславно исчезли. В последующем туземцы или принимали нормы советского права, или, как часто и бывало, разбирали свои дела в семейно-родовом кругу, то есть совершенно вне правового поля.

Литература

1. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 40-41. ТФ ГАТО, ф. Р-310, оп. 1, д. 26, л. 52-53.
2. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 65.
3. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 74.
4. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 86, 88.
5. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 90-92; ТФ ГАТО, ф. Р-310, оп. 1, д. 26, л. 53-55.

6. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 97-102.
7. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 109-112.
8. ТФ ГАТО, ф. Р-310, оп.1, д. 18, л. 124-127.
9. ТФ ГАТО, ф. Р-310, оп.1, д. 21, л. 128-129.
10. ТФ ГАТО, ф. Р-310. оп.1. д. 26. л. 8-13.
11. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сб. док. Тюмень, 1994. С. 125-141.
12. ТФ ГАТО, ф. Р-310. оп. 1. д. 18. л. 156.
13. ТФ ГАТО, ф. Р-310. оп. 1. д. 26. л. 60-69.
14. АО СГА, ф. Р-1, оп. 4, д. 248.

УДК 304.444(571.122)

*Ж.Н. Труфанова***ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ НА РУБЕЖЕ ХХ-ХХІ ВЕКОВ**

Аннотация: В работе дается характеристика основных проблем взаимодействия традиционного и индустриального обществ на территории ХМАО – Югры, в районе активной нефте- и газодобычи, в процессе которой наносится непоправимый ущерб природе. Эта территория является местом проживания коренного населения ханты и манси, система жизнеобеспечения которых напрямую зависит от состояния природной среды.

Ключевые слова: коренное население, система традиционного хозяйства, ресурсодобывающие организации, проблема выживания коренных малочисленных народов Севера.

*Zh.N. Trufanova***FACTORS OF CONDITIONS' FORMATION OF THE INDIGENOUS
POPULATION'S VITAL FUNCTIONING IN KHANTY-MANSIYSK
AUTONOMOUS OKRUG AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES**

Abstract: The article is devoted to the basic problems of interaction between the traditional and industrial societies in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra, known as a region of oil and gas extraction, which leads to the irreparable damage of the natural resources. This territory is considered to be the place of living of the Khanty and Mansi indigenous peoples, whose living conditions' level directly depends on the natural environment.

Key words: the indigenous population, the system of traditional agriculture, mining organization, the problem of indigenous peoples' survival in the North.

Изучение современного состояния условий жизнедеятельности аборигенного населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры заставляет нас обратиться к истокам формирования нынешней ситуации, то есть к периоду 1990 – началу 2000 гг. Это время попыток преодолеть негативные моменты недавнего прошлого: взаимодействия и противостояния таких основополагающих для округа экономических компонентов, как система ресурсодобывающих организаций ХМАО и система традиционного хозяйствования коренного населения.

Активное освоение нефтяных и газовых ресурсов на Севере Тюменской области оказывало и оказывает значительное воздействие на природную среду этого региона. Нефтяная промышленность вызывает загрязнение поверхностных вод, угнетение ихтиофауны, загрязнение атмосферы, особенно в период освоения новых нефтяных площадей, а также в результате аварий на трассах нефтепроводов. Особую тревогу вызывает загрязнение водоемов. Сама по себе вода поверхностных водоемов Севера качественно хуже воды средней полосы страны: слабо минерализована, содержит мало кислорода, не всегда приятна на вкус, часто обладает болотным запахом и буроватым цветом.

На Тюменском севере в связи с его промышленным освоением в водоемы сбрасывается большое количество сточных вод, содержащих вредные компоненты. Известно, что 1 литр нефти способен испортить тысячи литров воды настолько сильно, что она становится непригодной для жизни живых организмов и для хозяйственного потребления. Попадая на пойму, нефтепродукты загрязняют нерестилища, что особенно опасно для рек, славящихся ценными породами рыб.

В процессе добычи и обработки нефти из нее выделяется большое количество растворенного попутного газа. Утилизируется лишь часть общего объема добываемого газа, все остальное сжигают в факелах. При этом происходят огромные потери энергетических и нефтехимических ресурсов.

Продукты горения загрязняют атмосферу. Загрязнение сравнительно невелико, т. к. попутный газ не содержит сероводорода. Тем не менее сжигание большого количества газа влияет на качественный состав воздуха в районах нефтегазодобычи. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух составили 1784,906 тыс. тонн и 2384,357 тонн в 1996 и 1997 годах, в том числе: твердые вещества – 20,370; газообразные и жидкие – 2363,370 [1, с. 204-207].

Горящие факелы оказывают значительное тепловое воздействие на окружающие леса, что заметно по погибшим деревьям непосредственно вблизи факела, частично высохшей и осыпавшейся хвое или листве на более отдаленном расстоянии.

Нефтяная промышленность является одним из главных потребителей тюменской древесины. Нефтяная и газовая промышленность оказывают большое влияние на лесные ресурсы области. При подготовке к эксплуатации нефтяного и газового месторождения проводятся работы по его обустройству. Почти все они связаны с вырубкой леса. Однако использование полученной при этом древесины ведется не всегда рационально.

Рост промышленного производства в районах проживания аборигенных народов сопровождается постепенным свертыванием традиционного хозяйства. Основными видами хозяйственной деятельности являются рыболовство, пушной промысел и сбор дикоросов [1; 8]. С рыболовством в последнее время возникают серьезные трудности, что связано, в первую очередь, с загрязнением рек и водоемов промышленными отходами. По сравнению с 1960 г. улов рыбы в водоемах снизился почти в 7 раз. Пушной промысел также находится в упадке: численность некоторых видов пушных зверей значительно сократилась, снизился спрос на пушнину. Значительно уменьшилась продуктивность охотничьих угодий. В 1990-е гг. по сравнению с 1960-ми и 1970-ми гг. она снизилась на 40-50%. Можно отметить и благоприятную тенденцию в развитии традиционного хозяйства аборигенного населения Севера: рост интереса к сбору дикоросов (ягод, грибов, орехов), чему поспособствовало повышение закупочных цен на эту продукцию. Что касается оленеводства, то тут стоит отметить, что жизнедеятельность коренных малочисленных народов теснейшим образом связана с оленем. Вследствие этого снижение поголовья оленей пагубно отразилось на хозяйстве аборигенных народов Севера в целом. По данным федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года», на 1 января 1996 г. по сравнению с 1 января 1991 года основное стадо оленей сократилось на 600 тысяч голов [6].

Подобная ситуация объясняется следующими причинами: во-первых, это вывод оленьих пастбищ из сельскохозяйственного оборота в связи с промышленным освоением региона; во-вторых, экологическое загрязнение.

Проблемы выживания коренных малочисленных народов Севера, сохранения и развития традиционного образа жизни, экономики традиционного природопользования и соответствующих форм занятости этих народов в современном мире обсуждаются международными сообществом более 50 лет. В России об этих проблемах ученые, специалисты и интеллигенция открыто заговорили лишь с 1988 года. С этого момента из года в год в официальных документах и научных публикациях обсуждаются показатели

систематического ухудшения демографического и социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера. Основные комплексы проблем можно разделить на следующие две группы:

1. Неблагоприятные социально-экономические условия жизни аборигенных народов Севера: уменьшилась рождаемость и средняя продолжительность жизни, выросла младенческая смертность и смертность от несчастных случаев, увеличилось число безработных и больных алкоголизмом, наблюдаются процессы утраты языка и традиционной культуры, распространения смешанных браков.

2. Проблемы традиционного природопользования: сокращение площадей, пригодных для развития традиционного природопользования, уменьшение числа коренных жителей Севера, занятых традиционными видами деятельности.

Интенсивное промышленное освоение районов расселения народов Севера сопровождается разбалансированием, часто деградацией экосистемы. Нарушение привычной природной среды вынуждает часть жителей национальных поселков искать другое место жительства. Часть представителей северных этносов хотела бы сменить место жительства из-за промышленного освоения территорий традиционного расселения народов Севера [1; 9].

Социально-экономические и политические преобразования должны осуществляться на основе экономических интересов коренных малочисленных народов Севера, опыта традиционных форм хозяйствования и должны быть направлены на преодоление экономического кризиса, обеспечение стабилизации и повышения качества жизни коренного населения. От того, насколько будут сохранены и развиты традиционные виды труда, зависит будущее этих народов.

В решении проблемы сохранения коренных народов Севера главную роль должны сыграть меры экономического порядка, т.е. необходимо создать национальный хозяйственный комплекс, построенный по этническому признаку. Рационально-эгоистический интерес сыграл уже свою роль в увеличении численности малых народов за счет метисов, родившихся от смешанных браков. Речь пока идет о формальной принадлежности к этносу ради получения полагающихся его представителям льгот [5; 8].

Но ситуация может резко измениться, если будет создан сильный национальный хозяйственный комплекс, построенный по этническому признаку, в котором национальная интеллигенция станет в результате своей деятельности получать не меньшие блага, чем получает в народном хозяйстве страны сегодня, покинув свой этнос.

Второй фактор, наиболее ярко характеризующий общий уровень жизни аборигенного населения, – это состояние здоровья.

Средняя продолжительность жизни коренных народов Севера меньше, чем пришлое население. Большая смертность населения из числа северных этносов, особенно молодых мужчин, происходит по причинам, связанным с алкогольным опьянением, обуславливающим несчастные случаи, отравления и травмы.

Главные причины снижения естественного прироста численности народов Севера – социальная незащищенность, безработица, падение уровня жизни, рост пьянства и алкоголизма [2, с. 29-30].

В результате многочисленных исследований северных территорий обнаружена тенденция к увеличению и распространению хронических неинфекционных заболеваний среди коренного населения. Эта тенденция объясняется изменением привычного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера: изменением характера питания, одежды, быта, а также вредными привычками и влиянием климато-антропогенных факторов окружающей среды, особенно на территориях добычи полезных ископаемых.

Общий показатель заболеваемости у ханты вдвое больше, чем у пришлое население. Заболеваемость туберкулезом среди коренных народов в среднем в 5-6 раз превышает таковую среди пришлое население. Заболеваемость хроническим алкоголизмом у ханты в 3 раза выше, чем среди пришлое жителей [2, с. 29-30].

Отсюда вытекает предположение о предрасположенности определенной части народности к заболеваемости туберкулезом и хроническим алкоголизмом. В то же самое время среди ханты практически не регистрируются случаи наркомании и токсикомании, что можно объяснить определенной замкнутостью их образа жизни и существенной изоляцией от внешнего мира.

При изучении классов болезней среди ханты по сравнению с пришлым населением отмечено явное преобладание инфекционных болезней, болезней органов пищеварения и системы кровообращения. Так, инфекционные болезни среди малых народностей регистрируются в 7-8 раз чаще, чем среди пришлого населения. Болезнями органов пищеварения ханты страдают в 5-6 раз чаще. Сердечно-сосудистые заболевания встречаются у них в 2-3 раза чаще, чем у европеоидов.

Преобладание среди ханты заболеваемости по определенным классам болезней связано с продолжающимся изменением их привычного уклада жизни, включая одежду, жилище, питание и вредные привычки, а также практически поголовной зараженностью описторхозом.

Благосостояние населения из числа коренных народов связано с использованием богатств природы. Хотя народы Севера сохранили способность обходиться немногим, выживать в любых условиях, однако всякое ухудшение привычных условий переносится с трудом. Это ведет к увеличению заболеваний, ухудшению здоровья населения.

Вследствие высокой смертности мужчин у северных этносов сложился гендерный дисбаланс. В общем количестве коренных малочисленных народов Севера автономного округа 46% составляют мужчины, 54% – женщины. В старших возрастных группах доля женщин увеличивается, достигая 73%. В национально-смешанных поселениях численность мужчин среди аборигенов также значительно ниже, чем женщин, причем диспропорции в соотношении мужчин и женщин еще резче обозначены среди представителей северных этносов, проживающих в городе [2, с. 30].

Сложность социально-демографической ситуации в национально-смешанных поселениях усугубляется еще и привлечением на Север большого контингента работников – в основном одиноких мужчин или же мужчин, оставивших свои семьи.

К тому же многие представительницы северных этносов, получившие интернатское воспитание, оказались оторванными от традиционных занятий и быта своего народа, многие из них боятся или же не хотят вести прежний, очень трудный для них образ жизни.

Вряд ли можно категорически утверждать, что межэтнические браки представляют собой угрозу существования северных этносов: численность народов Севера в результате межэтнических браков не уменьшается, а увеличивается. Среди лиц, состоящих в межэтнических браках, и среди метисов доля желающих покинуть места традиционного населения невелика.

В период 1990-2000 гг. доля хорошо владеющих своим национальным языком, как среди метисов, так и среди лиц, состоящих в межэтнических браках, была меньше, чем среди «несмешанного» населения и среди лиц, состоящих в однонациональных браках. Однако очень многие представители этнически смешанных групп хотели бы выучить родной язык своего народа. И несомненным плюсом смешанных браков можно назвать более высокий уровень образования рожденных в них детей. Соответственно, их социально-профессиональный статус становится выше, потребности в самореализации больше, кроме того, в их среде меньше безработных.

Изменения в структуре хозяйствования в условиях постоянного воздействия на него нефте- и газодобывающих компаний, особенности влияния здоровьесберегающих факторов влияют на ситуацию занятости коренного населения в различных сферах деятельности.

В начале 2000-х гг. зарегистрировано около 60 национальных общин и более 20 фермерских хозяйств. В них занято 1250 человек, в том числе 780 представителей коренного населения.

В 485 родовых угодьях, занимающихся традиционными видами деятельности, обеспечены работой около 1100 аборигенов. В других предприятиях различных форм собственности работают 7813 человек из числа коренных малочисленных народов Севера (КМНС).

В свое время Информационное агентство «Югра-Информ» со ссылкой на окружной департамент по вопросам малочисленных народов Севера сообщало, что по состоянию на 1 октября 2003 года на территории Югры проживает 29562 представителей коренных малочисленных народов Севера, что превышает подобный показатель 2002 года на 636 человек.

Трудоспособное население составляло 48,7% (14386 человек) от общего числа коренных жителей, из них обеспечены работой более 9630 человек, состоит на учете в службе занятости населения около 1000 человек, в том числе получают пособие 740, переквалифицировано 58 человек.

Проблемы занятости и безработицы в местах традиционного проживания и природопользования малочисленных народов Севера особенно обострились в последнее десятилетие.

Комплексный характер традиционного хозяйствования северных этносов обеспечивал ему надежность существования. Внедрение рыночных отношений нарушило это баланс. Часть предприятий, обеспечивавших сезонную занятость, оказавшись нерентабельными, были закрыты, что породило безработицу и падение жизненного уровня народов Севера. Внедряемая рыночная экономика, господство отношений частной собственности вошли в противоречие со всем укладом жизни северных этносов [1, с. 204].

Вследствие снижения ранее сложившегося хозяйственного комплекса снижается доля занятого населения и растет число безработных.

Наибольшая занятость характерна для лиц со средним специальным и высшим образованием. Так как квалифицированных кадров на селе не хватает и специалисты, в основном, востребованы, то среди лиц со средним специальным и высшим образованием меньше всего безработных, домохозяек и неработающих пенсионеров.

Доля неработающих среди народов Севера в 1,5 раза выше, чем среди пришлого населения (41% и 25% соответственно). Основной удельный вес в структуре неработающих представителей северных этносов составляют домохозяйки. Доля домохозяек среди пришлого населения незначительна (2%), что в 7 раз меньше, чем среди представительниц аборигенного населения [3, с. 82-83].

Доля пенсионеров среди аборигенов несколько ниже (12% и 14%), что обуславливается тем, что средняя продолжительность жизни среди коренных северных этносов меньше, чем у пришлого населения.

Показательно, что среди метисов меньше, чем среди чистокровных аборигенов, домохозяек и неработающих пенсионеров. Метисы сейчас являются более активной, деятельной частью народов Севера.

Основными сферами деятельности аборигенного населения являются промысловое хозяйство (42%), сфера просвещения и культуры (24%). Доля занятости в таких отраслях, как геологоразведка, торговля, бытовое обслуживание около 9-10%; в лесной и деревообрабатывающей промышленности, а также в органах управления и правопорядка – 5-7% [4; 7].

Десятая часть занятого коренного населения трудится у нефтяников. В основном, они работают сторожами и обходчиками. Их деятельность не является традиционной, но она предполагает близость к природе и отсутствие жесткой регламентации.

Из-за низкого уровня общей и профессиональной подготовки народы Севера являются менее конкурентоспособными по целому ряду престижных рабочих мест. В значительной части люди коренных национальностей являются разнорабочими. Мужчины-аборигены работают, как правило, или рыбаками, охотниками и оленеводами,

или разнорабочими. Традиционные профессии являются основными для населения северных этносов, и сокращение их доли в структуре занятости приводит к росту безработицы или переходу в категорию разнорабочих.

Большая часть аборигенов округа живет за чертой бедности: 2/3 коренных жителей имеют среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума [3; 4; 7]. Почти все денежные расходы аборигенов Ханты-Мансийского округа уходят на питание, которое отличается очень низкой калорийностью: средний коренной житель потребляет 1987 ккал в сутки (в соседнем Ямало-Ненецком округе этот показатель еще ниже – 1497 ккал в сутки). У аборигенов среднедушевое потребление продуктов питания, за исключением рыбы, в 1,5 и даже в 2-3 раза ниже, чем в среднем по области.

Литература

1. Вигет Э. Черный снег: нефть и восточные ханты //Очерки традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999. 216 с.
2. Гнатюк Г.А. Динамика заболеваемости коренных малочисленных народностей сургутского района // Северный регион: стратегии и перспективы развития : сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции. Сургут, 2003. Ч. 2. С. 29-30.
3. Елгина Т.А. Коренные малочисленные народы Севера: современные проблемы и перспективы развития образа жизни // Северный регион: стратегии и перспективы развития : сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции. Сургут, 2003. Ч.1. С. 82-83.
4. Куриков В.М. Российский Север: Проблемы, вопросы, решения. Краткий социально экономический очерк. СПб: Алфавит, 1996. 104 с.
5. Мархинин В.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск: Наука, 2002. 254 с.
6. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года». URL: http://www.businesspravo.ru/Dokum/DokumShow_DokumID_49206.html.
7. Харамзин Т.Г. Обские Угры: социально-экономическая ситуация на пороге третьего тысячелетия (по материалам социологических исследований). Ханты-Мансийск: ГУИПП Полиграфист, 2000. 186 с.
8. Харамзин Т.Г. Проблема сохранения и развития традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера // Северный регион: наука и социокультурная динамика : сборник тезисов и докладов Всероссийской научной конференции. Сургут: Изд-во. СурГУ, 2002. 250 с.
9. Экология Ханты-Мансийского автономного округа / Под ред. В.В. Плотникова. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 288 с.

УДК 338.124.4(571.122)

*Н.Л. Антонова, М.И. Лисицына***ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА МОНОГОРОДА НА ПРИМЕРЕ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА**

Аннотация: На протяжении многих лет Югра занимает лидирующие позиции по экспорту нефти и газа. В статье рассматривается кризис 1998, 2008 годов и объемы их добычи, а также цены на нефть в эти периоды. Главной проблемой для округа является то, что такой ресурс, как нефть, является иссякаемым, тогда как практически все города ХМАО существуют и функционируют только за счет «черного золота». В статье поднимается проблема зависимости моногорода от процессов глобализации экономики.

Ключевые слова: моногород, экономический кризис, нефтедобывающая отрасль.

*N.L. Antonova, M.I. Lisitsyna***THE CRISIS IMPACT ON MONOCITY AT THE EXAMPLE
OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS REGION**

Abstract: For many years Ugra has been taking the leading position in the field of oil and gas export. The article considers the crisis of 1998, 2008 and the volumes of extraction, but also the oil prices in such periods. The main problem for the region is the fact that such resource as oil is being run out but almost all the cities of KhMAO are existing and operating only at the expense of «black gold». The article raises the problem of the monocities' dependence upon globalization processes in the economy.

Key words: monocity, economic crisis, the oil-extracting industry.

На сегодняшний день не существует четкого определения понятия «моногород». В России значение этого термина схоже с такими понятиями, как «город-завод», «градообразующее предприятие».

Чаще всего под моногородом понимается населенный пункт, где 25% и более жителей работает на одном предприятии или не менее 50% производящейся продукции относится к одной отрасли. В России таких городов насчитывается около четырехсот. Обычно они преобладают в местности, где более развит какой-либо природный ресурс.

Наиболее ярким примером моногородов являются города Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Этот субъект Российской Федерации славится своими значительными ресурсами нефти и газа. Югра дает 51% добычи российской нефти и почти 7% мировой добычи. Накопленная добыча югорской нефти составила 73 млрд баррелей. Для сравнения, вся накопленная мировая добыча нефти по состоянию на 2011 год составила чуть более 1450 миллиардов баррелей [3].

На примере данного субъекта можно пронаблюдать, с какой большой скоростью идет развитие моногородов благодаря такому природному ресурсу, как нефть. В 2013 году средняя заработная плата в ХМАО составила 49715,7 руб. (практически наравне со столицей России, где эта цифра составляет 53953,2 руб.) (табл. 1).

Таблица 1

**Субъекты Российской Федерации
с самыми высокими средними заработными платами**

Субъекты Российской Федерации	Средняя зарплата населения в 2013 г. в целом по экономике по кварталам
Российская Федерация	27339,4
г. Москва	53953,2
г. Санкт-Петербург	34104,4
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	49715,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	64642,9
Магаданская область	52796,5
Сахалинская область	45792,3
Чукотский автономный округ	65034,8

(Источник: информационный канал Subscribe)

Как видно из предложенной таблицы, ХМАО входит в пятерку регионов Российской Федерации с самыми высокими средними заработными платами. Но следует отметить и отрицательную черту моногородов: это их подверженность процессам глобализации экономики.

Проследим вариации объемов добычи нефти в Югре в периоды кризиса (1998 г. и 2008-2010 гг.).

Экономический кризис 1998 года в России был одним из самых тяжелых в истории нашего государства. Основными причинами экономического кризиса были: огромный государственный долг России, порожденный обвалом азиатских экономик, кризис ликвидности, низкие мировые цены на сырье, составлявшее основу экспорта России, и, прежде всего, популистская экономическая политика государства, а также строительство пирамиды ГКО (государственных краткосрочных облигаций). Внешним проявлением экономического кризиса стал технический дефолт, объявленный Правительством РФ 17 августа 1998 года [5].

На мировом нефтяном рынке в данный период отмечается ценовой кризис. Россия реализует баррель нефти всего за 11,9 долларов (табл. 2).

Таблица 2

Мировые цены на нефть в 1998-1999 гг., доллар/баррель

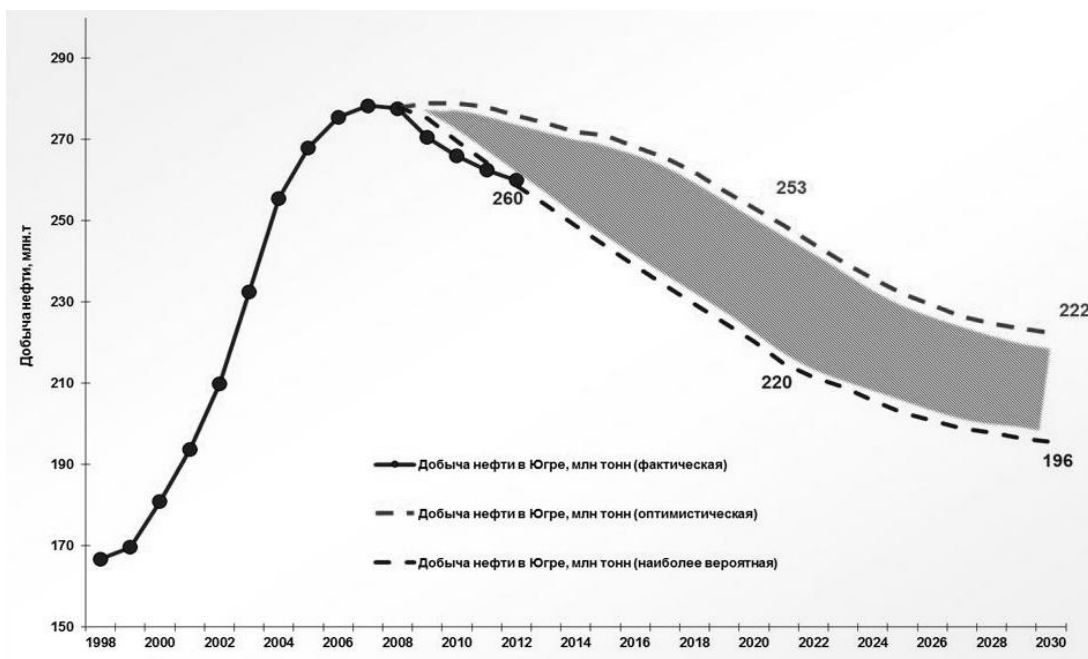
Год	1998	1999					
		январь	февраль	март	апрель	май	июнь
Средняя мировая цена нефти	11,9	10,6	9,9	11,9	14,9	15,3	15,4
Цена нефти Brent, Великобритания	12,8	11,2	10,3	12,5	15,3	15	15,8
Цена нефти Urals, Россия	11,9	10,9	9,4	11,7	14,2	13,8	14,9

(Источник: информационно-аналитический портал «Нефть России»)

В 1998 году среднегодовой экспорт нефти из России составлял 3,58 млн. баррелей в сутки.

Доля экспорта в производстве нефти в России в 1998 году составила 45,3%, примерно половина ее была добыта в Югре.

Объем добытой нефти на 1998 год составлял 165 млн тонн (рис. 1). Это самый низкий показатель за следующие десять лет, но, несмотря на снижения объемов добычи нефти, ХМАО удерживает свои позиции как один из главных нефтедобывающих субъектов страны.

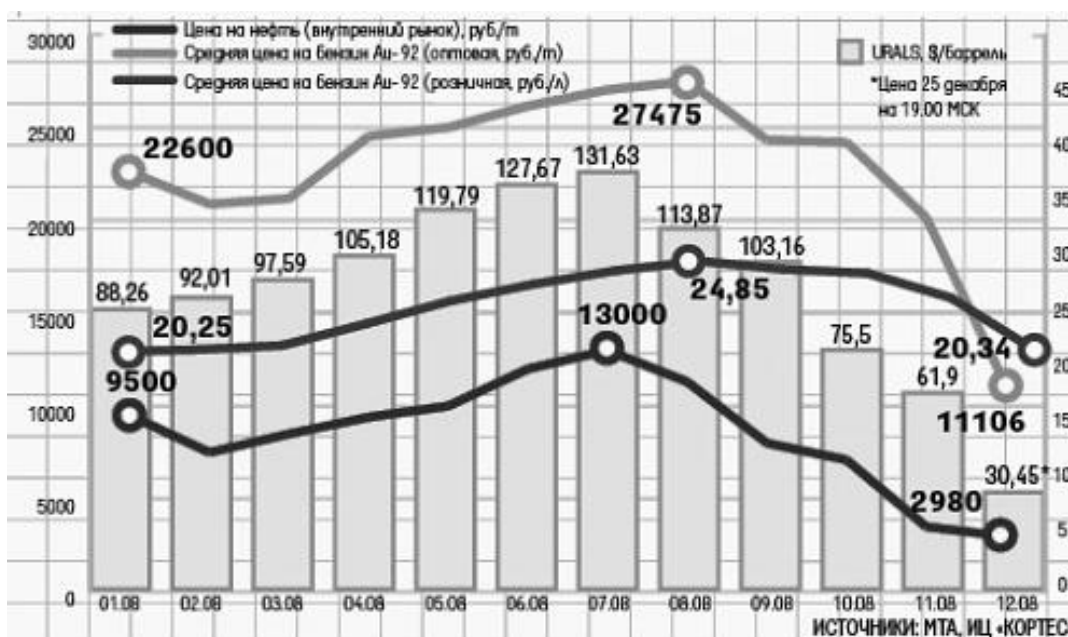

Рис. 1. Объем добычи нефти в Югре
 (Источник: исследование автономного учреждения ХМАО – Югры «Научно-аналитический центр рационального недропользования им. В.И. Шпильмана»).

Кризис не оказал на добычу нефти в ХМАО особого отрицательного воздействия. Данный факт связан с ростом эффективности экспорта, а, как известно, большая часть нефти в России и, в частности, в Югре добывается именно на экспорт.

Мировой финансовый кризис (2008-2010 гг.) ударил по экономике многих стран мира, что, безусловно, отразилось на их дальнейшем развитии и усилении роли государства в регулировании экономических и финансовых процессов внутри каждой страны.

Положение дел в нефтяной отрасли, в первую очередь, определяется ценами на мировом рынке, динамика которых непредсказуема. Известно, что в середине 2008 г. она достигла спекулятивного пика в 131,63 доллар/баррель, а к концу года рухнула до 30,45 доллар/баррель, или в 4,3 раза (рис. 2).

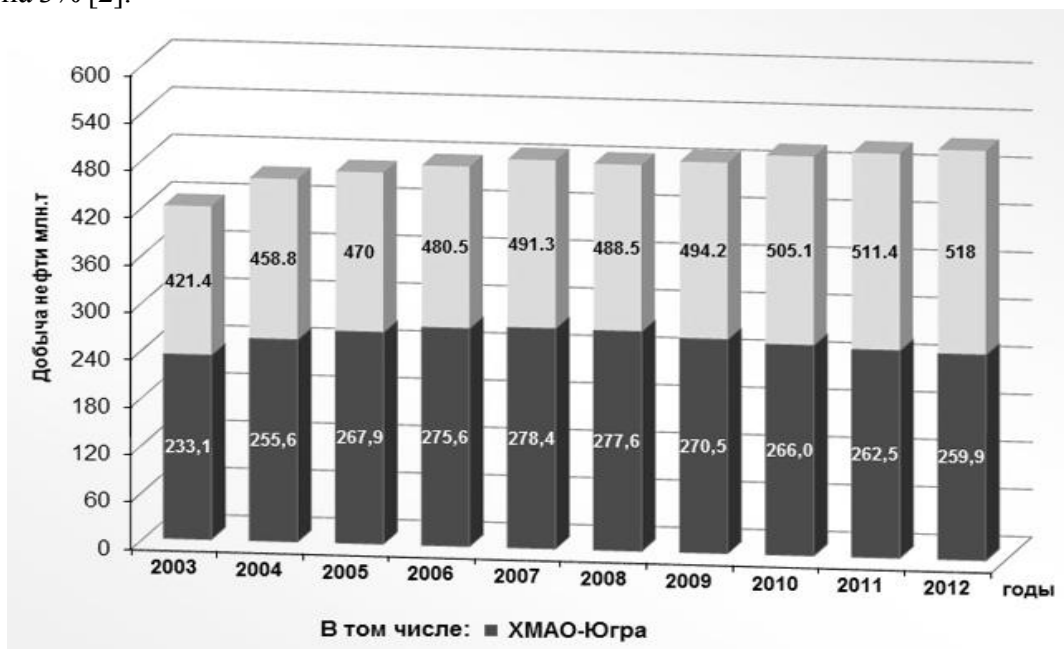
Рис. 2. Цены на нефть и бензин в 2008 году

Из-за резкого изменения конъюнктуры мирового рынка нефти, выразившего в значительном снижении цены на нефть в конце 2008 года, произошло уменьшение инвестиционной привлекательности нефтедобычи и, как следствие, сокращение работ по освоению участков недр.

Низкие цены на нефть на мировом и российском рынках в 2009-2010 гг. вызвали ряд стратегически значимых отрицательных явлений, а именно:

- серьезное снижение объемов эксплуатационного бурения на разбуриваемых месторождениях;
- отказ от освоения новых месторождений, ранее планировавшихся компаниями к вводу;
- сокращение объемов капитального строительства и эксплуатационных затрат на добычу.

Как сообщил «РусБизнесНьюс» директор департамента по нефти, газу и минеральным ресурсам Югры Вениамин Панов, проблемы, вызванные финансово-экономическим кризисом, нарастали с сентября 2008 года по февраль 2009 года. За этот период объем эксплуатационного бурения в автономном округе снизился на 33%, среднесуточная добыча нефти на 3% [2].

Рис. 3. Соотношение добычи нефти в России и ХМАО
 (Источник: исследование автономного учреждения ХМАО – Югры
 «Научно-аналитический центр рационального недропользования им. В.И. Шпилемана»)

Судя по графику (рис. 3), на момент кризиса 2008 года количество добываемой нефти в ХМАО составило 277,6 млн. т, но после этого наблюдается заметное снижение объемов нефти. И на 2012 год эта цифра была практически на одном уровне с 2004 годом. Причем, следует отметить, что в целом добыча нефти по стране испытывает спад именно в 2008 году, а затем тенденция активного роста добываемой нефти сменилась постепенным нарастанием объемов добычи. В какой-то степени этот результат вполне закономерен. Понизились цены на нефть на мировом рынке, и, как следствие, уменьшились объемы добываемой нефти в ХМАО.

В качестве подтверждения стабилизации нефтедобычи власти Югры называют, в частности, ввод в разработку в I полугодии 2009 года семи новых месторождений. Однако между вводом месторождения в эксплуатацию и его выходом на проектный уровень добычи существует довольно большой промежуток времени – до 10 лет.

В качестве положительных тенденций можно отметить рост объемов эксплуатационного бурения по округу с 3,3 млн метров в 1998 году до 10,9 млн метров в 2009 году и ввод новых скважин. Это способствовало росту добычи нефти до 2007 года и предотвратило обвальное падение добычи в 2008-2009 годах. Отрадно, что, несмотря на кризисные явления в мировой и российской экономике, компании в 2009 году не только не снизили объемы эксплуатационного бурения, но и нарастили их [1].

Сохраняется высокая динамика роста инвестиций в развитие нефтедобычи. В 2008 г. нефтяные компании затратили рекордные 285 млрд руб. Но в 2009-2010 годах в связи с мировым кризисом заметно замедление темпов роста капитальных вложений в нефтедобычу.

Согласно стратегии развития самого большого моногорода ХМАО – Югры Сургута нефтегазовый сектор является приоритетным направлением деятельности. Планируется создание технопарка, который будет являться инновационно-технической опорой для развития и расширения нефтяного кластера. Также важной частью данной стратегии является взаимодействие технопарка с Сургутским государственным университетом. Для университета мотивация при взаимодействии с технопарком может заключаться, во-первых, в расширении возможностей коммерциализации научных исследований и разработок и, во-вторых, в развитии практической и научной составляющей образовательного процесса [4].

Но вместе с тем планируется и развитие несырьевого сектора экономики города. Больше внимание к 2020 году будет уделяться сектору торговли и ремонта, производству и распределению электрической энергии, а также распределению газа и воды. То есть администрация Сургута уже на данный момент в своей стратегии развития обозначает добычу нефти как приоритетное направление, но не главенствующее. Данный акцент экономики на секторе, не привязанном к добыче нефти, должен положительно сказаться на развитии города.

Закономерно отметить, что на примере ХМАО – Югры наблюдается большая чувствительность моногородов к процессам глобализации, происходящим в мировой экономике и экономике нашей страны. И данный факт касается абсолютно любой отрасли (руда, драгоценные металлы, лесозаготовительная промышленность и т. д.). В момент кризиса, как правило, падают цены на определенное сырье, и, соответственно, падает объем добычи этого ресурса.

В начале 2014 года мы наблюдаем новую волну кризисных явлений. Политическая напряженная ситуация на Украине резко отражается на курсе доллара и евро к рублю (табл. 3).

Таблица 3

Курс доллара и евро к рублю за январь, февраль, март 2014 года

Дата	1 USD к 1 RUR	1 EUR к 1 RUR
01.01.2014	32.6588	45.0559
10.01.2014	33.1547	45.0672
15.01.2014	33.3562	45.4878
21.01.2014	33.6429	45.5424
30.01.2014	34.5633	47.2238
01.02.2014	35.18	47.6408
11.02.2014	34.7636	47.3758
20.02.2014	35.5857	48.973
28.02.2014	36.0501	49.3454
03.03.2014	36.1847	49.5839

(Источник: информационный портал cbrf.magazininfo.ru)

Согласно данной таблице доллар за 2 месяца возрос на 3,42 руб., а евро на 4,48 руб. «Скачок» курса валюты говорит о том, что рубль обесценивается.

В цене за баррель нефти наблюдаются значительные колебания (табл. 4). Минимальная цена за баррель в период с января по начало марта 2014 года составляет 105,11 USD, а максимум – 112,31 USD, т. е. разница между максимумом и минимумом цены за баррель нефти 7,2 USD, что по курсу валюты на 5 марта 2014 года составляет 261,50976 руб, но в сравнении с концом 2013 года резких изменений в цене не отмечается.

Таблица 4

Нефть (Brent) - USD/Тройская унция. Архив торгов

Дата	Максимум	Минимум
01.01.2014	111,01	110,91
10.01.2014	107,31	107,31
15.01.2014	106,71	105,11
21.01.2014	108,01	106,30
30.01.2014	108,31	107,70
01.02.2014	106,71	105,51
11.02.2014	109,21	108,30
20.02.2014	110,41	109,70
28.02.2014	108,91	108,91
03.03.2014	112,31	110,70

(Источник: Информационный портал finanz.ru)

В первом квартале 2014 года можно констатировать тот факт, что резкое повышение курса евро и доллара по отношению к рублю значительно не отражается на цене за баррель нефти. В связи с этим можно прогнозировать то, что таких обвалов цен на нефть, как в 1998 и 2008 годах, быть не должно.

Но это не значит, что проблема ХМАО как нефтегазодобывающего субъекта перестает быть актуальной. Не следует забывать, что любой природный ресурс иссякает и прогнозы добычи любого ресурса могут варьироваться от одного до нескольких десятков лет. На примере города Сургута становится ясно, что органы власти уделяют значительное внимание нефтяной отрасли, но все же в стратегии развития большее внимание уделяется другим секторам экономики.

Проблема моногородов – довольно распространенное явление не только в России, в истории встречаются примеры так называемых «городов-фениксов», которые быстро завоевывают определенные позиции в отрасли, но в связи с различными явлениями в экономике также быстро угасают. Конечно, это вовсе не значит, что нужно прекращать осваивать тот ресурс, который благотворно влияет на моногород. Необходимо инвестировать средства в деятельность, которая будет смежна с данной отраслью и которая во времена кризисов может оказаться отличным «подспорьем».

Литература

1. Динамика добычи нефти с 2003 по 2013 гг. по России и ХМАО – Югре [Электронный ресурс] : www.crru.ru 2013. URL: <http://www.crru.ru/dobicha.html>.
2. Кобер П. Рост нефтедобычи в Югре закончен навсегда : РИА РусБизнесНьюс. 2013. URL : <http://www.rusbiznews.ru/news/n481.html> (дата обращения 28.02.2014).

3. Нефть Югры – стабильность России : admhmao.ru, 2013. URL: <http://www.oil2012.admhmao.ru> (дата обращения 22.02.2014).

4. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Городской округ город Сургут» www.csr-nw.ru, 2013. URL : http://www.csr-nw.ru/upload/file_category_585.pdf (дата обращения 03.03.2014).

5. Экономический кризис: причины и аналитика : maultalk.info, 2013. URL: http://maultalk.info/prichiny_krizisa/iz_istorii_krizisa/finansovyj-krizis-1998-goda-prichiny-vyход-posledstviya.html (дата обращения 21.02.2014).

УДК 352.93(571.122Сургут)

О.Э. Балалаева

ОБЩИННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СУРГУТСКОМ РАЙОНЕ И ОБЩИНА «ЯУН-ЯХ»

Аннотация: В 1990-х годах в Ханты-Мансийском автономном округе начался процесс создания нового социально-политического и экономического института – общин коренных малочисленных народов Западной Сибири. Статья посвящена национальной общине юганских ханты «Яун-Ях», одной из первых общин восточных ханты. История ее создания рассматривается в общественно-политическом контексте общинного движения в Сургутском районе.

Ключевые слова: ханты, община, родовое угодье, традиционная культура.

О.Е. Balalaeva

THE COMMUNITY ASSOCIATION MOVEMENT IN SURGUT REGION AND THE «YAOUN-YAKH» COMMUNITY ASSOCIATION

Abstract: The process of establishing the new social, political and economic institutions – the national community associations of the native minority peoples of Western Siberia began in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in 1990. This article is devoted to the national community association «Yaoun-Yahk» – one of the first community associations among Eastern Khanty. The history of its establishment is analyzed under the social-political context of the community association movement of Surgut Region.

Key words: Khanty, community association, kinship territory, traditional culture.

Юганские ханты с древних времен населяют бассейн реки Б. Юган (южный приток Оби). Это автохтонная реликтовая культура, сохраняющая до сих пор язык (сургутский диалект восточных ханты) и самобытный характер.

Община «Яун-Ях» объединяет более 400 юганских ханты, которые живут большими семьями на землях исконного проживания и ведут традиционный образ жизни. Большинство членов общины занимается традиционными видами деятельности, не истощающими природную среду: охотой, рыболовством и собирательством. Коренные жители Югана являются хранителями не только уникального способа хозяйствования и типа культуры, но и таежного ландшафта, сохраняющегося благодаря этому острову северной цивилизации. Тем не менее, несмотря на традиционный характер юганской культуры, адаптированной к таежной природной среде, община сумела интегрироваться в рыночную экономику второй половины 90-х годов двадцатого века и не рассыпаться под давлением административного пресса непоследовательной власти, не имеющей внятной национальной политики, и меняющихся правил игры в законодательной и экономической сферах. Экономические стратегии развития общины позволили создать комплексную модель хозяйства, объединившую общину с ее природно-ресурсной базой и коммерческое предприятие «Кантык-Ях» с сетью магазинов, построенную на принципах классической фактории. Стратегии развития «Яун-Ях»

включают также концепцию культуры, которая основана на принципе сохранения культурного наследия, цементирующего этническую общность. Много лет община вела борьбу за сохранение своей земли с ее природными богатствами – основой устойчивого традиционного природопользования. За этими усилиями стоит не только инстинкт выживания, присущий здоровому организму, но и осознанное стремление самим писать свою культурную историю и контролировать свое будущее.

Создание общины «Яун-Ях» – это часть истории возникновения общинного движения в Ханты-Мансийском округе. Еще в 1990 г. избранные в Совет народных депутатов ХМАО депутаты от Сургутского района Р. Ермакова, А. Песикова-Сопочина, И. Кечимов, Ю. Кельмин и Е. Молотко обсуждали правовые механизмы защиты земель исконного проживания коренного населения, поскольку уже тогда становилось понятно, что концепция зон традиционного землепользования не может обеспечить контроль коренного населения над землями исконного проживания. Промышленное освоение Приобья, особенно к северу от Оби, превратило эти территории в крохотные островки традиционной жизни. Концепция общины возникла, с одной стороны, из сложного комплекса проблем, связанных с дроблением семейных угодий на более мелкие участки, соответствующие потребностям новых семей, с другой стороны, эта идея отражала исторический тип традиционного землевладения обских угров, при котором большие семьи совместно владели общими территориями [6].

После двух лет работы над этими проблемами в феврале 1992 года делегаты, представляющие коренные малочисленные народы Севера ХМАО в Совете народных депутатов, успешно провели два закона, позволяющие формировать семейно-родовые общины. Разрешалось, во-первых, учреждать общину-корпорацию, которая могла делать различные инвестиции, и общину-коллектив, которая могла заниматься самостоятельно традиционными видами деятельности. В законах было также прописано, что часть средств от соглашений общины с добывающими предприятиями могла направляться на экономическое развитие всей общины. Принятие этих двух законов привело в движение процесс определения границ родовых угодий и выдачи государственных земельных актов, подтверждающих права землепользования семей, которые проживали на этих землях [2].

На местах стали создаваться рабочие комиссии, или координационные советы, которые работали над организацией общин. Председателем юганской комиссии стал В.С. Когончин. Полтора года, с 1992 по 1993 гг., комиссия провела в разъездах, посещая каждое хантыйское стойбище, выверяя списки всех членов семей и определяя границы охотничьих угодий. Техническую работу, связанную с картографированием охотничьих территорий, совместно с членами общины выполняло небольшое коммерческое предприятие «Румб», учрежденное районной администрацией, специалисты которого прежде занимались геологической разведкой. Поскольку традиционные границы между родовыми угодьями – часть традиционного природопользования народа ханты, они были хорошо известны каждому члену юганского сообщества и работа по определению границ проходила практически без конфликтов. Когда районная администрация в некоторых случаях ради упрощения спрямляла границы, пренебрегая этнографической аккуратностью, юганские ханты продолжали соблюдать те границы, которые существовали в их памяти, а не на бумаге [3].

Общинное движение вначале встревожило некоренное население, которое опасалось, что привычные места охоты и рыбалки будут изъяты из общего пользования. Однако подготовленные карты родовых охотничьих угодий Угутского района наглядно демонстрировали, что интересы жителей с. Угут никак не пострадали. Правда, в других местах Сургутского района не обошлось без конфликтов [6].

В этот отрезок времени некоторые семьи получили карты своих охотничьих участков и акты на землю, подтверждающие право пользования. Следует заметить, что не все коренные жители тогда понимали суть этих документов, что, в свою очередь, вызывало целый ряд спорных ситуаций. Во-первых, многие думали, что акты не просто подтверждают

их право на ограниченное пользование землей (поверхностью), а являются документами о собственности. Во-вторых, выдача этих актов была прекращена без предупреждения губенатором ХМАО в 1994 году. Хотя процесс выдачи имел положительную динамику, но в результате образовалось большое количество маленьких общин, состоящих зачастую из одной-двух больших семей. Эти малоразмерные общины начали спорить из-за земли. Некоторые из них хотели формировать свои сельсоветы, другие рассчитывали на прямую административную поддержку. Особенно остро необходимость в более крупных устойчивых формированиях стала ощущаться после 1993 года [6].

После известных событий с Белым домом в октябре 1993 года президент Б. Ельцин серией указов отменил структуры советской власти, то есть Советы всех уровней. Они были заменены реструктурированной исполнительной властью. Это означало, что назначаемый губернатор ХМАО назначал главу района, а тот, в свою очередь, сельскую администрацию. Что касается законодательной власти, то сформировалась окружная (еще не региональная) Дума. В 1994 г. только один представитель коренного населения с северной стороны Оби стал думским депутатом. «Реструктуризация» привела к тому, что представительство коренных народов Севера в исполнительной и законодательной власти в округе сузилось. Политическая активность представителей коренного населения пошла на спад.

В с. Угут координационный совет, который должен был заниматься учреждением национальных общин, прекратил свою деятельность. Членам совета к тому времени стало ясно, что маленькие общины, конкурирующие друг с другом за государственную поддержку, выживать по отдельности не в состоянии. В существующих условиях они склонялись к созданию крупной ассоциации (национальной общины), которая объединила бы возможно большее число таежных семей, семейно-родовых общин с охотничьими угодьями. Закон 1992 года о семейно-родовых общинах устанавливал такое положение вещей, при котором только общины, владеющие государственными актами на землю, могли создавать более крупные объединения. На Б. Югане только одиннадцать семей получили такие акты, т. е. обладателей документов на землю оказался значительно меньше, чем отмеченных на официальных картах семейных охотничьих угодий и идентифицированных семейно-родовых общин. Впрочем, это вскоре перестало иметь какое-либо значение, поскольку Сургутская районная администрация быстро перестала выдавать новые акты, а административный указ губернатора А.В. Филипенко 1994 года аннулировал уже выданные акты.

На протяжении 90-х годов процесс организации общин в Сургутском районе шел трудно, с бесконечными проволочками. В районе создавались три большие общины: община «Яун-Ях» на Б. Югане (председатель В.С. Когончин), община «Ханто» на Тромъегане (председатель И.А. Сопочин) и община на Лямине, которую создавал П.Т. Молданов. Общим для всех трех проектов общинных Уставов, отправленных на регистрацию, была идея, что община – это орган самоуправления, который самостоятельно распоряжается своей территорией и получает доходы от использования ее природных ресурсов. Эта идея одновременно подталкивала исторически разобщенное и разбросанное по тайге коренное население к объединению и являлась камнем преткновения в процессе общинного строительства. Дело в том, что нефтедобывающие компании, работающие в районе, которые калькулировали астрономические доходы с той же самой земли, и местная администрация, получающая свою часть от этих доходов в форме щедрого финансирования районных программ, пополняющая бюджет от продажи лицензий этим самым компаниям, были не готовы к серьезным и честным переговорам и партнерским отношениям с коренным населением. Нефтяные компании, в случае успешного роста общин, были бы вынуждены вести переговоры о выделении земельных участков для нефтедобычи и строительства инфраструктуры уже не с отдельными семьями, всегда остро нуждающимися в денежной наличности, бензине, запчастях и т. д., а с группой представителей целой общины, уже не говоря о совершенно различных масштабах компенсации [6].

Тем не менее работа над созданием и легализацией национальных общин не прекращалась, поскольку организаторы и вдохновители этой процесса понимали, что эти структуры являются, по сути, единственной надеждой на локальный контроль над родовыми территориями и, следовательно, своим будущим. После первых выборов в только что сформированную Сургутскую районную Думу из девяти делегатов четверо были прямыми ставленниками нефтяного лобби. Регистрация общин превратилась в такой острый политический вопрос, что нефтяные компании попытались форсировать процесс. В марте 1995 года в Сургуте нефтяники организовали публичный протест и пикетировали здание районной администрации. Они настаивали на том, что регистрация названных выше общин (в тот период абсолютно законное право коренных жителей согласно федеральному и окружному законодательству) положит конец нефтяному бизнесу в Западной Сибири. Вскоре после этого губернатор А.В. Филипенко «отменил» государственные акты на родовые угодья, мотивируя это тем, что федеральные власти сочли, что эти документы не имеют достаточного правового обоснования, вообще составлены неверно. От общин потребовали перерегистрироваться. Опираясь на новую политику губернатора, тогдашний глава Сургутского района А.В. Сарычев издал указ, по которому те коренные жители, которые переехали добровольно или были переселены из юрт в деревни, теряли право на приоритетное пользование охотничьими угодьями, где они все еще продолжали охотиться и рыбачить. Поскольку для большинства этих переселенцев охота и рыбалка оставались единственным источником дохода и способом прокормить семью, то указ вызвал такую бурю протеста, что администрация даже не стала пытаться его применять. Об указе просто забыли.

После нескольких лет жесткого обструкционизма на волне широкой общественной дискуссии, развернувшейся в 1996 году, посвященной новому федеральному закону о статусе малочисленных народов, процесс регистрации общин был возобновлен.

Для России середина 90-х годов была временем тяжелого экономического кризиса, который привел к дефолту 1998 г. Для хантыйских общин сургутского района это было время расставания с надеждами. Государственные структуры Советского времени, которые субсидировали традиционную экономику, покупая оленья мясо, пушнину, ягоды, орехи, растительное лекарственное сырье и другую лесную продукцию, развалились. Новые структуры, возникшие в результате сращения старой советской бюрократии и новых «баронов» капитализма, не имели склонности к строительству и поддержке новых социально-экономических институтов коренного населения, однако, окошко для мелкого и среднего предпринимательства все-таки было открыто. Таков был социально-экономический контекст, в котором стали появляться первые национальные общины. Отстраненные, в основном, от участия в органах местной власти, т. е. от процесса принятия решений, на региональном и районном уровнях, разочарованные в федеральной власти, к которой продолжали привычно взывать и которая их игнорировала, сургутские ханты стали связывать свои надежды с национальными общинами, единственной юридической формой организации, с помощью которой они надеялись удержать контроль над своей землей и традиционным образом жизни. Основным императивом организации хантыйских общин становится экономическое развитие. Общинные руководители отдавали себе отчет в том, что именно экономическое давление заставляет хантыские семьи подписывать экономические соглашения [3]. К маю 1997 года юганская община «Яун-Ях» и тромьеганская «Ханто» закончили официальную регистрацию. В 2014 году, почти восемнадцать лет спустя, община «Яун-Ях» насчитывала уже почти сорок хантыйских семей.

На Б. Югане оленеводство никогда не было доминирующей частью традиционной экономики. К концу 80-х годов несколько домашних оленей, которые еще оставались в хозяйстве, пали жертвой браконьеров или были пущены на мясо своими владельцами. Когда государственные предприятия, занимающиеся рыбой, прекратили свое

существование, с ними исчезли и все технологии обработки и сохранения рыбной продукции в промышленных масштабах. Хотя рыболовный промысел продолжал быть основным продовольственным ресурсом в традиционном хозяйстве, коммерческой ценности он не представлял. Монетарная экономика в здешних краях в начале 90-х годов основывалась на пушном промысле (соболь, белка, лиса), лесной ягоде и кедровом орехе. Однако старые государственные структуры, такие как Зверпромхоз, были все менее эффективны в контексте нестабильной рыночной экономики, не могли приспособиться к переменам. Экономический потенциал национальных общин оказался невостребованным.

В 1996 году в Угутском районе было образовано несколько хантыйских общин. Пятнадцать семей изначально составили национальную общину «Яун-Ях», которая сумела пройти сквозь все бюрократические препоны и неразбериху первоначального периода официальной регистрации. В утвержденном на сходе Уставе «Яун-Ях» было сказано, что усилия общины, человеческие и материальные ресурсы будут направляться на выполнение программы по экономическому развитию общины для поддержки традиционного образа жизни. В.С. Когончин, один из идеологов и организаторов общинного процесса в Сургутском районе, у которого был к тому же немалый опыт работы в сельском совете, стал первым и бессменным председателем общины «Яун-Ях».

Председатель «Яун-Ях» – по первой профессии специалист-охотовед, репутация которого сложилось еще в советское время. Авторитет его, коренного жителя Югана, основывался на опыте, компетентности и личной рабочей этике. Помимо личностных характеристик, определяющих естественного лидера, за главой общины стояли авторитет и репутация рода, в котором первенство и личная ответственность были нерасторжимы. Дед Когончина, местная легенда, еще подростком был выделен за ум и способности образованным и успешным юганским предпринимателем Н.П. Тетюцким, получил с помощью него образование и после работал на него. После революции 1917 года он по-прежнему пользовался таким доверием у соплеменников, что новая советская власть на Югане считалась с его авторитетом и прислушивалась к его мнению в административно-хозяйственных решениях.

Анализируя роль преемственности и традиционных ценностей в формировании новой социально-экономической структуры, необходимо сказать, что среди основателей общины «Яун-Ях» был и другой харизматичный человек, П.В. Курломкин, который в иерархии традиционного сообщества был, несомненно, моральным авторитетом. Авторитет его был основан на репутации одного из лучших охотников на Югане и последнего носителя холистического мировоззрения и традиционного знания. П.В. Курломкин, жизнь которого целиком уместилась в советский период истории обских угров, сумел перенять традиционное знание у старейшин своего поколения и в течение тридцати лет был причастен к тому, что Б. Юган находился в поле напряжения традиции, в которой таежный ландшафт юганской земли был маркирован устным преданием, обладал культурным измерением и духовной глубиной. Он был, возможно, последним традиционным исполнителем сакральных песен медвежьей церемонии юганского культурного ареала. Поддержка П.В. Курломкина, старейшины и хранителя культурных ценностей, способствовала согласию между юганскими семьями, входившими в общину, исторически разобщенными и очень индивидуализированными.

Формированию экономической стратегии общины помог рабочий опыт председателя, который многие годы работал в Зверпромхозе: в постсоветский период, когда Зверпромхоз превратился в Промыслово-охотничье хозяйство (ПОХ), он работал там некоторое время управляющим. С трудностями экономического характера «Яун-Ях» столкнулась с первых дней, поскольку в общине не было первоначального капитала, чтобы арендовать помещения, склады и транспорт, привлечь специалистов и технических работников. Деньги, полученные от нефтяных компаний в возмещение ущерба, нанесенного при освоении лесных угодий, по условиям стандартного экономического соглашения, должны были

передаваться непосредственно семьям, которые жили на этих угодьях. Использование даже небольшой части этих средств на нужды всей общины было запрещено. Отсутствие материальной помощи извне означало, что средства на эти нужды нужно зарабатывать самим, продавая продукцию традиционной лесной экономики. До этого времени община «Яун-Ях» и ОАО «ПОХ» делали это сообща. «ПОХ» нанимал на работу охотников, мужчин и женщин, это позволяло людям получать все причитающиеся им по трудовому законодательству социальные пособия и выплаты. В обмен на продукцию традиционного хозяйства (пушнину, ягоды и орехи) таежные жители получали необходимые магазинные товары. Доходы от продажи всей массы продуктов получал «ПОХ», который выплачивал работникам заработную плату и обеспечивал транспортные перевозки.

После того как «ПОХ» прекратил свое существование, община учредила новую хозяйственную структуру «Кантык-Ях», которая взяла на себя обязательства старой организации. На практике это означало, что община берет на себя не только хозяйственные, но отчасти и социальные проблемы, включая, например, работу с документами членов общины, от военных билетов до охотничьих лицензий. Это участок работы, в основном, одного человека – Л.Л. Когончиной, вынесшей опыт управленческой работы из угутских советских органов самоуправления и защищавшей права коренных меньшинств. Интересно отметить, что советские органы самоуправления, такие как сельские советы, сформировали в 80-х годах группу политически активных людей, в особенности из коренных жителей, которые оказались способны возглавить общественные движения пореформенных 90-х, и именно их усилиями Ханты-Мансийский округ того периода оказался впереди всей остальной Сибири в области законодательства по коренным малочисленным народам Севера. С одной стороны, такое положение вещей делает общину до некоторой степени независимой от бюрократического аппарата районных уровней (разгружает этот аппарат), повышает уровень общинного самоуправления, но, с другой стороны, в условиях нехватки подготовленных людей и средств социальное обслуживание членов общины является проблемным сектором.

К функциям Общества с ограниченной ответственностью «Кантык-Ях» относилась реализация продукции традиционных промыслов и управление сетью магазинов на реках Югане, Тромъегане и в г. Сургуте, номенклатура товаров которых определяется, в основном, в соответствии с нуждами и запросами коренного населения. У общины образовался небольшой транспортный парк (грузовик, миниавтобус, катер и пр.), появилось оборудование, позволяющее обрабатывать и сохранять таежные продукты, что повысило общинную конкурентоспособность среди городских тяжеловесов бизнеса. В условиях смешаной экономики постсоветского периода интуитивная вначале идея объединения принципов работы советского «ПОХа» и досоветской фактории оправдала себя. Модель фактории, которую развивает община «Яун-Ях», вот уже второе десятилетие функционирует в постсоветских реалиях. Построена модель следующим образом: для всех членов общины открыт индивидуальный кредит в ОАО «Кантык-Ях» под экономические соглашения и продукцию традиционных промыслов. В рамках созданной системы кредитования члены общины совершают почти все покупки: от продуктов питания до крупных промышленных товаров: строительных материалов, снегоходов, электрогенераторов и т. п., которые доставляются им речным транспортом, принадлежащим общине, по Югану. За последние пятнадцать лет существенно изменилась структура потребления общинников. Надо сказать, что сургутские ханты оказались пленниками технического прогресса еще в середине 60-х годов. Лодочные моторы, катера, снегоходы, увеличив скорость передвижения, прикрепили ханты к земле более эффективно, чем крепостное право. Постоянные заботы, связанные с эксплуатацией этих машин (покупка запчастей, доставка, бензин), значительно сузили географию путешествий коренных жителей. Общероссийский консьюмеризм проникает и в сознание общинников, тем более уязвимых теперь, поскольку возросший уровень доходов и система кредитования

открывают возможности, казавшиеся прежде недоступными. Поколения 60-х и 80-х годов постоянно сталкиваются с проблемой планирования семейных бюджетов, требующей в этом комплексном хозяйстве инвентаризации всех ресурсов. В этой ситуации скрываются риски, как для отдельных семей, так и для всей общины в целом. Экономические соглашения, которые заключаются с индивидуальными семьями, усиливают социальное расслоение. Отсутствие некоторых фамилий в региональном реестре территорий традиционного природопользования создает неравенство даже внутри больших сложносоставных родовых семей. Община помогает своим членам заключать грамотные экономические соглашения и следит за тем, чтобы их права не ущемлялись, но описанные выше условия – «минное поле» потенциальных конфликтов. Тем не менее сложившаяся модель хозяйствования, в которую включены все члены «Яун-Ях», до сих пор обеспечивает общине социально-экономическую стабильность.

Относительная, как всякая стабильность, она все же создает определенное пространство, в котором участники процесса могут осмыслить свое место в культурной истории угорского Приобья. Культурно-антропологическое исследование свидетельствует о том, что концепция сохранения культурного наследия овладевает умами носителей культуры в результате культурного кризиса вместе с осознанием, что произошло основательное вымывание культурных традиций. Фрагментизация и размывание традиционной культуры вместе с кризисом традиционного мировоззрения затронули Б. Юган несколько позднее, чем другие анклав восточных ханты, из-за изолированности и труднодоступности территории [4].

Сейчас деструктивный процесс разъедает и тело юганской культуры, и противостоять ему могут только коллективные усилия носителей культуры, осознающих, что культура в опасности. Уход из жизни П.В. Курломкина (1936-2013), последнего знатока медвежьей церемонии и исполнителя сакральных песен, для общины «Яун-Ях» и для всей юганской культурной общности был равнозначен утрате александрийской библиотеки для античного мира. Эти утраты были осознаны и транслированы в конкретные шаги по поддержке еще живых традиций. Община принимает участие в международном проекте ЮНЕСКО по созданию локальных медиа-центров, позволяющих местным сообществам самим определять культурные приоритеты, излагать свое видение истории с использованием новых медиа-технологий. «Яун-Ях» создала свой медиацентр и цифровой фольклорно-исторический архив, инвестировав в этот проект собственные человеческие и материальные ресурсы. Вокруг медиацентра сплотилась группа активистов-общинников (Е. Кинямин и Г. Кинямина, Т. Кельмина и Ю. Кельмин, А. Каюков), поддержанных председателем общины, которая осуществляет программу сохранения культурного наследия юганских ханты, разработанную на первом этапе реализации проекта этой группой вместе с автором статьи. Активисты центра, в распоряжении которых оказалась компьютерная техника и видеокамера, овладели современными методами документирования и архивизации устных традиций. В результате был создан уникальный электронный фольклорный архив, основу которого составляют фольклорные записи, семейные фотографии и генеалогия трех поколений юганских ханты. Устные рассказы и комментарии к фотографиям представителей старшего поколения составили летопись истории юганских ханты в XX веке, рассказанной в первый раз от первого лица. В 2012 году группа, сложившаяся вокруг центра, инициировала проведение Медвежьей церемонии (Пупи-Корт). Поскольку последняя церемония проводилась на Б. Югане в 1995 г. (мастер церемонии П.В. Курломкин), то подготовка события потребовала объединенных усилий не только непосредственных организаторов и интересантов, но и руководителей общины. Автор, который присутствовал как на подготовительных стадиях этой уникальной работы, так и на самом событии в юртах Киняминных, свидетельствует, что произошла ревитализация почти утраченного ритуала, в который было вовлечено не только население киняминских юрт, но и другие юганские

семьи. Огромная значимость этого события заключалась не только в самой реактуализации центрального ритуального комплекса, затрагивающего глубинные религиозные пласты угорского космоса, но и в том, что за проведением церемонии стояла мотивация преодоления культурного кризиса, восстановление не фасада культуры, а его ядра. Модернизационный элемент, без которого традиция не может развиваться, присутствовал в том, что участники церемонии сами документировали происходящее с помощью видеокамер для фольклорного депозитария общины, чтобы обеспечить сохранность и передачу этих материалов своим детям. Гостем церемонии был официальный представитель московского отделения организации ЮНЕСКО д-р Мариус Лукошюнас.

Поддержка бытующих традиций принимала разнообразные формы: от спорадических закупок у мастеров предметов бытового назначения, но безусловной эстетической ценности до участия в международной фольклорной ярмарке в США. Община мобилизовала ресурсы для поддержки материальных традиций – изготовления бытовых и декоративных предметов из бересты, кожи, корня и дерева. Импульсом также послужила перспектива участия общины в крупнейшей ежегодной международной фольклорной ярмарке в г. Санта-Фе (штат Нью-Мексико, США). В результате этой акции оказались практически возвращены к жизни почти исчезнувшие уникальные традиции изготовления корневатиков и меховых женских сумок для рукоделья. В рамках реализации проекта ЮНЕСКО был создан веб-сайт «Яун-Ях». Дизайн веб-сайта, по условиям проекта, был сделан специалистами ЮНЕСКО, однако контент сложился в результате обсуждения членами общины и активистами медицентра [7].

Для того чтобы автохтонная культура смогла выжить, ей необходимо сохранять большое количество носителей и значительную территорию. Это аксиома культурной антропологии. Отдельная страница истории юганской общины – борьба за сохранение бассейна Б. Югана от промышленного развития, которая длилась больше двадцати лет. В этом процессе наглядно проявились взаимоотношения между национальной общиной, властными структурами и промышленными компаниями. Еще в 1987 г. на ежегодном охотничьем слете В.С. Когончин предложил обратиться в Верховный Совет с предложением объявить Юган «зоной приоритетного природопользования». Предложение было поддержано всем коренным населением Сургутского района. С помощью Еремея Даниловича Айпина идея «зеленой зоны» была доведена до правительства Ельцина, но так и осталась на бумаге. В 1989 г. на Югане был создан Совет старейшин. Поскольку речь шла о новом политическом институте, то был разработан Устав Совета, который не прошел регистрацию в районной администрации. Совет состоял из пяти выборных членов, а председателем стал В.С. Когончин. Совет старейшин принял решение определить «зону проживания хантов» на юганской территории, подготовить карту и отправить в правительство предложение о создании зоны специального природопользования. Предложение достигло Тюменской областной администрации, которая не одобрила предложенный режим специального природопользования. Депутаты-представители коренного населения окружного Совета народных депутатов также внесли предложение о легальном статусе Совета старейшин, который должен был стать главным органом управления национальных общин, но это предложение так и не стало законом [6].

Новые стратегии по сохранению территорий исконного проживания коренного населения были мотивированы ельцинским декретом «О неотложных мерах» 1992 г. и законами ХМАО о родовых угодьях. В рамках новой стратегии в 1994-95 гг. появился проект создания биосферного резервата на Большом Югане. Проект был совместной инициативой общины юганских ханты, научного коллектива Юганского федерального заповедника и международной группы ученых, в числе которых был и автор данной публикации. Идея состояла в том, что биосферный резерват, состоящий из нуклеарной зоны заповедника и буферных зон, включающих большую часть промысловых угодий коренных жителей, позволит создать режим оптимального благоприятствования для сохранения природной среды и биологических ресурсов в сочетании с устойчивым

развитием традиционного хозяйства юганских ханты. Предполагалось, что созданная этноэкологическая территория даст возможность национальной общине, участвующей в процессе принятия решений по развитию своих территорий, укреплять самоуправление. Проект получил поддержку в Государственном Комитете по делам Севера РФ (больше не существует), но после почти десятилетней борьбы легальными методами, путем переговоров со всеми заинтересованными сторонами (с 1994 по 2004 гг.), которую вела община и ее председатель Когончин, был заблокирован в Ханты-Мансийске. Нефтяное освоение юганской территории было отодвинуто на десять лет. И хотя усилия общины и В.С. Когончина в результате только отсрочили, но не смогли остановить каток освоения северных земель, опыт «Яун-Ях» продемонстрировал возможности большой национальной общины: выделять из своей среды талантливых лидеров, сохранять земельную базу, привлекать юридические и научные ресурсы и спланировать своих союзников [1].

Община «Яун-Ях» существует почти восемнадцать лет. У нее за это время накопился груз проблем, порождающих центробежное движение, есть критики, но есть и устойчивая структура, есть собственная гравитация и сторонники, убежденные, что само существование «Яун-Ях» доказывает жизнеспособность модели. Вот эта сложная мощная динамика с достижениями и противоречиями и создает потенциал развития огромного социально-экономического и культурного феномена общины «Яун-Ях».

Литература

1. Балалаева О., Уигет Э. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских ханты) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 118. Институт этнологии и антропологии РАН, М., 1998.
2. Кряжков В.А. Статус малочисленных народов России: правовые акты и документы. М.: Юридическая литература, 1994.
3. Wiget A., Balalaeva O. National Communities, Native Land Tenure and Self-Determination Among the Eastern Khanty // Polar Geography 21:10-32. 1997.
4. Wiget A., Balalaeva O. Culture, Commodity and Community: Khanty-Mansiisk Okrug Law on Protecting Native Folklore./ Properties of Culture - Culture as Property: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Ed. by Erich Kasten. Berlin, 2004. P. 129-158.
5. Wiget A., Balalaeva O. To Save the Yugan: The Saga of the Khanty Cultural Conservation Program / In Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from the Circumpolar Nations. Ed. by I.Krupnik et al. Washington D.C. National Park Service and Smithsonian Arctic Studies Center, 2004. P. 131-154.
6. Wiget A., Balalaeva O. Khanty People of the Taiga. Surviving the 20th Century. University of Alaska Press, Fairbanks, 2011.
7. Веб-сайт общины «Яун-Ях»: www.yaoun-yakh.ru

УДК 371.84:39(=511.143)

*Л.П. Стаканова***ЗНАЧИМОСТЬ «ВЗРОСЛЫХ» ДЕТЕЙ
В СИСТЕМЕ ЖИЗНИ МАНЬ УСКВЕ**

Аннотация: На территории Югры в Березовском районе в 1994 году в мансийской деревне Ясунт родилось детское этническое стойбище *Мань Ускве* с целью организации особого пространства, необходимого для укрепления этнического самосознания и самореализации каждого ребенка в современном мире. Именно его берегают «взрослые» дети *Мань Ускве*, которые умеют удерживать одновременно прошлое, настоящее, будущее и силу прошлого времени переносить в будущее.

Ключевые слова: Мань Ускве, система, «взрослые» дети.

*L.P. Stakanova***IMPORTANCE OF «ADULT» CHILDREN
IN THE LIFE SISTEM OF MAN' USKVE**

Abstract: In 1994 the child's ethnic camp *Man' Uskve* was created in the territory of the Mansi village of Yasunt, Berezovsky region, Ugra with the purpose of special space organization which is necessary for strengthening the ethnic self-consciousness and self-actualization of every child in the modern world. Just this essence is preserved by "adult" children of *Man' Uskve*, which can keep the past, the present and the future at once and transfer the strength of the past time into the future.

Key words: Man' Uskve, system, «adult» children.

На территории Югры в Березовском районе, где проживает основная часть народа манси, почти двадцать лет назад (в 1994 году) в мансийской деревне Ясунт родилось детское этническое стойбище *Мань Ускве*. Идея организации детского стойбища и рождения уникальной системы нестандартной формы передачи культурного наследия принадлежит известным политикам и ученым Югры: Татьяне Гоголевой, Татьяне Молдановой, Светлане Поповой и Александру Пермякову. За двадцать лет работы стойбища приняли участие в его жизни более двух тысяч детей, основная часть которых – югорчане, жители Березовского, Кондинского, Нижневартовского, Белоярского, Сургутского, Ханты-Мансийского районов, а также представители Тюмени, Тобольска, Новосибирска, Перми, Томска, Ямала. Неоднократно в стойбище приезжали гости из республик России (Удмуртии, Эвенкии, Коми) и из разных стран мира (Германии, Чехии, Венгрии, Канады, Эстонии, Финляндии, Голландии, Франции, США).

Как и любая система, стойбище постоянно находится в поступательном движении: от проживания в простых палатках до понимания неотрадиционной архитектуры северных народов; от обычных тематических смен (мастеровых, фольклорных, языковых, музыкальных, исторических, кочующих) до организационно-деятельностных игр (организатор и руководитель Ольга Кравченко), международных обменов, хорошо подготовленных горных экспедиций, Летних Школ Коммуникации, участия в медвежьих игрищах, создания авангардных проектов «Время поющих стрел», «Анеквамханса».

Система жизни стойбища, видоизменяясь, в то же время сохраняет свою сущность как организация особого культурно-образовательного пространства, необходимого для укрепления этнического самосознания и самореализации каждого ребенка в современном мире. Именно эту суть берегают «взрослые» дети *Мань Ускве*. Термин «взрослые» дети родился в *Мань Ускве* относительно тех ребят, которые связаны цепочкой жизненных задач: ребенок – помощник воспитателя – воспитатель – руководитель смены, проекта. Взрослые дети *Мань Ускве* – настоящие пассионарные личности, их немало, но, учитывая небольшой объем статьи, я расскажу только о тех, кто на сегодняшний день преобразует мир для блага любимого стойбища.

Евгения Вьюткина (Анямова), заместитель директора по учебно-воспитательной работе МБОУ ДОД ДЭКОЦ «*Лылынг союм*» в г. Ханты-Мансийске. Образование высшее, ЮГУ (эколог-природопользователь), заочно обучается в Академии народного хозяйства при Президенте РФ (управление инновационными проектами), г. Москва.

На стойбище с 1994 года, с самой первой смены, с семи лет. Еще в детстве она писала в сочинениях: «...Я считаю, что в стойбище надо проводить каждое лето. С каждым годом, приезжая в Ясунт, я убеждаюсь, что надо учить свою культуру, и чувствую себя настоящей манси. Мне нравится ходить в традиционной одежде и говорить на родном языке. Только здесь у меня появляется чувство мансийских корней. Когда я танцую, мне кажется, что какая-то сила во мне просыпается...». Женечка сразу отличалась своим жизненным равновесием, разумностью и целеустремленностью. Уже в 13 лет в Казыме, на Парламенте Мировых Народов, она продумала проект «Школа ремесел», который последовательно стала внедрять в жизнь. И, будучи воспитателем, Женя с удивительным постоянством занималась с детьми традиционными женскими ремеслами: бисероплетением, шитьем кукол. В 2007 году Женя разработала и внедрила авторскую образовательную программу по декоративно-прикладному искусству «Узоры бисерной реки», которая существенно обновила содержание образовательного процесса центра «Лылынг союм». На стойбище ее детский проект «Школа ремесел» оформился в многоступенчатый проект «Анеквамханса» («Бабушкин узор»). В настоящее время, благодаря кропотливой работе Женечки на стойбище, девочки и девушки уже успешно овладели технологией изготовления традиционного мансийского платка. Каждая из них имеет личный платок собственного производства. А с июля 2013 года воспитанницы впервые приступили к раскрою и изготовлению собственного традиционного мансийского платья. Чтобы продолжить начатое дело, в связи с изменившимися условиями получения грантов по летнему отдыху детей, в январе 2012 года Женя создала общину «*Эрунса*».

Елена Фризоргер, помощник депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Т.С. Гоголевой, администратор проектов «Лильпи салы колтагыл» («Новый оленный дом»), «Лыжной Андрея», «Шешкинские чтения». После окончания Югорского государственного университета (факультет информатики и прикладной математики) начала трудовую деятельность в Театре обско-угорских народов «Солнце». Елена, как и Евгения Вьюткина, – одна из инициаторов создания фольклорного коллектива «*Эргыт-йиквыт пувлынг махмыт*» («В песнях-танцах купающиеся люди») в городе Ханты-Мансийске.

На стойбище Лена со дня основания. Отличительная черта ее характера – высокая самоорганизация. Еще в далекие времена, когда только зарождался проект «Время поющих стрел», тогда он назывался «Битва за мансийскую красавицу», Лену выбирали мансийской красавицей за необыкновенное обаяние: множество ее портретов до сих пор хранится на стойбище. Лена уже тогда с большой гордостью щеголяла в столетнем мансийском платье своей прабабушки. В 2013 году она вновь была титулована мансийской красавицей, но на этот раз ее выбирали по качеству шва собственного традиционного платка. Как сказала председатель комиссии, народный мастер России Мария Сергеевна Мерова: «Шов незаметный, как будто его и нет». Уже на правах сотрудника стойбища Лена активно и достойно представляет *Мань Ускве* на международном уровне. Так в 2009 году, в рамках официального проекта декады ООН «Образование во имя устойчивого

развития», Лена как представитель народа манси в течение полугода участвовала в проекте «Международная традиционная деревня» в Германии; в 2012 году в Венгрии, на Всемирном Конгрессе финно-угорских народов, презентовала проект «Стойбище *Мань Ускве*». Она великолепно владеет немецким языком и является администратором от *Мань Ускве* Международного проекта по обмену молодежи совместно с немецкой организацией ЯНУН. В 2013 году Лена была руководителем смены «Время поющих стрел», особенной смены, где требуются яркие организаторские способности и деловые качества современного руководителя.

Анна Ларионова (Немдазина), специалист общего отдела администрации сельского поселения Саранпауль.

Свое появление на стойбище Аня вспоминает так: «Это было в 1994 году. Мы с семьей приехали с покоса, посмотрели на поле, а там множество палаток. Потом к нам домой пришла Татьяна Степановна, о чем-то разговаривала с мамой, затем взяла меня за руку и повела к палаткам. Мне было девять лет. Когда мы пришли в столовую, там проходил урок, вела его Татьяна Александровна Молданова. Сначала было все непонятно, но через два дня я привыкла, познакомилась с девчонками и мальчишками. От *Мань Ускве* я получила то, что не дадут в школе, т. е. умение жить самостоятельно, узнала обычаи и традиции манси, почувствовала себя настоящей манси. Мне очень понравилось знакомиться с приезжими людьми, узнавать их культуру и рассказывать про свою культуру. *Мань Ускве* для меня Дом». Аня всегда мечтала быть журналистом и стремилась к этой цели. В 1999 году стажировалась в информационном центре в р. п. Березово у О.А. Кравченко, ее проекты всегда были связаны с творческим письмом. Аней написано большое количество замечательных статей про жизнь *Мань Ускве* в различных средствах массовой информации. Окончила Югорский государственный университет, факультет журналистики. В 2013 году Аня на стойбище реализовала проект «Творческая смена», который осуществлялся впервые. Идея этой смены пришла самим «взрослым» детям. Основная цель смены – раскрытие и реализация творческих способностей участников. По результатам смены был поставлен удивительный спектакль из реальных историй детства самих детей. Каждый ребенок научился танцевать мансийский танец: девочки – женский, мальчики – мужской. С большим удовольствием они демонстрировали общий модный современный танец. Ребята освоили основы фотографирования, научились самостоятельно создавать панорамные фотографии, как результат была создана мультимедийная панорама стойбища «Виртуальный тур по *Мань Ускве*». Ежедневно выпускались новостные видеоматериалы, рассказывающие о жизни на стойбище. Была создана аллея арт-объектов из природного материала на территории стойбища. Аня творчески подходила даже к режимным моментам на стойбище.

Наталья Вьюткина – медсестра МБУЗ «Саранпаульская участковая больница», окончила Ханты-Мансийское медицинское училище. Заочно обучается на втором курсе Тюменской государственной медицинской академии, на высшем медсестринском отделении.

На стойбище с 1997 года. В 12 лет Наташа написала: «На стойбище *Мань Ускве* мне понравились вечера. Мне понравилось, когда мы ходили в лес и сидели возле костра, и пели песни. Я каждый год сюда приезжаю, мне нравится спать в чуме, потому что, когда я засыпаю, я вижу небо. Еще мне понравился день самоуправления. Мне понравился семинар, на котором присутствовало много разных людей. И еще я хочу, чтобы все дети и воспитатели ходили в мансийской одежде всегда. Я люблю это стойбище *Мань Ускве*». Наташу с детства отличает великое спокойствие и умение гармонично выстраивать мир. Если вставал вопрос о том, кто из детей придет помогать перед началом смены или кого поставить ответственным за Красный чум, Наташа оказывалась первой. И, когда *Мань Ускве* отправлялось в кочующие смены, будь то стойбище-на-Тюйтъяхе (Юрий Вэлла), или мансийские курсы в деревню Ломбовож, или в соседнее детское стойбище «Чуанели», Наташа, как «крепкий» ребенок и надежный помощник, всегда была с нами.

Уже много лет Наталья осуществляет медицинский патронат над стойбищем, работая летом медицинской сестрой. Благодаря ее настойчивости и стремлению к качественному обслуживанию детей, на стойбище приобретены медицинская палатка и медицинское оборудование.

Денис Комков окончил Институт бизнеса и права, генеральный директор компании «DeLenGroup», г. Санкт-Петербург.

Денис на стойбище с семи лет, с 1997 года. Все жители *Мань Ускве* любят слушать знаменитую легенду о том, как Денис появился в Ясунте. В 11 лет Денис пишет в сочинении: «Я приезжаю в Мань Ускве, потому что все, про что нам рассказывают, здесь оживает, становится реальностью, мы как бы ушли на много лет назад и кажется, что духи охраняют нас. Здесь я первый раз увидел выступление масок, было смешно, хотя ничего не понимал. Теперь умею и люблю участвовать в тулыглапах. Люблю сидеть у костра, смотреть на него и заряжаться энергией. Меня завораживают звуки сангквылтапа. Жора нас учит мужским танцам. Когда проходит зима и наступает лето, я сразу спрашиваю, а когда первая смена?». В 2002 году на организационно-деятельностной игре «Здравостроительство и здоровый образ жизни», в 13 лет, Денис доказал руководителям стойбища необходимость изменения нескольких режимных правил проживания, что и было сразу сделано. Своим безупречным стилем жизни Денис прививает детям много замечательных и в то же время простых правил жизни: любовь к родным корням, любовь к хорошей музыке, любовь к спорту, любовь к знаниям. Неоднократно Денис избирался вождем племени в ролевой игре «Время поющих стрел». Денис – единственный из «взрослых» детей, который ни разу не пропустил лето в *Мань Ускве*. Он умудрился приехать в отпуск на смену, даже проходя службу в армии. И только в этом году Денис не смог приехать на стойбище. Но он написал письмо: «Пася Олэн, Мань Ускве! Хочу попросить прощения у всех вас за то, что не смог в этом году приехать. Для тех, кто не знает, кто я, обязательно попросите рассказать Л.П. о том, когда я был маленький, история так и начинается, очень весело и поднимает настроение. Отвлекся от темы письма, ну так вот, хочу вам всем пожелать силы и мудрости в предстоящей битве, помните, что главное не победа, главное – ценность вынесенного вами из этой «игры», то, что вы поймете для себя. В прошлом году я многое понял и осознал, это позволило мне вступить на новый путь в моей жизни. Храните то, что дает вам силу, чувствуйте всем телом, принимайте решения сердцем и не забывайте про душу, это сильные составляющие каждого из вас, без которых никуда!»

Максим Анямов, актер Театра обско-угорских народов «Солнце», г. Ханты-Мансийск. Закончил Ханты-Мансийский технологический педагогический колледж, музыкальное отделение.

На стойбище с самых ранних лет, потому что родители Максима родом из самой деревни Ясунт. В 12 лет уже побывал на медвежьем празднике: «Я был на настоящих медвежьих игрищах в Хулимсунте, там участвовал в тулыглапах, в стойбище тоже участвовал и еще на сцене. Тяжелее выступать в клубе, там не свой народ, никого не знаешь. На медвежьих игрищах легче: там все по-настоящему. Если не знаешь языка, то участвуешь только в немых сценках. Я был «теленком», меня накрывали платком. Душу совсем не чувствуешь, она тоже играет и летает. Каждый должен сам обязательно изготавливать маску, иначе будешь не в своей тарелке». С детства Максим был самым активным учеником мансийской воскресной школы, мы проводили ее зимой по воскресеньям в Саранпауле. В 13 лет в личной здравостроительной программе определил для себя на год несколько важных задач: развивать и тренировать свой ум, научиться играть в шахматы, собрать двадцать традиционных игр и ежедневно учить по одному стихотворению. Легко обучает детей (инструменты, сценическое искусство, пение), дает возможность ребенку сделать больше, чем он ожидает от себя. На международной стойбищенской смене в 2010 году Максим совместно с немецким другом Вилли

осуществил проект «Мост через Майна» – уникальный в переплетении языков и культур видеоклип, песня о дружбе на русском и немецком языках в сопровождении мансийских инструментов. Неугомонность творческой натуры Максима не позволяет ему останавливаться на достигнутом. Максим открывает для себя новые уголки мира, новых людей, новые грани искусства и новые формы общения, а затем все переносит в плоскость стойбища. В этом году Максим на профессиональной студии записал две личные песни.

Валерий Сайнахов – студент Гуманитарного института Югорского государственного университета, второй курс, кафедра педагогики и психологии, специальность «Социальная работа».

Сложно сказать, когда Валера пришел в *Мань Ускве*. Родители жили в Ясунте, и каждое лето с детства днем Валера был на покосе, а вечером бежал на стойбище. И, когда уже окончательно стал полноправным жителем стойбища, Валера, благодаря своей взрослой осознанности жизни, сразу же включился в работу и буквально года через три стал помощником воспитателя. По воспоминаниям Валеры: «Стойбище научило меня уважать других людей и осознать свою ценность в этом мире». Редкий талант у Валеры – он рассматривает жизнь как процесс осмысленного личностного выбора, поэтому всегда предлагает детям научить их многому: от театрального искусства до основ традиционного хозяйствования. Валера внимателен и тактичен, справедлив, терпелив и требователен, в первую очередь к себе. После общения с Валерой ребенок считается практически подготовленным, он уже знает, как себя вести на стойбище, в чуме, как обращаться с огнем. На стойбище особое внимание уделяется изучению фольклора и народных традиций, поэтому в 2012 году, на медвежьем празднике манси в Свердловской области Валера ничем не отличался от взрослых мансийских мужчин: ни в исполнении традиционных мужских танцев, ни в игре на национальном инструменте сангквылтапе, ни в драматических представлениях тулыглапах.

По необходимости в 2013 году Валера работал заместителем руководителя стойбища по хозяйственной части. Такого надежного и ответственного завхоза у нас еще не было!

Игорь Моисеенко – заместитель директора МБОУ ДОД «Березовская детская школа искусств», р. п. Березово. Окончил Государственную полярную академию в г. Санкт-Петербурге.

Игорь пришел на стойбище учеником восьмого класса. Он умеет взаимодействовать с разными людьми и всегда открыт для новых идей. Обладая огромным организационно-управленческим потенциалом, сразу же активно включился в проектную деятельность. На организационно-деятельностной игре по здравоохранению в 13 лет дал такое определение здоровью: «Здоровье – это эмоциональное и физическое равновесие, поддержка чувством юмора и положительными эмоциями, высокая самооценка (уверенность в себе и своих силах), умение находить выход в трудных критических ситуациях». В июле 2003 года совместно с Пашей Стакановым и Денисом Комковым принимал участие в IV Летней Школе Мироразвития в г. Москве. По итогам ее проведения было решено создать организацию, которая занималась бы изучением нашего края с целью его развития. Так появилась Академия развития Приполярного Урала (АРПУ). В августе того же года на базе *Мань Ускве* состоялась III сессия ПМН. В рамках ее проведения был рассмотрен проект по созданию АРПУ. Тогда же была определена цель, поставлены задачи и намечены проекты этой организации. Игоря выбрали ответственным секретарем АРПУ.

Являясь аспирантом Югорского государственного университета, в своей статье «Социальная политика ХМАО – Югры: проблемы организации детского отдыха в этноцентрах» Игорь написал: «Этностойбища изначально создавались как некоммерческие проекты социальной направленности, и поэтому вложение инвестиций в их развитие не предусматривалось. Однако необходимость соблюдения возможных государственных стандартов, норм и правил требует значительного развития материально-технической базы. Необходимо рассмотреть возможность принятия

нормативно-правового акта, регулирующего деятельность детских этнических стойбищ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры для придания им стабильного статуса, позволяющего планомерно развиваться долгие годы». В интересах стойбища в 2012 году Игорь создал Автономную Некоммерческую Организацию развития культуры народов Севера «Центр Этнотехнологий».

«Взрослые» дети удивляют своей «производительностью», количество их смелых и неординарных проектов постоянно увеличивается. Они являются эталонами во всем для следующих поколений *Мань Ускве*. Система жизни *Мань Ускве* работает только потому, что в ней есть «взрослые» дети, которые любят, укрепляют и усиливают ее своим непосредственным участием. У «взрослых» детей есть удивительная способность – удерживать в себе сразу прошлое, настоящее и будущее и силу прошлого времени переносить в будущее.

УДК 398(=511.143):811.511.143

*С.С. Динисламова***СЕМАНТИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ НАРОДА МАНСИ, ИСПОЛНЯЕМЫХ НА МЕДВЕЖЬИХ ИГРИЩАХ**

Аннотация: Данная статья создана носителем мансийского языка. Обращение автора к семантике табуированной лексики и изобразительно-выразительным средствам мансийской поэтической речи позволит русскоязычному читателю сформировать более ясные представления о национальной культуре манси, ее исторической и общечеловеческой ценности.

Ключевые слова: манси, табуированная лексика, медвежьи песни, фольклор.

*S.S. Dinislamova***SEMANTICS OF TRADITIONAL CULTURE IN THE EPIC SONGS OF MANSI PEOPLE, PERFORMING DURING THE BEAR CEREMONY**

Abstract: This article was created by the Mansi native speaker. The author's reference to the semantics of taboo vocabulary and graphic or expressive means of the Mansi poetic speech can give much clearer understanding of the Mansi national culture, its' historical and all-mankind value by the Russian-language readers.

Key words: Mansi, taboo vocabulary, Bear Songs, folklore.

О медвежьих игрищах народа манси финский ученый Артури Каннисто писал: «Вероятно, нет ни одного племени, которое не чувствовало бы потребности облачить свои мысли и чувства в одежды поэзии. Драматический вид поэзии – всегда редкое явление у природных народов, даже живущих в сравнительно благоприятных внешних условиях. Поэтому кажется весьма неожиданным, когда находишь исконную развитую драму у такого народа, как вогулы, которые, будучи забыты остальным миром, ведут однообразную охотничью жизнь на отдаленной территории Сибири» [5, с. 3]. Ученый пытается найти ответ на вопрос: «Откуда к вогулам и остякам пришел первый импульс драматического искусства? Откуда эта мысль – изобразить ошутимо для глаза и уха кусочек жизни, прожитой с древности, – будь то действительность или только фантазия поэта?» [5, с. 3].

Иван Иванович Авдеев в 1936 году издал сборник «Песни народа манси», который представляет собой переводы на русский язык подлинных мансийских песен, исполняемых на медвежьих игрищах. Все переводы близки к оригиналу, сделаны на высоком поэтическом уровне, с точной передачей образности мансийского фольклорного языка, с соблюдением всех его стилистических особенностей. Об этом же в предисловии книги Эльвиры Ивановны Мальцевой «История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями» (2000) Евдокия Ивановна Ромбандеева пишет: «Судя по тому, как гениально перевел он (Авдеев) исключительно архаичный, сложный, образный текст «Медвежьих песен» на русский язык – четко, понятно, ясно, – без опасения следует утверждать: И.И. Авдеев был талантливым поэтом, мастером-переводчиком

поэтического грамматически трудного мансийского текста на русский язык. Более того, он в переводе сохранил поэзию и поэтичность языка-оригинала, раскрыл структурную особенность строя мансийского языка и отразил его в русском переводе» [6, с. 3]. Подчеркивая талант переводчика, Е.И. Ромбандеева отмечает, что на основе переводов песен, если потребуется, несложно возродить оригинал мансийских текстов (в книге И.И. Авдеева тексты-оригиналы отсутствуют).

И.И. Авдеев делает вывод, что фольклор манси «представляет не начальную стадию творчества, а итог чрезвычайно сложного развития. При этом древние фольклорные мотивы не отделяются от поздних механически, как ядро ореха от скорлупы. Наоборот, соединение их настолько сложно, что освобождение первоначального смысла фольклорных произведений от всего привнесенного в позднейшее время, вскрытие их корней представляет подчас большие трудности» [1, с. 19].

О значимости мансийского фольклора говорит и Алексей Николаевич Баландин, известный ученый-языковед, автор кандидатской диссертации «Язык мансийской сказки» (1939). Ему принадлежат слова: «По разнообразию и высоте художественной значимости их поэтического творчества манси могут быть выдвинуты на одно из первых мест среди финно-угорских народностей» [2, с. 9]. Ученый говорит о том, что особенно хорошо сохранился фольклор у северных манси, которые в силу сложившихся исторических условий подверглись более слабому влиянию со стороны своих соседей и в гораздо меньшей степени ассимилировались с ними. Среди северных манси в наши дни еще можно найти носителей устно-поэтического народного слова, представляющего исключительный интерес как для исследователей-фольклористов, так и для лингвистов. А.Н. Баландин считает, что поэтическое творчество манси резко выделяется своим «цветистым языком»: «...эпитеты в лирике манси способствуют более точному обозначению, создают яркие зрительные образы, они выражают отношение к окружающему миру, способствуют раскрытию национального характера народа. <...> Материал для сравнения в песнях берется всегда из окружающей природы» [2, с. 24]. И действительно, природа является для таежных жителей первоосновой жизни не только материальной, но и духовной. Поэтический мир людей былых веков – это мир гармонии, это одухотворенная связь с тайгой, рекой, озером, лугом.

В свое время мифы, легенды, сказки, песни, загадки создавались наиболее талантливыми людьми, владевшими искусством слова. Возраст фольклора исчисляется тысячелетиями. С течением времени тексты произведений изменялись, дополнялись и дошли до нас в той форме, в которой они сегодня и представляют научную ценность.

Что же все-таки дает современному исследователю изучение фольклора? Думается, во-первых, фольклорные тексты, как историческая память, раскрывают историю духовной культуры народа, многих и многих предшествующих поколений. Во-вторых, как справедливо отмечает Татьяна Владимировна Волдина, «изучение языка фольклора углубляет теорию лингвистики и этнолингвистики, стимулирует историческое и типологическое осмысление многовекового устно-поэтического творчества, универсальных и уникальных явлений, его основных жанров» [3, с. 7]. Сегодня, считает исследователь, трудно переоценить роль фольклора в реконструкции протокультуры и праязыкового состояния в разработке проблем семантики и прагматики, теории литературного языка. Этносемиотический подход к культуре, конечно же, не исчерпывается лишь ее этнознаковыми функциями. Внимательному исследователю следует учитывать, что в каждом этносе есть свои различия между «внешним» выражением, формой проявления того или иного элемента культуры (знаком) и его «внутренним содержанием». В-третьих, изучение фольклора способствует его сохранению. В статье «К проблеме сохранения фольклора обско-угорских народов» Татьяна Александровна Молданова говорит о том, что аутентичный фольклор способен существовать в своей естественной среде, в нем в полной мере представлены все три

функции: магическая, коммуникативная, эстетическая. «Именно в этой среде символы, придающие смысл жизни, живы. <...> В символах воплощены сущностные для этноса идеи, нормы, идеалы, представления и т. д. <...> Если духовным ценностям наносится удар, то люди теряют смысл жизни, их социальная организация распадается, а сами они морально разлагаются» [7, с. 52]. Т.А. Молданова считает, что этот процесс идет сейчас и в обско-угорской среде, и реставрация некоторых обрядовых праздников, которые в полной мере воспроизводят все символы культуры и естественную форму передачи фольклорных традиций, будет способствовать его приостановке. Речь в данном случае идет и о медвежьих игрищах. Однако, как справедливо отмечает исследователь, имеется опасность массового тиражирования обряда, «способного убить сущность ритуала» [7, с. 52].

Медвежьи песни – это обрядовые произведения, изложенные в стихах, повествующие о происхождении и приключениях зверя. Исполняются песни перед началом сенок. Песни поются мужчинами, одетыми в шелковые халаты и остроконечные шапки. Они поют, взявшись за мизинцы, поднимая и опуская руки в такт песни, таким образом, кланяясь медведю. Е.И. Ромбандеева отмечает, что на празднике, устроенном в честь медведицы, исполнителей должно быть четыре человека и количество исполняемых песен – 4; медведя-самца воспевают пять человек, соответственно число песен – 5. Тимофей Александрович Молданов считает, что «обычно песни поют по три, пять или семь человек» [8, с. 8]. Исследователь пишет, что медвежьи песни подразделяются на зимние, весенние, летние, осенние. При этом в каждый отдельно взятый день медвежьего праздника исполняются песни конкретного времени года. В первый день начинают петь о том времени года, в котором происходят игрища. По содержанию, сюжетам и последовательности исполнения Т.А. Молданов классифицирует медвежьи песни на следующие группы:

- миф о спуске медведя с неба и его грехопадении;
- песнопения рек и локальных групп;
- песнопения о наказании человека медведем или о наказании медведя человеком;
- песнопения направления души медведя на небо [8, с. 9].

Венгерский исследователь Бернат Мункачи приводит следующую классификацию медвежьих песен:

- песни опускания медведя с неба;
- песни «осиливания» сына бога;
- песни, будящие медведя;
- песни заключительные или провожающие медвежий праздник;
- представления простой медвежьей мести;
- песни с предсказанием бога;
- песни героев-охотников на медведя;
- песни медвежьей клятвы;
- песни медвежьей мести [4, с. 82].

Напомним, что Б. Мункачи является собирателем и издателем труда в 4-х томах «VOGUL NEPKOLTESI GYUJTEMENY» («Собрание вогульской народной поэзии», Будапешт, 1892-1921 гг.), в котором содержатся тексты различных жанров устного народного творчества вогулов. В 3-ем томе представлены 36 медвежьих песен; тексты «песен животных», также используемых во время медвежьего праздника; мифологические сказки, в основе которых лежат сюжеты тотемического происхождения медведя; загадки про медведя. Примечательным является то, что фольклорный материал, записанный Б. Мункачи, содержит богатейшую табуированную лексику, связанную с медведем, – уй-латынг.

Валерием Николаевичем Чернецовым предлагается следующая классификация песен, исполняемых на медвежьем празднике:

- *Кастыл эрыг* – призывные песни. Во время медвежьего праздника, в особенности в Ялп-ус, участники танца выходят наружу и поют эти песни, призывая духов (отыров) на праздник. Кроме Ялп-ус, на обычном медвежьем празднике призывается лишь родовой пупых. Кастыл эрыг поется также для призывания пупыха (каставе);

- *Тулыглап эрыг* – песни, содержащие в себе тексты драматических представлений тўлыглахтуңкве, разыгрываемых на медвежьем празднике;

- *Уй эрыг* – звериная, т. е. медвежья песнь, поется на медвежьем празднике;

- *Уй эрыг* – звериные песни, поются также на медвежьем празднике. Исполнитель одевается тем животным, песнь которого поет. Таковы, например, лэнгын эрыг (песня белки), совыр эрыг (песня зайца), охсар эрыг (песня лисы), сельси эрыг (песня горносталя), уринэкв эрыг (песня вороны), кук-кук эрыг (песня кукушки), тарыг эрыг (песня журавля), махар-уй эрыг (песня мамонта) – это наигрыши, играемые на сангквылтапе [12, с. 190].

И.И. Авдеев, автор и составитель книги «Песни народа манси», делит медвежьи песни на следующие виды:

1. Песни о перевозке медведя в юрты, где прослеживается весь путь от места охоты на него до юрт, отмечаются все холмики, повороты, горки, имеющие свои названия. Здесь описываются почести, воздаваемые медведю при перевозке: охотники останавливаются, производят выстрелы, на деревьях делают особого рода затесы, извещающие о низложенном звере.

2. Утренние песни, песни пробуждения, которыми будят медведя, их поют утром на рассвете, пока идет праздник.

3. Песни о происхождении медведя. Они чаще отображают или его небесное происхождение (существует серия мифов о том, как медведь когда-то был дочерью верховного бога Нуми-Торума), или земное происхождение (сказки и легенды о сыне женщины, превратившемся из человека в медведя).

4. Песни о жизни медведя в лесу, о его земных похождениях и смерти от рук охотника. Это песни о том, как медведь «наполняет» свой «ненаполнимый кузовок, ненаполнимую посудину», т. е. желудок, нагуливает жир, разгуливает по лесам, холмам, как его выслеживает охотник и убивает.

5. Песни о героях-охотниках на медведя. Ими могут быть не только люди, но и духи-предки.

6. Песни о медвежьей клятве. В них медведь выступает как хранитель клятвы, данной человеком. Если поклявшийся солгал, то манси считают, что при встрече медведь не оставит в живых этого человека.

7. Прощальные наставительные песни, в которых медведю как бы читается напутственное слово: он не должен воровать и разрушать человеческие лабазы со съестными припасами, разорять слопцы с дичью и камки с попавшей рыбой, трогать домашних животных и проч. [1, с. 38-39].

Вышеперечисленные виды медвежьих песен позволяют сделать вывод, что основное их содержание – возвеличивание медведя; цель – отвести от себя гнев зверя.

Для объяснения табуированных слов и выражений, которых много в мансийской песенной терминологии, для раскрытия детальных обозначений предметов и действий обратимся к «медвежьей песне о трех всадниках», исполняемой на медвежьих игрищах и зафиксированной в свое время в сборнике «Песни народа манси» (И.И. Авдеев). Текст песни записан в 1930-е годы от Лясманова Григория, 35 лет, жителя деревни Хурумпауль с реки Ляпин. Песня относится к серии песен о знаменитых охотниках на медведей.

Проживаю я длинное жаркое лето,
 Проживаю я длинное комариное лето,
 С каждым днем становится все холодней.
 Ищу я теплую боровую сторонку,
 Ищу я боровую сторонку, выходящую к солнцу,
 Нахожу я солнечную опушку леса.

Лето для зверя, «одетого» в густой теплый мех, действительно было жарким, одолевал и таежный гнус. Но вот пришла осень, пришла пора искать место для берлоги. Оно должно быть на солнечной опушке высокого бора, чтобы во время оттепели берлогу не затапливали ручьи, а лучи солнца вовремя известили бы о приходе весенних дней. Ничто не предвещает опасности.

Ложусь, лесной зверь,
Ложусь, луговой зверь, на травушку,
Одну ручку превращаю в мягкую подушку,
Другой ручкой накрываюсь, словно одеялом.
Одна моя ноздря
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя ноздря
Обнюхивает каждый предмет
На расстоянии трех деревьев.

Место для берлоги медведь отыскал удобное, уютно устроившись, засыпает крепким сном. Кажется, что его сон крепок – «хоть шею руби», но это обманчивое впечатление: зверь видит и чувствует все, что происходит вокруг. Он улавливает все запахи леса «на расстоянии трех деревьев» – расстоянии, равном нескольким десяткам метров.

Берлога на мансийском языке «хотал-ватал сурминг кол» (букв. «дом, не видящий солнца»). Подставные названия медведя в тексте: «лесной зверь» – «ворт олнэ уй» (букв. «в лесу живущий зверь»), «луговой зверь» – «нюрум-уй» (букв. «луговой зверь»). Подставное название лапы – «кат» (букв. «рука») и «ат няспа нясынг кала» (букв. «крючки имеющая рука с пятью крючками»); нос называется «сэныг» (букв. «березовый гриб – чага»). Выражением «что хоть шею руби» подчеркивается, как крепок сон зверя, но при этом его сон чуток, так как другая его «ноздря» «обнюхивает каждый предмет».

Одна моя звезда
Погружена в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другая же моя звезда
Осматривает всю користую землю.
Один пенек мой
Погружен в такой крепкий сон,
Что хоть шею руби,
Другой же пенек мой
Прислушивается к каждому лесному шороху.
Чувствую что-то опасное.

Глаза медведя табуированно называются «звездами» (манс. «сов»). Такие названия, как и многие другие, вошли в состав табуированной лексики, связанной с медведем, из наблюдений за природой. В данном случае темный окрас крупного зверя – медведя – сравним с ночным небом, глаза со звездами, мерцающими на небе.

Имеются и другие эвфемизмы: «понсым сосыг кит сов» (букв. «спелой смородины две звезды», т. е. его глаза-звезды похожи на две спелые смородины), «сэмыл сосыг кит сов» (букв. «черной смородины две звезды»). Уши медведя табуированно названы «ангквалыг» (букв. «два пенька»). И, действительно, выступ ушей на голове зверя напоминает пенечки в лесу.

Слух медведя тонко улавливает шорохи леса и реагирует на звуки. Медведь, почуяв опасность, встрепенулся.

Поднимаюсь я, могучий зверь,
И отскакиваю на расстояние
В три раза больше, чем мой рост.

Поворачиваю голову
И прислушиваюсь к опасной стороне,
Как потечешь ты, моя золотая дума?
Слышен топот лошадиной ноги!
Удалюсь я со скоростью,
Какую может достигать лишь лесной зверь,
Какую может достигать лишь луговой зверь.
Однако догоняет человек на черной лошади.
Чувствую, что веревка,
Которая идет от меня к нему,
Все больше укорачивается:
Он забирает ее в свои проворные руки.

Осознав причину беспокойства, могучий зверь поднимается из берлоги и бросается в сильном, «в три раза большем, чем его тело» прыжке в сторону. Замерев и прислушиваясь, обращается к своей «золотой думе» (манс. «сорни номт»), которая подскажет путь спасения. Спасение в бегстве. Нужно как можно дальше уйти от приближающейся беды, от человека. Через образ лошади показано время – скорость, с какой приближается опасность к медведю, опасность в свою очередь подчеркивается черной мастью лошади. Выражением «...веревка, / Которая идет от меня к нему, / Все больше укорачивается» показывается расстояние, которое стремительно сокращается между человеком и зверем. Человек словно забирает (наматывает) веревку на свои «проворные руки». «Проворные руки» говорят об удаче человека, о том, что жизнь медведя теперь находится в его руках.

Медведь обращается к Нуми-Торуму:
Батюшка мой, вышний свет!
Если добывал я когда куропадок,
То приносил их в жертву тебе,
Если убивал когда я дятлов,
То посвящал их только тебе.
Батюшка Нуми-Торум!
Неужели ты не спасешь меня
От этого страшного всадника?
Неужели не остановишь
Его черную лошадь?
Пусть появится перед всадником
Глубокая яма,
Пусть образуется перед всадником
Топкое болото!
Скользни, лошадиная нога,
В глубокую яму!
Увязни, лошадиная нога,
В топком болоте!
Соскальзывает лошадиная нога
В глубокую яму,
Увязывает лошадиная нога
В топком болоте,
Отстает от меня всадник на черной лошади.

Велико почтение медведя к Нуми-Торуму, всю пойманную добычу он посвящал только ему. Попав в беду, медведь обращается за помощью к Нуми-Торуму. Нуми-Торум, услышав мольбу, смилостивился: появилась перед всадником преграда. Желания медведя сбываются, преследование прекращается.

Снова ищу я солнечное место
И ложусь на мягкую травушку.
Одну руку превращаю в мягкую подушку,
Другой ручкой накрываюсь, словно одеялом...

Но снова «Слышен звук серебряных подков. // Это приближается человек, // Сидящий на гнедой лошади». И вновь молитва Нуми-Торуму помогает лесному зверю.

Но вот в погоне за медведем третий всадник – человек, сидящий на белой лошади, подкованной золотыми подковами. Думается, что мифический всадник на белой лошади – Мир-суснэ-хум – «Мировой наблюдатель» (букв. «За миром наблюдающий мужчина»). В мансийской религии он является младшим из сыновей Нуми-Торума, но почитается как старший и главенствует над своими братьями. Если же вспомнить мифологическую модель Вселенной, то, по мансийским преданиям, она расположена в семи измерениях: по вертикали основана на третичном членении – верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры. Им соответствует триада главных божеств: небесный бог – Нуми-Торум, земной – Мир-суснэ-хум, подземный – Хуль-Отыр.

Чувствую, что настает мой последний час:
Как бы быстро я ни бежал,
Длинное копье богатыря
Пронзает мое святилище
Все перевернулось в моей голове,
Как будто от пьянящих мухоморов.

Возможно, на этот раз медведя подводит то, что он не успевает закончить своего священного заклинания, адресованного Нуми-Торуму. Если так, то мы можем говорить о силе и величии Слова, его адресности, материализованности. Слову у народа манси всегда придавалось и придается особое значение. «Слово – начало священного. Священный, освященный иным светом, потусторонний мир, невидимый обыкновенным глазом, может приоткрыть завесу тайны сложнейшего мира через слово» [13, с. 3].

Всадник на белой лошади настигает лесного зверя раньше, чем тот заканчивает свое обращение к Нуми-Торуму. Копье богатыря пронзает его «святилище» – «сердце», и силы покидают зверя: «все перевернулось в моей голове, как будто от пьянящих мухоморов». Такое сравнение является одним из часто встречающихся в фольклорных текстах. Оно раскрывает физическое состояние медведя после ранения, когда силы стремительно покидают его. Сравнение взято из жизненных наблюдений, ведь в прошлом мухоморы использовались некоторыми няйт хотпа во время камланий. (Сейчас слово «няйт» вытеснено словом «шаман», хотя последнее не является синонимом первого). Няйт хотпа обладали не только талантами целительства, предсказаний, пророчеств, но и высоким поэтическим даром, именно им принадлежит основная роль в создании, сохранении и передаче устно-поэтического наследия народа.

Выражение «Погружаюсь в глубокий сон» означает смерть медведя. Казалось, песня подошла к своему завершению: грустному и печальному. Но мудрый народ, сложивший ее, последними строками произведения дает право слушателю на собственное видение будущего: «Просыпаюсь на седле скачущего всадника... // Кай – яй – ю – их!»

Медведь – животное, глубоко почитаемое у манси, которое, в свою очередь, покровительствует им. Последней строкой песни слушателю дается право на собственное доосмысление и эмоции. Наверное, «проснувшийся» на седле скачущего всадника медведь – это дух, который продолжает жить и после смерти; выражением подчеркивается мысль о бессмертии души. В честь духа священного зверя люди устроят медвежий праздник.

Что же такое медвежий праздник? А. Каннисто объясняет медвежий праздник как комплекс ритуалов, имеющих целью «помирить медведя или его душу с убившими его охотниками» [11, с. 4]. В.Н. Чернецов, исследуя основные черты праздника, делает вывод о том, что «он возник, вероятно, одновременно с развитием племенной организации и

тотемизма, на основе периодических магических охотничьих обрядов. С течением времени медвежий праздник неоднократно менялся как по содержанию, так и по форме, вначале он был праздником тотемического культа рода, а с развитием племени и фратрии стал периодическим обрядом последней» [11, с. 4]. Ряд ученых (А.В. Смоляк, С.А. Токарев, И.Н. Гемуев, Т.А. Молданов) выступают категорически против признания тотемических корней культа медведя, считая, что этому животному поклоняются представители всех родов обских угров. Т.А. Молданов отмечает, что в культе медведя четко выражается отношение к нему как к промысловому животному. В медвежьих церемониях прослеживаются и элементы погребального обряда.

Е.И. Ромбандеева так пытается объяснить значение медвежьих игрищ: «То ли имитировали торжество над побежденным врагом, и поэтому манси представляли ему своих именитых духов-предков, знакомили с ними. Не напрасно же воины перед медведем, перед его носом потрясали саблями. Или же это было придумано для обычного театрализованного представления» [10, с. 31]. Е.И. Ромбандеева справедливо называет медвежий праздник школой храбрости и смелости. Ведь через критику и юмор люди учились жить: познавали мораль, получали трудовые навыки. На плясках очищали свою усталую душу и снова шли в тайгу. Сами манси о медвежьих плясках говорят так: «После плясок на душе становится тепло и весело, тяжелая работа уже не кажется особо трудной. После плясок с облегченной душой снова беремся за свой труд, терпим морозы, невзгоды жизни» [10, с. 22].

Литература

1. Авдеев И.И. Песни народа манси. Омск, 1936. 128 с.
2. Баландин А.Н. Язык мансийской сказки. Ленинград, 1939. 80 с.
3. Волдина Т.В. Библиографический указатель по фольклору хантов (1880-1999 гг.). Томск : Изд-во Томского университета, 2000. 128 с.
4. Герасимова Д.В. Табуированные названия медведя в мансийском языке // Материалы 5 Югорских чтений. Ханты-Мансийск, 2002. С. 82-87.
5. Каннисто А. Статьи по искусству обских угров. Томск, 1999. 52 с.
6. Мальцева Э.И. История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями. Ханты-Мансийск, 2000. 98 с.
7. Молданова Т.А. К проблеме сохранения фольклора обско-угорских народов // Материалы третьих Югорских чтений. Томск: Изд-во Томского университета, 2001. С. 52-54.
8. Молданов Т.А. Структура медвежьих игрищ // Материалы 5 Югорских чтений. Ханты-Мансийск, 2002. С. 8-12.
9. Ромбандеева Е.И. Предисловие. История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями. Ханты-Мансийск, 2000. 98 с.
10. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993. 116 с.
11. Чернецов В.Н. Сев. Сосьва. 1933–1934 гг. Реальные записи // Чернецов В.Н. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. 124 с.
12. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Томск, 2001. 50 с.
13. Шесталов Ю. Предисловие к сборнику / Динисламова С. Витсам. Ханты-Мансийск, 2004. С. 3-4.

УДК 811.511.142'373.422

*С.В. Онина, М.Н. Нахрачева***АНТОНИМЫ И ИХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)**

Аннотация: В статье рассматривается антонимия как тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения. Будучи категорией лексико-семантической системы языка, антонимия представляет собой одну из языковых универсалий: она свойственна всем языкам, в том числе и хантыйскому языку, а ее единицы обнаруживают принципиально общую структуру противоположных значений и большое сходство в структурной и семантической классификации антонимов. Существенные различия в предметах и явлениях объективного мира отражаются также на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка как противоположность внутри одной сущности. В конце статьи представлен список антонимов шурышкарского диалекта хантыйского языка.

Ключевые слова: хантыйский язык, антонимия, лексика, структура, семантика.

*S.V. Onina, M.N. Nakhracheva***ANTONYMS AND THEIR STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES
IN MODERN KHANTY LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF SHURYSHKARSKY DIALECT)**

Abstract: Antonymy as a type of semantic relation of lexical units with opposite meanings is considered in the article. Being a category of lexico-semantic language system, antonymy is one of the language universals: it is inherent in all languages including the Khanty language; and its' units have similar structure of opposite meanings and similar structural and semantic classification of antonyms. The significant differences between the objects and the phenomena of objective reality as the opposites within one entity can be shown on the basis of the material of the Shuryshkarsky dialect of the Khanty language. The list of antonyms of the Shuryshkarsky dialect has been provided.

Key words: the Khanty language, antonymy, vocabulary, structure, semantics.

Выражением противоположности в языке является антонимия – противоположность значений языковых единиц одного и того же уровня языка: слов, морфем, синтаксических конструкций.

Антонимами могут быть признаны слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы [3, с. 202]. Кроме этого, в качестве критериев выделения антонимов выдвинуты такие признаки, как возможность употребления слов в одном высказывании при противопоставлении, одинаковая сфера лексической сочетаемости.

В лексической системе хантыйского языка антонимы играют существенную роль. Они обнаруживают устойчивые семантические связи, образуя пары и целые микросистемы лексических единиц, например: *un* ‘большой’ – *aj* ‘маленький’, *jälär* ‘новый’ – *katra* ‘старый’, *löŋti* ‘войти’ – *etti* ‘выйти’, *tuňal* ‘в прошлом году’ – *tämpiš* ‘в этом году’ – *pariš* ‘в следующем году’, *karkam* ‘трудолюбивый’ – *leñ* ‘ленивый’.

Антонимия представляет собой противоположность внутри одной и той же сущности. «Это *крайние* противостоящие проявления одной сущности, их *полярные* определения. Антонимы выступают в качестве знаков раздвоенного на противоположности единства, одновременно и определяя предел проявления какого-нибудь качества, свойства, действия и т. п., и указывая на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении данной сущности. ... Логическую основу антонимии образуют противоположные видовые понятия, которые представляют собой предел проявления какого-нибудь качества (свойства), определяемого родовым понятием [2, с. 233-234]. Ср. хант.: *ken* ‘легкий’ – *lawart* ‘тяжелый’ (вес), *kawräm* ‘горячий’ – *potäm* ‘холодный’ (температура), *хухти* ‘подниматься’ – *õхәти* ‘опускаться’ (вертикальное движение) и т. п.

Применительно к антонимам традиционно принято говорить о двух видах противоположности: контрарной и комплементарной. *Контрарная* противоположность выражается такими видовыми понятиями, между которыми возможно промежуточное, среднее понятие и которые, в свою очередь, не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим продолжительным содержанием. Данная противоположность лежит в основе антонимии слов, содержащих указание на качество, например: *ailat* ‘молодой’ – *piräs* ‘старый’, *käräs* ‘высокий’ – *lel* ‘низкий’, *aj işki* ‘холодно’ – (*joläx* ‘прохладно’, *meläk* ‘тепло’) – *rüwәŋ* ‘жарко’. *Комплементарная* противоположность выражается такими видовыми понятиями, которые взаимно дополняют друг друга до родового понятия, так что между ними невозможно никакое другое, промежуточное понятие: “истинный” – “ложный”. Эти понятия являются крайними, предельными на оси противоположности. «Противоречащие понятия типа “молодой” – “немолодой” не могут быть основой антонимии, так как второе из них является по своему содержанию негативным и неопределенным (“немолодой” – это и “средних лет”, и “пожилой”, и “старый”).

В хантыйском языке активно проявляется и третий вид антонимов, с так называемой *логической*, или *векторной*, противоположностью. В хантыйском языке она реализуется только у слов, обозначающих качество, выражающих направленность действий, состояний, признаков, а также у наименований пространственных и временных координат. Например: *piti* ‘черный’ – *nõwi* ‘белый’, *kilti* ‘вставать’ – *õlti* ‘ложиться’, *jõхәtti* ‘приходить’ – *mänti* ‘уходить’, *almijilti* ‘поднимать’ – *illi eslijilti* ‘опускать’, *loŋlijiti* ‘входить’ – *kim etlijiti* ‘выходить’, *põnti* ‘наливать’ – *šõšәmti* ‘выливать’, *järti* ‘привязать’ – *eŋхti* ‘отвязать’, *wan* ‘близко’ – *хйw* ‘далеко’, *ilta* ‘снизу’ – *numälta* ‘сверху’, *lühәn* ‘летом’ – *tälәn* ‘зимой’, *sora* ‘быстро’ – *ajlta* ‘медленно’.

У антонимов, также как и у всех единиц той или иной лексической категории, имеется определенный общий признак, например, синонимам свойственна эквивалентность. Таким инвариантным признаком антонимов является наличие *предельного отрицания* в толковании одного из антонимов. Диаметральные противоположности представлены в таких лексемах, как *pal* ‘высокий’ – *lel* ‘низкий’ (предельно невысокий), *йҗki* ‘влажный’ – *soräm* ‘сухой’ (‘невлажный’ как предельное отрицание свойства), *löŋti* ‘входить’ – *etti* ‘выходить’ (‘идя, начинать находиться где-нибудь’ – ‘идя, переставать находиться где-нибудь’). Антонимам, так же как и синонимам, «свойственны эквивалентная оппозиция и контрастирующая дистрибуция. Они также обладают как общей, совпадающей, так и индивидуальной сочетаемостью» [2, с. 261]. Ср. хант.: *täl хәtl* ‘зимний день’ – *täl at* ‘зимняя ночь’, *iški хәtl* ‘холодный день’ – *iški at* ‘холодная ночь’. Однако, в силу того что антонимы соответствуют несовместимым

понятиям, их значения в отличие от синонимов направлены не на уточнение обозначаемых предметов, действий, признаков, а на их противопоставление или сопоставление, поэтому ономаσιологический аспект рассмотрения данных лексических единиц является и здесь преобладающим.

По структуре или формальным признакам антонимы представлены:

1. Разнокоренными лексемами разнообразных лексико-грамматических классов, в частности:

1.1. Именами существительными, антонимичные пары которых по семантике подразделяются на ряд семантических подгрупп и могут выражать:

1.1.1. Психологическое состояние, настроение людей и его проявления, например: *ñāḥ* ‘смех’ – *ḥollār* ‘плач’: *In ḥot pñjəl ötew un ñāḥan ñāḥəl wöll* ‘Наша соседка громко (букв.: большим смехом) смеется’; *Un imi ḥollār ar arijəl* ‘Старая женщина песню-плач поет’.

1.1.2. Пространственные значения, например: *öwäs müw* ‘Север’ – *nüm müw* ‘Юг’. Например: *Owäs müw pela mätsət* ‘На Север уехали’; *Süsən tuḫəl töḫlən wojət nüm müwa mänlət* ‘Осенью некоторые птицы улетают на Юг’.

1.1.3. Временные значения: *lün* ‘лето’ – *täl* ‘зима’; *towi* ‘весна’ – *süs* ‘осень’; *ḫätəl* ‘день’ – *at* ‘ночь’. Например: *In kamən lün ḫun, täl änt ul* ‘Сейчас ведь на улице не лето, а зима!'; *Täl jöḫätti jelpijən, ḫotew wert* *mösət* ‘До того как начнется зима, надо построить дом’; *Turmew lampa, töwi pela ši kerlās* ‘Природа вроде бы к весне повернулась’; *Süsən liptət ḫojlajət* ‘Осенью листья желтеют’; *Ḫätəl kütəpən jöḫätsəm* ‘В полдень приехал’; *J-aa, ḫöti, ikileḅki, at ḫölti letötən ma nāḅen mälem* ‘Ну как, старик-бедняга, чтоб ночью переночевать, я тебе еду дам’.

1.1.4. Природные явления: *jert* ‘дождь’ – *loñs* ‘снег’; *muw* ‘суша’ – *jink* ‘вода’. Например: *Molḫätəl tālan ḫätəl jert us* ‘Вчера весь день дождь был’; *Lüw loñs loḅlitti kim etäs* ‘Она на улицу вышла снега занести’; *Saräs ḫüwat mänti joḫ müw šijalasət* ‘Едущие по морю люди увидели землю’; *Kašəḅ aləḅ säḫat jäləp jinšti jink tutliləm* ‘Каждое утро свежую питьевую воду приношу’.

1.2. Именами прилагательными, например: *mäl* ‘глубокий’ – *sorəm* ‘мелкий’, *tašəḅ* ‘богатый’ – *nüša* ‘бедный’, *rom* ‘смирный’ – *kütəḅ* ‘драчливый’, *jäləp* ‘новый’ – *katra* ‘старый’. В антонимичных прилагательных обнаруживается:

1.2.1. Психологическое и физиологическое состояние: *ošəḅ* ‘умный’ – *ötšam* ‘глупый’; *pötrəḅ* ‘разговорчивый’ – *mäšja* ‘молчаливый’; *jurəḅ* ‘сильный’ – *šomli* ‘слабый’; *teləḅ* ‘полный’ – *tal* ‘пустой’; *wöjaḅ* ‘жирный’ – *kerijəm* ‘худой’: *Ošəḅ šasəḅ ḵawremije, ješa neš jöwra änt ul* ‘Умный чувствительный ребенок, даже чуточку неправильно не поступит’; *Müj ši lowat ötsam* ‘Почему такой глупый’; *Mäta pötrəḅ ḵawremije* ‘Какой разговорчивый ребенок’; *Ḫilet mäšjajət, ḵāḫməḅ wenšən oməslət, ji jasəḅ äntöm* ‘Племянники молчаливы, с улыбающимися лицами сидят, ни одного слова нет’; *Lüw ḫörpəl änt pälti jurəḅ ḫojat müwəp ulmal äntöm* ‘Таких смелых и сильных людей, как он, больше на земле нет’; *Kašəḅ ḫätəl šomli jiləm* ‘С каждым днем бессильным становлюсь’; *Ḫönen teləḅ, šuš ḫirəl teləḅ* ‘Живот полный, желудок полный’; *Ḫönəl tal* ‘Живот его пустой’; *Mün wöjaḅ ḫül katəlsuw* ‘Мы жирную рыбу поймали’; *Täm üli wöll* *kerijəm* ‘Этот олень совсем худой’.

1.2.2. Свойства характера: *säməḅ* ‘добрый’ – *likəḅ* ‘злой’; *sijəḅ* ‘шумный’ – *sijli* ‘тихий’. Например: *Aḅkaḅkem šəḅk säməḅ ḫojat us* ‘Бабушка (моя) по матери очень добрым человеком была’; *Müja lüw täḅḫätəl šikem likəḅ* ‘Почему он сегодня такой злой’; *Sijəḅ türəḅ arijəl* ‘Звучным голосом поет’; *Sijli täḅa ujətsəm* ‘Тихое место нашел’.

1.2.3. Возрастные признаки: *ajlat* ‘молодой’ – *pirəs* ‘старый’; *aj* ‘молодой’ – *un* ‘взрослый’; *ajšək* ‘помладше’ – *unšək* ‘постарше’. Например: *Ajlat ḫu ulmal* ‘Моложавый мужчина был’; *Pirəs iki* ‘Старый мужчина’; *Nāḅ pöḫijen ḫölna aj* ‘Твой сынок еще маленький’; *Un joḫ kütən lüw oməsəl* ‘Среди взрослых мужчин он сидит’; *Ajšək jirel pa ḵāḫaltəs* ‘Дядя помладше тоже засмеялся’; *Jäləp ḫotew katra ḫotew elti unšək* ‘Новый дом по сравнению со старым домом больше’.

1.2.4. Общественное и материальное положение людей, например: *taśəŋ* ‘богатый’ – *nūša* ‘бедный’: *Jis joxləw leśatəm, wojan, xulən taśəŋ mīwije* ‘Древними предками облюбованная, богатая зверьями и рыбой земля’; *Lij nūša xōjatət* ‘Они бедные люди’.

Чаще всего антонимы-прилагательные представляют собой наименования таких свойств и качеств, которые непосредственно воспринимаются органами чувств. Они характеризуют предмет:

- по размеру, весу, например: *xūw* ‘длинный’ – *wan* ‘короткий’; *kārəs* ‘высокий’ – *lel* ‘низкий’; *aj* ‘маленький’ – *un* ‘большой’; *ken* ‘легкий’ – *lawərt* ‘тяжелый’: *Jernas litəl xūw* ‘Рукава платья длинные’; *Lūw jernasəl wan* ‘Рубашка его короткая’; *Kaśəŋ xātəl nāŋ eŋəmlən, kaśəŋ lapət nāŋ kārśa jilən* ‘С каждым днем ты растешь, с каждой неделей становишься выше’; *Xop pūŋəllət lelət* ‘Борта у лодки низкие’; *Tup xusəl etəm kemən, aj rawərt xot tūrpa elti, oləŋən waś soxəm ler kūlat pusŋije etəs, śalta xōti piti pusŋišiki śi loŋxəmtəs* ‘Только появилась заря, из трубы маленькой деревянной избушки сначала тонкий, как нитка, дымок появился, потом черный дымок как повалит’; *Ken əpəl* ‘Легкая ноша’; *Lūw šeŋk lawərt* ‘Он очень тяжелый’;

- по качеству, например: *jäləp* ‘новый’ – *katra* ‘старый’; *jinki* ‘мокрый’ – *sorəm* ‘сухой’; *tinəŋ* ‘дорогой’ – *tinli* ‘дешевый’; *sistam* ‘чистый’ – *xuleŋ* ‘грязный’; *jōwra* ‘кривой’ – *tūŋ* ‘прямой’; *pāsti* ‘острый’ – *nās* ‘тупой’; *kūl* ‘толстый’ – *waś* ‘тонкий’; *jām* ‘хороший’ – *wewtam* ‘плохой’; *jām* ‘хороший’ – *atəm* ‘плохой’: *Jäləp xoləp luthuw, katra xolpew toxmat neš* ‘Купим новую сеть, потому что старая порвалась, оказывается’; *Xotəl katraja jis* ‘Дом (его) стал ветхим’; *Jinki lūŋši tōrəŋəlalən kuśajəl lāŋkər šūŋk mōŋəlməs* ‘[Старый конь] мокрыми, слюнявыми губами плечи хозяина прижал’; *Jōxan kūrəl sorəm* ‘Русло реки сухое’; *Lapkaŋən oxsamət śikem tinəŋət* ‘В магазине платки такие дорогие’; *Sūsən kārtōška nūr tinli* ‘Осенью картошка совсем дешевая’; *Xot lipel sistam* ‘В доме чисто (букв.: внутренность дома чистая)’; *Lūw jošŋəlat xuleŋŋən* ‘Руки у него грязные’; *Jōwra jūx* ‘Кривое дерево’; *Tūŋ juś* ‘Прямая дорога’; *Pāsti kešijən ewətmī* ‘Острым ножом разрежь’; *Jām jūkan kešen nūr nās* ‘Нож, считающийся хорошим, совсем тупой (букв.: вместо хорошего твой нож совсем тупой)’; *Kūl rawərt* ‘Толстое бревно’; *Waś wenšpi xōjat* ‘Человек с узким лицом’; *Śikem jām ewi* ‘Какая хорошая девочка’; *Atəm šar lutəs* ‘Плохой (некачественный) табак купил’;

- по вкусу, цвету, например: *sakkarəŋ* ‘сладкий’ – *sōlaŋ* ‘соленый’; *nōwi* ‘белый’ – *piti* ‘черный’: *Ma sakkarəŋ šaj jinsləm* ‘Я сладкий чай пью’; *Mūŋ solan xūl leləw* ‘Мы соленую рыбу едим’; *Tālən šowər nōwija jil* ‘Зимой заяц белым становится’; *Lūw oŋ sōxəl piti lawəm xōrpi* ‘У нее волосы черные, как уголь’;

- по температуре, например: *kawrəm* ‘горячий’ – *potəm* ‘холодный’: *Nurəŋ an pätel šeŋk kawrəta jūwmat* ‘Дно сковороды накалилось’; *Šajen nūr potəm* ‘Чай (твой) совсем холодный’.

1.2.5. Прилагательные, выражающие природные явления, например: *tewən* ‘штиль’ – *wotəŋ* ‘ветрено’; *etər* ‘ясно’ – *pālŋəŋ* ‘пасмурно’; *xośəm* ‘тепло’ – *iški* ‘холодно’: *Xātəl jām xātəl ki tewən xātəl xātəl xūwat noptəllət* ‘Днем, хорошим днем, тихим днем весь день закидывают сети в воду’; *Tām xātəl wotəŋ* ‘Сегодня ветрено (букв.: этот день ветренный)’; *Tām at etər us* ‘В эту ночь было ясно’; *Aləŋsəxat pālŋəŋ us* ‘Утром было пасмурно’; *Jōlən xośəm* ‘Дома тепло’; *Iškijən ənt pōtten urəŋən, xośta lumətlija* ‘Чтобы не замерзнуть, одевайся теплее’.

1.3. Наречиями, например: *ijəxa* ‘вместе’ – *kātna* ‘врозь’, *jelta* ‘спереди’ – *jōlta* ‘сзади’, *nūtən* ‘наверху’ – *ilən* ‘внизу’, *lela* ‘низко’ – *pāla* ‘высоко’. В антонимические отношения вступают лишь те наречия, которые имеют качественную обстоятельственную характеристику действия. По этому признаку они сближаются с прилагательными. Антонимичные пары наречий в зависимости от их лексических значений распределяются в следующие семантические группы:

1.3.1. По месту и направлению действия, например: *wanən* ‘близко’ – *χiwən* ‘далеко’; *nōχli* ‘верх’ – *il* ‘низ’; *numəltə* ‘сверху’ – *iltta* ‘снизу’; *numən* ‘наверху’ – *ilən* ‘внизу’; *jōχi* ‘домой’ – *kim* ‘на улице’; *jōlən* ‘дома’ – *katən* ‘на улице’: *Luχsəl pūjələn wanən ul* ‘Живет он недалеко от своего друга’; *Təm pilneχəl χiwən ul* ‘Эта подруга далеко живет’; *Wanən wońsəm öt äntom* ‘Близко ягод нет’; *Ma χultemən, aχōlta χiwən ariti sij šasəl* ‘Я слышу, что где-то вдалеке поют песню’; *Pirəs iki likašmanšək nūm sem pūnlal nōχli nōχtimal* ‘Старик сердито нахмурил брови’; *In pa il opsa, šaj jińsa* ‘Сейчас садись и пей чай’; *Sit nūməltə rāknəm pōtali* ‘Это сверху свалившаяся штука’; *Nāη nepeken iltta ul* ‘Твоя тетрадь снизу лежит’; *Łiw oχəl nūmən tajləlli* ‘Он голову наверху держит’; *Ilən pātlam* ‘Внизу темно’; *Jōχi lōηmalən, mōχital ħw werləl elti pōtartsət, Tańla pela änt pa aηkərməsət* ‘Когда домой зашла, ее близкие люди про свои дела говорили, на Данила даже не взглянули’; *Kušajəl našamlal kim tuwmal jupijən, lowəl sema pittu χiw töršəm lōrtəs* ‘После того как хозяин вынес навоз, падающие на глаза лошади волосы подстриг’; *Jōlən ula, mūj isa šušlən* ‘Дома будь, что все время ходишь’; *Nawremət katən jōntlət* ‘Дети играют на улице’.

1.3.2. По времени или порядку совершения действия, например: *ajn-ajna* ‘постепенно’ – *sora* ‘быстро’; *aləη* ‘утром’ – *jetən* ‘вечером’; *in* ‘сейчас’ – *šāχa* ‘потом’: *Ma šāχa ajn-ajna šāχa werləm* ‘Я постепенно потом сделаю’; *Asem tijet-tōχel sora kūrəmən šušilijəl* ‘Отец быстро ходил туда-сюда’; *Šeηk aləη nōχ kilsəw* ‘Очень рано встали’; *Jetna pelka jūwmal* ‘Вечер настал’; *In χun māti mosəl, šāχa, tāla jitijən mālen* ‘Разве сейчас надо отдавать, потом, когда зима придет отдашь’; *Šāχa jontəsti utələl* ‘Потом шить научится’.

1.3.3. По количественному признаку или характеру протекания действия, например: *sora* ‘быстро’ – *ajəltə* ‘медленно’; *jāma* ‘хорошо’ – *atma* ‘плохо’: *Łiw sora likašti χōjat* ‘Он человек, который быстро сердиться’; *Xot ow ajəltə pūnšti si pitla* ‘Двери дома медленно открывать начинают’; *Jāma uli šir änt təjləw, šuk tup tuləw* ‘Нет возможности хорошо жить, горе только испытываем’; *Łiw isa ulmal χiwat nōpsem atma werləti* ‘Он вечно портит мне настроение’.

1.4. *Глаголами*, антонимичные пары которых в хантыйском языке могут выражать:

1.4.1. Действия, происходящие в различных направлениях, например: *jōχətti* ‘приходить’ – *mānti* ‘уходить’: *Pa šar χirem, puχər elti jōχətmem jūpijən, aχōlta lükeməsem?* ‘Да вот кисет, после того как с острова пришел, куда хоть засунул?’; *Mānti χōti sit tāltta ma mānləm äntiki* ‘Уйти-то вот отсюда я все же уйду’.

1.4.2. Различные состояния предметов, например: *letu* ‘гореть’ – *χurləti* ‘погаснуть’; *mōrti* ‘намокнуть’ – *sorti* ‘высохнуть’: *Xotəl tūtən lesa* ‘Дом его сгорел’; *Tūtew χurləs* ‘Свет погас’; *Sojpiti joχ χətəl χiwat jijən lojlət pa jertən mōrləjət* ‘Неводчики целыми днями стоят в воде и мокнут под дождем’; *Nirən jijki sōχət sorlət* ‘На перекладине мокрые вещи сохнут’.

1.4.3. Психологическое, физиологическое состояние и материальное положение человека, например, *amətti* ‘радоваться’ – *likašiti* ‘сердиться’; *nāχti* ‘смеяться’ – *χolləti* ‘плакать’; *werləti* ‘проснуться’ – *wōjəmti* ‘уснуть’: *Mūj mali si aηkel χulmew kemən nōχ amətsəw* ‘Когда мы эту новость услышали, обрадовались’; *Ōtšam χōjat tup nāχ änt mōštəl pa mōχti likašəl* ‘Только глупый человек шутку не поймет и сразу сердится’; *Takilija mūja nāχti* ‘Без причины чего смеяться’; *χolləti ewije aηkel woχəl* ‘Плачущая девочка маму зовет’; *Nōχ werlimanən, χās ši ji tūrən nūχərsəηən* ‘Проснувшись, чуть ли не одним голосом воскликнули’; *It wōjəmtəm jūpijən sāmli-mōχəlli χon jōχətəl* ‘После того как заснул, царь без сердца, без печени приходит’.

1.4.4. Действия, связанные со взаимоотношениями людей, например, *ujtantəti* ‘встретиться’ – *kātna mānti* ‘разойтись’: *Min juš kūtəpən jāχa ujtantəsmən* ‘Мы двое на середине дороги встретились’; *Si meta, kātna mānati* ‘Все, хватит, разоидитесь’.

1.4.5. Качественные и количественные изменения, например, *χošməltijti* ‘греться’ – *potti* ‘замерзнуть’: *Lij tūt χōša χošməltəlat* ‘Они греются у костра’; *Ma šeηk potsajəm* ‘Я очень замерз’.

1.4.6. Различные действия, например, *lumətl’ijti* ‘одеваться’ – *eηχəsijti* ‘раздеваться’; *ūti* ‘брать’ – *māti* ‘отдавать’: *Łūmətl’ija, katən iski* ‘Одевайся, на улице холодно’; *Jōχi lōηa*

eŋxasija, šaj jiŋsa ‘Домой заходи, раздевайся, чай попей’; *Un iki māšjajən χirət ūsli pa uxəl pātija χuśsəlli* ‘Старик молча взял мешок и привязал ко дну розвальней’; *Ma lūwela oχ māti werem us* ‘Я должен был дать ему денег’.

2. *Однокоренными* лексическими единицами, главным образом, глаголами, в результате присоединения к одному и тому же слову антонимичных превербов, например:

2.1. *Ara* (со значением рассредоточенности действия, направленности в разные стороны) – *jāxa* (со значением сосредоточенности действия), например: *ara pōnti* ‘разложить’ – *jāxa pōnti* ‘сложить’, *ara woštati* ‘разогнать’ – *jāxa woštati* ‘согнать’, *ara mānti* ‘разойтись’ – *jāxa mānti* ‘сойтись’.

2.2. *Jel* (со значением направленности движения вперед/дальше/в сторону) – *jōχli* (со значением - направленности движения назад/обратно), например: *jel šušti* ‘отойти’ – *jōχli šušti* ‘возвратиться’; *jel nawərməti* ‘отскочить’ – *jōχli nawərməti* ‘заскочить’;

2.3. *Il* (со значением направленности действия вниз) – *nōχ* (со значением направленности действия вверх), например: *il woškəti* ‘сбросить’ – *nōχ woškəti* ‘подбросить’, *il wakti* ‘сползать’ – *nōχ wakti* ‘выползать’, *il jiti* ‘спуститься’ – *nōχ jiti* ‘подняться’;

2.4. *Kim* (со значением – направленности действия наружу) – *jōχi* (со значением направленности действия внутрь или назад), например: *kim tuti* ‘выносить’ – *jōχi tuti* ‘заносить’, *kim esəlti* ‘выпустить’ – *jōχi esəlti* ‘запустить’, *kim alti* ‘вытаскивать’ – *jōχi alti* ‘затаскивать’, *kim woškəti* ‘выбросить’ – *jōχi woškəti* ‘забросить’.

По *семантике* выделяются следующие группы антонимов:

- антонимы, обнаруживающие *качественную противоположность*. Они в языке реализуют контрарную противоположность и обнаруживают градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая характеризует постепенную модификацию качества, свойства, признака, например: *kawrəm* ‘горячий’ – *potəm* ‘холодный’, *jurəŋ* ‘сильный’ – *šomli* ‘слабый’, *aj* ‘маленький’ – *in* ‘большой’. Сюда также присоединяются антонимы, обозначающие временные и пространственные координаты, не являющиеся качественными словами, но обладающие своеобразными ступенчатыми парадигмами, например: *mōlya* ‘вчера’ – *tāmχātəl* ‘сегодня’ – *χālewət* ‘завтра’, *oləŋ* ‘первый’ – *kūtəp* ‘средний’ – *pelək* ‘правый’;

- антонимы, обнаруживающие *дополнительность (комплементарность)*. Их парадигмы представлены часто двумя членами. Например: *rāχəl* ‘можно’ – *ət rāχəl* ‘нельзя’, *šawiti* ‘беречь’ – *šūkatti* ‘ломать’, *sorəm* ‘сухой’ – *īŋki* ‘влажный’, *sīstam* ‘чистый’ – *χuleŋ* ‘грязный’, *χōjatəŋ* ‘женатый’ – *χōjatli* ‘холостой’. В случае отрицания одного из членов подобного противопоставления дает значение другого: *ət sawiti (jōtti ət)* ‘не беречь (игрушки)’, значит *šūkatti* ‘ломать (игрушки)’.

Антонимичные единицы этой группы, которые выражают строгую комплементарность, характеризуются дизъюнктивным (отграничительным) характером своих значений, например: *kāšaŋ* ‘больной’ – *jām* ‘здоровый’, *ōlma* ‘вранье’ – *weškat* ‘правда’, *nāš* ‘тупой’ – *pāsti* ‘острый’. В выражениях типа *Lūw ānta wōlaŋ jām* ‘Он/она не совсем здоров/здорова’ передан имплицитный (скрытый) смысл содержимого, что связано с обиходным эвфемистическим (амортизированным, смягченным) использованием слов, настоящий смысл которых – ‘болен’, ‘неправда, заблуждение, ложь’. Комплементарную противоположность выражает сравнительно небольшое количество слов. Она не является градуальной, так как вся шкала противопоставления представлена здесь двумя противоположными членами, дополняющими друг друга, так что отрицание одного из них дает значение другого: *imi tājl* ‘не холостой’ = *pilne tājl* ‘женатый’; *seməŋ* ‘не слепой’ = *seməl jāma nila* ‘зрячий’;

- антонимы, обнаруживающие *противоположную направленность действий, свойств и признаков*, выражающие сконцентрированную векторную направленность, которые долгое время фактически оставались за пределами научных изысканий лингвистов. Это такие полярности, как: *lumətləti* ‘одеваться’ – *eŋxəsəti* ‘раздеваться’, *lōŋti* ‘входить’ – *etti* ‘выходить’, *jelli* ‘вперед’ – *jōχli* ‘назад’, *rāmək* ‘заход’ – *χuśəl* ‘восход, рассвет’.

Основные *функции* антонимов раскрываются, в основном, в определенных контекстах, где им свойственно, прежде всего, контактное употребление, например:

- противопоставление: *ma kilsəm, a lūw oləs* ‘Я встал, а он спал’, *lūw mānəs, ma χāssəm* ‘Он уехал, я остался’, *nāŋ tašəŋ, ma šek nūša* ‘Ты богат, а я очень беден’;

- превращение одной противоположной сущности в другую: *χōj išən wōlli ken uləpsa šek lāwərtə jūwəntijəl* ‘Иногда легкая жизнь становится очень тяжелой’;

- чередование, цепь фактов, из которых один не может быть синхронно с другим, но возможен после другого: *Lūw uχləl χūšələsli pa losətəsli* ‘Он нарты (букв. содержимое нарты, багаж) разбирает и снова собирает’;

- взаимоисключение: *ašem ulmalən isa tōrli jastəlijs tāmen tāmiti weri, tūmen tūmiti weri* ‘Мой отец в жизни всегда так говорил: это сделай только так, а это именно так’; *Ma lūwel χōj išən ewlələsəm, χōj išən āt ewlələsəm* ‘Иногда я ему верил, а иногда нет (букв. не верил)’.

Противоположность внутри одной и той же сущности в хантыйском языке наблюдается также в особой разновидности антонимии, в так называемой *энантиосемии*, или внутрисловной антонимии. Этим термином обозначается «появление у слова противоположного значения (иногда вытесняющего первоначальное, иногда сосуществующего с ним)» [3, с. 208]. Практический материал свидетельствует о том, что фактически противоположными являются значения одного того же слова, например: *jōwra pōtərti* ‘оговориться’ (намеренно) – ‘сделать оговорку’ – *jōwra pōtərti* ‘оговориться’ (случайно, нечаянно) – ‘ошибиться’. Формальным выражением ее «служат различия в синтаксической или лексической сочетаемости слова в его полярных значениях» [1, с. 29].

В хантыйском языке шурышкарского диалекта весьма распространена речевая энантиосемия. Фактический материал подтверждает, что чаще всего проявляется здесь не прямая противопоставленность, а частичная, связанная с оценочными моментами. Вот несколько различных примеров, которые дадут некоторое представление о том, что традиционно относят к энантиосемии: *lūw ši ošəŋ!* ‘Умен же он!’ (=глуп); *Jernasen ši χōraməŋ!* ‘Платье такое красивое!’ (=об испачканном платье, о слегка неряшливом внешнем виде человека). Наиболее полно антонимия реализуется в определенных «диагностических» контекстах, например: *χūw mātsət, wan mātsət, χōjən wantəm* ‘долго ли ехали, коротко ли ехали, кто знает’ (букв. долго ехали, коротко ехали, кто их видел); *χələwta jis, χušl tup etəs, lōχləl pōtsət; χuləm χu χuləm juš pela šušməsət. ... rāmkamtəm kemən in muntī χulma mānəm jušela jōχətsət* ‘На завтра, на рассвете лыжи надели; втроем в три дороги отправились. ... на закате обратно вернулись’. Внутрисловная антонимия наблюдается в речевых конструкциях, например: *Šiti šuštem elti χōl tāpsəm pa ši kūt numəsələm: a mīj jellī mānti, a mīj jōχli mānti* ‘пока так шел, заблудился и между тем размышляю: то ли дальше ехать, то ли вернуться’.

Таким образом, центральным при определении лексической антонимии является понятие противоположности. В целом, в зависимости от условий, как языковых (характер контекста, смысловые акценты, средства выражения и др.), так и внеязыковых (определенная ситуация, возраст, специальность людей, их опыт), противоположными могут оказаться различные предметы, явления и соответствующие им слова. Антонимия, соответственно, как явление языка, должна быть определена как смысловая противоположность, закрепленная в нормах словоупотребления.

Развитие антонимических отношений в лексике хантыйского языка отражает восприятие действительности во всей ее противоречивой сложности и взаимообусловленности. Поэтому контрастные слова, как и обозначаемые ими понятия, не только противопоставлены друг другу, но и тесно связаны между собой. Для того чтобы вступить в антонимические отношения, слово должно содержать качественный признак, на основе сравнения с которым возникает антонимия. Чаще всего в подобные отношения вступают лишь слова, находящиеся в одной и той же лексической парадигме, обозначающие логически совместимые понятия, поэтому, естественно, больше всего антонимов у качественных прилагательных и наречий.

Литература

1. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1973. 289 с.
2. Новиков Л.А. Лексикология // Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. 3-е изд. / Под общ ред. Л.А. Новикова. СПб.: Лань, 2001: 864 с.
3. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Комкнига. 2006. 336 с.

УДК 811.511.142'367.623.4

*А.А. Главан***ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ
ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ ХАНТЫ**

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные моменты социолингвистической ситуации, в которой в настоящее время оказались носители сургутского диалекта хантыйского языка. В условиях русско-хантыйского языкового контакта у коммуникантов происходит спорадическое изменение моделей образования отдельных числительных, что может говорить о постепенной утрате хантыйского языка и переходе на доминирующий русский язык.

Ключевые слова: хантыйский язык, языковые контакты, образование числительных, языковой сдвиг.

*А.А. Glavan***SOME FEATURES IN FORMING AND USING OF NUMERALS
BY MODERN KHANTY**

Abstract: The article regards particular aspects of the socio-linguistic situation that currently exists for speakers of the Surgut dialect of the Khanty language. In the course of Russian – Khanty language contact, the cases of inner code switching at forming numerals may give evidence of gradual loss of the Khanty language and a transition to the predominant Russian language.

Key words: the Khanty language, language contact, numerals, inner code switching, language shift.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры помимо издревле живущих титульных этносов, народов ханты и манси, проживают свыше 125 национальностей и этнических групп, взаимодействие между которыми сформировало единый социокультурный и языковой ландшафт. Однако монопольной функцией во всех основных сферах обладает русский язык, что обусловлено его ролью языка межкультурного общения, а также принадлежностью к доминирующему в количественном отношении этносу. Так, по данным переписи населения в 2010 г., численность русских в ХМАО – Югре составляла 68,1%, а численность коренных малочисленных народов составила всего 2,2% от общей численности населения округа [4].

Ведущее положение русского языка по сравнению с титульными языками округа, хантыйским и мансийским, отмечаемое практически всеми исследователями, постепенно приводит к тому, что большая часть коренного населения, владеющего родным языком, переходит на доминирующий, т. е. русский язык [2]. Так, например, молодежь перестает говорить на языке своих предков, переезжает в города, заключает браки с представителями других национальностей (как правило, русскими), что не способствует сохранению хантыйского языка в современных условиях (в семьях, как правило, говорят преимущественно по-русски). Коренное население в лучшем случае – билингвы, к примеру, сургутские ханты общаются на хантыйском языке только друг с другом, в остальных случаях (с соседями, более молодыми родственниками, остальным окружением) – на русском языке.

Постепенная ассимиляция коренного населения и ситуация масштабного контакта хантыйского и русского языков может привести к возникновению ситуации языкового сдвига. При этом под языковым сдвигом понимается «постепенная утрата общностью этнического языка и переход на другой» [1]. Под языковым контактом понимается ситуация общения носителями хантыйского языка в своей среде обитания одновременно на более чем одном языке [3]. В условиях языкового контакта нередко отмечаются случаи переключения или смешения кодов, когда носители хантыйского языка переключаются в речи с одного языка на другой. Кроме того, ситуация постоянного языкового контакта может вызывать изменения и в структуре исходного языка: в диалектах хантыйского языка появляется все большее количество лексических заимствований из доминирующего языка, кроме того, под влиянием русского языка упрощается либо изменяется грамматическая структура [3].

В связи с этим наше внимание привлекли случаи нетипичного образования и употребления отдельных числительных в речи сургутских ханты под влиянием хантыйско-русского языкового контакта. Как известно, числительные – это наиболее древний пласт лексики языка, который, как правило, не подвергается внешним воздействиям. Как отмечает С.Х. Хакназаров, еще «в архаических культурах критериями определения родного языка было то, на каком языке человек считал (например, зерно, скот) или видел сны» [4]. Однако в ходе полевых исследований в местах компактного проживания носителей сургутского диалекта хантыйского языка (Сургутский район ХМАО – Югры) мы констатировали случаи использования информантами в обиходной речи наряду с собственно хантыйскими числительными также русских числительных. Так, например, в спонтанной диалогической речи, при общении друг с другом, при диктовке телефонных номеров происходило переключение кодов и для выражения концепта числа (номера) вместо хантыйских использовались русские числительные.

С другой стороны, наблюдалась тенденция, когда большинство информантов могло вспомнить названия числительных лишь первого десятка. При назывании числительных второго десятка возникали затруднения, некоторые носители сургутского диалекта начинали путать или совсем не могли вспомнить модели словообразования соответствующих разрядов числительных и переходили на русский язык. В тех случаях, когда информанты продолжали называть соответствующие числительные на сургутском диалекте хантыйского языка, они выбирали порой не хантыйские, а русские модели образования числительных.

Так, например, у некоторых носителей затруднения вызвали числительные третьего десятка, которые в сургутском диалекте хантыйского языка характеризуются своеобразием модели образования и отличаются от соответствующих числительных в западных хантыйских диалектах. Так, в казымском и других западных диалектах числительные промежуточных десятков образуются, как и в русском языке, с помощью регрессиентного сложения компонентов, выраженного имплицитно: напр., «25» – *χuswet*, *χəswet* («двадцать» – «пять»). В восточных диалектах числительные от «21» до «29» образуются несколько по иной модели, а именно посредством регрессиентного сложения элементов, выраженного эксплицитно: ср. «25» – *qos-ərki-wet* (букв. «двадцать – больше, лишней – два»). Еще примеры: сург. (тр.-аг.) *At pän qatəl qosərki ñili ças* «В сутках 24 часа»; *Ma qosərki wät ohyi jələm* «Мне будет 25 лет»; *Min wolləmən qosərki lapət ol* «Мы (двое) живем 27 лет»; *Ma äwəm qosərki n'ilyə ohyijəy* «Моей дочке 28 лет исполнилось»; *Ma ikəm qosərki irjəy weli tājəl* «Мой муж 29 оленей имеет». Однако у отдельных информантов образование соответствующих числительных осуществлялось по западному образцу: сург. (тр.-аг.) *qos əj*, *qos katjən*, *qosqotum*, *qosñil*, *qoswät* / *qosərkiwät*.

Таким образом, мы наблюдаем один из случаев, когда в исходном хантыйском языке под влиянием русского языка спорадически меняется модель образования соответствующей группы числительных.

В ряде случаев у носителей сургутского диалекта хантыйского языка затруднения вызывало также образование числительного «девяносто», которое в отличие от других числительных, обозначающих круглые десятки и образованных мультипликативным способом, имеет особую модель образования. Данное числительное образуется по той же субтрактивной (вычитательной) схеме, что числительное «девять», и представляет собой сокращенную форму от прахантыйского *ěj-ěrt-śata («один – дополняющий – сто»), ср.: вах., вас. *ěj-ěr-sat*, сург. *ir-sât, ür-sât*; каз. *jär-sot*, обд. *jär-sat*, шур. *jersât*. Например, сург. (тр.-аг.) *Píräs' iki irsot irjəj ołə jəj* «Старику 99 лет исполнилось».

Интересно отметить, что при образовании числительного «90» некоторые носители сургутского диалекта часто затруднялись сразу назвать число и путали *irjəj* («девять») и *irsât* («девяносто»). Форма *irsât* чаще всего называлась при отвлеченном счете, например, *wät-jəj* «50», *qut-jəj* «60», *lapət-jəj* «70», *n'ıləj-jəj* «80», *irsât* «90», *sât* «100». В контексте в условиях спонтанной речи наряду с формой *irsât* употреблялась также форма *irjəj*, ср.: *Irjəjəj* (или: *irsotəj*) *qatl mārəj wojəj kint'ət* «91 день зверя искали (они)»; *Ma ikəm irsâtirjəj weli tājəl* «Мой муж 99 оленей имеет».

Кроме того, при затруднениях, связанных с числительным «90», некоторые информанты прибегали к мультипликативной модели образования круглых десятков и образовывали данное числительное по аналогии с ними, ср. тр.-аг. *irjəj-jəj* «90» (букв. «девять-десять») (так же *wät-jəj* «50», *qut-jəj* «60» и т. д.)

По нашему мнению, вышеприведенные примеры свидетельствуют о постепенной утрате носителями хантыйского языка исконных моделей образования некоторых числительных и их изменении в условиях ситуации русско-хантыйского языкового контакта. Можно ли говорить в связи с этим о симптомах языкового сдвига? Возможно, поскольку система чисел является одной из самых глубинных систем языка и переключение в этой сфере кодов с исконного языка на доминирующий может быть одним из сигналов постепенной утраты хантыйского языка.

С другой стороны, чтобы говорить об общих тенденциях в изменении хантыйского языка в ситуации языкового контакта, требуется комплексное исследование в области образования числительных во всех диалектах хантыйского языка. На основе имеющегося материала (полевых исследований последних лет) правильнее все же говорить пока об отдельных окказиональных отклонениях от нормы языка, точнее о внутреннем переключении кодов у отдельных носителей хантыйского языка.

Список сокращений

Вас. – васюганский, вах. – ваховский, каз. – казымский, обд. – обдорский, сург. – сургутский, тр.-аг. – тромаганский говор сургутского диалекта, шур. – шурышкарский.

Литература

1. Вахтин Н.Б. Введение // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор, 2007. С. 5-14.
2. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера // Вестник Российской Академии Наук. 2004. Том 74, № 4. С. 301-309.
3. Потанина О. С. Внутреннее переключение кодов в хантыйском языке // Вестник ТГПУ. 2010. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-pereklyuchenie-kodov-v-hantuyskom-yazyke> (дата обращения: 05.02.2014).
4. Хакназаров С.Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008-2010 годах. Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2012. 202 с.

УДК 378(571.12)

М.А. Ставрук

РАСШИРЕНИЕ СПЕКТРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ПОСРЕДСТВОМ ПРОГРАММ УНИВЕРСИТЕТА АРКТИКИ

Аннотация: В статье говорится о роли академической мобильности как неотъемлемой черте современного высшего образования. При этом, по мнению автора, Университет Арктики увеличивает возможности сотрудничества вузов для реализации многоуровневого подхода, включающего профессиональное обучение и университетское образование, проведение исследований с учетом интересов коренных народов северных территорий России. Автор размышляет о необходимости более эффективной организации академической мобильности студентов СурГУ в рамках программ Университета Арктики с целью вступления университета в глобальный рынок образования с тем, чтобы стать высшим учебным заведением «международного класса». Итогом сотрудничества вузов может стать создание упрощенной и целенаправленной схемы мобильности студентов в рамках партнерских отношений, которые строятся на определенных общепринятых культурных ценностях: на принципах свободы знаний, защищенных автономией университета, и на отношении к знаниям как к важной ценности и средству социального прогресса.

Ключевые слова: академическая мобильность, Университет Арктики, программы академической мобильности, Бакалавриат Приполярного Регионоведения, Тематические сети.

М.А. Stavruk

EXPANDING THE RANGE OF EDUCATIONAL SERVICES FOR INDIGENOUS PEOPLE OF THE NORTH BY MEANS OF UARCTIC PROGRAMMES

Abstract: The article discusses the role of academic mobility as an integral feature of modern higher education. At the same time, according to the author, University of the Arctic increases the chances of cooperation between universities in order to implement a tiered approach, including vocational training and university education, research, while taking into account the interests of indigenous peoples of Russia's northern territories. The author reflects on the need for a more efficient organization of academic mobility of students from Surgut State University within UArctic programmes with a view to lead the university into the educational global market in order to become a world class institution. The result of cooperation between universities could be in creation of simplified and targeted student mobility schemes through partnerships, based on common cultural values: the principles of knowledge freedom, university autonomy and respect for knowledge as important values of social progress.

Key words: academic mobility, UArctic, academic mobility programme, Bachelor Circumpolar Regional Studies, Thematic Networks.

Для предоставления народам северных территорий России высококачественного образования, на наш взгляд, необходимо активно развивать академическую мобильность студентов в рамках Университета Арктики (UArctic) – «университета без стен», функционирующего на базе партнерских отношений ряда северных вузов, колледжей и

других организаций, которые делятся ресурсами, возможностями и опытом в области профессионального образования. Университет осуществляет деятельность в сфере высшего образования и исследовательской деятельности на Севере, работает в партнерстве с коренными народами, признавая их неотъемлемую роль в получении качественного образования, в сохранении и передаче знаний на Севере, стремится учесть их видение и включить их во все направления своей деятельности. Международный секретариат UArctic расположен в университете Лапландии в Финляндии. Значение *бренда* Университета Арктики может быть отражено, в большей степени, в высказывании: «Университет Арктики – это признанный партнер коренных народов Севера». Глобальной *целью* Университета Арктики является создание сильного, устойчивого приполярного региона силами северян и коренных народов посредством образования, обучения и обмена знаниями [6, с. 4]. Миссия Университета Арктики состоит в том, чтобы:

- сделать Север сильным регионом подготовки высококвалифицированных кадров, улучшения доступа северян к образованию и сокращения барьеров для получения высшего образования на Севере;
- служить обществу и развивать инициативы в партнерстве с северными народами, которые отвечают их потребностям и стремлению к образованию;
- способствовать обмену знанию и обсуждению актуальных вопросов, касающихся приполярного Севера, расширению возможностей для применения знаний;
- учитывать региональную специфику и уважать многообразие в приполярном регионе;
- усилить голос Арктики и роль Приполярного Севера в мире путем содействия распространению знаний о Севере [5, с. 85].

В соответствии со стратегическим планом развития на 2010–2013 гг., Университет Арктики предоставляет такое высшее образование, которое ориентируется на культуру, язык и особенности коренных народов севера и направлено на уникальные реалии среды обитания и географического расположения Арктических сообществ. Деятельность Университета Арктики сфокусирована на *пяти стратегических направлениях*: университетское образование, послеуниверситетское образование, академическая мобильность студентов, доступ к знаниям и диалог [6, с. 6-7].

Концепция развития Университета Арктики на 2009-2013 гг. предполагает:

- расширение возможностей для получения высшего образования и его применения на практике для северных сообществ – особенно для жителей отдаленных населенных пунктов и представителей коренных народов Севера;
- реализацию инновационных программ для повышения качества высшего образования на приполярном севере и подготовку высококвалифицированных кадров из северных сообществ, что предоставит им возможности карьерного роста;
- исследование тем развития человеческого потенциала на Севере, адаптации населения к изменению климата, развития энергетики с точки зрения технической, культурной, экономической и экологической перспективы;
- осуществление планомерной образовательной и исследовательской деятельности;
- увеличение возможности в сфере образования и исследовательской деятельности для студентов вузов – членов Университета Арктики – посредством развития тематических сетей;
- признание его как органа, продвигающего Арктическое обучение и сохранение наследия Севера в области высшего образования; сотрудничество с другими заинтересованными организациями на Приполярном Севере для усиления голоса Севера в глобальном мире [6, с. 34].

Конкретные цели деятельности Университета Арктики на период до 2015 г. предполагают, что:

- коренные народы и другие северяне будут по-прежнему играть важную роль в его развитии;
- тематические сети займут центральное место в приоритетных областях деятельности;
- будут внедрены хорошо организованные формы обучения и проведения научных исследований, увеличивающие потенциал северных вузов;
- члены Университета Арктики получают доступ к ресурсам данных о кадровом потенциале и опыте проживающих на Севере специалистов, а также к материально-технической базе, будут иметь возможность привлекать студентов для работы в тематически направленных научно-исследовательских группах;
- будет создан виртуальный доступ к обучающим программам Университета Арктики для коренных народов и других студентов северных поселений;
- Университет Арктики официально признает ряд сертифицированных программ вузов, которые будут использоваться как «ступеньки» при выполнении программы, ведущей к диплому Университета Арктики;
- члены Университета Арктики будут совместно использовать ресурсы для сотрудничества, включающие совместные образовательные программы вузов, программы академической мобильности, планы издательской деятельности; совместные программы вузов – членов Университета Арктики предоставят широкие возможности для выбора учебных программ студентам всего мира, заинтересованным в изучении проблем Севера;
- Университет Арктики продолжит работать в близком сотрудничестве с национальными и местными правительствами, включая правительства и организации коренных народов Севера и частный сектор;
- Университет Арктики станет независимым юридическим лицом с устойчивым финансированием государствами-членами Арктического Совета.

Важный элемент в структуре университета – Форум ректоров Университета Арктики. Состоялось три Форума ректоров: 1-ый – в 2007 г. в г. Ганновере, США, где было достигнуто соглашение об увеличении академической мобильности студентов и привлечении к участию в международных программах студентов и молодых исследователей коренного происхождения; 2-ой форум проходил в 2008 г. в г. Рованьеми, Финляндия, на нем была подписана Хартия Университета Арктики, провозгласившая создание сильной жизнеспособной приполярной территории, объединенной необходимостью продвижения знаний, полезных Северу, посредством осуществления совместной образовательной и научно-исследовательской деятельности и развития академической мобильности студентов. В резолюции III Форума ректоров «Партнерство университетов, бизнеса и власти на Циркумполярном Севере», состоявшегося в 2009 г. в г. Ханты-Мансийске ХМАО – Югры Тюменской области, были определены основные направления развития и сотрудничества, включающие: разработку международных программ академической мобильности студентов, направленных на повышение качества высшего образования; инвестирование в новейшие образовательные, исследовательские и инновационные проекты; сотрудничество с международной ассоциацией «Северный форум» и межправительственными агентствами ЮНЕСКО, Программой развития ООН (ПРООН) и Программой по окружающей среде ООН (ЮНЕП) [3].

Программная деятельность Университета Арктики строится вокруг трех основных программ: Бакалавриата Приполярного Регионоведения (Bachelor Of Circumpolar Studies – BCS); Программы сетевого взаимодействия – «Тематические сети» и Программы приполярной мобильности студентов «Север-Север». Эти программы составляют единое целое и обеспечивают солидную основу учебных программ и способов обучения студентов

в приполярном регионе. Вузы-участники несут ответственность за предоставление высококачественных программ мобильным студентам.

Деятельность Университета Арктики развивается в рамках Тематических сетей, ведущих работу по следующим направлениям: «Наращивание человеческого потенциала на Севере: соответствующее культурным традициям обучение и образование для устойчивых северных сообществ», «Адаптация к изменению климата: вызовы человеческому обществу и природе», «Север как энергетический регион: экономические, культурные, экологические, технические возможности, запросы и воздействия» и др. Эти темы взаимосвязаны и охватывают основные сферы деятельности вузов-членов Университета Арктики. Всеобъемлющая тематическая сеть освещает Север как энергетический регион, включая его экономические, культурные, экологические, технические возможности и потребности, а также развитие человеческого потенциала на Севере и адаптацию населения к изменению климата.

Бакалавриат Приполярного Регионоведения (Bachelor of Circumpolar Studies – BCS) является основной академической программой, созданной усилиями ученых из разных стран. Цель данной междисциплинарной программы – комплексное изучение Арктического региона: населения, истории и этнографии, экономики и политики, науки и культуры, языка и литературы, традиций и ценностей. Программа BCS включает следующие курсы: «Введение в приполярное регионоведение»; «Земля и окружающая среда приполярного севера» (часть I, II); «Народы и культуры приполярного севера» (часть I, II), «Современные вопросы приполярного севера» (часть I, II); 80% учебной программы было разработано авторами, которые проживают и работают на Севере, 20% – представителями коренных малочисленных народов Севера. Это новый способ для студентов вузов узнать о Севере посредством курсов, которые преподаются в разных университетах приполярного региона с использованием как традиционных, так и новейших методов непрерывного образования, адаптированных к условиям Севера.

Программа приполярной мобильности студентов «Север-Север» позволяет российским студентам проходить обучение в течение 1-2 семестров в университетах Скандинавии, Канады, Северной Америки, Исландии.

Механизм вхождения в программы Университета Арктики включает следующие этапы: сначала студенты направляют заявления об участии в программе в свои университеты; затем университеты договариваются о приеме студентов с принимающими вузами; далее принимающий вуз предоставляет список мобильных студентов в Национальное Агентство, которое принимает решение о финансировании участников программ. Обменные фонды переводятся непосредственно студенту или в принимающий вуз после его прибытия на место учебы. В свою очередь, студенты представляют отчеты об участии в программах в отправляющий вуз или Национальное агентство [4, с. 17].

На наш взгляд, участие в Программах приполярной мобильности под эгидой Университета Арктики является наиболее приемлемой формой для развития академической мобильности в вузах северных регионов России. Важность углубления и диверсификации международных связей с иностранными партнерами по всем направлениям деятельности, в том числе и образовательной, осознается и на региональном уровне, о чем свидетельствует Закон ХМАО – Югры от 18.04.2008 г. и долгосрочная целевая программа ХМАО – Югры «О повышении эффективности внешних связей в целях устойчивого развития Ханты-Мансийского автономного округа», принятая на период 2008–2011 гг. Два вуза нашего округа – Югорский государственный университет (ЮГУ) и Сургутский государственный университет (СурГУ), где имеется разнообразный опыт международной деятельности, – являются членами Университета Арктики. С 2006 г. Югорский государственный университет является официальным членом Университета Арктики. В рамках программы по поддержке культур финно-угорских народов осуществляются курсы русского языка для представителей деловых

кругов Финляндии. В вузе проводится языковая политика, основными компонентами которой являются: единая стратегия повышения языковой компетенции; существование системы моральных и материальных стимулов для изучения иностранных языков, преподавания и проведения исследований; создание инфраструктуры с необходимой финансовой поддержкой; включение в учебные планы углубленного изучения иностранных языков за счет регионального/факультативного компонента; дифференцированная языковая подготовка молодых специалистов; система переподготовки преподавателей иностранных языков [3].

С 1989 г. СурГУ является членом Ассоциации приполярных университетов, в последующем преобразованной в Университет Арктики, посредством которого студенты СурГУ получают доступ к образованию, которое развивается в приполярном регионе, является междисциплинарным и разнообразным по своей природе и способствует решению уникальных проблем региона. В рамках Университета Арктики студенты СурГУ имеют возможность участвовать в программе академической мобильности «Север–Север», программе приполярного регионоведения, имеют возможность проводить исследования в международной полевой школе. Программы академической мобильности студентов направлены на развитие их образовательного потенциала, формируют комплексный междисциплинарный взгляд на северные народы и их традиции, дают возможность получать специализированное обучение, совершенствовать знание иностранных языков, воспитывают толерантное отношение к представителям других культур, способствуют развитию приполярной академической мобильности [2, с. 69]. Кроме того, в СурГУ в качестве эксперимента была проведена серия семинаров из цикла «Развитие академической мобильности студентов СурГУ в рамках Университета Арктики». По результатам опроса, в котором принимали участие 25 студентов группы 23-75, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление», слушателей курса, было установлено, что в результате прохождения курса обучающиеся: получили знания об основных механизмах организации академической мобильности студентов; познакомились с системой и основными направлениями нормативно-правового и финансового обеспечения академической мобильности студентов; закрепили полученные знания на практике при оформлении заявок и анкет для участия в программах академической мобильности, организованных Университетом Арктики. Однако, наряду с положительными результатами в данной области, нельзя не обратить внимания на имеющиеся *проблемы*, а именно: академическая мобильность в СурГУ осуществляется, в основном, в виде индивидуальной мобильности, когда студенты разрабатывают зарубежные маршруты для образовательных целей самостоятельно; отсутствие целенаправленного финансирования зарубежных академических поездок студентов; недостаточный уровень владения иностранными языками; низкие темпы внедрения модульного обучения и европейской системы кредитно-зачетных единиц как средства, способствующего и обеспечивающего развитие академической мобильности студентов [1, с. 158-159].

В настоящее время в СурГУ существует понимание необходимости более эффективной организации академической мобильности студентов с целью вступления университета в глобальный рынок образования с тем, чтобы стать высшим учебным заведением международного уровня. При этом особая роль, на наш взгляд, должна отводиться *региональному сотрудничеству* в рамках программ Университета Арктики. Итогом сотрудничества вузов может стать создание упрощенной и целенаправленной схемы мобильности студентов в рамках партнерских отношений, которые строятся на определенных общепринятых культурных ценностях: на принципах свободы знаний, защищенных автономией университета, и на отношении к знаниям как к ценности и средству социального прогресса.

К долгосрочным задачам в области международного сотрудничества СурГУ относятся следующие:

- обеспечение интеграции вуза в международное научно-образовательное пространство и развитие академической мобильности студентов и преподавателей;
- содействие установлению стабильных отношений вузов-партнеров; участие в разработке и реализации с зарубежными партнерами образовательных, научных и культурных проектов;
- изучение и использование опыта зарубежных университетов в области образовательного менеджмента.

Новое время выдвигает инновационные требования к образованию. Очевидно, что академическая мобильность становится неотъемлемой чертой современного образования и имеет тенденцию к возрастанию [1, с. 71]. При этом Университет Арктики увеличивает возможности сотрудничества вузов для реализации многоуровневого подхода, включающего профессиональное обучение и университетское образование, проведение исследований с учетом интересов коренных народов северных территорий России.

Литература

1. Ставрук М.А. Содержание и организация академической мобильности студентов Финляндии. Ярославль: Ремдер, 2010. 260 с.
2. Чистохвалов В.Н. Анализ состояния академической мобильности студентов в странах «Болонской зоны» // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве : мат-лы VI Междунар. науч. конф., 19-20 авг., 2009., Римини. 2009. С. 15-21.
3. ЮГУ принимает UArctic. 2009. URL : <http://www.ugrasu.ru/university/rector/news/?id=721>. – Загл. с экрана.
4. Dervin F. Figures of strangeness: blending perspectives from mobile academics / F. Dervin, M. Byram // Student, staff and academic mobility in higher education. Cambridge : Cambridge Scholars, 2008. P. 237-260.
5. Exploring Student Mobility, Global Competence through Research // International Educator. 2006. Vol. 15, № 6. P. 12.
6. UArctic Strategic Plan 2009-2013. – Rovaniemi : University of the Arctic, 2009. 15 p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Апология философии

Человечащее человека начало есть начало философствующее.

А.В. Ахутин

Мудрость не является чрезмерно ходовым товаром – в этой сфере никогда не было перепроизводства.

Ж. Маритен

Отношения общества и философии всегда складывались непросто. Даже в Греции, на родине философии, отношение к философам было противоречивым: борясь за право включения в список «семи мудрецов» своего соотечественника, порой оказывая почести философам, сравнимые с почестями богам (например, Пифагору, Зенону Китионскому), слагая легенды об их жизни (в частности, о жизни Платона), общество вместе с тем жестоко карало мыслителей преследованием, насмешками, изгнанием и даже казнью за свободомыслие и разрыв с традицией – интеллектуальной или религиозной, – чувствуя в их идеях опасность для своей безоблачной стабильности.

Мы можем вспомнить периоды в истории, когда подлинная философия вызывала острую враждебность со стороны носителей официальной идеологии, представителей власти, изменяла самой себе, облачаясь в одежды догматических кодексов самого разного толка, играя роли от «служанки богословия» в средние века до практического руководства по строительству «самого справедливого общества» в XX веке.

Впрочем, что ходить далеко – легко заметить, что обыденное словоупотребление слов «философия», «философствование» зачастую сопровождается ироническими интонациями и откровенной насмешкой: «не философствуй, а займись делом», «развели философию», «мы люди простые, нам не до философии». Очевидно, что «не до философии» «простому человеку» не по причине ее недоступности и непонятности, а, в первую очередь, – в связи с отнесением ее к категории странных, необязательных или даже обременительных в повседневности сфер знания и деятельности.

Философию зачастую упрекают в том, что вопросы, которыми она задается, далеки от практических задач; что ее знание плохо соотносится с опытом, а то и противоречит ему (вспомним известное выражение Гегеля «Философия – это мир наыворот»); что она размышляет над вопросами, превосходящими возможности человеческого познания, что, начиная с греков, задает одни и те же вопросы, напрочь отрицая тем самым столь дорогую нашему сердцу идею прогресса в познании. К упрекам в практической бесполезности и бесплодности философии можно добавить еще два, столь же часто звучащие. Один из них обращен к той особенности философии, что ее истины не являются ни общепонятными, ни общепригодными, будучи всегда результатом одинокой мысли, в них нет «окончателности», «объективности» в том смысле, как ее понимает наука. Второй же состоит в негласном признании «неудобства» философии для большинства. Она действительно неудобна тем, что лишает покоя, опрокидывает привычки, не потакает нашим маленьким – и не маленьким – слабостям, требует мужества и личностного мышления. Философия сомневается там, где обыденному взгляду все ясно, переворачивает «самоочевидное»; осмысливая и упорядочивая реальность с помощью добытого знания, возвращает его своими сомнениями и вопросами в изначальное состояние тьмы, хаоса, неясности.

Сомнения в философии касаются, в том числе, и самого ее предмета. Многие выдающиеся мыслители, внесшие свой оригинальный и содержательный вклад в философию, вдруг задаются вопросом – а что такое философия? Для чего она предназначена? В чем ее задачи? Каковы ее возможности? Что представляет собой «подлинная» философия?

Исток философии – удивление, *πάθος*, и другого источника философии, другого ее «откуда», кроме этого, не существует, писал Платон (Теэтет, 155d). О том же говорил и Аристотель: «Именно благодаря удивлению люди достигают теперь, как и впервые, господствующего истока философствования» (Мет., А2, 982d 12 sq). Это очень важная мысль, проясняющая специфику философского знания, деятельности философа, его социального назначения и причины недоверчивого, враждебного или ироничного отношения общества к нему. Не просто философия как новая, особого рода познавательная деятельность началась в V веке до н. э. в Греции с удивления – каждый, кто занимается философией, должен непременно возвращаться к этому истоку – удивлению, преодолевая механическое следование традиции, инерцию мыслительного русла, стандарты, задаваемые и поддерживаемые обществом. Философствующий всегда одинок и, изучив существующую философию, начинает сначала, создавая собственную. Неизбежное отрицание им предшествующих достижений не просто трудно – это один из трагических моментов его жизни. Он непонятен большинству новизной своих идей, подозрителен самой интенцией к новому, не бывшему ранее, он более, чем кто-то другой, уязвим для критики, он более, чем кто-то другой, рискует ошибиться.

Споря с предшественниками и современниками, противореча самому себе, философствующий ищет и прокладывает свой собственный путь во тьме. А потому даже признанные великие умы могут заблуждаться – оставаясь при этом великими умами. Как признавал Ж. Маритен, Ж.-Ж. Руссо был великим мечтателем и слабым философом, Гегель же, напротив, – неумелым мечтателем и великим философом, однако именно Гегель втянул современный мир в ошибки, гораздо более значимые, чем те, что принадлежат Руссо (Ж. Маритен, «Философ во Граде»). Однако, даже заблуждаясь по поводу истины, философы не устают искать ее, и вся их деятельность – постоянное напоминание о необходимости этих поисков.

Когда-то наука и философия, до их дифференциации, представляли собой синкретичное теоретическое знание, общий интеллектуальный поиск, целью которого была истина, ценность которой признавалась безусловной. И сейчас истина есть цель, а не средство, и для науки, и для философии. Различие же между ними состоит не только в предмете исследования (наука изучает частные фрагменты реальности, определенные ее области, а философия – предельно общие вопросы, касающиеся мироустройства в целом). Главное различие состоит в нюансах по-прежнему общей цели: наука ориентирована на открытие истины, философия – на прояснение ее смысла. Как заметил М. Шлик, в каждой научной области установление истинности какого-либо утверждения влечет за собой вопрос о его смысле. В силу неочевидности смыслов специфическое предназначение философии и делает ее зачастую объектом критики, обвинений в произвольности и субъективности суждений, их «безответственности» в силу отсутствия эмпирических, зримых подтверждений.

Однако еще Аристотель отмечал, что люди, имеющие опыт взаимодействия с единичными вещами, с конкретными объектами реальности (например, опыт возделывания земли, гончарства, лечения и т. п.), преуспевают больше, чем те, кто обладает отвлеченным знанием. Тот, кто лечит, говорит Аристотель, лечит не человека вообще, а конкретного Каллия или Сократа, и достижения его очевидны, в них может убедиться любой (Мет. I 1 981a 10-25). Знание же принципов лечения или выздоровления – более отвлеченное, чем опыт лечения Каллия, а философское представление о понятии «здорового» или понятии «блага» есть еще более отвлеченное знание. Однако обладающие знанием, в отличие от обладающих только опытом, имеют важное преимущество: они знают «почему», тогда как последние знают только «что».

Разумеется, нефилософы – и на уровне науки, и на уровне повседневности – тоже ставят, как говорил Л. Витгенштейн, «вопросительные знаки», но на недостаточной глубине, не затрагивая начал и концов, не интересуясь глубинными причинами и основаниями. Однако, как выразился великий австрийский мыслитель, главные проблемы жизни неразрешимы в «поверхностных размерностях». Философия же видит свою задачу как раз в том, чтобы заглянуть в самый корень затруднений, безусловно, рискуя, поскольку попытка конечного существа понять бесконечный мир в самых его основаниях не может не выглядеть безрассудной амбицией. Но в том и уязвимость, и достоинство философии, что она вся – вопрошание, вся – сомнение, вся – суть критика самой себя, вся – попытка превзойти возможное. Лишение ее сомнений, множественности мнений, права на неокончателность, запрет на противоположность ответов, заключение в границы дозволенного означали бы ее убийство.

«Все другие науки более необходимы, нежели она, – писал Аристотель, – но лучше – нет ни одной» (Мет., I (A) 2 983a 10). Почему же лучше? В чем польза негарантированной игры ума одиночек, неудобной и непонятной большинству, далекой от их практических повседневных забот? «Простой душе невыносим / Дар тайнослышанья тяжелый», – писал В. Ходасевич. Чем же полезна философия «простой душе», которой она тяжела и неудобна, которой она кажется бесполезной?

Человек живет повседневностью, и большую часть жизни, конечно, не возвышается над ней, а обживает и проживает ее. Но обживать можно по-разному, либо просто устраиваясь в ней, прилаживаясь к ее несовершенствам, просчитывая ее, либо обустроивая ее в соответствии с собственными представлениями о норме, образце, идеале, цели.

Философия выше зримой пользы повседневности, выше сиюминутных целей, она не содержит инструкций по поводу практических действий здесь и сейчас. Но эти действия всегда имеют под собой определенную философскую позицию по поводу оснований человеческого бытия. Философия ориентирована не на овладение вещами, а на достижение истины и следование по пути свободы. Эти две ценности отнюдь не воспринимаются как безусловные: усвоенный набор привычных, одобряемых и воспроизводимых обществом установок, дающих немедленные материальные или политические дивиденды, удобен и привлекателен, а от добра добра не ищут, и вообще, «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Отказ от критического восприятия навязываемых позиций, от собственных поисков ответов на животрепещущие вопросы сего дня, отказ от сомнений означает отказ от свободы. Общества, где довлели традиция или тоталитарная идеология, всегда ненавидели философию и философов потому, что нуждались в безотказных винтиках бесконечно воспроизводящегося механизма, а не в человеке. Философия выглядит неблагонадежной в их глазах именно потому, что вечно сомневающаяся и ищущая мысль помогает прорасти в человеке действительно человеческому началу.

Нет возраста, когда заниматься философией было бы слишком рано или поздно.

Не бывает эпох, когда философия была бы несвоевременной, лишней, ненужной.

Но как бывают особые, «метафизические» возрасты, когда философия нужна, как воздух, – это юность и старость, – так есть эпохи, переломные, кризисные, когда философия становится сильным и единственным средством, чтобы удержать человечество от расчеловечения, от превращения в орду, не позволить, чтобы оно, как дитя со спичками, уничтожило само себя и мир вокруг.

Дорогие друзья! Впервые в истории нашего журнала рубрика «Наука» представлена философией – особой сферой теоретического знания, не относящейся ни к одной из научных областей, но ставшей матерью всех наук. Даже вскользь брошенный на оглавление взгляд способен отметить широкую тематическую палитру текстов, необыкновенный географический размах (Россия, Великобритания, Норвегия, Швеция, Украина) и даже статусное разнообразие (при том, что философия как философствование

не признает степеней и званий): от признанных авторитетов в современной мысли до тех, кто делает в философии первые, но уверенные шаги.

Статьи, представленные в рубрике, вряд ли нуждаются в наших дополнительных пояснениях: имеющий уши да услышит. Заинтересованное прочтение позволит каждому самостоятельно оценить оригинальность идей и подлинно философскую глубину поднимаемых проблем. Однако невозможно не сказать хотя бы несколько слов о наших авторах.

Несомненно, особый интерес вызовет статья **Михаила Эпштейна**, известного философа, культуролога, автора оригинальных концепций проективной лингвистики, перспектив развития человечества в условиях виртуализации и дематериализации основ его существования, семиотики повседневности, концепции внеконфессиональной ("бедной") религии, теории метареализма. Заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта, США), директор Центра гуманитарных инноваций, профессор Даремского университета (Великобритания), лауреат премии «Liberty» за вклад в русско-американскую культуру и развитие культурных связей между Россией и США, Михаил Эпштейн является автором более двух десятков книг, переведенных на 15 языков, более 600 публикаций только на английском и русском языках. Предметом особого внимания мыслителя являются парадигмальные сдвиги гуманитарных наук, руководством исследований в области которых Михаил Эпштейн занимается в качестве директора Центра гуманитарных инноваций Даремского университета (Великобритания).

Мы рады представить читателю **Руслана Лошакова** (Швеция), доктора философских наук, профессора. Автор глубоких исследований, посвященных онтологической и метафизической проблематике (среди которых, в частности, книги «Различие и тождество в греческой и средневековой онтологии», «Отношение разума и веры в новоевропейской метафизике. Августин – Декарт – Паскаль»), специалист в области проблемы соотношения языка и сознания, феноменологии и герменевтики, Руслан Лошаков читает авторские курсы лекций на английском, русском и французском языках в университетах Норвегии, Франции, России.

Публикации **Михаила Немцева**, кандидата философских наук, магистра гендерных исследований, доцента кафедры философии Новосибирского государственного университета экономики и управления, отличаются неизменной остротой тем, яркостью стиля, актуальностью проблематики. Сфера его научных интересов включает в себя социальную критическую теорию, континентальную философию, антропологию повседневности. Помимо преподавательской деятельности, Михаил Немцев читает публичные лекции (в этом году был прочитан цикл публичных лекций «Идеология и этика» в г. Новосибирске), является участником ряда групповых исследований постсоветского общества. С нашим городом его связывает работа заместителем главного редактора журнала «60-я параллель».

Статья **Александра Соловьева**, доктора философских наук, профессора кафедры культурологии Рязанского государственного университета, представляет собой образец глубокого анализа и компактной презентации одной из насущных проблем современного общества – динамики и сущности медиакультуры. Александр Соловьев – блестящий специалист в области проблем социальной структуры и коммуникативной культуры информационного общества в современной России и США, а также культуры повседневности. Он автор нескольких спецкурсов на русском и английском языках и более чем полусотни публикаций по этим темам, организатор и активный участник различного рода профессиональных коммуникаций российских вузов с университетами и колледжами США в качестве переводчика, лектора, научного консультанта, автора разнообразных международных проектов; бессменный

организатор и душа ежегодного философско-культурологического международного симпозиума «Человек в мире культуры».

Среди наших авторов – два молодых, интересных и перспективных исследователя из ближнего и дальнего зарубежья: **Сергей Климань** (Украина) и **Карл-Фредрик Вегнер Корснес** (Норвегия). Обоих характеризует широта научных и философских интересов, в центре которых – философско-антропологическая проблематика.

Сергей Климань – магистр филологии, соискатель Центра гуманитарного образования Национальной Академии наук Украины (Киев), член Донецкой ассоциации религиоведов, автор публикаций по филологии и истории русской религиозной философии.

Карл-Фредрик Вегнер Корснес – бакалавр искусств (специальность «философия»), бакалавр наук (специальность «политические науки»), выпускник Вест-Честерского университета, Пенсильвания, США. Несмотря на свой молодой возраст, Карл успел поучаствовать во многих значимых философских форумах, включая XXIII Всемирный философский конгресс в Афинах. В сферу его интересов входят феноменология, экзистенциалистская философия С. Кьеркегора и М. Хайдеггера, метафизика Г.В. Лейбница и И. Канта, исследования на пересечении аналитической и континентальной философии, проблемы современного искусства.

Думается, что представленные работы вызовут у читателя желание основательно познакомиться с научным творчеством наших авторов, а их суждения станут побудительным импульсом для собственных поисков ответов на вечные вопросы, для которых не существует «гуманитариев» и «технарей», для которых не бывает «слишком рано» или «слишком поздно».

От имени редакции хотелось бы выразить глубокую признательность всем нашим авторам, благодаря которым стал возможен этот выпуск.

Т.Ю Денисова

УДК 1(091)(430)

*Р.А. Лошаков***КАНТОВСКОЕ А PRIORI КАК ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Аннотация: Главным вопросом статьи является возможность понимания кантовского *a priori* как эсхатологической реальности. Решение третьей космологической антиномии, которое Кант дает в «Критике чистого разума», включает в себя различие между *временем* и *временностью*. Последняя является свободой в качестве акта сознания. В свою очередь, акт сознания есть сознание *как акт*. Поэтому анализ данной проблемы приводит к различению совершенных и несовершенных действий, которое провел Аристотель в девятой книге «Метафизики». В отличие от несовершенных действий, которые всегда направлены на внешнюю цель, совершенное действие (*ἐνέργεια*) является своей собственной целью. Дальнейший анализ показывает, что оно обладает эсхатологическим *a priori*, которое выражается метафизическим «уже». Используя данный Аристотелем пример, можно сказать, что если мы мыслим, то это означает, что мы *уже мыслили*, если мы видим, то *уже видели*. Это *a priori*, которое можно назвать «прошедшим в будущем», является эсхатологической реальностью. С данных позиций обсуждается проблема синтетического единства сознания.

Ключевые слова: сознание, временность, энергия, актуальная бесконечность.

*R.A. Loshakov***KANT'S A PRIORI AS AN ESCHATOLOGICAL REALITY**

Abstract: The question under consideration in this article is the comprehension of Kant's *a priori* as eschatological reality. The solution of third cosmological antinomy which was given by Kant in the *Critique of pure reason* includes the difference between *time* and *temporality*. The latter is a freedom as an act of consciousness. In its' turn, the ontological explication of freedom is that the act of consciousness is consciousness *as an act*. Therefore the analysis of this problem leads to the difference between perfect and imperfect actions which has been introduced by Aristotle in the ninth book of *Metaphysics*. Unlike imperfect actions (*δύναμις*) which are always directed towards the extraneous purpose, the perfect action (*ἐνέργεια*) is its' own purpose. The further analysis shows that perfect actions have an *eschatological a priori* which is summarized in the metaphysical "already". Using the example given by Aristotle one can say that if we think, it means that *we have already thought*, if we see – *we have already seen*. This *a priori* that we can define as the "past in the future" is the eschatological reality. From this point of view the problem of synthetical unity of consciousness is being discussed.

Key words: consciousness, temporality, energy, actual infinity.

Аналитическое тождество трансцендентальной апперцепции у Канта отличается от множественности несводимого к этому тождеству данного. Но Я-заложник – это тождество, становящееся в искуплении всеми другими.

Э. Левинас

Бесконечное самообоснование свободного явления.

М.К. Мамардашвили

В данной статье будет предпринята попытка развернуть мысль Канта об априорных источниках нашего знания в эсхатологическом измерении. Это ни в коем случае не означает, будто мы должны выискивать между строк «Критики чистого разума» какие-то теологические импликации, что само по себе явилось бы совершенно праздным занятием. Напротив, необходимо взять мысль Канта в ее предельном выражении, понимая предельность в том самом смысле, в каком Жан-Люк Нанси говорит о мысли на пределе самой себя, т. е. мысли, готовой обернуться *неожиданностью события*. Другими словами, мы должны выявить в тексте «Критики чистого разума» такие «критические» точки, в которых мысль Канта ставит саму себя под вопрос, в которых она, выражаясь гегелевским языком, предстает как «свое иное». Одной из таких «точек» станет для нас третья космологическая антиномия, решением которой Кантом допускается, наряду с миром причинности, существование свободы.

Однако, прежде всего, следует высвободить само понятие априорности из непосредственного контекста задач трансцендентальной эстетики и аналитики, представив его в исключительно временном значении *чистого предшествования*. Взятая в этом значении, априорность выступает в темпоральной модальности «уже», как того, что дано *прежде любого* эмпирически определенного явления. Это «уже» имеет трансцендентальный характер, поскольку отсылает к тому, что находится вне всякой эмпирической последовательности явлений. Так, в последовательности эмпирических событий, ведущих от А к В, от В к С и т. д., А стоит прежде, чем В и С; однако при этом А не является тем, что *дано априори* по отношению к последующим событиям. В констатации этого факта заключается известный парадокс причинности Юма, демонстрирующий нам невозможность априорного выведения события В как следствия события А из самого А как его причины. Преодоление данного скептического парадокса становится возможным только при ясном понимании того, что вся временная последовательность, ведущая от А к В и от В к С *уже* охвачена темпоральностью *более исконной*, чем обычная последовательность явлений *во времени*, – темпоральностью, в горизонте которой всякое эмпирическое временное следование дано как *уже совершившееся действие*. Смысл третьей космологической антиномии заключается в полагании этой исконной и исходной темпоральности, к пониманию которой Кант подходит, чтобы здесь и остановиться, поскольку дальнейший шаг означал бы выход из проблемного горизонта «Критики чистого разума».

Как известно, тезис антиномии свободы и необходимости гласит, что все в мире подчинено закону причинности, вследствие чего всякое явление мира детерминировано предшествующей ему причиной, тогда как антитезис полагает наличие в мире свободных явлений. Решение Кантом этой антиномии в самом общем виде сводится к следующему: *совокупность объектов возможного опыта мыслится нами в категориях причинности, но, поскольку сама причинность есть априорная форма, налагаемая разумом на мир явлений, то сам разум, не будучи явлением чувственного мира, не подчинен закону причинности*. Вместе с тем сам закон причинности, как это следует из «второй аналогии опыта», задает определенную *последовательность явлений во времени*, откуда следует, что сознание (разум) в силу того, что оно не подчинено закону причинности, должно обладать совершенно иной темпоральной структурой, чем та, которой характеризуется обычная последовательность событий *во времени*. «Действительно, – говорит Кант, – сам разум не есть явление и не подчинен никаким условиям чувственности; поэтому в нем самом в отношении его причинности нет никакой временной последовательности, и, стало быть, к нему неприложим динамический закон природы, определяющий временную последовательность согласно правилам» [3, с. 338]. Намечаемое здесь Кантом различие самого *времени* и того, что *протекает во времени*, в дальнейшем получает следующее

разъяснение: «В нем (разуме – Л.Р.) нет предшествующего состояния, которое определяло бы последующее состояние, стало быть, он вовсе не принадлежит к ряду чувственных условий, которые делают необходимыми явления по законам природы. Он, разум, присутствует и остается одинаковым при всех обстоятельствах времени, *но сам он не находится во времени* и не приобретает нового состояния, в котором он не находился бы раньше (курсив мой – Р.Л.)» [3, с. 339]

Именно здесь мысль Канта готова вырваться за пределы «Критики чистого разума» с ее трансцендентальной дедукцией и схематизмом чистых рассудочных понятий, за пределы всего комплекса проблем, подчиненных задаче обоснования чистой математики и чистого естествознания. Однако сам Кант делает всего лишь *максимум возможного* из того, что можно сделать, оставаясь в рамках изначальных задач «Критики», полагая природу разума в его свободе и трактуя саму свободу как *самодействующую причинность*. Поистине свободным может быть только такое явление, которое несет в себе самом причину своего существования. Поскольку же такого рода причинность невозможно наблюдать в чувственно воспринимаемом мире, то она имеет всецело *умопостигаемый* характер. Здесь для Канта пролегает абсолютная граница разума в его трансцендентальном применении, дальше которой он отказывается идти: «Мы можем, следовательно, обсуждать свободные явления с точки зрения их причинности, доходить только до умопостигаемой причины, *но не выходить за ее пределы*» [3, с. 340].

Таким образом, Кант вплотную подходит к открытию темпоральной структуры *события*, оказываясь у самых границ трансцендентальной субъективности, выход за пределы которых стал бы для него шагом за очерчиваемый этой субъективностью горизонт *бытия как сознания*. Однако Кант ограничивается тем, что сводит едва намеченный им горизонт чистой темпоральности, заключающей в себе *бытие сознания*, к прежней, отчеканенной еще схоластами, метафизической формуле свободы «*liberum est quod sui causa est*». Поэтому задача выхода за горизонт трансцендентальной субъективности требует от нас экспликации онтологического смысла свободы как самодействующей причинности. Этот смысл мы могли бы резюмировать в виде следующего утверждения: *мир не заключает в себе априорной возможности своего объяснения*.

Продуманное во всех своих следствиях, данное положение показывает абсолютную беспочвенность притязаний науки на то, чтобы быть описанием *вещей самих по себе*, т. е. быть по существу *онтологией*. Действительно, если мы допускаем, что мир обладает априорной возможностью своего объяснения, то тем самым мы вынуждены признать, что объяснение мира коренится в самой его структуре, что, следовательно, *научное объяснение мира способно объяснить свою собственную возможность как часть объясняемой реальности*. Тем самым высказываемое нами онтологическое утверждение, что мир не несет в себе априорной возможности своего объяснения является всего лишь констатацией того обстоятельства, что само *объяснение* не находится в ряду физических объектов мира. Так, если я рассматриваю звезду на ночном небе, то мое восприятие можно объяснить воздействием на органы зрения света, исходящего от звезды. Однако мое *понимание* того, что видимое мною – *звезда*, а не просто светлое пятно на темном фоне, невозможно объяснить фактом наличия звезды, ее физическим и химическим составом. В отличие от восприятия, которое относится к *явлениям* физического мира и может вследствие этого быть изучаемо при помощи методов точного естествознания, понимание воспринятого есть *акт сознания*, и в качестве такового оно – не явление мира, а его *событие*, которое вообще не может быть локализовано в физическом пространстве. Понимание, если воспользоваться удачным выражением М.К. Мамардашвили, относится к «третьим вещам», которые нельзя обнаружить ни в ряду физических объектов, ни среди явлений психофизиологической природы.

Таким образом, наука опирается не на пресловутые «факты», природу которых тщетно пыталась постичь позитивистская эпистемология. В основании науки находится

некое *a priori*, которое, вследствие того, что оно не может быть описано языком науки, оказывается ее «слепым пятном». Смысл этого *a priori* дан в свободе, в которой проявляет себя спонтанность сознания. *Событие* есть ни что иное, как *явление свободы* в мире, притом, что сама свобода, разумеется, не относится к «явлениям» мира. Поэтому *a priori* *научного объяснения мира есть не мир как уже данный нам объект, а само его объяснение*. В силу этого, наука вовсе не представляет собой объективирующего описания мира со стороны гносеологического субъекта, который не принадлежит миру, будучи выделен из него в трансцендентную миру и, следовательно, *утопическую* позицию. Наука, взятая в ее онтологическом значении, есть *событие* самого мира. В этом смысле наука ограничена не столько сферой возможного опыта, как это утверждает Кант, сколько онтологическим статусом *участника* мира. Так, спектакль, который мы смотрим в театре, отделен от нас, зрителей, пространством сцены, все происходящее на которой может быть описано как серия *явлений*, состоящая из действий актеров, их слов, жестов. Однако спектакль, как *осмысленное действие*, «держится» исключительно нашими актами понимания, которые суть вместе с тем и акты нашего *участия* в этом действии, хотя эти акты невоспроизводимы на языке самого спектакля, подобно хорошей режиссуре, которая всегда остается «за» действиями актеров. Позицию субъекта, о которой только что шла речь, можно рассматривать как своеобразное признание факта *необналичиваемости мысли в мире*. Действительно, та *субстантивация мышления*, которая и приводит к картезианской позиции сознания как субъекта, неизбежно выносит мышление из мира, обособляя его в тот самый *утопос*, который и дает «оптический» эффект обзора мира как *целого*. Акт мысли не воспроизводим на языке тех фактов, которые даны посредством мысли.

Таким образом, наука могла бы стать онтологией только при том условии, если бы ей удалось каким-то образом включить в описание мира строгое доказательство того, что это описание детерминировано структурой самого мира, или, другими словами, эксплицировать мысль на языке фактов мира. Только в этом случае наука, выражаясь языком Канта, смогла бы действительно доказать, что описываемый ею мир есть мир вещей самих по себе; *для того, чтобы доказать абсолютную изоморфность научной теории и мира, наука должна была бы объяснить саму теорию как факт мира*.

Само собой разумеется, что такая экспликация мысли на языке фактов мира означала бы растворение самих фактов в мысли и, в конечном счете, полное «снятие» фактичности самого мира, пресуществление его в *чистый разум*, отныне ставший Миром. Поэтому невозможность экспликации познающей мир мысли в самом мире, невозможность представления ее в качестве факта мира удивительным образом дает о себе знать наличием в структуре научной теории таких фактов, которые в рамках самой теории не поддаются никакой теоретической экспликации. Так, к примеру, специальная и общая теория относительности опираются на такие физические константы, как постоянство скорости света и эквивалентность инертной и гравитационной массы, которым, однако, сама теория относительности не может дать никакого теоретического объяснения. «Факт», к которому, с целью дать финальное обоснование научному знанию, апеллировала позитивистская эпистемология, оказался для нее камнем преткновения именно потому, что «факт», взятый не в его эмпирическом значении, а в его метафизической проекции, выступает ни чем иным, как свидетельством *присутствия сознания* в мире. Всякий факт уходит в бесконечность, конечным «срезом» которой он и является. Факт есть «превращенная форма» сознания, наличная репрезентация того, что никогда не обнаруживается в наличии. Невозможность сведения теоретического уровня к уровню «фактуальному», убедительным образом продемонстрированная в различных версиях логического позитивизма, объясняется исключительно тем обстоятельством, что «фактуальный» уровень в неявном виде содержит в себе *метафизическое* (а отнюдь не эмпирическое), *a priori* самой научной теории: «Ведь именно в априори заключена вся присущая факту рациональность» [2, с. 290]. Преодолеть

теоретическую неполноту науки, сломить то, что именуют «упрямством» факта, невозможно в силу непереводаемости языка описания объекта на язык объекта описания. Именно в этой непереводаемости и заключается суть того, что Э. Гуссерль называет «естественной установкой». Окажись такой взаимный перевод языка и объекта, мысли и факта, возможен, мы имели бы *абсолютно полную* научную теорию мира, все понятия и термины которой были бы содержательно раскрыты на языке самой теории. В этом случае было бы реализовано парменидовское тождество мышления и бытия, так что мысль стала бы бытием, а бытие – мыслью. О такой теории было бы мало сказать, что она соответствует реальности, ибо она и была бы самой реальностью; это была бы теория, *доказавшая себя* в качестве реальности.

Таким образом, *самообоснование* науки в качестве знания вещей самих по себе означало бы то, что метафизическое *a priori* научного знания стало предметным содержанием самого научного знания. Вместе с тем онтологическая невозможность такого доказательства наукой самой себя в качестве реальности заявляет о себе *парадоксом самообоснования*. Действительно, процесс обоснования является ничем иным, как включением подлежащего обоснованию факта в более широкую теоретическую целостность, частью которой он становится; следовательно, парадокс самообоснования заключается в том, что *наука, как определенная теоретическая целостность, в процессе обоснования самой себя должна была бы стать своею собственной частью*. В свете данного парадокса можно утверждать, что ни один математик не даст *формулу математики*, ни один физик не напишет уравнение, в котором содержалась бы *вся физика*.

Однако мы поступим слишком опрометчиво, если удовлетворимся простой констатацией данного парадокса и не попытаемся распознать содержащийся в нем смысл. Парадокс самообоснования неизбежно появляется в ситуации «кризиса оснований», спровоцированного попытками обоснования самих оснований. Обосновать основания – значит окончательно устранить онтологический «зазор» между объектом описания и описанием объекта, вследствие чего наука, уподобившись заглатывающей собственный хвост змее, должна сложиться в *совершенное целое*. Поэтому «кризис оснований», подобный тому, который потряс математику на рубеже XIX-XX веков, требует в качестве срочной, пожарной, меры различения уровней описания. Однако различение дескриптивных уровней, вроде того, которое было дано в *Principia Mathematica* Б. Расселом и А. Уайтхедом, является не столько решением парадокса, сколько его нейтрализацией. В парадоксе самообоснования открывается сама *бесконечность*, которую нельзя устранить никакой тщательно выверенной типологией дескрипций. Косвенным образом это выразилось во введении Б. Расселом и А. Уайтхедом т. н. «аксиом бесконечности». Действительно, парадокс самообоснования, как парадокс *части, являющейся целым*, является вместе с тем и парадоксом *актуальной бесконечности*. Так, в известном античном парадоксе, критянин, утверждающий, что все критяне лгут, лжет, если говорит правду, и говорит правду, если лжет, поскольку его высказывание о целом («все критяне») само является частью этого целого. Здесь уместно привести основополагающую теорему Г. Кантора, в которой выражается основное свойство трансфинитных множеств: *конечное множество не может быть эквивалентно своей части; во всяком бесконечном множестве есть правильные части, эквивалентные ему*. Таким образом, парадокс самообоснования обнажает то обстоятельство, что там, где наука надеялась обрести твердую почву, разверзается бездна бесконечности.

Может показаться, что мы далеко отошли от Канта, хотя в действительности мы только доводим понятие априорности до того критического порога, за которым открывается переход от метафизической позиции бытия как сознания к бытию сознания. Мы видели, что смысл априорности коренится в самой сущности сознания (разума) как *свободной причинности*. Сознание *не пленено* миром. Наука ограничена миром явлений именно потому, что она неспособна выразить *событие* сознания на языке вещей и

процессов, включив тем самым сознание в структуру описываемой ею реальности. В этом смысле событие сознания является метафизическим *a priori* всякого знания, которое научное знание не может вобрать в себя, сделав его своим собственным содержанием. Мир не может быть постигнут наукой как *ноумен* вовсе не потому, что предмет научного исследования все время оказывается какой-то мифической «вещью в себе», неким вечно ускользающим оборотнем, оставляющим в руках лишь шелуху своего явления, которая, подобно улыбке чеширского кота, есть простой знак отсутствия, нечто за вычетом его бытия. Недостижимая для науки ноуменальность мира заключается в том, что сознание никогда не может стать *предметом* знания. Описание сознания в терминах предметности как раз и стало бы *конечным самообоснованием* знания. Таковой была гильбертовская программа конечной алгоритмизации математики, представлявшая собой определенную вариацию «*characteristica universalis*» Лейбница. Однако такого рода самообоснование знания оборачивается разрушительным парадоксом части и целого, когда знание, как целое, оказывается своею собственной частью. Мы тем полнее раскроем смысл данного парадокса, чем решительнее откажемся от узкого понимания парадокса как логического противоречия. Всякий парадокс можно рассматривать как явление *Бытия* среди сущего. Причина же рассматриваемого нами парадокса состоит в том, что самообоснование предполагает перенесение высказывания о предмете на уровень самого предмета и, в конечном счете, экспликацию самого этого высказывания в предметных терминах [5, с. 107]. Однако различие описания предмета и предмета описания обусловлено вовсе не временным несовершенством нашего разума; скорее, само это различие можно рассматривать как безусловный онтологический факт, в котором выражает себя Бытие как Различие. Невозможность конечного обоснования научного знания выражается в актуальной бесконечности как *бесконечном самообосновании свободного явления*.

В парадоксе самообоснования нам дано основное свойство актуальной бесконечности, каждая часть которой заключает в себе целую бесконечность, и этим она отлична от потенциальной («дурной») бесконечности, образующейся из частей *бесконечно незавершенной* серии. Согласно известному примеру Архита, как бы далеко мы не метнули копье, всегда остается *возможность* метнуть его еще дальше, так что серия таких бросков никогда не даст нам в сумме завершенную, *целую*, бесконечность. Такого рода бесконечное целое имеет трансцендентный характер, поскольку, выражаясь языком Канта, оно никогда не дано нам в опыте, а только лишь *задано* бесконечным регрессом на стороне условий. Вместе с тем это трансцендентное, но отнюдь не потустороннее, целое определенным образом *присутствует* в мире. Каков же характер этого присутствия? Прежде всего, что такое актуальная, или, лучше сказать, *действительная бесконечность*, как не *действие бесконечности*? С другой стороны, что такое действие бесконечности, как не *полная действительность*, обозначавшаяся Аристотелем при помощи понятия *εντελεχεια*? Таким образом, мы входим в круг тех понятий греческой онтологии, которые являются предметом анализа девятой книги аристотелевской «*Метафизики*» и которые нам теперь следует сделать предметом краткого, но внимательного разбора.

Прежде всего, речь идет о том различии *несовершенных* и *совершенных действий*, которое Аристотель проводит в шестой главе девятой книги «*Метафизики*». Несовершенным является действие, которое не есть своя собственная цель и потому *направлено на цель* как на *предел* самого действия [1, с. 242]. Так, строительное искусство – это не уже построенный дом, а действие, *направленное на* постройку дома. Но поскольку строительное искусство не есть построенный дом, то и построенный дом не есть строительное искусство. В этом двойном «не есть» раскрывается постоянная *возможность* действия (*δυναμις*), которую не исчерпывает никакой наличный результат, подобно тому как строительное искусство не исчерпывается построенным домом. В самом деле, поскольку целью действия здесь выступает нечто, не являющееся самим действием, то предел движения (*κίνησις*), воплотившегося именно в *этом* результате (например, в этом

построенном доме), не является пределом самой возможности действия. Другими словами, построенный дом не означает отсутствия возможности строительства как такового. В этом смысле несовершенное действие есть *незавершенное* действие, т. е. действие, которое в самой своей *возможности* простирается в бесконечность. Вновь используя пример Архита, заметим, что человек способен метнуть копьё только определенное, конечное число раз, хотя это фактическое ограничение его способности не исключает самой *возможности* метать копьё бесконечно. Таким образом, онтологической характеристикой несовершенного действия выступает *δύναμις* как постоянная, не снимаемая никаким результатом и простирающаяся в бесконечность *возможность* действия; такого рода действие *потенциально бесконечно*.

С другой стороны, совершенным можно назвать только такое действие, которое содержит в себе свою собственную цель, т. е. действие, целью которого является само действие. Это действие, являющееся своей собственной целью, определяется Аристотелем как *ἐνέρχεια*. В соответствии с данным аристотелевским различием, основополагающий принцип физики – принцип инерции – относится к разряду несовершенных действий и, соответственно, не принадлежит области онтологии. В той же мере физическое определение энергии не имеет никакого отношения к аристотелевской *ἐνέρχεια*. Из числа приводимых Аристотелем примеров совершенных действий наиболее репрезентативным является *мышление*. Цель строительного искусства не само искусство, а строительство дома, который выступает как внешний по отношению к самому строительному искусству результат. Однако целью мышления может быть только само мышление. Подобно этому, целью *добра* может быть только само добро. Если же добро оказывается *направлено на* какую-либо цель, вроде построения нравственно совершенного общества, воспитания «нового человека» или насаждения в жизни начал «православной духовности», то оно неизбежно деградирует в *мораль* и этику. В этом смысле мораль можно понимать как добро в пределах одного только разума. Ницше дал замечательное определение *аристократизма* как способности творить добро, не спрашивая себя зачем. Разумеется, это вовсе не означает того, что мышление по своему характеру исключает какой-либо результат. Речь здесь идет только о том, что *если цель мышления полагается в чем-то ином, чем само мышление, то такого рода целеполагание упраздняет мышление как таковое*. В самом деле, я не могу подчинить мысль какой-либо внешней прагматической цели, которая полагалась бы в качестве *начального условия* мысли, поскольку такая установка на заранее определенный результат (будь то установка на написание «запланированной» научной продукции или на получение «ученой степени») в лучшем случае произведет лишь *имитацию* мысли, ее знаковое подобие. И дело здесь вовсе не в какой-то прихотливости мысли, будто бы требующей в качестве условий своего появления «творческого вдохновения», «озарения» и прочих атрибутов «гения», представляющего собой один из самых отвратительных идиологов, созданных человеком Нового времени. Настоящая причина состоит в том, что мысль, взятая не в значении психологического феномена, а как *событие бытия*, есть явление, содержащее в себе свое собственное основание: *поскольку целью мышления может быть только само мышление, то мышление и есть основание своей собственной возможности*. Возможность дома заключается не в нем самом, а в строительном искусстве, направленном на строительство дома. Однако возможностью мысли может быть только сама мысль. Поэтому мышление исключает такие «начальные условия», при которых самой мысли *еще нет*, хотя она и может вот-вот «случиться», подобно тому, как дождь случается из своего начального условия – дождевых туч.

Таким образом, мышление, взятое в его онтологическом, а не психологическом значении, совершенно *не интенционально*, поскольку по своему характеру оно не может быть направлено на что-либо иное, чем оно само. Но в такой же мере не интенциональны *вера, добро, совесть, язык*, вследствие чего описание этих феноменов выходит за рамки

интенционального анализа сознания, представленного феноменологией Э. Гуссерля; ни одно из этих явлений не может стать *предметом* феноменологической установки. Так, вера ни в коем случае не является родом психической деятельности, будто бы *направленной* на такой специфический «предмет», как бытие Бога, поскольку вера есть само присутствие Бога. Разъятие целостности веры на предмет и направленную на него интенцию плодит фантомы религиозного сознания, тех самых идолов, которыми сознание оказывается захвачено и *пленено*. Вместе с тем именно в этой неинтенциональности и раскрывается то, что можно было бы назвать *энергийной целостностью явления*. Поскольку ἐνέργεια есть действие, являющееся своей собственной целью, то эта цель (τέλος) вбирает в себя само действие как целое (εντελεχεια). Получается, что каждый момент такого действия содержит в себе целостность действия как такового, или, другими словами, *каждая часть этого целого есть само целое*. Интенциональный анализ сознания направлен на описание различных *актов сознания*, в которых дан тот или иной интенционально определенный предмет; однако среди этих предметов не может быть *самого сознания как акта*. Мы имеем здесь дело с особым рода онтологическими целостностями, каждая из которых заключает в себе актуальную бесконечность своего собственного явления. Поэтому можно сказать, что *актуально бесконечны лишь такие явления, которые содержат в самих себе всю полноту своих собственных оснований*.

Именно здесь нам открывается вся глубина парадокса самообоснования. Поскольку основания науки есть *иное*, чем сама наука (в смысле невозможности их экспликации на языке науки), то цель конечного самообоснования состоит в том, чтобы сделать их *собственными* основаниями науки. Однако, снимая фактичность своих оснований, наука, вместо конечного обоснования самой себя, оказывается в ситуации актуальной бесконечности, в которой концептуальный аппарат науки утрачивает всю свою интенциональную направленность на определенные предметные области, ибо актуальная бесконечность может быть дана и выражена не иначе как посредством *символа*. Символ, в отличие от знака, совершенно не интенционален, поскольку он *ничего не означает*. В то же время символ ничего не означает именно потому, что в нем самом содержится вся полнота «означаемых».

Эта актуальная (или, энергийная) целостность явления размечена внутри себя горизонтом *целостной темпоральности*, т. е. горизонтом самого *времени*. Как уже было сказано, мышление как совершенное действие содержит в себе основание своей собственной возможности, исключая такие «начальные условия», при которых самого мышления *еще нет*, где оно пока лишь только *возможно*, как событие неопределенного *будущего*. Начальные условия такого рода, результат которых дан в проекции возможного будущего, являются неотъемлемой характеристикой именно несовершенных действий. Начальным условием метания копья является наличие копья в моей руке, но при этом наличие копья – это не сам бросок, а лишь его возможность, которая, в силу и тех или иных причин, может и не претвориться в действие. Так и строительное искусство есть возможность дома до тех пор, пока дом не построен. Но поскольку результат такого действия всего лишь возможен, то и само действие *не действительно*, отчего оно всегда *заново возможно* по достижении результата. Эта бесконечная незавершенность несовершенного действия разворачивается в определенную – *линейную* – последовательность времени. Так, построенный дом – это *уже не* строительное искусство, а строительное искусство – *еще не* построенный дом. Таким образом, δυνάμις ускользает в *неопределимость настоящего*, находящегося между прошлым, которого *уже нет*, и будущим, которого *еще нет*. Очевидно, что такая темпоральная структура заключает в себе ту самую *апорию времени*, которую бл. Августин подробно разбирает в одиннадцатой книге своей «Исповеди»: *если есть настоящее, то нет никакого прошлого и будущего, поскольку длящегося настоящее (т. е. настоящее, в котором полагается темпоральная различенность) не есть настоящее; но если нет прошлого и будущего, то нет никакого*

настоящего, поскольку настоящее есть граница, разделяющая прошлое и будущее. Очевидно, что данная апория, которую можно назвать образом *распавшегося времени*, в скрытом виде содержит в себе основную проблему Юма, указавшего на невозможность логического выведения *в порядке времени* определенного явления как следствия предшествующей ему причины (хотя невозможность аналитического выведения следствия из причины еще в XIV столетии была выявлена Николаем из Отрекура). В основании подмеченного Юмом парадокса лежит тот коллапс времени, который делает заведомо невозможным переход от настоящего к будущему, по совершении которого настоящее оказалось бы прошлым, а будущее – настоящим. В противном случае естественное течение времени получило бы совершенное отражение в аналитике рассудка, мыслящего временное отношение двух событий как *естественное* отношение причины и следствия. Не углубляясь в анализ самой апории времени, отметим, что она является следствием смещения порядка следования *во времени* с самим *временем*, что, в свою очередь, возвращает нас к целостной темпоральности совершенного действия.

Как уже говорилось, совершенное действие, именуемое Аристотелем *ἐνέργεια*, направлено на себя как свою собственную цель. Поэтому цель совершенного действия полагается не как определенный момент будущего, который, посредством цепочки направленных на эту цель действий, постепенно обретает черты «настоящего». Цель всякого несовершенного действия есть то, чего *еще нет*. Этот присущий несовершенному действию *меональный изъян* означает, что цель действия никогда не есть *целое* самого действия. Цель несовершенного действия есть его возможный предел (*πέρας*), достигая которого, действие тут же развоплощается в *возможность* следующего действия. Поэтому целостность действия может заключаться только в цели, которая есть *само* действие, или, лучше сказать, есть *самодействие*. Но поскольку целью здесь является само действие, то цель такого действия есть его собственное *начало*. Сам Аристотель формулирует это следующим образом: «Ибо дело – цель, а деятельность – дело, почему и деятельность (*ἐνέργεια*) производна от дела (*ἔργον*) и нацелена на «осуществленность» (*ἐντελέχεια*)» [1, с. 246]. Таким образом, цель совершенного действия – не в абстрактном будущем, которого еще нет. Парадоксальным образом эта цель присутствует как *свое прошлое*, как то, что *уже* имеется в качестве полной действительности (*ἐντελέχεια*) самого действия. Актуальная бесконечность целого, о которой у нас сейчас идет речь и которая является эффектом целостного, завершенного в себе самом действия («Бесконечность ведь не предмет, а эффект реализованного, выполненного действия» [5, с. 289]), есть актуальное присутствие целого в каждой своей части. Это присутствие целого в каждом моменте действия как своей собственной цели есть ни что иное, как *актуальное присутствие будущего в настоящем*. Вместе с тем будущее способно актуально присутствовать в настоящем, если только само настоящее присутствует в модусе прошлого как своего собственного «уже». Не может существовать начала совершенного действия, которое *еще не было* бы самим действием, поскольку начало такого действия есть его цель, которая, как само действие, *уже* есть его начало. Поэтому можно сказать, что вершиной аристотелевской «Метафизики» является ее девятая книга, вершиной девятой книги – ее шестая глава, а вершиной шестой главы – следующие слова Аристотеля: «Но если в действии заключена цель, то оно и есть действие. Так, например, человек видит – и тем самым уже увидел, размышляет – и тем самым размыслил, думает – и тем самым подумал (но нельзя сказать, что он учится – и тем самым уже научился или лечится – и тем самым уже вылечился); и он живет хорошо – и тем самым уже жил хорошо, он счастлив – и тем самым уже был счастлив» [1, с. 242].

Очевидно, мы имеем здесь *экстатически целостную темпоральность*, которая на языке христианского вероучения именуется «полнотой времен». Явления, которым присуща энергийная целостность, не находятся *во времени*, ибо они заключают в себе свою собственную временность, вследствие чего заведомо исключен вопрос о начале этих

явлений *во времени*. Эта энергийная полнота явления может быть охарактеризована нами как *смысл*. Тем самым, в отличие от *значения* как интенциональной направленности на предмет, смысл, как способность явления быть своим собственным началом, может быть раскрыт исключительно через себя самого. Отсюда совершенно ясно, почему вопрос о начале языка или сознания сразу же обнаруживает *отсутствие смысла*. Явления такого рода нельзя обнаружить в «естественной установке» сознания, в которой предметы даны в обычной временной последовательности причин и следствий. Но именно поэтому они не являются и предметами феноменологической установки, которая всего лишь изымает вещи из их причинно-следственных взаимосвязей, присваивая им статус интенциональных объектов. Явления энергийной целостности невозможно обнаружить в ряду естественных предметов мира или эксплицировать их в виде интенциональных объектов, предпослав им в качестве *a priori* поле феноменологически очищенного сознания. Как уже говорилось, сознание может быть дано в феноменологической установке только в виде *различных актов* сознания. При этом сознание как *ενέρεια*, т. е. как *единое* (*εν*) *самого делания* (*εργω*), не может быть схвачено никакими феноменологическими дескрипциями.

Такие «феномены», как язык, сознание, вера, мышление, добро, есть свое собственное *a priori*, и в этом качестве они всегда охвачены горизонтом своего собственного «уже», так что совершенно невозможно определить здесь такой момент времени, который был бы *началом явления*, не будучи самим *явлением как началом*. Поэтому, если мы действительно мыслим, то только потому, что *уже* мыслили, если что-то понимаем, то *уже* это понимали, если начинаем веровать, то именно потому, что *уже* веровали. Этот парадокс веры замечательно высказан Б. Паскалем. Обращаясь к отчаявшемуся в поисках Бога человеку, Христос говорит: «Ты не искал бы меня, если бы уже меня не нашел» [7].

В мышление невозможно *перейти* из состояния безмыслия, как и в веру – из состояния безверия. К мысли не приходишь, в мысли *оказываешься*, причем оказаться в мысли можно только в результате того *экстатического прыжка*, который обозначен известным изречением: *hic Rodos, hic salta*. «Прыжок – и я в уме», – писал О.Э. Мандельштам. Такой прыжок не имеет в качестве начальных условий ни определенного места, ни определенного времени, а поэтому, совершая этот прыжок, мы *уже* его совершили, а совершив – *нашли себя* в эсхатологической реальности мысли.

Таким образом, как мы видели, предельный смысл априорности заключается для Канта в понимании сознания (разума) как свободно действующей причинности, которая, в силу своего ноуменального характера, является и конечным рубежом трансцендентальной философии. Дальнейший шаг оказывается поэтому выходом за пределы кантовской трансцендентальной субъективности и приводит к онтологической экспликации сознания как *ενέρεια*, как полного и совершенного действия: *причиной самого себя может быть только то, что является своей собственной целью*. Это бросает свет на то обстоятельство, что решение третьей космологической антиномии лежит для Канта в сфере этики, как царстве целей самих по себе. «Я», как заложник физической причинности, оказывается причастно ноуменальному миру свободы, обязывающему его быть, как в лице себя, так и в лице других, только целью и никогда – средством.

Однако остается вопрос: почему, в силу каких причин Кант остается в границах трансцендентальной субъективности, несмотря на то, что анализ космологических антиномий явно толкает его за эти рамки. Ответ, который мы даем на этот вопрос, сводится к следующему: мысль Канта скована метафизической парадигмой сознания как *субъекта*, заданной картезианским *cogito sum*. В результате онтология *состояния* не оставляет Канту практически никакой возможности перейти к онтологии *действия*: «Предельным понятием *нашего* (то есть не в самом предмете) анализа должно быть представление *полного действия* в отличие от полного бытия» [5, с. 191].

Априори, выступающее темпоральной характеристикой *полного действия*, старательно помещается Кантом в *субъект*, откуда сразу же вырастает ряд серьезных проблем, с которыми Канту не удастся справиться в должной мере. Подлинным средоточием этих проблем является учение о трансцендентальной дедукции категорий, в основание которой положено «трансцендентальное единство самосознания». Самое главное, Канту не удастся осуществить то, что является необходимым условием дедукции категорий: ясно различить эмпирическое и трансцендентальное сознание (в такой же мере Гуссерлю не удалось в полной мере разграничить интенциональную психологию и трансцендентальную феноменологию).

Причина этого кроется не в дефиците надлежащих дистинкций, а в том, что само трансцендентальное *единство* самосознания таит в себе странную эквивокальность, которая обнаруживается всякий раз, как только Кант пытается раскрыть характер этого единства. Тождество трансцендентального сознания есть тождество Я как субъекта [3, с. 100]. Но поскольку трансцендентальное сознание ограничивается областью Я как субъекта, то единство этого сознания всегда дано в модальности *моего* сознания [3, с. 509]. Эквивокация, о которой идет речь, состоит в следующем: в рамках кантовской аналитики так и остается до конца не ясным, *заключается ли это единство в моем сознании или же мое сознание принадлежит этому единству наряду с сознанием всякого другого*. Поскольку эмпирическое и трансцендентальное сознание никак не удастся разделить в границах Я как субъекта, то аналитика Канта становится чрезвычайно подвержена риску психологической интерпретации априорных форм рассудка как «врожденных идей», против чего сам Кант борется всеми доступными ему средствами, будучи, однако, способен противопоставить этой угрозе лишь загадочное пояснение категорий как *созданных нами самими* форм мышления [3, с. 118]. В этой эквивокальности вскрывается *онтологическая необеспеченность* самого трансцендентального сознания, преодолеть которую можно только выйдя за рамки картезианской парадигмы сознания как субъекта. Однако задача онтологического обоснования сознания требует синтеза более глубокого и изначального, нежели тот синтез, посредством которого нам дан *объект*; речь идет о том первоначальном синтезе, в котором дан сам *субъект*. Не имея ни малейшего намерения осуществлять по отношению к Канту утонченное интерпретативное насилие, постараемся рассмотреть возможные контуры этого синтеза в самом кантовском учении о трансцендентальной дедукции категорий. Предметом нашего анализа должен стать шестнадцатый параграф «Критики», озаглавленный «О первоначально-синтетическом единстве апперцепции», на двух страницах которого Кант предпринимает героическую попытку вырваться за рамки *аналитического тождества* картезианского *Ego cogito*.

Прежде всего, «я мыслю», которое, как говорит Кант, должно сопровождать все наши представления, порождено *чистой апперцепцией*, определяемой самим Кантом как «акт спонтанности» [3, с. 100]. Речь идет о некоей изначальной самоданности, дорефлективном и поэтому *предкогитальном* единстве, чистой интуиции бытия. В этом смысле *Ego cogito* никогда не дано нам изначально, а достигается методическим исключением различных предметных областей; у Декарта – исключением чувственно данного мира и «сверхчувственного» мира математики и логики. Тем самым *cogito* есть результат методически направленного *усилия*, тогда как чистая апперцепция есть свободное бытие жизни самого сознания, сравнимое с бьющим из под земли ключом чистой воды [6, с. 13]. Чистая апперцепция представляет собой актуальный синтез различных представлений, связываемых в единство одного сознания, которое и может быть выражено перформативным суждением «Я мыслю». Это «я мыслю» только потому и способно «сопровождать» различные представления, что сами представления *уже* связаны актом чистого синтеза. Чистая апперцепция есть не что иное, как *чистый синтез*, т. е. синтез, данный *еще до* всякой подлежащей связыванию чувственной материи. Тем самым *cogito* – не субстанция, как полагал Декарт, а скорее оператор, фиксирующий результат некоего

действия, который и есть само действие. Аналитическое тождество «я мыслю» обусловлено чистой апперцепцией. «Итак, – говорит Кант, – лишь благодаря тому, что я могу связать многообразное [содержание] данных представлений в *одном сознании*, имеется возможность того, чтобы я представлял себе *тождество сознания в самих этих представлениях*; иными словами, *аналитическое единство апперцепции возможно, только если предположить наличие некоторого синтетического единства апперцепции*» [3, с. 100].

Таким образом, трансцендентальное единство самосознания, обеспечивающее у Канта объективную значимость категорий, оказывается *действием трансценденции*. Основанием трансцендентального синтеза выступает *трансцендентный синтез*, ибо *единое сознание раскрывается в полной мере только как иное*. Действительно, всякого рода синтез предполагает неустранимый момент *иного*, снимаемого в аналитическом тождестве сознания. Так, стол, на котором я пишу, есть не что иное как дерево, растущее за моим окном; все эти различные предметы возможного опыта объединяются в целое опыта посредством трансцендентальной формы «я мыслю», сопровождающей различные представления и связывающей их в единство одного сознания. Однако сама эта трансцендентальная форма, представляющая собой субъект трансцендентального синтеза объектов возможного опыта, является результатом действия чистого синтеза. «Представление, которое должно мыслиться как *общее различным* [другим представлениям], рассматривается как принадлежащее таким представлениям, которые кроме него заключают в себе еще нечто *иное*; следовательно, оно должно мыслиться в синтетическом единстве с другими (хотя бы только возможными) представлениями раньше, чем я мог бы в нем мыслить аналитическое единство сознания, делающее его *conceptus communis*» [3, с. 101]. Поэтому *если в трансцендентальном синтезе, определяемом аналитическим тождеством сознания как субъекта, «иное» представлено на стороне связываемого, то «иное» чистого синтеза, который дан до всякого подлежащего связыванию иного, есть сам чистый синтез*. Таким образом, то, что синтетическое единство дано, как говорит Кант, «раньше» аналитического единства сознания, содержит указание не на обычную временную последовательность, а на совершенно *иной* темпоральный горизонт, заключающий в себе целостность самого времени. В качестве чистого синтеза чистая апперцепция есть *действие как таковое*, т. е. совершенное действие. Более того, такое действие оказывается самим рассудком. «Таким образом, – продолжает Кант, – синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все применение рассудка, даже всю логику и вслед за нею трансцендентальную философию; более того, эта способность и есть сам рассудок» [3, с. 101].

Тем самым, рассудок, в его изначальном смысле, оказывается не структурой из двенадцати категорий, априори расчерчивающих горизонт возможного опыта, а *действием*, созидающим данную структуру. Сокровенный смысл трансцендентальной дедукции категорий состоит, таким образом, в том, что сама категориальная структура рассудка оказывается не чем иным, как *представлением рассудком самого себя в аналитическом тождестве сознания*, что означает преобразование чистого действия в статику состояния. Другими словами, категориальная структура рассудка есть «взгляд» рассудка на самого себя со стороны порожденного им *cogito*. Поэтому нас не может удивить то странное на первый взгляд, «эллиптическое», определение рассудка, которое Кант дает несколькими страницами позже: «Синтез рассудка, рассматриваемый сам по себе, – говорит он, – есть не что иное, как *единство действия, сознаваемое рассудком*, как таковое, также и без чувственности, но способное внутренне определять чувственность в отношении многообразного, которое может быть дано ему сообразно форме ее созерцания (курсив мой – Р.Л.)» [3, с. 111].

Но если, как было сказано, чистый синтез несет в себе онтологический смысл «иноного», то рассудок как чистое действие синтеза оказывается рассудком в трансцендентном значении, иначе говоря – *разумом*, что позволяет нам рассматривать

«Трансцендентальную диалектику» как *скрытый онтологический фундамент* «Трансцендентальной логики». Основанием категориального *a priori* рассудка является разум, представляющий собой *полное действие*, т. е. *действие как свою собственную цель*. Поэтому неявным началом трансцендентальной дедукции категорий можно считать главу «О конечной цели естественной диалектики человеческого разума», в которой Кант рассуждает о невозможности трансцендентальной дедукции *идей*, подобной той, которую он осуществил в отношении категорий. Правда, Кант сразу же оговаривается, что речь идет о невозможности именно *трансцендентальной* дедукции, поскольку дедукция идей оказывается возможной в свете конечной цели человеческого разума, заключающей в себе принцип *целесообразного* единства вещей. Но, поскольку Кант остается в целом в границах картезианской парадигмы сознания как субъекта, онтологический смысл принципа *целесообразного* единства мира сразу же низводится им до некоей мировоззренческой условности, субъективного приема рассматривать мир так, «как если бы» он был связан единством цели. Принцип такого единства, по словам Канта, «открывает нашему разуму, применяемому к сфере опыта, совершенно новую перспективу – связать вещи в мире согласно телеологическим законам и тем самым прийти до их наибольшего систематического единства» [3, с. 409].

Оставляя открытым вопрос о том, в какой степени ресурсы *онтологии действия* оказались реализованными или нереализованными в мышлении Канта, подведем итоги нашего анализа учения о трансцендентальной дедукции категорий. Мы видели, что кантовская чистая апперцепция есть чистый синтез, данный не только до всякого предикативного отношения, но и до *Ego cogito*, символизирующего собой аналитическое единство сознания.

Чистый синтез есть совершенное действие (*ἐνέργεια*), и в качестве такового он являет собой подлинное *a priori* как *бытие самого сознания*, представленного аналитическим тождеством «я мыслю». В чистом синтезе, отличном от всякого связанного эмпирическими обстоятельствами синтеза, в котором даны объекты возможного опыта, я *дан самому себе как субъект*. Стало быть, здесь идет речь о синтезе, посредством которого мое непосредственное эмпирическое существование включается в *целую бесконечность* мира, в которой я, *как часть бесконечности*, оказываюсь *равновелик* миру. Как совершенное действие, чистый синтез открывает *эсхатологическую реальность целостного времени*, в которую невозможно вступить пошаговым действием, всегда оказывающимся *бесконечным действием*, некоей вечно незавершенной «возможностью», но где можно оказаться только вследствие того *прыжка*, который является *действием бесконечности*.

Однако каким образом можно было бы определить то экстатическое единство прошлого, настоящего и будущего, позволяющее видеть в каждом отдельном моменте жизни всю жизнь как целое? Это – *судьба*: «когда нечто ничем не обуславливается, а происходит – это судьба» (Мэнцзы). В таком случае, что представляет собой тот прыжок (*saltus*), который забрасывает меня в эсхатологическую реальность целостного времени? Это – *спасение (salus)*.

Литература

1. Аристотель. Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
4. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 415 с.
5. Мамардашвили М.К. Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 303 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, 1999. 606 с.
7. Pascal Blaise. *Pensées*, Editions du Seuil, 1962, 434 p.

УДК 141.32

Карл-Фредрик Вегнер Корнес

УДЕЛ ЧЕЛОВЕКА В БЫТИИ: ЭССЕ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ СТРАХЕ КАК ПРОЯВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЕССИЛИЯ

Первоначальная версия этой статьи была представлена в докладе 12 августа 2013 года на XXIII Мировом конгрессе философии, Афины, Греция.

Аннотация: Это эссе подчеркивает важность четкого различия между страхом-боязнью и экзистенциальным страхом. Страх-боязнь непосредственно направлен на объект, а экзистенциальный страх не имеет объекта и проистекает из самого условия человеческого существования, это не сфокусированный на объекте ужас. Это существенное различие не вполне ясно показано в «Бытии и ничто» Ж.-П. Сартра. В своем исследовании проблемы экзистенциального страха Сартр, утверждая, что причиной страха является свобода между выборами в жизни, говорит в конечном итоге об экзистенциальном страхе и страхе-боязни как практически об одном и том же, что неверно. Сартр признает существенное различие между двумя понятиями, но его аргументация размывает это различие вместо того, чтобы прояснить его. Его концепция экзистенциального страха представляется заблуждением, поскольку выборы всегда связаны с объектами в той или иной форме. Понятие страха С. Кьеркегора используется нами в качестве основы для определения экзистенциального страха как абсолютно отличного от страха-боязни тем, что первый не имеет объекта. В статье утверждается, прежде всего, что причиной экзистенциального страха является понимание того, что свобода имеет свои пределы, осознание неизбежности, присущей человеческому уделу в бытии.

Ключевые слова: Серен Кьеркегор, Жан-Поль Сартр, Эдвард Мунк, экзистенциальный страх, страх-боязнь, бытие, свобода.

Carl-Fredrick Wegner Korsnes

THE HUMAN DESTINY OF BEING: AN ESSAY ON EXISTENTIAL ANGST AS REALIZATION OF HUMAN HELPLESSNESS

An earlier version of this paper was presented 12. August 2013 at the XXIII World Congress of Philosophy, Athens, Greece.

Abstract: The article emphasizes the importance of a clear distinction between fear and angst; where the fear is directed toward an object, while the existential angst is without an object and rather occurs due to the human condition of life – it is the unfocused horror. This significant distinction is unclear in Jean-Paul Sartre's *Being and Nothingness*. Through a concise analysis of Sartre's text on the issue of the angst, where he argues that the angst comes from the freedom between all choices in life, this essay shows that in Sartre's philosophy the fear and the angst end up being essentially the same – something which they are not. Sartre recognizes the significant

difference between the two states, but his argumentation blurs up the distinction instead of clarifying it. His theory on angst ends up as a fallacy because choices are inevitably connected to objects in one way or another. Søren Kierkegaard's *The Concept of Anxiety* is used as a base for giving a definition of the angst as completely different from the fear by having no object. The article highlights, firstly, that the reason of the existential angst is when one understands the limits of freedom and the inevitability of the human destiny of being.

Key words: Søren Kierkegaard, Jean-Paul Sartre, Edvard Munch, Angst, Fear, Being, Freedom

Норвежский художник-экспрессионист Эдвард Мунк попытался изобразить на холсте свой опыт экзистенциального страха (Angst). Однажды вечером Мунк, прогуливаясь с парой друзей по Экебергу, одной из окраин Осло, испытал сильнейшее психологическое потрясение, описанное им позже: «Я шел по дороге с друзьями. Садилось солнце. Небо стало кроваво-красным. Меня охватила тоска. Я стоял, смертельно усталый, прислонившись к забору, на фоне темной синевы. Фьорд и город были охвачены огненными языками пламени. Я отстал от друзей. Дрожа от страха (Angst), я почувствовал, как страшный бесконечный крик пронизал природу» [1].

Опыт Мунка вдохновил его на создание знаменитой картины «Крик». Датский философ, представитель раннего экзистенциализма, Серен Кьеркегор, делился своими экзистенциалистскими взглядами с Мунком. Оба полагали, что тревога вызвана самой сущностью человеческого существования [2, с. 25]. Опыт Мунка Кьеркегор, несомненно, назвал бы проявлением такой тревоги (anxiety) или экзистенциального страха (Angst).

Понятие тревоги были описано многими философами, такими как Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, и, конечно, наиболее значимым в этом отношении Сереном Кьеркегором. Согласно Кьеркегору, страх-ужас (Angst) в отличие от страха-боязни, опасения (fear), не направлен на что-то конкретное, не имеет предмета. Он является лишь знаком, что человек не находится в гармонии, согласии с самим собой. В своей книге «Понятие *тревоги*» Кьеркегор сравнивает жизнь со стоянием на краю высокого утеса – эта метафора стала довольно расхожей в экзистенциалистской традиции, – когда человек свободен в выборе, прыгнуть ему вниз или остаться неподвижным [2]. Позднее такая интерпретация свободы некоторыми философами послужила для понимания свободы как *основания* тревоги, возникающей в определенной ситуации. Существенным для философского понимания концепта страха-ужаса Angst является его различение со страхом, связанным (вызванным) с конкретными объектами.

Если учесть, что страх-ужас и страх-боязнь различны по своей сути, теория свободы выбора между разными вариантами существования как основания и источника экзистенциального страха (Angst) кажется несколько ошибочной. В данной статье будет обосновано, что только свобода, связанная с ответственностью за свои действия, а не просто свобода этого зависания над бездной, может быть причиной страха-ужаса.

Если головокружение от свободы стояния над пропастью есть единственный источник страха-опасения, то экзистенциальный страх-ужас основан на предположении возможных последствий уже сделанного выбора в условиях свободы. Экзистенциальный страх возникает не в результате определенной ситуации – он связан с самим фактом существования человека в мире. Далее в работе будет показано, что свобода – в лучшем случае – может быть лишь предварительным, исходным условием возникновения страха, который может вести к пониманию неизбежного *отсутствия* свободы. Специфический человеческий удел, существование в условиях отсутствия подлинной свободы и есть единственная, по сути, причина происхождения экзистенциального ужаса, отличного от просто страха.

Экзистенциальная тревога, или *страх* (Angst), неотделима от человеческого бытия. Это чувство, сопровождающее опыт переживания существования; оно есть не просто один из необязательных аспектов нашей жизни, а нечто необходимое, неизбежное, атрибут осознания жизни, который порождает глубочайший ужас внутри нас – страх-ужас, отличный от страха-боязни.

Они так же отличаются, как отличаются вообще все виды страха и тревоги, поскольку отличаются люди, испытывающие их. Однако понимание значимости тревоги, являющейся средством самосознания, самопонимания, дает нам ценное знание о человеческом существовании вообще.

Можно спросить: зачем вообще разделять страх-боязнь и тревогу? Что, если тревога – это всего лишь род страха, только с небольшими отличиями? Чтобы дать на этот вопрос достойный ответ, необходимо кратко проанализировать концептуальное понимание человека и спросить, как вообще можно отличать одно чувство от другого. Например, люди, как правило, рассматривают печаль и сожаление как два различных чувства. Несмотря на то, что они могут переплетаться и оба могут быть названы «чувством грусти», оба являются результатом негативных испытаний, мы довольно легко отличаем одно от другого. Однако, хотя мы и делаем это, на этом разделении нет, что называется, «синей печати». В действительности, человеческие чувства очень сложны, к ним неприменимы математически выверенные операции и определения. Но это не значит, что они не могут быть проанализированы. Для того чтобы как-то квалифицировать человеческие чувства, просто судить о них, нужно опираться на опыт и основательные знания о людях.

Мы знаем, что есть много значимых различий между печалью и сожалением, поскольку они возникают в разных ситуациях и имеют разные последствия. Даже если случается испытывать печаль и сожаление одновременно, люди все же дифференцируют эти чувства. Важно то, что человеческое сознание, в отличие от психики животных, обладает способностью рефлексировать по поводу собственной жизни и бытия в целом. Экзистенциальный страх – это пример ужаса, который поднимается из глубин сознания в процессе саморефлексии и размышления. Как бы то ни было, экзистенциальный страх может рассматриваться как нечто, сопровождающее человеческое существование и его рефлексиию.

Однако не любая саморефлексия способна стать источником экзистенциального страха. Философы, споря о том, как самосознание свободы конституирует происхождение тревоги, кажется, забывают, что ядром проблемы свободы является феномен ответственности, который и порождает тревогу. Очевидное противоречие состоит в том, что, согласно взглядам упомянутых ранее философов, страх (fear) имеет объект и вместе с тем человеческий опыт страха онтологически присущ его бытию-в-мире. Чтобы разрешить это противоречие, рассмотрим кратко позицию Ж.-П. Сартра по поводу определения экзистенциального страха вне всякой привязки к какому-либо конкретному существованию.

Хотя размеры моего эссе ограничивают возможности глубокого анализа философии Сартра, здесь будет сделана попытка показать, как ошибочное утверждение о том, что экзистенциальный страх обязан своим рождением свободе самой по себе, ведет к неверному выводу. Сартр определяет страх (fear) и тревогу (anxiety) как два отдельных и разных опыта. Французский философ прав в различении страха и тревоги, и это различие, как было показано, имеет решающее значение. Хотя Сартр утверждает, что эти два опыта отдельные и различны, анализ сартровских дефиниций этих понятий, данный через метафоры, позволят сделать читателю вывод, что эти два ощущения сущностно схожи. Подобно Кьеркегору [2], Сартр утверждал, что человеческий опыт тревоги неизбежен в жизни. Кроме того, Сартр характеризовал человеческую жизнь как средоточие, квинтэссенцию свободы, состояние постоянного выбора, при этом резко отделяя внутреннюю экзистенцию от внешнего бытия. Безусловно, это резкое отграничение от враждебной и чуждой среды и при этом необходимость действовать в ней вызывали тревогу, то, что Сартр характеризовал как недоверие, сомнение в самом себе,

правильности своих решений и их следствиях [3, с. 116-117]. Утверждение, что тревога, данная здесь в различении с опытом страха, происходит исключительно по причине ужаса, испытываемого личностью при принятии решений, нуждается в опровержении.

Согласно Сартру, «тоска (anguish) – это тоска перед самим собой» [3, с. 116]. Такая интерпретация – дань экзистенциалистскому обыкновению отдавать предпочтение самости. Он аргументирует эту мысль, используя все тот же пример, что и Кьеркегор, о стоянии на краю высокого обрыва. Когда Сартр писал о головокружении бытия-на-краю, он имел в виду не только страх упасть в пропасть, но и страх броситься в нее.

Это описание, как и многие философские определения, является расплывчатым и должно быть подкреплено примерами, чтобы прояснить, каково точное определение тревоги у Сартра. Так, он приводит пример ситуации, когда человек теряет огромную часть своего богатства в катастрофе, и чувство, которое он испытывает перед надвигающейся бедностью, Сартр характеризует как страх (fear). Но, с другой стороны, беспомощность человека, которую он выражает словами «Что же мне делать? О Боже, как мне теперь быть?», может быть квалифицирована как чувство тревоги. Страх-боязнь (fear), таким образом, спровоцирован ситуацией, тревога (anxiety) же детерминирована собственными действиями человека, его реакцией на ситуацию.

Поскольку каждый индивид несет ответственность за все, что есть в мире, и непрерывно должен делать выбор, он должен испытывать тревогу. Каждый ответственен за возможность бытия и небытия, согласно Сартру. В работе «Бытие и Ничто», где Сартр рассуждает об осознании и принятии свободы, он утверждает, что тревога приходит как результат свободы выбора. Свобода связана с отсутствием Бога, по Сартру. Человек вдруг обнаруживает, что в мире, лишенном Бога, он может опереться только на себя. Ответственность может казаться ему невыносимо тяжелой. Он знает, что должен принимать труднейшие решения, будучи тотально отделенным от божества, от любых других, кто мог бы разделить его ответственность, от любой внешней помощи, что само по себе вызывает смятение духа. Он знает, что каждое решение может иметь и, скорее всего, будет иметь огромные последствия для его дальнейшей жизни. Подлинно человеческая ситуация – рассчитывать исключительно на себя и ни на кого, кроме себя, – неизбежно сопряжена с чувством тревоги.

Таким образом, все же главным источником тревоги является ответственность. С исчезновением Бога ответственность, изначально возлагавшаяся на него за все последствия происходящего, теперь лежит исключительно на человеке.

Почему изначально люди склонны полагаться на кого-то, а не на себя? Этот вопрос заслуживает специального обсуждения, сейчас же нам важно увидеть, что причину тревоги, озабоченности (того, что Хайдеггер называл «заботой») Сартр действительно видел в личной ответственности индивида за последствия собственного выбора, а не в чем-то внешнем. Следующим шагом в анализе позиции Сартра является прояснение того, что он понимает под «возможными последствиями».

Мы испытываем экзистенциальный страх перед бытием в перспективе нашего собственного будущего так, как если бы могли проигрывать различные возможности в жизни, как будто они реально нам даны, утверждает Сартр [3, с. 118-120]. Он рассматривает экзистенциальный страх как нечто, свидетельствующее о субъективности, глубоко индивидуализированное и сконцентрированное в самости.

В сартровской теории человек обязан своей тревогой «выборам между всеми выборами в жизни», и это чувство, которое может ощущаться как род боязни (fear) перед чем-то внешним, вместе с тем возникает лишь в связи с осознанием личной вины за возникновение этого внешнего, участие в его создании, то есть за то, что последствия внутреннего выбора реализуются во внешнем мире. Неважно, чем определяется выбор, он всегда связан с сущностью конкретного бытия-в-мире. Невозможно одновременно утверждать, что страх-ужас является свидетельством существования, неотъемлемым

атрибутом, необходимым признаком существования, и в то же время говорить о том, что возникает он в связи с выбором в жизни, который всегда конкретен в конкретном существовании.

Размышляя над содержанием страха бедности (fear of poverty) в примере, приведенном Сартром, безусловно, в качестве основной мысли следует указать вопрос «Что я теперь буду делать?». Бедность сама по себе, как физическое отсутствие денег в руках, не производит ужаса (horror). Настоящий страх (ужас) вызывают последствия, которые произойдут в результате этого отсутствия. Человеку свойственно беспокоиться о потенциальных негативных последствиях, которые еще не произошли, но могут произойти, и ему об этом известно. Так, он догадывается, что бедность может означать для него невозможность заплатить за страховку, нанять жилье, купить еду, и боится такой перспективы. Этот страх может отличаться степенью интенсивности, но о нем нельзя сказать, что он с необходимостью порождает тревогу. Страх (fear) может сопровождаться пассивностью, бездеятельностью, тревога (anxiety) всегда связана с необходимостью действовать, правильно оценивая возможные результаты действий, выбирая среди многих вариантов (в том числе выбирая между активным действием и бездеятельностью).

Чтобы сделать свои доводы яснее, Сартр представляет ситуации, где речь идет именно о возникновении тревоги в чистом виде: «то есть, когда она не предшествует страху и не следует за страхом». Таким образом, два разных опыта могли бы быть ясно дифференцированы, когда тревога не связана со страхом никоим образом. Он определяет тревогу как «тоску (Anguish) перед лицом прошлого» или «тоску (Anguish) перед лицом будущего» [3, с. 119-121]. Чтобы прояснить сартровскую теорию чистой тревоги, необходимо проанализировать один пример, содержащий очень убедительную метафору. Сартр использует пример с игроком в азартные игры, который решает больше не играть, чтобы не причинять боль своей семье и близким [3, с. 120]. Подходя к игровому столу, игрок чувствует сильное беспокойство, поскольку понимает, насколько нетвердым было его решение больше не играть. Стоя перед столом, он в равной степени может как следовать своему решению не играть, «соскочить» с этой привычки, так и вернуться к ней, «спрыгнуть», «свалиться» в нее (очевидна уже знакомая метафора утеса). Согласно Сартру этот феномен, сформулированный как «стояние перед игровым столом», как раз и порождает тревогу.

Прежде всего, утверждение, что боязнь уже происшедших в прошлом событий имеет результатом такую сильную эмоцию, как тревога, кажется странным, ведь человек обладает относительной способностью управлять прошлым, то есть, осмысливая прежний опыт, принимать адекватные решения в настоящем, избегая повторения негативного опыта. В сартровском примере тревога, происходящая из результатов прошлого, может быть подготовлена предшествующим страхом, но также может повлечь за собой чувство страха. Во-первых, игрок чувствует тревогу тогда, когда вновь сталкивается с ситуацией, оцениваемой им самим как «грехи прошлого». Он знает *из прошлого*, как опасно привыкание к игре, когда ты уже не в силах отказаться от нее. Он также понимает, что *в будущем* это может угрожать финансовому состоянию семьи или даже вообще привести к ее разрушению. Первое он *знает* по опыту, второе *предполагает*. Но страх испытывает и перед первым, и перед вторым. То есть страх может как предшествовать и событиям (возможным), так и воспоследовать за уже происшедшими в прошлом (реальным).

Как было показано, теория, в которой тревога сама по себе непосредственно приходит из свободы, или «выборов между всеми выборами в жизни», делает тревогу, в сущности, лишь разновидностью страха. Если же учесть, что источником страха-боязни являются именно внешние объекты, рождается совершенно неправильное представление о сущности и причинах тревоги. Если же мы принимаем в качестве фундирующего тезиса то, что тревога и страх сущностно различны, то единственно верной будет теория, что тревога не имеет внешней, эмпирической причины, она изначально присуща бытию, ее

источник – ничто, а не что-то, она не следствие, а условие бытия. Когда люди ощущают тревогу, тоску, она происходит от осознания бытия самого по себе, она свидетельствует о встрече человека с бытием и переживанием самого факта существования. Жизнь – хрупкая вещь, и тревога позволяет нам осознать шаткость, неустойчивость нашего существования. Она, тревога, являет человеку его истинное положение.

Для большинства людей такой способ подтверждения человеческого существования самого по себе окажется непосильным, и гораздо легче для них просто принять рутину повседневной жизни. В конце концов, большинство просто прячется от жизни и ее сложных вопросов и неочевидных истин. Однако эта мнимая простота жизни в какой-то момент обнаруживает свою фальшь. Момент прозрения, ужасающего постижения факта, что ты существуешь, не имея выбора, существовать или нет, что твоя ситуация в жизни – отчаянная, безнадежная беспомощность, и что человеческий удел – одинокое предстояние перед бытием, настигает любого мыслящего человека. Ты можешь делать выбор, но какая разница, делаешь ли ты его в этих условиях? Ведь судьба любого существования – неумолимое движение к окончанию жизни, смерти, и человек знает об этом. Это неизбежное свойство жизни может порождать ужас, когда осознание отсутствия власти над миром беспощадно обнажает подлинную ситуацию человека, всю его незащитность перед бытием. Признание этого положения, открытость бытию есть чистое осознание бытия. Можно признавать свободу существования, свободу выбирать между всеми возможностями, но первое, что необходимо признать, – то, что свобода имеет пределы, и это вынуждает нас принять тот факт, что человек обречен именно на *человеческий удел в бытии*, и именно это осознание влечет потенциальную возможность ощущения экзистенциального ужаса.

Этот род самосознания как понимания беспомощности и шаткости бытия отличается от знания о свободе выбора тем, что открытие человеческой оставленности, заброшенности, незащитности не связано ни с какими внешними объектами. Решающее значение здесь имеет понимание того, что человеческая беспомощность не связана ни со специфическими обстоятельствами, ни с их последствиями, а единственно только с жизнью самой по себе и является универсальным условием человеческого бытия. Беспомощность, включенная в человеческий удел в бытии в качестве неотъемлемого атрибута, не может быть интерпретирована как чувство беспомощности, вызванное какой-либо ситуацией, вроде бедности, серьезной болезни, неожиданного несчастья.

Скорее, беспомощность, которая порождает этот приступ экзистенциального ужаса, возникает на другом уровне. Когда кому-то удастся выбраться из бедности или даже стать богатым, он еще долго чувствует, что чего-то существенно не хватает в его жизни; он пытается понять, – например, пережив болезнь и физически чувствуя себя прекрасно, – зачем вообще живет. Его не покидает ощущение абсурдности ситуации: зачем цепляться за жизнь, за что ее ценить, если точно знаешь, что не просто человек вообще смертен, а твоя личная смерть неизбежна. Ты постоянно выбираешь, но это видимость выбора, потому что ты навсегда обречен на собственную личность, собственную судьбу. То есть в самом главном ты бессилён, беспомощен, и это порождает экзистенциальный страх. Возможно, ситуация проживания в бедности или борьбы с серьезной болезнью имеет больше оснований для возникновения экзистенциального страха, но не потому, что условия бедности или болезни сами по себе порождают экзистенциальный страх и являются основой его происхождения. Все дело в том, что эти ситуации побуждают человека к размышлениям о его специфически человеческом уделе; они, ставя его лицом к лицу с бытием, открывают ему истинное его положение.

Бесспорно, что жизнь постоянно ставит человека в условия необходимости выбирать между возможностями, и так было во все времена. Даже когда кто-то решает не решать, положившись на волю других или судьбу, он уже решил – решил отказаться от принятия собственного решения. Выбор может быть невыносимо трудным, может

фрустрировать человека. Однако принятие решения *не есть один из* аспектов человеческого существования – это *единственный* аспект, извлеченный из существования самого по себе, неотъемлемо присущий существованию. Как было показано ранее, определение тревоги (anxiety), базирующееся исключительно на осознании человеком свободы выбора, уравнивает тревогу и страх-боязнь (Fear). Существенное различие их становится при этом как бы незначимым. Игнорирование этого различия означает невозможность концептуализации обоих понятий.

Люди могут испытывать состояние ужаса, не связанное с необходимостью принятия решений вообще, его нельзя уравнивать со страхом, так как он не связан с чем-то определенным, кроме жизни как таковой. Когда кто-то понимает, что его беспомощное состояние обусловлено факторами, лежащими вне его конкретной жизни, которые он не может контролировать, не может ими управлять – а эти факторы обусловлены человеческим уделом в бытии вообще, – он проникает своим сознанием в глубь бытия, осознает свою включенность в бытие, обреченность на бытие, и это сознание приходит к нему в виде чувства, куда более глубокого, чем страх (Fear), а именно чувства экзистенциального страха (Angst).

(перевод Т.Ю. Денисовой)

Литература

1. Munch Edvard. «The Great Scream in Nature»: Edvard Munch at MoMA. Ed. Presca Ahn. The American Reader. N.d. Web. Dec. 8, 2012. URL: <http://theamericanreader.com/the-great-scream-in-nature-edvard-munch-at-moma>.
2. Kierkegaard, Søren and Knut Johansen. Begrepet angst. Oslo: De norske bokklubbene, 2001.
3. Sartre Jean-Paul; Denoon Cumming, Robert. The Philosophy of Jean-Paul Sartre – Edited and Introduced by Robert Denoon Cumming. New York: Vintage Books, 1972.

О диалоге

Дорогие друзья!

С удовольствием сообщаем вам, что в нашем журнале дебютирует новая рубрика – фактически рубрика в рубрике – «Диалоги». Сейчас кажется странным, что это происходит лишь на четырнадцатом году жизни журнала. Дух диалога, являющийся неотъемлемой чертой и научного, и философского мышления, разумеется, проникал на эти страницы, просто не находя до сего времени соответствующего оформления. Хотя, впрочем, возможно ли это – организовать диалог, регламентировать его ход, побудить к нему, а уж тем более зафиксировать и оформить?

Ведь диалог – это не просто цепочка чередующихся готовых сообщений, обмен готовыми смыслами, представленный в виде вопросов и ответов, – хотя, безусловно, он предполагает вопросы и ответы, предполагает наличие у собеседников содержательных сообщений, которыми они готовы обменяться. Это не просто сцепление слов, а, может быть, даже и не сцепление и порождение (в смысле «выдумывания») мыслей, а соучастный процесс прояснения вопроса, в совместности которого есть необъяснимая магия. В нем нет гладкости, законченности, абсолютной последовательности, абсолютного понимания. Он дает не только радость обретения, но и муки вечного ненахождения искомого – и когда происходит с самим собой, и когда ведется с Другим. Диалог есть вечная интенция преодоления неизбежного разрыва между двумя Я, и он же есть способ обнаружения этого разрыва, неочевидного в поверхностном повседневном общении, а главное – способ рождения в месте разрыва ткани нового смысла.

При том, что невозможно «вместе подумать одну мысль», оказывается, можно оказаться в одном мыслительном поле, в режиме, названном М. Бубером «mit-ein-ander-denken» (друг-с-другом-мышление), в котором может случиться мысль, может случиться диалог – чудо, которое нельзя ожидать, предсказать, организовать. В основе его не только «родство душ», но и необъяснимый феномен присутствия мысли «где-то рядом», ее «витания в воздухе», какого-то ее независимого существования – потому-то мы и говорим «мне подумалось». Мысль не была изобретена тобой, она тебе открылась, а это значит, что могла открыться и другому. Просто тебе повезло больше или ты оказался более чутким к ней (как сказал бы Гераклит – к голосу Логоса). Эта идея в различных вариациях звучала у многих мыслителей. Когда Х.Л. Борхес говорит: «Прости меня, читатель, что я первым высказал эту мысль», это не кокетство великого ума. О том же говорил и М.К. Мамардашвили: «Если я серьезно что-то подумал, то я подумал то, что думал другой, или думает кто-то рядом, или подумает в будущем». То есть не ты думаешь мысль, а она думает тобой, избрав тебя в качестве средства быть явленной.

Однако эта встреча с мыслью, как и встреча с Другим в общем мыслительном поле, при всей своей возможности не перестает быть чудом. М.К. Мамардашвили отмечал с удивлением, скольким частям нашей души должно повезти, чтобы они встретились случайно как раз с тем, что им нужно именно в данный момент, и в данном месте. Это же невозможно, говорил мыслитель.

Но уж если мысль «есть нечто невозможное, но иногда случается», можно сказать, что и диалог есть нечто невозможное, но иногда случается. К счастью.

В новой рубрике вашему вниманию предлагается два текста, посвященных одному из самых неоднозначных и удивительных феноменов современности – феномену «бедной веры». Поводом к их написанию послужил выход в свет осенью 2013 г. книги выдающегося философа, культуролога, лингвиста Михаила Эпштейна «Религия после

атеизма. Новые возможности теологии», представляющей собой концептуальное оформление глубоких многолетних размышлений. Зная Михаила Наумовича, вычеркиваю слова «итог размышлений», «законченная концепция», и не только потому, что хотелось бы избежать клише. Книга вызвала и продолжает провоцировать чрезвычайно оживленные и горячие дискуссии в университетских аудиториях, в теле- и радиостудиях, на страницах различных изданий. Как все – без преувеличения – тексты Михаила Эпштейна, чрезвычайно оригинального и глубокого мыслителя диалогического склада, «Религия после атеизма» обладает мощнейшим «мыслепобудительным» – thoughtprovoked (выражение принадлежит Михаилу Эпштейну) – импульсом, отзываясь неожиданными прозрениями, заставляя многократно возвращаться к ней, будя ответную мысль, порождая новый текст.

Трудно определить жанр предлагаемых далее двух перекликающихся текстов.

Это не интервью, хотя мой текст, по сути, является откликом на книгу Михаила Эпштейна (потому-то было большое искушение назвать его как-нибудь вроде «Несколько вопросов Михаилу Эпштейну...» или «Мысли по поводу...»), а тезисы Михаила Наумовича написаны в ответ на мои вопросы и просьбу о сжатом изложении позиций. Здесь есть вопросы и ответы, но вопросы, как все вопросы, заключают в себе не только просьбу об ответе и его ожидание, но и предположение ответа, догадку, попытку изложения собственной позиции; а ответы, несмотря на утвердительную форму тезисов, сохраняют напряжение ищущего и сомневающегося вопрошания.

Это не попытка рецензии или представления книги.

Это не просто две автономных (при всей их самостоятельности) статьи на одну тему, поскольку изложение позиций не исключает (а в данном случае, пожалуй, даже предполагает) готовность к продолжению обсуждения, желание вслушаться в иную позицию, увидеть иначе.

Думается, что это действительно диалог. Диалог, в который Вам, дорогой читатель, надеемся, захочется включиться.

Т.Ю. Денисова

УДК 141.4

*Т.Ю. Денисова***ПУТЬ БЕДНОЙ ВЕРЫ: О ПЛОДОТВОРНОСТИ СОМНЕНИЙ**

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о сущности и истоках религиозной потребности человека и роли веры в поисках экзистенциальных смыслов. «Голод веры» позиционируется как нужда в понимании подлинного места и назначения человека внутри целого, необходимость его осмысленной причастности целому. Проводится различие между понятиями «бедная вера» и «бедная религия». Сопоставляются характеристики «бедной» и традиционной религий, внеконфессиональной веры и веры воцерковленного верующего. Рассматривается проблема правомерности традиционного сопоставления материальной скудости и духовного богатства.

Ключевые слова: бедная вера, бедная религия, конфессия, личная вера, обрядовое, Михаил Эпштейн.

*T.Y. Denisova***THE WAY OF MINIMAL FAITH: ON FRUITFULNESS OF DOUBTS**

Abstract: The article discusses the nature and the origin of the human's need for religion and the role of faith in the search of existential meaning. «Hunger of the faith» is positioned as the need for true understanding of the human place and purpose within the Whole, and as the need for his purposeful and sensible participation into the Whole. This essay emphasizes the importance of clear distinction between two concepts of «poor faith» and «poor religion». It compares the characteristics of «poor» and traditional religions, non-denominational faith and faith of the church member. It examines the problem of reasonability of the material poverty and spiritual wealth's traditional correlation.

Key words: minimal faith, minimized religion, confession, personal faith, ritualistic faith, Mikhail Epstein.

I. О причине веры

В истории человечества не существовало абсолютно безрелигиозных культур: даже в обществах, объявивших атеизм государственной идеологией и единственным легитимным мировоззрением, можно увидеть признаки религиозного чувства, различные сублимации глубокой онтологической потребности человека в опыте общения с сакральным, с источником и хранилищем универсальных истин и смыслов. Формы проявления этого религиозного чувства разнообразны, порой чрезвычайно причудливы и неожиданны. «Человек – это существо, угадавшее свою незавершенность и ищущее завершения в иконе, – писал об этом выдающийся российский философ Г.С. Померанц. – В иконе зверя. В иконе Бога. В иконе ангела. В иконе ничто и пустоты. Человек – это существо, мастерица иконы» [3, с. 64].

И Ваша, Михаил Наумович, глубокая и оригинальная трактовка в качестве эрзацев религии таких феноменов, как культ Большого Брата, трудовой энтузиазм (обозначенный замечательной формулой «эротика рабочего удара»), тенденция к беспредметности, разрушению традиции в авангардистском искусстве XX века, а также самых диковинных

сект (от вещесвятцев до пустоверцев и даже пушкинианцев), представленных в недавно вышедшей книге «Религия после атеизма. Новые возможности теологии» (а ранее в книгах «Великая Сось», «Слово и молчание: Метафизика русской литературы», «Постмодерн в русской литературе» и других работах), убедительно обосновывает факт укорененности религиозной потребности человека, истоки которой – внутри, а не вне. Можно навязать извне формы удовлетворения этой потребности, но нельзя заглушить или создать ее саму по себе.

Истинное состояние человека – это неустойчивое балансирование между крайностями, срединное положение и порожденные ими неуверенность и поиск опоры. Эта срединность проявляется, в частности, в специфике наших гносеологических возможностей, делающей нас, по словам Б. Паскаля, «неспособными ни знать наверное, ни оставаться в полном неведении» [2, с.110]. Но еще более важным свидетельством нашей срединности, промежуточности, заставляющим искать твердое основание, пристанище, является положение между бытием и небытием, всем и ничем. В нас слишком мала частица бытия, чтобы постичь «все» бытие, но вместе с тем эта частица бытия в нас есть, и она отделяет от небытия, тем самым препятствуя постичь небытие, а также первоначала, то есть переход от небытия к бытию [2, с. 109].

Вот почему мы не можем найти эти основания в нас самих и ищем их вне себя. У средневекового мыслителя Ангелуса Силезиуса есть такие строки:

Чтоб видеть свой предел и знать свои истоки,
Я должен Бога зрить в себе,
Себя же – в Боге [1, с. 57].

Постичь что-либо отдельное невозможно, не поняв, как оно вписывается в целое. Но постичь целое обычным человеческим путем познания (одно за другим, прибавляя и накапливая знания об отдельных вещах) невозможно: во-первых, часть не способна постичь целое в силу своей несоразмерности целому и невозможности отнестись к целому, которое ее вмещает, как к объекту; а, во-вторых, постижение целого путем увеличения количества познанных частей – процесс принципиально незавершимый. Поэтому знание целого (пусть на уровне предпонимания, предчувствия, условной неverifiedируемой модели, принятия верой, на веру), являющееся условием понимания частей, должно быть дано человеку априори.

Вера – поиск истины сущего в его целом, смысла существования части. Невозможно смириться с собственной участью единицы, случайно прибавленной к бесконечности, отчего сама бесконечность не меняется. Вера, не отменяя несоразмерности конечного и бесконечного, осмысливает конечное и тем встраивает его в бесконечное, давая ему место, смысл, назначение.

Известный исследователь религиозных учений М. Элиаде убежденно говорит о том, что священное входит в саму структуру сознания, что быть человеком – а точнее, *стать* им – и означает быть религиозным [4, с. 6]. Священное, таким образом (во всей диалектике его генезиса, во всем многообразии морфологии) с необходимостью участвует в процессе филогенетического становления человека. При этом во всей истории человеческой цивилизации нет более болезненных и трудных для разрешения вопросов, чем вопросы, связанные с верой и религией. И это не только сложные отношения между конфессиями – в первую очередь это мучительные сомнения, свойственные мыслящему существу. «Люди бывают только трех родов: одни нашли Бога и служат Ему, другие не нашли Его и стараются отыскать, а третьи живут, не найдя Его и не ища», – писал Б. Паскаль [2, с. 99]. Он называет первых разумными и счастливыми, вторых – разумными и несчастными, третьих – неразумными и несчастными. Феномен бедной веры или бедной религии, описанный в книге «Религия после атеизма», проявляющийся в том, что значительное количество современных людей, считая себя верующими, не относят себя ни к одной из традиционных конфессий, мог бы, вероятно,

быть соотнесен с упомянутой мыслью Паскаля. Что же представляют собой «бедные верующие»? Можно ли отнести их к категории «разумных и несчастных»? А может быть, неразумных и несчастных? Зачем искать, задавать вопросы, когда есть готовые ответы традиционных конфессий?

II. О бедной вере и бедной религии

Михаил Наумович, и в книге «Религия после атеизма», и в Ваших интервью наряду с выражением «бедная религия» встречается и «бедная вера», причем, как мне показалось, в похожих контекстах и значениях. Читатель мог бы воспринять их как синонимичные, что, как мне кажется, было бы ошибкой.

То, что вера и религия – понятия связанные, но не тождественные, настолько очевидно, что на этом не стоит останавливаться. Вы тоже об этом пишете, причем именно в связи с «бедной религией», говоря о ней как результате разрыва между вероисповеданиями и верой, называя ее верой вне вероисповеданий [5, с. 10].

Вопрос в другом: как связаны именно бедная религия и бедная вера? В Манифесте бедной религии, написанном Вами в 1982 году, есть, в частности, такое утверждение: «Атеизм prepares путь бедной *религии*, которая обращается к бедности божественных проявлений, к отсутствию «вида и величия». Бедная же эта *вера* потому, что почти ничего не имеет в этом мире: ни храма, ни обряда, ни установленных правил, одну только обращенность к Богу здесь и сейчас» (курсив везде мой – Т.Д.) [5, с. 8].

То есть бедная религия выражается в бедной вере? Тогда что такое бедная вера?

Я думаю, Вам уже пришлось ответить на множество недоуменных вопросов по поводу правомерности использования термина «бедная религия» (не меньше, чем Т. Куну по поводу «нормальной науки») именно в силу неоднозначности понятия «бедная». Понятие «*minimal religion*», «*minimized religion*», которые использует Томас Олтайзер, т. е. минимальная, минимизированная религия, не вызывает вопросов, поскольку понимается более или менее однозначно, – в отличие от «бедной религии». Бедность обычно ассоциируется с нехваткой, скудостью, убожеством, нуждой, несчастьем, маргинальностью, несоответствием стандарту благополучия (неважно, в каком контексте – «бедная речь», «бедняжка», «живут они бедно»). Это не просто минимум необходимого, отсутствие излишнего – это недостаток какого-то важнейшего качества, которое делает объект полноценным. То есть бедная религия – не вполне религия, а бедная вера – не вполне вера?

При этом с религией все же более или менее ясно. Полноценная религия – религия развитая, институционализированная, включающая весь комплекс догматов, традиций, ритуалов, материальных атрибутов, иерархию отношений. Бедная религия, соответственно, лишена этого. Любая традиционная религия в период своего становления, наверное, могла бы быть названа бедной. Что же такое бедная вера?

Вера – всегда интимное, личностное переживание связи с сакральным. Она может сопровождаться сомнением и отрицанием, и никто извне не способен развеять эти сомнения, они преодолеваются – или укрепляются – неведомо как только изнутри самой личности. Неуверенность, сомнения в бессмертии души, так же как и в смертности ее, в существовании Бога и в его невозможности не просто неотделимы от веры, они являются ее основанием, как бы парадоксально это ни звучало. В Евангелии от Марка некто приводит бесноватого сына к Иисусу, ожидая чуда исцеления. И Иисус, уставший от того, что от него ожидают непрерывных чудес, указывает в качестве пути исцеления веру – ничего не гарантирующую, в отличие от чуда, но дающую надежду: «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему». В ответ на это отец произносит настолько выразительную фразу, что ее можно было бы при всей ее внешней противоречивости – а может быть, благодаря ей, – счесть универсальной формулой личной веры, так или иначе звучащей впоследствии в размышлениях о Божественном бытии и вере у Аврелия

Августина, Б. Паскаля, Сергия Булгакова и многих других христианских мыслителей: «Верую, Господи! помоги моему неверию!» (Мк. 9:14-24). Сокрушенное признание в неверии и просьба о вере – уже сделанный шаг от немого и неосознаваемого духовного голода, нужды в восполнении и смысле к самой вере. Напомню в связи с этим известное стихотворение Ф. Тютчева, речь в котором идет о трагедии человека – хочется сказать «современного человека», если бы он не был в равной степени современен и Тютчеву, и нам, да и апостолу Марку тоже, – человека, неспособного сделать этот шаг:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверию!..»

Личная вера характеризуется экстатическим, мистическим опытом единства, причастности священному, который нельзя не только разделить с кем-то, но и передать словами. Она не может быть передана по наследству, ей нельзя научить, она не может быть традиционной. Это такой же субъективно-объективный феномен, как любовь: переживается многими, но каждое переживание – личностное, первое и единственное. Она может отличаться лишь степенью интенсивности, постоянства, глубины.

А значит, «бедная вера» – нечто неглубокое, поверхностное, то, что не является объектом сильных переживаний и держится, скорее, привычкой, традицией. Именно бедной вере свойственно скатываться в обрядоверие, фетишизм. Она настолько несамодостаточна, неполноценна, что все время нуждается во внешних подкреплениях в виде совместных действий, манипуляций с предметами, осуществляемых в раз навсегда установленном порядке.

Поэтому, как мне представляется, отношения между бедной верой и бедной религией, так же как и вообще между верой и религией, неоднозначны. Развитая традиционная религия может сопровождаться как верой искренней и глубокой, так и бедной верой, которой нужны подпорки в виде обрядов, священных предметов и чудес, чтобы существовать. И в этом случае для кого-то религия может выступать просто в качестве компенсации внутренней пустоты, а церковь – в качестве суррогата утраченной в процессе цивилизации причастности роду и почве. Символы, став общими, больше не имеют смысла; обряды, став привычными, просто включаются в инерцию повседневного порядка. Истинная же вера может совершенно не нуждаться в религиозных отправлениях либо довольствоваться ее минимальными элементами.

III. О материальной скудости и духовном богатстве

Многозначная «бедность» «бедной религии» побуждает вспомнить еще об одной проблеме, которую мне бы хотелось обсудить с Вами. С детства, с самого момента знакомства с Нагорной проповедью, мне не дает покоя выражение «Блаженны нищие духом». Специфика грамматической структуры этой фразы на русском языке допускает две различные трактовки.

Первая, традиционная: блаженны, то есть имеют особое благословение Господа, нищие духом – кроткие, негордые, не обладающие многознанием, по-детски доверчивые. Именно в этом смысле, и никак иначе, может быть понято данное выражение на

английском (Blessed are the poor in spirit, for theirs is the kingdom of heaven [6]) и на латыни (beati pauperes spiritu quoniam ipsorum est regnum caelorum [7]). Хотя, надо сказать, понятие «нищета духа» обладает не только позитивными или нейтральными коннотациями. «Нищий духом» может значить и «бедный мыслью», озабоченный земными благами в ущерб духовным, слабый духом, то есть волей. У М.К. Мамардашвили есть очень удачное, на мой взгляд, выражение о делении людей на «детей Марии» и «детей Марфы». Они неплохие люди, дети Марфы, трудолюбивые и честные, но их беда в том, что они, не видя дальше привычной повседневности, убеждены, что всегда знают, как правильно. Иисус действительно проповедовал простым людям – рыбакам и блудницам, но вопрос в том, насколько глубоко было ими осознано его слово, был и остается актуальным. Многознание и сомнение, интеллектуальная свобода, свобода от традиции и привычки рискованны. Как писал Г.С. Померанц, «личностное мышление интеллигента несет в себе одновременно возможность и Христа, и Антихриста» [3, с. 121]. Но ведь и «святая простота» с ее дефицитом культурной эрудиции, доверием к традиции (*Vox populi – vox dei*), склонностью сваливаться в предметную постигаемость, отсутствием привычки к абстрактному мышлению, убежденностью в том, что прецедент – уже аргумент, далека в массе своей от идеала новозаветного Адама. Убедительный пример такой святой простоты – в известной легенде, приведенной Ф. Тютчевым в стихотворении «Гус на костре»:

Тут и она – та старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.

Хотя все же, может быть, есть в этой безыскусной, лишенной сомнений и попыток рационализации иррационального вере своя сермяжная правда? Г.С. Померанцу, удивительно тонкому и глубокому мыслителю, принадлежит режущая слух фраза «Крестьяне несовершенны в религии так же, как и в агрономии», но сказано это все же о религии, а не о вере.

Как бы то ни было, благодаря специфической конструкции выражения «Блаженны нищие духом» на русском языке возможно и иное его толкование: нищие блаженны духом, то есть нищие, бедные в смысле материальной скудости, имеют особые преимущества в отношении Божьего благословения, поскольку бедность то ли компенсируется высотой духа, то ли даже является одним из ее источников.

Именно эту вторую трактовку я встретила, к собственной радости, у Вас, Михаил Наумович, причем не единожды и в разных текстах. К радости – потому что такое прочтение кажется мне более убедительным – в том числе и тем, что отнимает у «святой простоты» с ее интеллектуальной невинностью сомнительную монополию на обладание совсем непростыми истинами.

О бедности как условия более легкого пути к Богу многократно сказано и в Священном Писании («легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай»), эта мысль проводится в многочисленных житиях святых, следовавших жесткой аскезе. Нам привычно не просто соположение, а противоположение материального и духовного. Однако насколько и чем обоснована идея о связи материальной скудости и духовного богатства? Как мне представляется, здесь можно выделить две стороны: зависимость духовности от степени материального богатства (изобилия, благополучия), то есть восприятия богатства как жизненной цели и ценности, и зависимость между духовностью и отношением к вещному миру или, уже, – отношения к вещам.

Рассмотрим их по отдельности. Почему богатство противопоставляется возможности духовности? Оттого ли, что материальное привязывает к земным благам, а свобода от него позволяет взглянуть ввысь? Или бедность нуждается в утешении, в придании смысла скудной жизни, смысла, лежащего вне недоступных материальных благ?

Вера, если она может быть отнесена к разновидности духовного творчества, как любое творчество, должна питаться нехваткой, нуждой, требовательным осознанием недостаточности наличного, жадной восполнения и конструирования («художник должен оставаться голодным»).

Вы приводите в качестве примера такой связи бедности и духовности очень красивый текст О.Э. Мандельштама о том, как скудость материальной жизни превратила еду в трапезу, комнату в келью, одежду в одеяние. «В условиях бедности *остаётся* жить духом святым (курсив мой – Т.Д.)», – пишет О.Э. Мандельштам. Значит ли это, что причастность духу святому, духовность присущи человеку изначально и весь его душевный труд должен быть направлен исключительно на высвобождение этой духовности из плена материального, телесного?

Ведь можно привести множество примеров, когда бедность материальная сопровождается духовной нищетой. Крайняя бедность с ее балансированием на грани жизни и смерти принуждает отдать все силы обеспечению физического выживания. Материальная скудость Диогена свидетельствует о свободе от всякой зависимости от вещей и людей, самодостаточности, духовной силе. Материальная скудость и неприкаянность опустившегося бродяги-пьяницы сопровождается и духовным опустошением, сведением человеческой жизни к существованию тела.

Может быть, для этой связи между бедностью и духовностью требуется какое-то важное условие? Но какое? Фраза О. Мандельштама о превращении одежды в одеяние становится понятнее в Вашем толковании, когда Вы говорите о том, что «дело *не только* в материальной скудости, *но и* в смысловом дефиците» [5, с. 28]. Значит ли это, что вещь обрывает смыслом не оттого, что способна этот смысл породить, а оттого, что жизни не хватает осмысленности? Соответственно, духовность порождается не самой по себе материальной скудостью, а сопровождающей ее скудостью смыслов и осознанной потребностью в них.

И вторая сторона вопроса. В приведенной фразе Мандельштама речь идет не только о духовности, сопровождающей материальное оскудение, но и о том, что что-то происходит с самими вещами по мере их сведения к минимуму. Почему в бедности одежда превращается в одеяние? Откуда появляется такое благоговейное отношение к вещи? Дух замещает вещи? Или дух освящает вещи? Что меняется в сути вещей, когда их мало – они становятся ближе, роднее, дороже, превращаясь из сменной оболочки душевной жизни в ее «наружный край», границу, срастаясь с ней? Или, напротив, – дальше, «нездешнее», со своей судьбой и сущностью, а потому вызывают ощущение выхода из привычного круга «своего» к Другому во всей его таинственной и глубокой иноковости? А может быть, привязанность к вещи вызвана той же причиной, что и религиозность, – то есть ощущением своей неполноты, слабости, жадной причастности и защищенности? Во всяком случае, вещь, оставаясь материальной, не противоречит духу, а как будто является условием его зримого воплощения, обуславливает возможность его восприятия.

Вопрос об отношении к вещам и значении вещи в процессе не просто существования, а осмысления существования возвращает нас к разговору, начатому нами на Афинском философском конгрессе летом прошлого года. Во многих Ваших работах, Михаил Наумович, Вы развиваете мысль о растущем развеществлении, обестелеснивании, дематериализации человеческого существования. В частности, речь об этом идет в Ваших книгах «Знак пробела», «The Transformative Humanities» и, конечно, в «Религии после атеизма». Мне кажется, что объективно происходящий в результате развития современных технологий процесс отчуждения духовных феноменов от их материальных носителей, обеспредмечивания повседневности может быть расценен как вариант материальной скудости, вызванной, правда, не нехваткой необходимых вещей, а отсутствием необходимости в них. Вы говорите о будущем,

складывающемся в результате развития этой тенденции, как об «ангелических формах цивилизации», о формирующемся человеке как «квазиангелической форме человеческого», «новой форме одухотворенности человека». Новые отношения человека с пространством и временем, возможность быть «везде и всегда», а не только «здесь и теперь», обернулись, помимо приобретений, потерей места и вещей, к которым человек больше не привязан – я говорю о привязанности и в смысле зависимости, и в смысле любви. Что происходит с человеком в результате разрыва с миром вещей? В течение тысячелетий вещи использовались и создавались им в качестве инструментов приобщения к миру, репрезентации идей, объективации символов. Вещи были условием и средством его включения в мир, взаимодействия с ним, его освоения и присвоения. Мир становился «своим» потому, что человек участвовал в его досотворении, создавая вещи. Они участвовали в творческом преобразовании мира и самого человека и в процессе «делания», и в процессе «думания». Лишившись их, что он приобрел? Обживая новую виртуальную среду обитания, человек все более теряет навык физического взаимодействия с миром, фактически перестает быть соучастником его естественных процессов, зависает между небом и землей. Философское осмысление новой человеческой ситуации изобилует мрачными диагнозами (от нейтрального «кризиса» до драматической «смерти человека»). Вы один из очень немногих мыслителей современности, кто оценивает это дематериализованное будущее оптимистически. Но не слишком ли рискованно ожидать, что человек, лишенный привычных опор, не погибнет, а откроет какие-то новые горизонты духовности и творчества? Готов ли он к ним?

IV. О личной вере и обрядоверии

Михаил Наумович, в одной из глав у Вас есть замечательно емкая формула, связанная с асимметрией между конфессиональной идентификацией и личной верой, свойственной многим верующим. Вы говорите о том, что в отличие от пути от Церкви к Богу, который совершают люди, воцерковленные с детства, исповедующим бедную религию приходится совершить противоположный путь – от Бога к Церкви. При том, что оба не обязательно приводят к цели, первый сопровождается радостным и светлым естественным вызреванием готовности к личной глубоко интимной встрече с Богом, второй же сопровождается мучительными сомнениями и драматической внутренней разорванностью, конфликтом между иррациональным желанием причастности и рациональным анализом объекта этой причастности, то есть конкретной Церкви. Но самая важная разница между ними в том, что первый совершается неосознанно, а второй предполагает цель и сознательное движение к ней. Только во втором случае уместны вопросы «почему» и «зачем». Почему человек, уже обретший веру, ищет Церковь? Что изменится в его жизни, если ему удастся найти искомое?

Человек, идущий путем от Бога к Церкви, может не прийти ни к какой Церкви, остановившись в растерянности на полпути. Слишком многое в институционализированной религии мешает ее приятию. Я бы выделила три наиболее существенных препятствия, отвращающих многих от Церкви.

Во-первых, это претензия Церкви на монопольное знание о Боге. В одном из писем к Томасу Олтайзеру Вы говорите о комической теологии как о парадоксе, что человек, признавая свою несоразмерность Богу, его принципиальную непостижимость, все же смеет, пытается судить о нем [5, с. 400]. Церковь же не просто заявляет о праве высказывать и обосновывать определенные позиции по богословским вопросам, опираясь на конвенциональность, традицию в толковании того, что есть Бог, как проявляется Божественная воля, как нужно веровать и любить Бога, когда и как вступать с ним в диалог, как формулировать свое обращение к Нему и т. д., но демонстрирует убежденность в обладании *единственной* истиной о Боге, отвергая возможность личной веры, осуждая сомнения в декларируемых и навязываемых ею догматах.

Вспомнилась в связи с этим еще одна строфа из Ангелуса Силезиуса:

Бог – вечное Ничто, Нигде и Никогда,

Явиться не успел – уж сгинул без следа [1, с. 61].

И еще один фрагмент его текста, о том же:

Не можешь ты постичь всю бесконечность Бога,

Да и ему своя неведома дорога [1, с. 65].

Но невозможно любить согласно букве, невозможно чувствовать «по правилам».

Во-вторых, сама идея Церкви как мистического союза верующего с Христом на практике трансформировалась в идею объединения верующих. Вместо одинокого предстояния перед Богом – совместная молитва и совместные обряды. Г.С. Померанц писал о том, что Иисус никогда не проповедовал массам: «Массы тогда, как и сейчас, предпочитали Варавву». Он проповедовал «небольшим группам избранного народа, чтобы они стали ядром нового Адама, и чтобы когда-нибудь это ядро обросло плотью не в массовом, а в интимном общении» [3, с. 133]. Можно ли достичь интимного общения с Богом, исполняя обряд, вместе с *массой* верующих?

В Нагорной проповеди Иисус прямо говорит о достоинствах тайной милостыни перед явной и тайной молитвы в противовес лицемерной молитве в публичных местах: «И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 5-6). На прямое запрещение Христом молитвы в общественных храмах ссылался, например, Л.Н. Толстой в своем ответе на отлучение его от Церкви в 1901 г.

В-третьих, церковь привязывает веру к вещам и обрядам. Ритуальные действия, использование предметов, превращение абстрактных идей и трудноуловимых и тем более трудно выразимых чувств в нечто зримое, телесное, а самое главное – объективация интимных переживаний, превращение их в нечто общее – все это призвано сблизить, связать два мира, физический и метафизический, земной и небесный, предметный мир и мир чистого духа, но в действительности приводит к экспансии первого в область второго, подмене одного другим. Главное – не чувствовать, а делать правильно. Кому не приходилось слышать в переполненном храме грубую перебранку из-за того, что кто-то не так ступил, не туда поставил свечу? Рассказы о том, что происходило в многочасовой очереди к дарам волхвов в Москве, повергают в ужас: мошенничество с журналистской аккредитацией, потасовки, обилие лжекалек. Боюсь, что цель многих в этой очереди – ухватить, не упустить свою долю благодати (как будто благодать можно разделить, подобно материальным благам), опередить менее настойчивых и расторопных, то есть проявить качества, обычные для стоящих в любой очереди: в железнодорожную кассу, гардероб, окно выдачи почтовых посылок.

Б. Паскаль говорил о том, что чудеса способны «просвещать одних и ослеплять других» [2, с. 294], то есть они способны помочь сделать первый шаг, привести к церкви, но путь к вере каждый должен проделать самостоятельно. Однако воцерковленность создает иллюзию, что и так уже «все правильно». Во время праздника Богоявления мне пришлось видеть, какое количество людей пришли в храм с одной-единственной целью – набрать святой воды. Оглядевшись, они замечали стоящую возле церковной ограды машину с надписью на бочке «Питьевая вода» и хмурого мужчину с черным шлангом, направляющего струю воды в подставленные емкости. На мгновение на лицах возникала растерянность оттого, что чудо не было обеспечено необходимым антуражем, но совсем ненадолго – как только на бутылке с водой заворачивалась крышка, задача была выполнена. Все было сделано правильно.

Что же дает или может дать человеку мыслящему, верующему, но не имеющему обрядовых привычек причастность к традиционной религии? От чего он хочет освободиться? От вопросов о самом себе – от первого «Почему?» до последнего «Для чего?»? Что ожидает обрести? Готовые ответы, в которых можно позволить себе не сомневаться?

И, может быть, бедная религия есть не просто временный, переходный постатеистический период возвращения, собирания, возрождения утраченных традиций, а качественно новый, содержательный этап развития религиозности, основанной на свободе, чистоте, искренности веры, личной веры в личного Бога?

Литература

1. Ангелус Силезиус. Херувимский странник. Остроумные речения и вирши / Пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Наука, 1999. 514 с.
2. Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. М.: Астрель, 2011. 528 с.
3. Померанц Г.С. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. 575 с.
4. Элиаде М. История веры и религиозных идей. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Академический проект, 2012. 622 с.
5. Эпштейн М.Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 416 с.
6. Bible. URL:<http://www.biblegateway.com>.
7. Latin Vulgate Bible. URL:<http://www.magister.msk.ru/library/bible/latin/vul-mt.htm>.

УДК 141.4

М.Н. Эпштейн

ТЕЗИСЫ БЕДНОЙ ВЕРЫ

Аннотация: В десяти главах и шестидесяти четырех тезисах раскрывается понятие «бедной веры», внеконфессионального религиозного сознания, которое стало формироваться в СССР в 1960-1970-е г. По данным социологических опросов, в настоящее время каждый четвертый житель России верует в Бога, но не относит себя ни к какой определенной религии и конфессии. Это наименее изученный феномен постатеистического и вместе с тем постконфессионального сознания рассматривается с разных точек зрения: теологической, этической, историософской. Массовый атеизм советской эпохи в значительной мере стер границы между разными вероисповеданиями и способствовал становлению веры вне конфессий, вне храмов, догм и обрядов, в прямом личном предстоянии неделимому Богу. Бедная вера – знак исторического перехода от разных форм единобожия к богоединству, от монотеизма к теомонизму. Бедная вера исходит из апофатических традиций непознаваемости и непредставимости Бога. Рассматриваются новые теологические аспекты понимания бедной веры: теология воскресения (по контрасту с теологией «смерти Бога»), теология творчества и приумножения даров, вопросы теодицеи и теологии процесса, критика поп-религии и теократии, взаимодействие веры и современной науки и своеобразие «бедного мессианства».

Ключевые слова: бедная вера, внеконфессиональная вера, постатеизм, апофатика, теомонизм, теоморфизм, теология воскресения, Бог-Личность, транссубъектность, мессианистичность.

M.N. Epstein

THESES ON MINIMAL FAITH

Abstract: This article consists of ten chapters divided into sixty our theses which investigates the concept of «minimal faith» («poor faith»), the non-confessional religious consciousness that began to develop in the Soviet Union in the 1960s – 1970s. According to the latest sociological polls 25% of the Russian people believe in God but they are not affiliated with any religion and denomination. This is the least explored phenomenon of post-atheist and, at the same time, post-denominational faith, which is examined from theological, ethical and philosophical-historical points of view. The mass atheism of the Soviet epoch significantly erased the boundaries among various religions and made possible non-confessional faith, without temples, dogmas and rituals, in the direct personal relationship with undivided God. Minimal faith is a mark of transition from various forms of monotheism to theomonism – a unified belief in one God. The minimal faith is based on apophatic traditions of perceiving unknowable and unrepresentable God. It is being examined the new theological aspects of the minimal faith: the theology of resurrection (vs theology of «death of God»), the theology of creativity and multiplication of talents, the issues of theodicy and process theology, the critique of pop-religion and theocracy, the interaction of minimal faith and contemporary science and the distinctive features of ‘minimal messianism’.

Key words: minimal faith, non-confessional faith, postatheism, apophatics, theomonism, theomorphism, theology of resurrection, God-Personality, trans-subjectivity, messianicity.

В 2005 году американский священник и теолог Мэтью Фокс (Matthew Fox) вывесил на двери церкви в Виттенберге (Германия) свои 95 тезисов, провозглашающих обновление христианства в XXI в. Тем самым он повторил поступок Мартина Лютера, чьи тезисы 1517 года, прибитые к двери той же Замковой церкви, положили начало европейской Реформации.

Я обращаюсь к жанру тезисов, поскольку это самый лаконичный способ выразить идеи еще не оформившегося мировоззрения. В этих тезисах сведено воедино то, что я писал о бедной вере с начала 1980-х годов, когда признаки ее зарождения стали очевидны в духовной жизни позднесоветского, постатеистического общества.

1. Что такое бедная вера

1. Бедная вера – это вера без религии, без храма, догм и обрядов. Это прямая обращенность к Богу, здесь и сейчас, один на один. Это вера, столь же и цельно предстоящая Богу, как целен и неделим сам Бог.

2. В человеке пробуждается потребность веры, он слышит голос Бога в душе. Как ответить на этот зов? Следуя традициям, человек идет в церковь или в костел, в мечеть или в синагогу... Везде он видит исторически сложившиеся формы богопочитания, тогда как ему хочется знать Бога целым и неделимым. Человек ищет веры – а находит одни только вероисповедания. В разрыве между верой и вероисповеданиями и возникает бедная вера. Просто вера. Просто в Бога.

3. Согласно результатам самого масштабного социологического опроса, проведенного службой «Среда» в рамках проекта «Атлас религий и национальностей России» (57000 респондентов), к бедной религии себя относит каждый четвертый житель России. 25% – те, кто просто верит в Бога и при этом не исповедует никакой конкретной религии. Это вторая по численности группа населения, уступающая только православным (41%) и значительно превосходящая мусульман (6,5%). К ним можно добавить 4% экуменистов, т. е. христиан, не относящих себя ни к какой конфессии. Именно такие бедные верующие, а вовсе не «тоталитарные секты», не сайентологи и не мунисты являются сегодня основным соперником традиционных религий в России.

4. Веру следует отличать от религии. Когда вера обрастает институциями, догмами и традициями, она становится религией. По мере того как религия освобождается от груза традиций, она вновь сближается с верой. Поэтому «бедная религия» – это просто вера в Бога, без дополнительных конфессиональных определений.

5. Понятие «бедная вера» возникло в начале 1980-х гг. Его можно сравнить с популярным тогда «бедным театром» польского режиссера Ежи Гротовского. В этом театре не было ни сцены, ни декораций, ни костюмов – актеры просто жили на пределе душевного самовыражения и вовлекали в это действие зрителей. Они не перевоплощались, а как бы развоплощались. У бедной веры тоже нет ничего, кроме прямого предстояния Богу.

6. Слово «бедный» этимологически родственно латинскому «fides», вера (отсюда и «фидеизм», т. е. мировоззрение, основанное на вере). Связь такая: «быть бедным, нищим – приносить жертву – верить в Бога». Так что «бедная вера» – это своего рода «верная вера», смысловой повтор и усиление.

7. Слово «бедный» в религиозном контексте имеет положительный смысл. «Блаженны нищие духом» (т. е. во имя духа). Бедные верующие не имеют символического капитала в виде общепризнанных вероисповедных традиций, церковных зданий, общественного престижа, «имиджа». В этом смысле вера мытаря была бедной, смиренной, покаянной, а вера фарисея – богатой, горделивой, притязавшей на обретение Царства.

8. Бедность – христианская добродетель, которую можно применить к самому христианству как «богатой» исторической религии. Бедная вера – нестяжание, неимение не только земных богатств, но и небесных, т. е. накопленных в сокровищницах конкретных вероисповеданий, в их догматах, обрядах, церковных учреждениях. Пример

«бедной веры» – разбойник, уверовавший в Иисуса прямо на кресте и мгновенно сораспятый с ним, не прошедший через катехизацию, через молитвенный и обрядовый опыт, через обучение основам новой веры.

9. Бедная вера укоренена в миру, в потребности соотносить жизнь с абсолютным смыслом. Бедный верующий беседует с Богом в глубинах своей души, молится, исповедуется, старается постичь знаки промысла, лично к нему обращенные, – у каждого человека есть свои формы стояния перед Богом. Всех бедных верующих объединяет представление, что жизнь не кончается вместе со смертью, что человек не принадлежит только к царству природы, в нем есть глубинный источник внутренней жизни, который не зависит от физических и социальных условий. Такую бедную веру нельзя искоренить, ибо ее храм в каждом доме и в каждой душе.

10. Бедная вера соответствует апофатической теологии, которая отрицает возможность познания Бога или представления его в каких-то положительных образах, символах, определениях. Дионисий Ареопагит так писал о Боге как Причине Всего: «Она превыше всего сущего... Она не душа, не ум... Она не есть ни слово, ни мысль; Она и словом не выражима и не уразумеваема... Она не единое и не единство, не божественность или благодать; Она не есть дух в известном нам смысле...».

Бедная вера отражает это «не», отрицание в основе Богопознания. Это вера за пределом всех вероисповеданий.

2. Атеизм и границы между религиями

11. Бедная вера в современной России – следствие семидесятилетнего атеизма. В Советском Союзе три поколения были отрезаны от религиозных традиций, и поэтому искателю веры, услышавшему призыв свыше в своей душе, трудно было определиться в рамках существующих конфессий. У него не было никаких догматических предпочтений, которые, как правило, определяются непрерывной исторической традицией, семейным религиозным укладом. Воинствующий атеизм, отрицая все конфессии сразу, создает благоприятную среду для зарождения «религии вообще». Именно безверие советских лет сформировало тип человека, которого нельзя определено назвать ни «православным», ни «иудеем», ни «мусульманином» – он просто «верующий».

12. Первые свидетельства бедной веры можно найти в СССР в 1960-е годы, когда иссякает религия коммунизма и надвигается эпоха политической безнадежности и осознания сверхисторического смысла бытия. Когда Булат Окуджава пел «Молитву Франсуа Вийона» (1963), было ясно, что это его собственная молитва: «...Как верит каждое ухо /Тихим речам твоим, /Как веруем и мы сами, /Не ведая, что творим». Все понимали, что у Венички Ерофеева есть свои личные отношения с Богом: «Господь, вот ты видишь, чем я обладаю. Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа?» («Москва – Петушки», 1969). Конечно, ни Окуджава, ни Ерофеев не были православными или вообще церковными людьми. Это была вера и надежда ниоткуда: «из бездны взываю к Тебе, Господи» (Псалмы).

13. За советские десятилетия в духовной жизни страны образовалась такая пустыня, что стали стираться меж, сохранившиеся от разных исторических вероисповеданий. Вспоминается библейское: «Глас вопиющего: В пустыне приготовьте путь Господу... Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими. И явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие...» (Исайя, 40: 3-5).

Этот призыв с жутковатой точностью был осуществлен советским атеизмом, который именно что подготовил путь Господу, преследуя и вытаптывая все веры, – а в итоге раздвинул пространство для собирания разных вер, чтобы «всякая плоть» могла узреть приход славы Божьей.

14. В религиозной жизни важна диалектика воцерковления и расцерковления, т. е. вхождения в исторически-конфессиональное тело религии и выхода из него. В этом смысле Иоанн Кронштадский и Лев Толстой, современники-противоборцы, воплощают полярные точки этого процесса, который никогда не прекращается в живой душе как процесс опредмечивания и распределмечивания веры. Определенная форма веры – это конфессия, церковь. Распредмеченная – это область трансрелигиозного, внецерковного, т. е. бедная вера.

15. Трансрелигиозное – это не только выход за границы исторически сложившихся религий, но и за пределы религиозного как такового, поскольку, не удовлетворяясь наличными конфессиями, религиозность пытается создавать новые, т. е. все-таки оцерковить опыт веры, перевести его в обрядовые формы. Трансрелигиозное – это Христос до христианства, т. е. вера до религии; или Христос после христианства, в апокалиптические времена, т. е. вера после религии. Поскольку малый апокалипсис – в образе болезни, войны, смерти – происходит постоянно, то и вера непрестанно вызывает кризис религии, а затем и приходит ей на смену, как мгновенное обеднение, опустошение богатства, накопленного в ее историческом бытии.

16. Если ограничиться только российскими традициями, Лев Толстой, Даниил Андреев, Александр Мень, Григорий Померанц представляют собой разные версии и стадии этого движения к трансрелигиозному. Толстой – открытие трансрелигиозного пространства в его чистоте и негодующее обличение всех исторических религий и церквей как подмен, извращений первичных ценностей любви, братства и смирения. Трансрелигиозность здесь выступает прежде всего как любовь к ближнему и непротивление злу насилем. Д. Андреев, в прямой противоположности Толстому, видит трансрелигиозность как «Розу мира», как способ объединения все исторических религий в сверхисторическое братство, где каждая конфессия – лепесток расцветающего религиозного единства грядущего человечества. Для Г. Померанца трансрелигиозность – это индивидуальный и экзистенциальный опыт общения с разными религиями, это путь странника, путь сопереживаний и личных откровений. Для А. Мень трансрелигиозность – это пространство, обретаемое внутри христианства и православия, но при этом осмысляемых в универсалистской перспективе, как вбирание опыта других религий и их примирения в личности Христа как Богочеловека.

Таким образом, вырисовываются четыре пути в трансрелигиозное измерение: моральное очищение и отвержение всех конфессиональных, оцерковленных вер; попытка их универсалистского синтеза; опыт экзистенциального общения с ними; путь экуменической открытости одной конфессии другим.

17. Есть еще пятый путь – бедная вера. Это минималистский, а не максималистский извод религиозной всеоткрытости. В ее основе – духовная апофатика, предстояние Богу вне конфессиональных разделений и «катафатических» признаков религии, таких как церковь, догматика, обряды.

Бедная вера может вбирать, а может и миновать опыт общения с религиозными традициями, с живым опытом разных вер. Бедная вера не критикует конкретные верования и вероисповедания, но, как абсолютная веротерпимость, она означает не равнодушие, но открытость их откровениям, их духовной красоте, их историческими смыслами и исканиями.

18. Бедная вера – целиком имманентная жизнь с одним трансцендентным означаемым – личностью Бога. Я здесь и сейчас – и ты со мной, Господи, видишь и ведешь меня, учишь и судишь меня, прощаешь и наказываешь. Максимум имманентного и минимум трансцендентного – но абсолютно необходимый и значимый минимум, который придает смысл всему максимуму, всей сумме жизненных событий и опытов.

3. Бог-Личность

19. Бедная вера – это вера в Бога-Личность. Человеческая личность – самое сложное, глубокое и творческое из всего, что мы достоверно знаем. Поэтому разумно предположить, что в основании всего мироздания лежит не просто безличный закон или абстрактная формула, а личностное и творческое начало, благодаря которому мы не только объекты физического мира, но и субъекты мира психического и нравственного. Где источник тех ментальных и духовных состояний, которые мы обнаруживаем в себе? Физические и химические сведения о мозге человека не дают представления о его внутренних переживаниях, о том, что значит для него «любить» или «страдать»; следовательно, сознание не может быть редуцировано к мозгу, субъективное – к объективному. Царствие Божие нельзя найти вовне, оно внутри нас, и само наличие в нас внутреннего, ментального есть свидетельство о нем.

20. Типичный аргумент позитивиста: «Я констатирую прохождение электрического тока, поскольку его могут зафиксировать приборы. А как зафиксировать бытие Бога или его эманации?». Вслушайтесь, всмотритесь в себя. Любовь, тревога, надежда, сострадание, раскаяние, внутренняя работа над собой... Это и есть Его прохождение через нас, не менее достоверное, чем тока по проводам.

21. Представим себе ученого, наблюдающего разрозненные явления: плод падает с дерева; человек ходит по земле; планеты вращаются вокруг Солнца. Сопоставляя эти факты, ученый открывает закон всемирного тяготения. Свойство разума – обобщать, открывать объективные закономерности за пестротой внешних явлений. Точно так же наш разум, обнаруживая в мире множество личностей, общающихся между собой, не может не прийти к заключению, что есть источник субъективности, общий для всех этих субъектов. Этим источником не может быть физическое поле или химическая реакция, он не может располагаться в области гравитации или электричества. Как источник внутренней жизни и всякой субъективности, сам он не может не быть Субъектом. Он действует изнутри нас, точно так же, как закон всемирного тяготения – извне. Но это и означает, что он воздействует на нас как Личность – неким внутренним голосом, внушением, совестью, предостережением, любовью, верой, стыдом, вдохновением... У субъектного мира есть своя первооснова, которая сама есть Субъект, подобно тому как у мира объектов, при всем их разнообразии, есть основа в виде объективных законов, изучаемых наукой.

22. Бог – это Всеобщее Я, понятие о котором так же согласуется с требованием разума обобщать, как научные понятия материи, времени, пространства, числа, жизни и т. д. Но это общность не мира объектов, не третьего лица, а первого лица, «Я», которое изнутри объединяет все личности, способные к самосознанию. Переживая свое «я» как «я», мы одновременно вступаем во взаимодействие с «Я» этого Всеобщего Существа именно как Существа, а не закона или отвлеченной сущности.

Таким образом, наш достовернейший, личностный опыт бытия собой в сочетании с обобщающей деятельностью разума приводит нас к понятию Бога как Вселичности, с которой каждое сознательное существо общается через свое «я», через действия своей совести, разума, воли.

23. Веру в Бога можно считать столь же согласной и с опытом, и с разумом, как согласуются с ними вера физика в элементарные частицы и вера биолога в естественный отбор. Религия и наука по сути не исключают друг друга: в их основе лежит работа разума, умение видеть общее в разном. Нельзя отказывать науке в праве обобщать многообразие природных явлений и возводить их к единым основаниям. Точно так же и наука не может отказывать религии в праве обобщать внутренние состояния разных личностей и возводить их к бытию Личностного, к глубинному основанию всякой субъективности, которая сама есть Субъект.

24. Бог так отвечает Моисею на вопрос о своем имени: «Я есмь Сущий» (Исх. 3: 14), или «Я есмь Тот, Кто Я есмь». Собственное (не нарицательное) имя Бога означает вечно Сущего, который сам определяет себя в первом лице как Я.

Сходным образом определяется бытие Бога в других религиозных традициях. В индуизме Атман выступает как безначальное и непреходящее «Я» всех существ. В суфийской поэзии Руми: «Я долго искал Бога у христиан, но его не было на кресте./ Я побывал в индуистском храме/ И древнем буддийском монастыре./ Но и там не нашел я даже следов его. <...>/ Тогда я заглянул в свое сердце./ И только там я узрел Бога, /Которого не было больше нигде...».

25. «Я» – это местоимение, общее Богу и человеку, знак их совместной субъектности и отличия от всего, что только есть, но не есмь, от всего, что только «он» или «они». Нравственность не только в том, чтобы человек был больше своего узко индивидуального «я», своего эгоизма, но и в том, чтобы «я» человека было больше его самого, ибо оно, по сути, сверхчеловечно. И. Фихте: «...Таков каждый, кто может самому себе сказать: Я – человек. Не должен ли он испытывать священного благоговения перед самим собой, трепетать и содрогаться перед собственным своим величием?» Это не эгоцентрическое величие человека, это величие того Я, которое он разделяет с Богом.

26. Мэтью Фокс, призывая к новой Реформации в христианстве, начинает свои 95 тезисов (2005) следующими утверждениями:

«1. Бог есть и Мать, и Отец.

2. В наше время Бог скорее Мать, чем Отец, потому что фемининного больше всего не хватает в мире и важно восстановить гендерный баланс».

Эти утверждения феминистской теологии неверны, как и утверждения маскулинной. У Бога нет пола. Все деления по признаку грамматического рода бессмысленны, поскольку Бог не Он, не Она и не Оно. Бог – Я, для всех субъектов, всех чувствующих и мыслящих, имеющих «я». «Я» не обладает морфологическим значением рода.

4. Наука

27. Несмотря на историческое разнообразие религий, есть нечто им всем присущее: вера в то, что мир не исчерпывается материальным бытием, что у него есть сверхчувственные и сверхъестественные основания и высшие цели, определяющие духовную жизнь человека. В традиционных конфессиях эта общность затемняется их исторически и этнически обусловленной враждой. Одно из призваний науки – формировать интеллектуальное единство человечества, а следовательно, и способствовать формированию бедной веры.

28. Современная наука в гораздо большей степени, чем наука XIX века, располагает к вере в сотворение мира и бессмертие души, выходит за пределы здравого смысла в область «безумных идей», граничащих с прозрениями поэтов и духовидцев. Наука постепенно освобождается от позитивизма и редукционизма, и ее открытия согласуются с фундаментальными чертами религиозной картины мира: Вселенная имеет границы во времени и пространстве (Большой взрыв); в основании всего живого – Логос (информация); мироздание предназначено для обитания в нем человека (антропный принцип в космологии).

29. Чем более мир оказывается творимым нами, тем более вероятно, что и сами мы сотворены. Если мы способны создавать компьютерные симуляции, виртуальные миры, почти неотличимые от «реальности» и воздействующие на все органы чувств, то что мешает нам предположить созданность и физического мира? Рудольф Отто в своей книге «Священное» называет «чувство своей тварности» первым признаком отношения человека к священному, поскольку оно предполагает всемогущество Творца. Стремительное развитие техносферы способствует увеличению «священного» в нашей цивилизации. Мы знаем, что в микрочипах может заключаться энциклопедия всех знаний; что можно

переписать информацию, уничтожив ее материальный носитель. Век электронных коммуникаций постоянно напоминает нам: материальная форма существования не является единственной. И это не может не сказываться на дальнейшем росте и усложнении религиозного сознания. Все труднее представить мир без Бога – таков главный вывод всей техноэволюции человечества. По мере того как возрастает человеческое могущество, способность ускорять эволюцию, мы начинаем осознавать и высшую степень могущества, сотворившего нас самих.

30. Религиозное движение человечества ведет не от веры к безверию, а от веры к знанию. Пора уже говорить о *религиозности знания*, а не только о религиозности веры. Религия знания – это не религия, которая поклоняется знанию, а религия, которая все более достоверно узнает от науки о том, что религия прошлого могла только принимать на веру. Наступило время для *когнитивной религии*, где когнитивизм будет играть такую же роль, как раньше – фидеизм. Научный тезис о Большом взрыве, который привел к сотворению вселенной из ничего, – это предмет не только физического, но и религиозного знания. Антропный принцип, подтверждающий, что вселенная была создана для обитания в ней человека, – это религиозное знание. Религиозная вера черпает много аргументов в современной науке, сама из веры становясь знанием.

5. Теология воскресения

31. Вера только тогда остается верой, когда теряет догматические и институциональные гарантии и вступает в область безграничного риска и свободного жизнетворчества. Как ни парадоксально, но именно атеизм, который часто рассматривается как порождение науки, может способствовать духовному самоочищению религии и все более глубокому «низведению ума в сердце» (пользуясь известной мистической формулой исихазма). Атеизм есть отрицание религии, отчасти необходимое ей самой для того, чтобы побороть в себе фарисейскую спесь, отказаться от клерикальных претензий на мирскую власть и сосредоточиться на внутреннем делании, на опыте веры и обновлении жизни.

Отсюда критическое отношение к «религии», в отличие от веры, даже со стороны некоторых теологов, таких как Карл Барт: «...Религия забывает, что она имеет право на существование только тогда, когда она постоянно отвергает самое себя. Вместо этого она радуется своему существованию и считает себя незаменимой».

Такая самодовольная религия, ищущая своего торжества в мире, противна существу веры, которая всегда «не от мира сего».

32. После «смерти Бога», провозглашенной Ницше, а также Марксом и Фрейдом, и после массовых атеистических и коммунистических движений XX в., начинается «воскресение Бога» как пост-атеистическое жизненное и мировоззрение. Причем именно в той стране, которая первой «распяла» его, – в обществе воинствующего безбожия. Возрождение религиозного сознания началось в России в 1960-70 гг., когда на Западе, наоборот, обозначилась «постхристианская» эпоха и возникла «теология смерти Бога». С 1917 г. Россия первой вошла в эпоху массового атеизма, а в 1960-е – в эпоху постатеизма.

33. «Теология смерти Бога» – глубокий парадокс, который придает новую значимость смерти как конструктивному и жизнеутверждающему опыту. Теологизировать смерть Бога – значит ответить на Его распятие как на возможность попраiania смерти. Но на этом теология смерти Бога и останавливается, знаменуя собой наступление «христианства без Бога», смерть всего трансцендентного, упразднение «неба».

34. В отличие от протестантской «теологии мертвого Бога», бедная вера предполагает теологию не смерти и не просто жизни, а *двойной*, вечной жизни, чья мощь усилена страданием и жертвой. Жизнь после воскресения отличается от жизни до смерти, она углубляется опытом и личной смерти Христа на кресте, и исторической смерти христианства в XX в. Этот виталистический подход к богословию («теовитализм») можно передать греческим словом «palingenesis» (по-старославянски – «пакибытие»), буквально

«вновь-бытие», которое приходит из небытия; это избыток бытия после его смерти и восстановления.

35. Новая, постатеистическая теология – это теология воскресения, т. е. новой жизни Бога за пределом его церковно-исторического тела. Это не то же самое, что традиционная теология жизни Бога (в исторической церкви), и не то же самое, что радикальная теология смерти Бога (в «постхристианском» мире). Нулевой градус – безверие, безбожие – пройден, и начинается новое возрастание веры, теистическое осмысление и преодоление самого атеизма.

Воскресение не есть просто восстановление прежней жизни – это вступление в новую жизнь, сверхжизнь. Воскресшее отличается от неумершего. По словам Карла Барта, «Бог не животворит того, кого не умертвил еще прежде». И смерть для того послана в мир, чтобы жизнь не просто рождалась, но и *воскресала*, т. е. восходила на новую ступень.

36. Теология воскресения – это не теология наглядного присутствия Бога и не атеология его отсутствия, но парадоксальная теология такого Откровения, в котором Бог предстает сокрытым. Это предсказано уже в пророчестве Исайи о Мессии: «...Нет в нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в нем вида, который привлекал бы нас к Нему...» (Ис., 53:2-3). С самого начала атеистическая стадия – «и мы отвращали от Него лицо свое» – входит в восприятие Мессии. Атеизм прокладывает путь бедной вере, которая обращена к бедности божественных проявлений, к отсутствию «вида и величия».

37. Бедная вера относится к традиционным религиям как искусство авангарда к реализму: религиозное значение придается самому кризису реальности, уходящей за черту наблюдаемого и мыслимого. Воскресший Христос становится невидимым именно в момент его узнавания апостолами. «Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них» (Лк., 24:31) Постатеизм понимает это исчезновение Бога не как свидетельство его отсутствия, а как знак его подлинности, как кризис изобразительности и реалистического заблуждения в теологии.

38. История жизни, смерти и воскресения Иисуса – это история каждой души, которая проходит через свой Гефсиманский сад, свою скорбь и томление, – и через свою Голгофу. Гегель глубоко передает ужас богооставленности, переходящий в благую весть: «Бог умер, Бог мертв – это самая страшная мысль: все вечное, все истинное не существует, *само отрицание заключено в Боге*; с этим связана высшая боль, чувство совершеннейшей безнадежности, утрата всего высшего. Но процесс здесь не останавливается, наступает *обращение*, а именно Бог сохраняет себя в этом процессе, который есть *только смерть смерти*».

Насколько мы можем почувствовать в себе жизнь Бога, настолько Душа снова и снова проходит путь от немощи к силе. Ей приходится постоянно возрождаться, чтобы быть достойной своего Творца и права на вечную жизнь. Собственно, жизни как таковой, самождественной и самодостаточной, вообще нет, есть череда умираний и воскресений.

6. Пути Бога и теодицея

39. Бог бедной веры не всемогущ, ибо Он есть само *усилие*, которое продолжает творить мир и находит в людях свою поддержку и продолжение. Подобно тому как наша Вселенная расширяется в обозримом пространстве, так Бог расширяет свое воздействие во внутреннем пространстве человека и человечества, находя все новое приложение своим силам. И точно так же Бог всеблаг не актуально, а потенциально, поскольку стремится к наибольшему благу. Бог действует в мире и в нас как бесконечно возрастающее усилие, которое еще не дошло до предела «всего». Сказано: «...да будет Бог все во всем» (1 Кор. 15:28) – но это означает, что Он еще не стал всем. Теология бедной веры – это теология процесса, творческого становления Бога во взаимодействии с миром.

40. Существование зла в мире объясняется не только свободой человека, отпавшего от Бога по своей воле и лишь своей же волей способного вернуться к нему; но и трудами самого Бога, который продолжает творить мир, а значит, и не всемогущ в нем, поскольку он его участник и в известном смысле его жертва. *Труд создателя и свобода созданий* – вот

двойная предпосылка существования зла в этом мире. Но такова же и двойная предпосылка преодоления этого зла: «...Бог не животворит того, кого не умертвил еще прежде».

Если творение продолжается, если оно еще не закончено, значит, и Творец меняется вместе с ним, как художник, создающий свое произведение, раскрывает нечто новое в себе и даже способен удивляться поступкам своих персонажей, начинающих действовать вопреки его замыслу. Пушкин воскликнул: «Какую штуку удрала со мной Татьяна». Возможно, что и Бог восклицает, глядя на пророков, мучеников, творцов, открывателей: какую штуку удрал со мной Леонардо! Ньютон! Дарвин! Фрейд!

41. Путь человека к Богу и путь Бога к человеку – это разные пути, которые не всегда сходятся в одной точке и даже не всегда взаимонаправлены, как рука Бога и рука человека на знаменитой фреске Микеланджело. Так, Иов прокладывает к Богу путь праведности и благочестия. А Бог проложил навстречу Иову совсем иной путь: разрушив все его достояние и превратив в несчастного, больного и отверженного. Поэтому встреча с Богом – потрясение для Иова: Бог ждал его совсем не там, куда он так упорно шел.

42. Бог бедной веры – бедный Бог, страдающий и умирающий, сострадающий и соумирающий всему живому. Вопрос теодицеи, оправдания Бога перед лицом допущенного им зла, решается как *взаимострадание* Творца и творения, Бога и человека. Человек и Бог взаимонесовершенны, и у них есть не только со-страдание, когда «односторонне» страдают друг другу, а взаимострадание. Человек взваливает на себя труд дальнейшего сотворения мира, а Бог – страдание человека в этом несовершенном и незавершенном мире.

43. Бунт против Бога из-за страданий невинных детей – непонимание того, что страдание – это не наказание, а неотъемлемое условие жизни, которое человек делит с Богом, как и Бог с человеком. При этом страдание Бога неизмеримо сильнее страдания человека. Если у родителей рождается больной ребенок, то кто больше страдает? Родители, потому что видят в ребенке свой образ, искаженный болезнью, и понимают, что тот обречен на жизнь, полную мучений; тогда как сам ребенок этого не понимает; многое дается ему тяжело, но на сердце у него легко. Так и человек гораздо легче переносит последствия своей духовной поврежденности, чем его создатель.

7. Теоморфизм

44. Бедная вера не ведет к пантеизму, к представлению о том, что Бог – везде, во всем сущем. Бог не во всем, а в каждом, в каждой вещи, в их отличии друг от друга. Каждая вещь единична лишь потому, что единствен сам Бог, и богоподобна (теоморфна) она именно в своей уникальности. Бог задает меру и признак единичности, отделяет, ограничивает, освящает (ивритское «кадиш», «святой», буквально значит «отдельный»). Теология занимается сингулярным, это ее специфический предмет: говорить обо всем бесконечном многообразии явлений в модусе их единственности, а значит, Богоподобия.

45. Важнейшая примета Царства Божьего – его малость.

«Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13: 31-32).

У каждого человека есть свое горчичное зерно, и у каждого дня и минуты его жизни есть свои горчичные зерна, и в них скрыто пребывает Царство Небесное, ожидая, что мы его поседем для себя и для других. Это горчичное зерно и есть то наименьшее, из чего вырастает наибольшее и что в устройении Царства зависит лично от нас. Если меня зовет плачущий ребенок, я должен подойти и утешить его, накормить, развеселить – и тогда я посажу свое горчичное зерно. Если в мыслителе зреет какая-то мысль или в художнике – какой-то образ, картина, символ, он должен это записать, воплотить, поделиться с

другими, и тогда из его горчичного зерна тоже будет возрастать Царство. «Горчичное зерно» – это своего рода «божественная частица», т. е. элементарная частица той Вселенной, которая именуется Царством Божиим. Подобно тому, как физическая вселенная на своем глубочайшем уровне состоит из наименьших частиц, так и Царство Божие произрастает из наименьших семян, из частиц любви, добра, служения, самоотдачи.

46. Бедная вера, отрезая себе путь к определенной конфессии, обращается на мироздание в целом и на каждую его смысловую точку, на единично-наименьшее как прорыв к Творцу. При воздержании от обрядности и от конкретной религии все мировосприятие бедного верующего теологизируется. Предельная интенсификация религиозного чувства выводит его за конфессиональные рамки.

47. Теоморфизм – это многообразие скрытых проявлений Творца в его творениях и в нашем способе их восприятия. Симона Вейль выделяет четыре формы «неявной любви к Богу»: 1) религиозные обряды, 2) красота мира, 3) любовь к ближнему, 4) дружба. Но можно продолжить этот ряд. Любовь ко всему живому в мире, включая растения (поскольку Бог тоже живой). Любовь ко всему страдающему и умирающему (поскольку Бог страдал и умер). Любовь ко всему великому, поскольку оно дает представление о величии Бога, превосходящем всякую меру: к Вселенным, галактикам, космосу в целом (космофилия). Любовь ко всему малому, к песчинкам, травинкам, поскольку сам Бог умалился и ставил в пример «малых сих». По сути, нет ни одного существа, ни единой вещи, которые не являли бы в том или ином отношении образ Бога и, значит, не могли бы быть предметом неявной любви к Богу.

Бога можно любить через труд и через недеяние, через красоту и через уродство, через пищу и через голод – для бедного верующего все становится знаком Его присутствия, Его обращенности ко мне. Это не просто теоцентризм, но теоморфизм – все в мироздании имеет форму Творца, выступает как его образ, подобие. Важно лишь сконцентрироваться на чем-то одном, чтобы оно, именно благодаря своей единственности, неповторимости (и в пространстве, и во времени) стало откровением о едином Боге. Теоморфизм – искусство постижения Бога во всем, что есть не Он.

48. Теология говорит языком субъектов и объектов, тогда как ей нужно освоить язык предикатов. *Оглаголить* язык теологии, *одействовать* бытие Бога. Сущность Бога остается скрытой, но его энергия открывается нам, действует на нас. Вот это действующее в Боге уместнее передать глаголом, чем существительным: действовать по-божески – *божествовать*. Так нам легче постигать энергии Бога без указания на его непознаваемую сущность. Однажды отблеск солнца вспыхнул на оловянном сосуде, и немецкому философу-мистика Якобу Беме «в этот миг смысл бытия таинственный открылся». Значит, и простой оловянный сосуд может божествовать. Недаром одна из заповедей запрещает всуе произносить имя Господа. Глагол передает энергию божественного действия, но при этом целомудренно умалчивает о Том, Кто его совершает.

49. Этика бедной веры – это «ближнечувствие» и «ближнемыслие», т. е. каждый человек освящает прежде всего действительность, непосредственно его окружающую, постепенно расширяя ее. Это противостоит той «любви к дальнему», которая процветала в этике атеизма и тоталитаризма (сочувствие угнетенным трудящимся Африки). Единичность выступает в форме прямой сопричастности человека человеку: освящаются прежде всего отношения к самым близким, родным.

50. Пророческая традиция давно угасла, и нет таких человеческих уст, через которые вещал бы Бог. Продолжительное молчание Бога – во времена Освенцима и ГУЛАГа – наводило на мысль, что Его просто нет. Но, перестав слышать Божье слово, люди оказались в предстоянии Божьему слуху. Слово, как бы ни было велико и необъятно, все-таки может быть опредмечено, перетолковано, осмеяно, отвергнуто, но Божий слух не поддается никакой объективации. Он готовит людей к последнему суду, когда говорить и отвечать будут они, а Судия – слушать и решать. Слово уже было в начале, чтобы вести и направлять человека, в конце же говорит сам человек, отвечая перед Богом за свои пути.

8. Дар и творчество

51. Главные заповеди Библии даны человеку сразу после его сотворения и до грехопадения: 1. «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»; 2. «...Чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». Дарить жизнь и давать имена – два основных человеческих призвания – в природе и культуре. Эти утвердительные заповеди выше тех десяти в основном «запретительных» заповедей, которые даны через Моисея уже падшему человечеству. В начальных заповедях нет запрета на убийство, кражу, прелюбодеяние и лжесвидетельство. В них ничего не сказано о почитании Бога, субботы и родителей, поскольку человек еще не отчужден от Бога и не призван к вере, обряду, послушанию, молитве, т. е. к опосредованным способам связи с Создателем после отторжения от Него. Здесь раскрыто первичное предназначение человека как образа и подобия Бога: плодиться, наполнять землю и владычествовать над всем сущим.

52. К восстановлению рая возможен далекий и окольный путь раскаяния, очищения от грехов – и кратчайший путь любви и творчества. Перефразируя популярные политические лозунги, можно дать им метафизическое измерение: «оккупай рай».

53. Цель жизни и, следовательно, мера оправдания человека перед Богом – приумножение отпущенных ему талантов. Человек отчитывается перед Богом не только в том, чего не сделал (не согрешил, не убил, не украл, не блудил), но и в том, что сделал: создал, построил, воплотил, открыл, изобрел... Как говорит Павел, «дары различны, но Дух один и тот же... Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество... Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1 Кор. 4-11). Но общее у всех даров – то, что они даются человеку не готовыми, а требуют приумножения.

54. Ни одна религия, ни одна церковь не спрашивает у своих прихожан, насколько они умножают таланты, данные им Богом, насколько хорошо писатель пишет, врач лечит, певец поет, учитель учит, философ мыслит. Это остается вне церкви, в прямом предстоянии человека, малого творца – большому Творцу. В церкви человека принимают за то, что он НЕ сделал. А то, что он сделал, об этом в церкви не спрашивают, это вне ее интересов. Но именно за это мы напрямую отвечаем перед Богом, и в этом смысле притча о талантах может считаться ключом к пониманию бедной веры.

9. Поп-религия и теократия

55. Подмена Бога гораздо страшнее, чем вражда с Ним. Об Антихристе в Новом Завете сказано: «... В храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2:4). Тогда не отречься будут от религии и не бороться с ней, а именно насаждать ее в обязательном и повсеместном порядке, как теперь священников сажают на советы праведных и нечестивых, демократов и черносотенцев, промышленников и спекулянтов. Так что без Бога нельзя будет ни присесть, ни вздохнуть, ни обжудить, ни ограбить, ни убить. Возникает своего рода поп-религия – религия на потребу масс, религия как средство идеологического давления на общество и извлечения коммерческой выгоды. Наблюдая религиозное возрождение атеистического общества, спросим себя, не идет ли на смену прямодушному безбожию лукавая набожность, которой уже и незачем тратить силы на борьбу с верой, ибо гораздо легче и выгоднее подменять ее собою. Такая перспектива: перерастание атеизма XX в. в теократию XXI в. – страшит многих верующих и побуждает их дистанцироваться от тех конфессий, которые слишком нацелены на мирскую власть («меч») и богатство («сытость»).

56. Любая теократия, власть церкви «от имени и по поручению Бога», опасна тем, что несет в себе более тонкий атеизм, чем тот, который впрямую восставал против религии. Если Бог не справляется со своими задачами, надо его поправить – в этом и состоит «проект» Великого Инквизитора. По сути, он не верит в Бога – потому и пытается

присвоить себе власть над душами и судьбами миллионов. Таким образом, атеизм и теократия оказываются двумя сторонами одной медали. Это двухходовая комбинация. «Вот где Сатана, – скажут люди, опомнившись от революционного буйства, – это он хулил имя Божье, а мы пойдем к тем, кто славит Его». И тем вернее, проклиная свое прежнее безбожие, они доверятся тем, кто вещает теперь от имени Бога. Опасность подобных подмен люди верующие и одновременно мыслящие хорошо понимают и зачастую оказываются оскорблены в своих религиозных чувствах именно клерикализмом и фундаментализмом. В таком случае бедная вера для них становится привлекательной альтернативой любой «организованной» и «организующей» религии.

57. Бедные верующие отличаются от «конфессионалов» тем, что не удовлетворены интенсивностью своей веры. «Желание верить больше» – это признак живой души. Она и любить хочет больше, и сострадать больше, т. е. недовольна собой. А именно довольство собой и своей верой присуще фарисеям, к каким бы церквям они ни принадлежали. Спасает не обряд и даже не праведность – фарисеи в этом смысле безупречны – а живое чувство своего недостойнства, личное предстояние перед Богом. Принадлежность к определенной конфессии отчасти успокаивает верующего, создает иллюзию духовного благополучия, гарантии спасения на проторенном пути – и тем самым увеличивает опасность фарисейства.

58. Если религия или ее иерархи разжигают в обществе агрессию, злобу и нетерпимость, – такая вера близка «святобесию». Истово верующие с пеной у рта, ради защиты того, что им представляется священным, готовы сажать и казнить. Агрессия ищет излияния и находит благовидный предлог именно в святыне. «Почему вы так ненавидите американцев, европейцев, евреев, кавказцев, католиков, либералов, волонтеров, оппозиционеров, сексуальные меньшинства?» – «Мы не за себя, мы за Бога!» Так истерически взвинченная вера становится орудием ненависти.

59. В современном мире наблюдаются две тенденции. С одной стороны, усиление воинствующих форм конфессионализма, клерикальных и фундаменталистских движений, которые стали факторами глобальной политики. С другой стороны, рост экуменизма, бедной веры и других форм надконфессионального сознания, способных объединять людей поверх всех этнических и религиозных барьеров. Специфика постсекулярного века – поляризация двух этих тенденций: к столкновению разных конфессий – и к надконфессиональной вере. Религия приобретает новую значимость и как орудие политической борьбы, и как путь нового духовного объединения мира.

По мере разжигания религиозного фанатизма все очевиднее становится необходимость движения за пределы «религий». Узкий конфессионализм в своих агрессивных проявлениях сам себя разоблачает. Потому и растет значимость «бедной веры» как пути к межконфессиональному пониманию и единству.

60. Внутри каждой конфессии есть глубинная основа веры, которую никакое фарисейство и обрядоверие не в силах извратить. Борьба между верой и религией составляет душевное напряжение и внутренний конфликт многих верующих. Например, конфессионал-интеллигент чувствует, что не может перешагнуть через свое историческое и культурное наследие; и в то же время ему трудно оставаться в стенах своего храма, учитывая фундаменталистские устремления церковной иерархии, растущий клерикализм. Разочарование в симбиозе церкви и коррумпированной власти может еще дальше подтолкнуть общество к «бедной вере».

61. Если мы испытываем разочарование в политически конформистских, морально сомнительных и коммерчески корыстных проявлениях поп-религии, то естественнее перенести веру на самого Творца, чем вообще отречься от нее.

Возможна и такая реакция: «Ах, раз вы, учителя веры, предаете ее и поклоняетесь маммоне, то какой с меня спрос?». Такой ход к безверию возможен, но для большинства наших современников не возникает сомнения: верить или не верить. Вопрос стоит:

верить церковно или внецерковно, обрядово или внеобрядово? Есть время собирать и время разбрасывать камни – в том числе камни храма в своей душе. История человечества, как и история каждой души, – это не только борьба веры с неверием, но и борьба веры с религией.

10. Бедное мессианство

62. Бедная вера остается бедной именно потому, что это не организованная религия. Как только начинает создаваться нечто вроде «общины бедных верующих», со своими обычаями, вероучением, это уже не бедная вера, а еще одна церковь, пусть радикально протестная и нон-конформистская. Но при этом бедная вера вовсе не исключает общения между верующими. В Новом Завете сказано, что где двое или трое соберутся во имя Господне, там с ними будет сам Господь (Мф. 18:19). Речь идет о глубоко личной духовной общности. Кроме того, это всегда общение по горизонтали, без иерархов, без начальствующих, опять-таки в соответствии с евангельской заповедью: «отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Мф. 23:9).

Карл Ясперс: «Тот, кто хочет жить в незамкнутом, неорганизованном и не допускающем организации сообществе подлинных людей – раньше это называли невидимой церковью – тот фактически живет в наши дни как единичный человек, связанный с другими рассеянными по земному шару единичными людьми, в союзе, который устоит в любой катастрофе, в доверии, которое не зафиксировано в договорах и не гарантируется выполнением каких-либо определенных требований».

Можно называть бедную веру невидимой вселенской церковью – от такого названия она ничего не выиграет и не проиграет.

63. Когда-то в древнем Израиле установилось единобожие, которое потом дало толчок возникновению других форм монотеизма: христианства и ислама. Эти религии признают единого Бога, но ревнуют его друг к другу и вступают между собой в конфликты: конфессиональные, этнические, политические, военные. Можно ли любить Бога, не ревнуя его к другим, любящим его иначе? Все эти религии – как радиусы, восходящие к общему центру. И чем ближе они к этому центру, к единому Богу, тем ближе и друг к другу. Исторический смысл постсекулярного времени как раз в переходе: уже не от многобожия к единобожию, а от многоверия к единению вер в едином Боге. Это называется «теомонизм», богоединство. Бедная вера – знак такого перехода.

У каждой религии – свои откровения, основатели, исторические традиции, национальная принадлежность. Но последнее откровение может быть только одним для всего мира, иначе оно не будет последним. Начала у всех религиозных традиций – разные, а конец может быть только общим. Монотеизм превращается в *теомонизм*, схождение всех форм единобожия в единстве самого Бога. Бедная вера – вера в единого Бога, переходящая в единство самой веры.

64. Мессианство, присущее всем религиям авраамова корня, – это ожидание Мессии и постоянная готовность к его приходу. «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Мф., 25:13). Бедное мессианство, или *мессианистичность* (термин Ж. Деррида), – это более широкое *незнание*: не только дня и часа, но и самой возможности пришествия Мессии.

Такая мессианистичность как проекция бедной веры в абсолютное будущее не предполагает появления настоящего Мессии, скорее, заведомо наделяет любого «претендента» свойствами лжемессии, т. е. остается ускользающим горизонтом, на линию которого нам не дано наступить. Мессианистичность исключает всякие гарантии – это скорее горизонт отсутствия, заново пустеющий после очередного краха мессианских ожиданий и вместе с тем сохраняющий открытую структуру ожидания, сходную со структурой гостеприимства. Абсолютное гостеприимство не знает заранее, какой гость

появится на пороге, будет ли он сильным или слабым, добрым или злым, женщиной или мужчиной, стариком или ребенком... Так и бедное мессианство – это мессианство, возведенное в абсолют и одновременно сведенное к минимуму, это ожидание, открытое любым неожиданностям, в том числе и неоявлению Мессии. Это вера в своем начальном истоке, условие всякой другой веры, пред-верие всех вер. Тот самый Год, которого тщательно ожидают герои беккетовской драмы абсурда и который так и не приходит, – он и есть истинный Бог (God O!), как он определяется в отношении максимума-минимума веры. Это общее условие всех других ожиданий: блага, справедливости, совершенства. Такое «сверхожидание» своей открытостью переделывает мир и вместе с тем не обещает исполниться, но только допускает такую возможность.

С.В. Климань

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ ЛЮБВИ В ХРИСТИАНСТВЕ

Аннотация: В данной статье исследуется феномен христианской любви-агапэ, ее проявления и своеобразие. Делается попытка ее философского осмысления. В связи с агапической любовью уделяется внимание другим видам любви: эрос, филиа, сторгэ и т. д.; также затрагивается аспект их взаимодействий, что делает эту тему особенно актуальной. В связи с рассматриваемым вопросом об агапической любви обращается внимание на проблему «любви к себе» и «самоотречения», которая особым образом связана с христианской метафизикой и разрешается концепцией теозиса (в данной традиции). Рассматриваются некоторые точки зрения на эту тему. Также в связи с данной идеей в статье затрагивается тема богословского понимания личности, развитие и «расширение» которой связано с определенными духовными перспективами. Уделяется внимание различиям между индивидуальностью и личностью.

Исследование агапической любви приводит к выводу об особом значении любви как «посредствующей энергии» (в святоотеческой традиции), которая, согласно патристической мысли, позволяет вернуть личности ее «целостность», «полноту» и то, что называется В.Н. Лосским «восстановлением» изначальной природы человека, которое в полной мере осуществляется в процессе теозиса (или обожения). В этом онтологическом процессе (в пространстве христианской традиции) агапическая любовь выступает и переживанием, и энергией, и действием, и средством, и духовным ориентиром, и ценностью, и метафизикой, и целью христианской жизни и осуществляемого спасения. Такова в целом специфика христианской мистики, которая затронута в данной работе.

Ключевые слова: теозис, трансцензус, агапэ, эрос, филиа, куртуазная любовь.

S.V. Kliman

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE THEME OF LOVE IN CHRISTIANITY

Abstract: This article explores the phenomenon of Christian agape-love, its manifestations and originality. The researcher attempts to present its philosophical reflection. In connection with agape-love the article focuses on the other types of love: eros, philia, storge, etc. It touches upon their interaction, that makes this topic particularly relevant. In connection with the question of agape-love, it draws attention to the problem of «self-love» and «self-denial», which is specifically associated with the Christian concept of metaphysics and is allowed by theosis (in this tradition). Some views at this topic are highlighted here. Also in connection with this idea the article touches upon the theological understanding of a personality which development and «expansion» is associated with certain spiritual perspectives. Special attention is paid to the differences between the theme of individuality and personality.

Research of agape-love leads to the conclusion about the special significance of love as a «means of energy» (in sacral tradition), which according to patristic thought allows you to return the identity of its «integrity», «completeness» and, as it was said by V.N. Lossky, «restoring» of the original human nature, which is fully implemented in the process of theosis (or deification).

In this ontological process (in Christian tradition) the agape-love is coming as the experience, energy and action, the means and the spiritual guidance, the value, and metaphysics and the goal of the Christian life and salvation implementation. That is in the whole the specifics of Christian mysticism that are being discussed in this article.

Key words: theosis, transcendence, agape, eros, philia, courtly love.

Как отмечал В. Соловьев, любовь всегда была «предметом религиозной мистики» и «философских умозрений». Для человека древней эпохи мифа любовь представлялась источником обновления, порядка и гармонии, побеждающей хаос. Для античных мыслителей любовь была связана со стремлением к благу, так как возвращала человеку потерянную целостность. Для различных древних культурных традиций, скорее, ментальность, мировоззренческие ориентиры определяли ее неповторимые «очертания». В данной статье мы имеем целью прояснить своеобразие любви христианской, получившей наименование «агапической», с которой связывается тема «правильной духовной жизни» и проблема теозиса (духовная перспектива обожения, получившая развитие в традиции исихазма).

Известно, что на основании древнегреческой классификации «форм» любви многие ученые в разное время предлагали свои интересные ее варианты, в том числе и канадский социолог Дж. А. Ли, который разработал концепцию шести «любовных стилей». Наряду с «эросом» (стихийная, страстная, восторженная влюбленность), «сторгэ» (любовь-нежность), «агапэ» (жертвенная, безусловная любовь), «филиа» (любовь-дружба, любовь-приязнь; впрочем, некоторые ученые полагают, что это не столько любовь, сколько влюбчивость, желанное устремление, тяготение. Она имеет множество проявлений. Например, любовь к человеку – «филантропия», любовь к наслаждению – «филэдония», любовь к пороку – «филопонэрос», любовь к славе – «филендоксия», любовь к власти – «филархия», любовь к знаниям – «филоматейя» и т. д.), появляются «людус» (любовь-игра, иногда она ассоциируется с «куртуазной любовью» [от англ. *courtly love*; франц. *amour courtois* «учтивый, рыцарский»], понимаемой как «утонченная» форма ухаживания, внебрачных отношений между мужчиной и женщиной), «мания» (любовь-одержимость, болезненная страсть. Иногда у греков встречается термин «эротомания» – «безумная» («безрассудная») любовь, известен также глагол «эреоманео» – т. е. «быть безумным от любви») и «прагма» (рациональная любовь), которые являются следствием смешения других форм (к данной классификации Р.Г. Апресян добавляет понятие «любовь-латрейя» (от греч. и лат. *латре́йя/latreia* – «благоговейное поклонение», «культовое служение») – особая форма выражения любви). Однако можно сказать, что многообразная античная палитра «любви», в сущности, может сводиться и к двум ключевым проявлениям: любовь к ближнему, чувственная любовь, имеющая личностный характер («Афродита земная», «простонародная»), и божественный эрос – «сила космическая», устремление к безличностной красоте, совершенству, гармонии («Афродита небесная»). Христианскую любовь можно рассматривать скорее как попытку переосмысления этих двух типов любви в своеобразном единстве, которая осуществлялась представителями патристической философии. Любопытно, что греческое «агапэ» («агапэсис») – термин, известный античному миру с более широкой палитрой коннотаций, нежели принято в христианстве, изначально связывался ранними христианами исключительно с братскими трапезами. Еще важно добавить, что слово «агапе» образовано на основе глагола «агарао» («агарасо»), который означал следующее: «принимать благожелательно», «ласкать», «относиться с любовью», а также «высоко ценить», «предпочитать». П.А. Флоренский ошибочно пытался связать происхождение этого слова с «изумлением», «восхищением», «удивлением», однако эта гипотеза не подтвердилась. Р.Г. Апресян отмечает любопытный момент в происхождении этого слова: «Слово “агапе” было использовано для перевода в

Септуагинте – греческом переводе Танаха, еврейского Священного Писания – от слова “ahâbh” («agâbâh»)… в апостольских посланиях словом “агапэ” обозначается особая любовь: а) любовь Бога, б) любовь к Богу, т. е. любовь-благоговение, в) любовь к ближнему, т. е. любовь-забота, г) любовь-самоотречение, самопожертвование (Исх. 34:6–7; Ин. 15:13; Рим. 5:7; 1 Ин. 3:16; Галат. 2:20)… Слово “агапэ” действительно приобрело в христианстве это доминирующее значение. Однако древнееврейское “ahâbh” отнюдь не ограничивалось этим значением. Оно также обозначало любовь чувственную… Выбор слова “агапэ” для обозначения любви, опосредованной отношением к Богу, был обусловлен преобладающим речевым опытом, заключавшимся в том, что с помощью этого слова отражались отношения, скорее, ценностного предпочтения и рационального выбора, чем влечения и привязанности. В сравнении с филией агапэ воспринималась эмоционально более нейтральной, и представление о такой любви возможно было наполнить новым содержанием, прежде специально не фиксировавшимся в греческом языке» [1, с. 33]. Проникновение христианского смысла в агапэ, как известно, осуществлялось позже, благодаря развитию патристической мысли. Это наводит на другую мысль о том, что христианство, возможно, не видело изначально себя религией любви: все надежды и даже эсхатологические чаяния первых христиан были связаны с личностью Иисуса, который «не мир принес», но пришел «разделить человека с отцом его» [Мф. 10:35]. Можно сказать, что религией любви христианство становится благодаря верной деятельности и сочинениям «отцов Церкви», которые видели (как им казалось) во Христе воплощение человеколюбия, смирения, милосердия и любви; отсюда в агапэ прослеживаются оттенки «ценностного предпочтения». Однако поступки самого Иисуса носили весьма сложный и противоречивый характер, что сейчас доказывают исследователи разных научных направлений: «…врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною» [Лк. 19:26]. Разумеется, можно говорить о своеобразном зазоре между яркими патристическими представлениями и более ранним суровым, эклектичным вероучением Иисуса, которое не выглядело, как полагают исследователи, столь оптимистическим и радостным. Однако это вовсе не отменяет философской ценности самой патристической мысли, гуманного учения о любви и выработанной отцами христианской аксиологии.

Итак, Иоанн Златоуст пишет: «Любовь изменяет самое существо вещей и неразлучно приносит с собою все блага». В святоотеческой традиции христианская любовь связана прежде всего с духовным благом. Она немислима без жертвенности, миролюбия, смиренномудрия, заботы, милосердия, свободы от страстей, благодати, животворения, благодарения и т. д. Однако не стоит забывать, что при всем отрицании отцами «языческого» наследия античного мира, многим христианство обязано именно его культуре и философии, в которой подобные представления получают раннее развитие. В патристической традиции греческое «агапэ» получает новое осмысление. Любовь-милосердие, как подчеркивает Р.Г. Апресян, становится абсолютной, приобретая «беспредпосылочный» характер и становясь отличительной чертой христианства (*в связи с этим, актуализируется христианский призыв любить и «врагов ваших». Христианство приобретает форму единого братства, в котором нет «ни Еллина, ни Иудея»*). Согласно евангельской вести, такая любовь всегда «кротка», «сорадуется Истине», являясь «совокупностью совершенства» [10, Посл. к колос. 3:14] и противоположна сомнениям и страху: «В любви нет страха, но… в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» [1Ин. 4:18]. Христианская любовь – это устремление к благу через абсолютное милосердие, человеколюбие и богоуподобление. Подобное понимание любви нередко вызывает споры среди современных ученых, некоторые из которых пытаются отыскать у этого феномена нейробиологическую основу. Одни ученые полагают, что рождение чувства любви объясняется исключительно протекающими физиологическими процессами (С.В. Савельев, А.В. Марков); любые подобные переживания повышают уровень

гормонов – допамина, эндорфина («гормона радости») в крови, что, в свою очередь, приводит человека в состояние эйфории; реакции тела также связаны с действием гормона норадреналина; за «привязанность» отвечает соответствующий гормон окситоцин, без которого, по мнению ученых, невозможна любовь. Говорится также о выявлении психологами так называемых «нервов любви» – «этактильных афферентов», реагирующих исключительно на нежные касания и медленные прикосновения, вызывающие романтическое чувство. Другие говорят о любви как «разновидности компульсивного аддиктивного расстройства психики», которое властно притягивает к предмету любви. Третьи называют любовь «уловкой эволюции», необходимой для продолжения и сохранения рода. Например, В.Б. Шапарь определяет любовь лишь как «высокую степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей» [11, с. 254]. Таким образом, как заключают ученые, переживание любви связывается лишь с эмоциональным состоянием, психологическими переменами, имеющими биологическую основу. Христианские адепты настаивают на сверхприродном основании евангельской любви.

Коротко остановимся на теме эроса. Современные теологи отмечают, что эрос может предшествовать появлению *любви-агапэ* и также имеет большое значение. Р.Г. Апресян дает такое определение: «Словом “ἔρως/eros” обозначается чувственная устремленность, порыв к предмету страсти, вожделение к нему, общий пафос этого, эмоционально насыщенного переживания. Глагол ἔραυ/ēraυ значит: страстно любить, быть влюбленным, но также и сильно, страстно желать (вожделеть) что-либо, стремиться к чему-либо. Страстность, отображаемая словом “ἔρως/eros”, оттеняется одним из ближайше родственных ему слов: “ἔρωή/erōē”, обозначающим не только стремительность, напор, натиск, но и полет копья» [1, с. 28] (впрочем, Апресян отмечает известную сложность внятного определения какого-либо вида любви). Эрос направляет, устремляет к объекту любви. Стремительность эроса можно соединить в известную «четверицу любви» (*наряду с «мания», «людус» и «прагма»*), душевно-чувственной основой которой можно считать, по мысли ученых, нарциссическую духовность. Впрочем, в данную «четверицу» можно законно включить еще одну особую форму – платоническую любовь – «сверхчувственную», лично-безличностную, апеллирующую к «возвышенным отношениям» и прекрасному образному идеалу (разновидностью платонической любви может выступать и т. н. «катарсическая» любовь, тяготеющая к созерцательности, характеризующаяся стремлением к чувственному идеалу, духовной красоте). Такая любовь основана на сильном духовном влечении к идее, образу, личности (которая воспринимается идилически) или «родстве душ». Платоновский Павзаний называет такую любовь «идеальной», сугубо духовной. Сам Платон признавал такую любовь единственно необходимой между полами. Платоническую любовь также характеризует влечение-стремление к предмету любви («без обладания»). Отдельные проявления такой любви можно встретить в чувственной духовности *эроса, мания, людуса и прагмы*. По-своему эта любовь проявлена в переживаниях и поэзии трубадуров, и их «культе идеальной любви», любви к прекрасной Даме, стремление к которой может быть «бесконечным». Однако приведенные выше примеры, считают теологи, относятся скорее к формам любви, связанным с влюбленностью (от англ. *limerence* – «влюбленность» как «положительно окрашенное чувство»), которая имеет другую «природу», хотя и также востребована. Возникновение агапической любви, согласно Н.О. Лосскому, есть «онтологическая перестройка, а не только субъективно-психическое переживание» [8, с. 183].

Парадоксальность проявления новозаветной любви в том, что она зарождается именно на почве смирения перед Богом, которое влечет за собой глубокие перемены в личности, ее нравственности («сокрушение» гордости человека, отречение от потребности в страстях, фоном которого постоянно выступает покаяние). По мысли христианских

писателей, в самоотвержении приобретает полнота души и обретение человеком самого себя; это В.Н. Лосский назовет «восстановлением нашей природы», которая может способствовать проявлению *Фаворского человека* [7, с. 643].

В связи с тем что в христианской традиции принято говорить о высокой ценности личности, призванной к богоподобию, для исследователей возникает вопрос, вытекающий из понимания монашеской практики самоотречения, которая не требует заботиться о себе. Как могут согласоваться подобные разнонаправленные устремления? Христос призывает «отвергнуться себя», но и говорит о любви к себе [Мф. 16:24]. У Марка также встречаем: «... любить ближнего, как самого себя, больше всех... жертв» [Мк. 12:33]. Известные евангельские строки только усиливают данное противоречие, которое, по-видимому, имеет закономерную развязку не в рациональном объяснении, а в специфической метафизике христианства [Иин. 15:14]. В.Н. Лосский пишет: «Тайна человеческой личности, – то, что делает ее абсолютно единственной, незаменимой, – не может быть выражена в каком-либо рациональном понятии, определяемом словами» [7, с. 641–642]. Несмотря на внешнюю парадоксальность, христианская теология говорит о прямой связи между данными понятиями и отвечает на этот вопрос концепцией искупления, выраженной в термине «теозис» (от древнегреч. Θεωσις – «обожествление», «обожение»). Известно, что уже в I в. об «обожении» писал св. Дионисий Ареопагит), особым образом снимающим противоречие. Концепция «христианского обожения» целиком коренится в *любви-агапэ*, не имеет целью нивелирования личности человека, его угнетения и подавления, но указывает на преодоление природы «ветхого человека», которая не имманентна духовному основанию «подлинной» боголичности. В святоотеческой традиции принято говорить о проявлениях «греховных» желаний, коренящихся в «страстном человеке», которые не ведут личность к «подлинной духовной свободе». Таким образом, любовь к себе может пониматься не как «потворство» своему эго, страстям, проистекающим из т. н. «псевдоличности», но как любовь к Богу, открывающему глубины скрытого богочеловеческого естества, т. к. человек, согласно евангельским строкам, создан «по образу Создавшего его» [Кол. 3:10]. Принцип синергии осуществляет гармонию, согласие двух волей (*при посредстве любви-агапэ*): Бога и человека, не только ради спасения, но и «обожения» последнего. По мысли свящ. Ф. Людоговского, «возлюбить себя самого – это значит, в течение своей земной жизни создать предпосылки для того, чтобы наша жизнь продлилась в вечности, чтобы и здесь, и там мы были с Богом. Как это сделать? ...прежде всего, нам надлежит возлюбить Бога – возлюбить Его всем сердцем, всей душой, всем разумением. Если стремление к Богу будет определяющим началом нашей жизни... тогда мы поймем, что важно, а что второстепенно, что служит к нашей пользе, а что вредит, где мы проявляем любовь к себе, а где малодушно уступаем своим страстям» [9]. Таким образом, осуществление идеи теозиса – конечная цель христианского устремления, «подвига», а «причастность Богу», по мысли Е. Зайцева, – конечная цель любого живого создания [5]. В этом важном онтологическом процессе через самоотречение ради Бога осуществляется постепенная трансформация энергий, победа над «ветхим человеком», что позволяет говорить о выявлении богочеловеческой личности, о т. н. *Фаворском человеке*, в котором максимальным образом будут соединены богочеловеческие энергии и в полноте будет осуществлена мечта Бога о человеке. Таковы особенности христианской метафизики.

Однако возможность «онтологической перестройки» человеческой природы в богочеловеческую (посредством агапической любви) предполагает и проявление любви к ближнему. Можно сказать, что христианское восхождение немислимо без милосердной любви и служения ближнему, без стремления выявить богоподобие в другом. А. Жураковский подчеркивает: «Любовь не только открывает нам прекрасный образ другого, но и властно зовет нас к конечной реализации этого образа, к конечному выявлению его в земной действительности, к конечному претворению всего земного, темного и тленного в рамках земного бытия» [13, с. 324]. Эту мысль разделяет и

Ф. Людоговский: «Человек, поистине любящий Бога, будет видеть образ Божий в каждом человеке, будет стремиться к деятельному служению своему ближнему. Возлюбивший всем сердцем Бога найдет слова, чтобы подвигнуть ближнего к высотам духа... Любовь же к людям мы сможем явить на деле, если в каждом человеке, с которым нас сводит жизнь, будем видеть Христа...» [9]. Любовь к ближнему предполагает увидеть в другом богоподобный образ, духовную красоту, сокрытую глубоко в «страстном человеке». Однако, следуя патристической мысли, можно сделать следующее утверждение: цельное приятие личности другого не означает «потворства» его страстям: смирение и долготерпение, обладающие силой воздействия, связаны с предвосхищением будущей «духовной радости» и нравственного преображения любимого. Зачастую противоположное понимание любви к другому приводит к проявлению полярных крайностей, не свойственных христианству: «потворство страстям», демонизация каких-либо действий другого, которые не могут быть адекватно оценены, и т. д. Так, по мысли Н.О. Лосского, христианская, «...индивидуальная личная любовь объемлет всего любимого человека вместе с его недостатками, и даже чем ярче обнаруживаются недостатки, тем более обостряется и становится жертвенной такая любовь... Принять в душу свое любимое лицо со всеми его недостатками – это не значит вступить на путь потворства его дурным качествам, страстям. Подлинная любовь, зорко проникая в идеальную сущность любимого существа, открывает наилучшие способы воспитания его и дисциплинирования; в особенности она дает способность заразить другого человека своим примером, своей любовью к той или другой великой ценности...» [8, с. 186]. При этом, как было замечено Н.О. Лосским, происходит духовное расширение личности любящего, которое достигает своей полноты в мире духовном [8, с. 183]. Духовное распознавание и почитание богообраза, как в себе, так и в других людях, позволяет объединить все компоненты «заповеди любви»: о возлюблении Бога, «ближнего» и «самого себя». Таким образом, всемирное «золотое правило нравственности» об отношении к другим людям при желании аналогичного отношения к себе приобретает в христианстве особенное звучание, которое В.С. Соловьев назовет «правилом милосердия», в то время как культуры древнего мира видели в этом «правиле» лишь формулу справедливости. Впрочем, если можно так выразиться, христианское понимание этого «правила» находит свое выражение уже в Пятикнижии: «...люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь» [3, Лев. 19:18]. Можно говорить, что формула нравственности, озвученная Иисусом, была уже хорошо известна еврейским богословам, что указывает на его хорошее знакомство с религиозными писаниями иудеев.

Как уже отмечено нами, наиболее полно *любовь-агапэ* раскрывает себя в концепции обожения личности. И это, в первую очередь, связано с процессом единения Бога и человека на энергийном уровне. С.С. Хоружий отмечает, что эта тема заключает в себе специфику православной религиозности, характернейшие отличия, выделяющие ее в кругу духовных традиций: «Утверждая для человека возможность и необходимость стать богом, актуально изменить свою смертную природу в божественную и бессмертную, и утверждая, что духовная жизнь христианина реально может и должна вести к достижению этой невероятной цели, учение об Обожении являет собой самый максималистский и дерзновенный “религиозный идеал”, какой можно представить... Концепция Божественных энергий позволяет связать воедино все элементы учения...» [15, с. 149-150]. Важно отметить, что в святоотеческой традиции осуществление теозиса не ведет к исчезновению или полному поглощению «тварной личности» божественными энергиями, но при глубоком соединении с последними, согласно учению Г. Паламы, она сохраняет свою личностную целостность и индивидуальную неповторимость, все же «расширяясь» и преображаясь в «нетварном свете». Таким образом, мистическое соединение с Богом в традиции исихазма имеет свои важные особенности. С.С. Хоружий отмечает, что «прочная принадлежность концепции Обожения мистике личности ясно отделяет эту концепцию от

всех внехристианских традиций, делая ее аутентично и автохтонно христианской» [15, с. 156-157]. «“Фундаментальная позиция патристики состоит в том, что общение с Богом, Богопричастие не умаляет и не разрушает человечности, но сообщает ей полноту”... Обожение, соединение с Богом сохраняет идентичность человеческой личности, ее самотождество и самосознание: человек не остается таким же, но он остается собою. Так утверждает уже Макариев корпус: “Петр остается Петром, Павел – Павлом и Филипп – Филиппом; каждый, исполнившись Духа, пребывает в собственном своем естестве и существе”. То же говорят современные авторы: “Θεωσις означает прославление, но не поглощение тварной личности”; это есть “раскрытие каждой человеческой личности, принимаемой Богом, Который обращается к каждому в отдельности”. Обожение сохраняет целостность человеческой личности: оно относится ко всему составу человека, включая и его телесность, ибо означает “причастие всей психофизической природы человека Богу” (архим. Киприан). Завершая холистическую антропологию Православия, оно также является холистической концепцией. Как мы видели выше, в исихастской традиции тело соучаствует в духовном восхождении – и, соответственно, оно оказывается соучаствующим также в Обожении, что не раз утверждают и Палама, и преп. Максим» [15, с. 156-157]. По мысли Б. Вышеславцева, именно «Богopodobие составляет основную предпосылку для понимания сущности человека» [4, с. 52].

«Бог соделался человеком, дабы человек смог стать Богом». Не случайно многие полагают, что в этой святоотеческой максиме (которая впервые встречается у св. Иринея) заключено все христианство. Можно говорить, что весь христианский путь совершенствования и любви есть «путь теозиса», который понимается также, как путь «Небесной славы», «стяжания Духа Святого», стремление уподобиться Богу во всем (прежде всего – в любви). Таким образом, как уже было отмечено, отречение от индивидуальных «страстей души» не означает девальвации самой личности, но, наоборот, личность (в своей энергийной трансформации) постепенно обретает свободу в духе. Богоустремление личности через «отречение себя» культивируется т. н. «правильной духовной жизнью», что позволяет, согласно С.С. Хоружему, раскрыть образ богочеловечности в человеке. Восхищение перед нравственно прекрасным принято называть в традиции термином «филокалия» (от греч. φιλοκαλεῖν – «добротолубие», «любовь к прекрасному»). Термин «добротолубие», таким образом, связан с христианским идеалом красоты, достижение которого становится возможным при проявлении агапической любви.

Обращаясь к этой теме, стоит также иметь в виду ту мысль, что христианские отцы видели в душе человека изначальную принадлежность ко Христу. Тот же Тертуллиан отмечал важным знание христианского «подлинного» основания души каждого человека, а значит процесс теозиса является, с точки зрения христианского богословия, естественным и возможным при соединении двух свободных волей – Бога и человека. В.Н. Лосский, как и Н. Бердяев, делая важные различия в мироощущении «я» индивидуума и христианской личности, утверждал, что человек не ограничен своей индивидуальной природой, а значит – призван к чему-то большему: «...то, что мы обычно называем человеческой личностью, является не подлинной личностью, а индивидуумом, то есть частью общей природы, более или менее подобной другим частям, или человеческим индивидуумам, из которых состоит человечество. Но как личность в ее истинном значении, в богословском значении этого слова, человек не ограничен своей индивидуальной природой...» [7, с. 641-642]. Таким образом, вслед за богословской мыслью отцов, В.Н. Лосский также связывает смысл восхождения личности с имманентным единением во Христе, в котором происходит окончательное обретение духовным человеком самого себя, т. е. человек энергийно становится хриstopодобным: «Тайна нашего искупления завершается тем, что отцы называют восстановлением нашей природы Христом и во Христе» [7, с. 641-643]. С.С. Хоружий дополняет: «В результате такого соединения совершается превосхождение, трансцензус человеческой природы и человек становится “богом по благодати” (также еще

говорят «по положению» или «по усыновлению»). Он остается при этом тварной личностью, однако его тварная природа обожена благодатью... она уже не подвержена конечности, смертности; поэтому о. Георгий Флоровский характеризует ее как бытие «лучевидное», имеющее начало, но не конец...» [15, с. 155]. Такова в целом специфика христианской мистики любви.

Мысли В.Н. Лосского и С.С. Хоружего стоит соотнести с главными выводами нашей работы, которые могут быть сформулированы следующим образом: проблема личности в христианской традиции разрешается (в процессе теозиса) наиболее полным раскрытием и «восстановлением» Христом ее «подлинной» христианской природы. В этом онтологическом процессе агапическая любовь выступает и переживанием, и энергией, и действием, и средством, и духовным ориентиром, и ценностью, и метафизикой, и целью христианской жизни и осуществляемого спасения.

Литература

1. Апресян Р.Г. Слова любви: *eros, philia, agape* // *Философия и культура*. 2012. № 8 (56). С. 27–40.
2. Брянчанинов И., свят. О любви к Богу / Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М. : Паломник, 2006. Т. 1. 623 с.
3. Библия. Книги Священного Писания: Ветхого и Нового завета. СПб.: Синодальная Типография, 1907. 890 с.
4. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М. : Республика, 1994. 368 с.
5. Зайцев Е. Учение В. Лосского о теозисе / (Серия «Богословские исследования»). М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 296 с.
6. Лосев А.Ф. Русская философия / А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет: Очерки истории русской философии / Сост., вступ. ст., примеч. Б.Б. Емельянова, К.Н. Любутина. – Свердловск.: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 592 с.
7. Лосский В.Н. Боговидение / Владимир Лосский; пер. с фр. В.А. Решиковой; сост. и вступ. ст. А.С. Филоненко. М.: АСТ, 2006. С. 632–645.
8. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
9. Людоговский Ф., свящ. Возлюбить себя самого – как? URL: <http://www.pravmir.ru/vozlyubit-sebya-samogo-1/>.
10. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Picorp, 1994. 292 с.
11. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. С. 254–255.
12. Памятники древней христианской письменности. Писания мужей апостольских. М.: В типографии Каткова и К^о, 1860. Т. 2. 452 с. С. 149–150.
13. Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского. М.: Прогресс, 1991. 448 с.
14. Хомяков А.С. Работы по богословию. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Медиум, 1994.
15. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 1998. 352 с.

УДК 7.01

А.В. Соловьев

МЕДИАИСКУССТВО: QUO VADIS?

Аннотация: В статье перечисляются черты медиаискусства, рассматривается его соотносимость с современным искусством и искусством как творческим актом. Основные векторы развития медиаискусства анализируются в контексте сложной современной реальности, изменяемой техникой и новыми технологиями. Автором затрагиваются изменения, связанные с новыми «носителями» в сфере искусства, а также изменения, влияющие на субъект искусства и его объекты, включая человека. Особое внимание уделено роли интерактивности в медиаискусстве, которая превращает художественное произведение в интерфейс для создания множественных коллективных работ, а не одного уникального и неповторимого образа.

Ключевые слова: искусство, современное искусство, медиаискусство, техника, технология.

A. V. Soloviev

MEDIA ART: QUO VADIS?

Abstract: The article recapitulates features of media art, its correlation with contemporary art and art as a creative act. The main trends of media art development are analyzed in the context of the complex modern reality being changed by technics and new technologies. The author touches upon the changes associated with the new 'mediums' in the art sphere as well as the changes affecting the subject of art and its objects including human beings. Particular attention is paid to the role of interactivity in media art which converts an artwork into interface for creation of multiple collective works instead of the single unique and unrepeatable image.

Key words: art, contemporary art, media art, technics, technology.

Что ищет современное медиаискусство? Куда направляется? И куда направляет нас? Большинство из нас (академическое сообщество) застывает в недоумении, созерцая творения современного искусства (в том числе и медиаискусства как его жанра). Меньшинство пытается конструктивно осмыслить его и вручает в его руки поистине великую миссию, которую вручали и искусству традиционному, не современному. В своем недавнем интервью В.А. Подорога отмечает: «Ни религия, ни наука не способны представить нам единый образ мира, распавшийся в XX столетии в силу окончательной победы фрагментированного знания над общим. Собрать воедино картину мира пытается сегодня современное искусство. Освобожденное от культа специального знания, оно творит посредством образов, не стремясь найти какую-то единую целостную картину. Художественный жест «приоткрывает» на мгновение некий срез бытия, где мог бы родиться мир как единое целое. И мы благодарны ему за это» [5].

Такой «некий срез бытия» через векторы развития медиаискусства и представлен в этой статье. Одной из важных черт медиаискусства является его техническая воспроизводимость; таким образом, оно подпадает под определение современного искусства В. Беньямина [10, с. 18-40], и, соответственно, его объекты могут быть репродуцированы бесчисленное количество раз без какой бы то ни было потери качества.

К медиаискусству неприменима концепция «оригинальности», «подлинности»: подлинник является копией, а копия подлинником в силу их цифровой тождественности. В медиаискусстве количество трансмутировалось в качество: существенно увеличившееся количество участников изменило модус участия [10, с. 32]. В новейшей концепции соц-медиа-арта, например, утверждается, что даже простое присутствие пользователей и практически любое их действие в сети являются художественными актами [7]. Искусство становится, в соответствии с терминологией У. Эко, «открытым произведением». Автор теперь зачастую называется *primaug creator* – основной создатель [12]. Кроме того, художник «заимствует» для своего творчества «произведения» других авторов-зрителей, которыми необязательно могут быть люди. Например, портал современного искусства «Ризома» содержит работы авторов, которые используют для своих цифровых произведений фотоснимки и видео с камер слежения, камер беспилотных боевых самолетов, спутников и других видов военной техники [14].

По мнению П. Леви, в киберискусстве XXI века главным художником, *субъектом искусства*, будет «инженер миров» [17, с. 125]. Инженеры миров – это создатели виртуальностей, строители коммуникационных пространств, разработчики коллективных инфраструктур распознавания и накопления информации (баз данных), конструкторы сенсорно-моторных интеракций с цифровой вселенной. В такой пространственно-временной среде *искусство как произведение, как предмет*, многократно воспроизведенный, *теряет свое присутствие во времени и пространстве*, свое уникальное существование в месте, где ему случилось быть [10, с. 20]. Присутствие и субъекта, и объекта искусства заменяется *телеприсутствием*, при котором произведение теряет свою привязанность к локальности: зритель не подходит к произведению, а произведение не направлено исключительно к отдельному зрителю [13, с. 271]. У. Митчелл утверждает, например, что «всемирная сеть систем цифровых образов стремительно и молчаливо конституирует себя как перенастроенный глаз децентрализованного субъекта» [18, с. 57]. Нахождение везде и нигде, наблюдение и участие во всем и ни в чем делает невозможным фокусировку культурной перцепции. В. Собчек определяет электронное пространство как «феноменологическую структуру чувственных и психологических переживаний, которые, кажется, никому не принадлежат» [21, с. 18], а Ф. Киттлер делает вывод, что с наступлением цифровой конвергенции человеческое восприятие становится анахронизмом [16, с. 311].

Обсуждая векторы развития медиаискусства, необходимо отметить, что его объектом, учитывая быстрый прогресс в области инфо-, био-, нано-, экотехнологий, зачастую становится не человеческое тело в его целостности и завершенности или другие объекты окружающей среды, воспринимаемые органами чувств человека, а то, что невозможно увидеть невооруженным глазом: ДНК, бактерии, вирусы, структура материи и энергии. Они осознаются медиахудожниками как некие неизведанные миры, новые территории, которые ждут своего открытия, не столько научного, сколько культурного. Сегодня молекулярная биология становится для современного искусства тем же, чем была анатомия для искусства Возрождения [2, с. 55].

Развитие техники и высоких технологий влияет и на современный статус человеческого тела, его «культурный концепт»: новые технологии формируют новые телесные практики и переписывают старую «функциональную карту» человеческого тела, влияют на повседневную жизнь современника, заставляют по-новому сформулировать многие философско-антропологические проблемы [4, с. 252]. Образ человека становится мультимедийным. Например, работа Алана Бигеллоу (Alan Bigelow) «Потому что ты спросил» (Because You Asked) представляет собой автопортрет художника, состоящий из звука, текста и образа. Зрителю-пользователю предлагается создать этот автопортрет и потом, если он пожелает, стереть его. Эта работа является своеобразным комментарием к традиции автопортретов и ее эволюции в цифровом веке [9].

В медиаинсталляциях живые формы (человек, животные и растения) становятся объектом высокотехнологичного вида искусства – биоарта. Телесность человека присутствует в инсталляциях как динамическая, подвижная категория, изменяемая и управляемая технологиями. В работе Шеймуса Клиссе (Shamus Clisset) «Полный фантазм V» (Full Phantasm V) (2012), созданной с помощью 3D-моделей и программного обеспечения трассировки лучей, изображается «цифровой Голем», представляющий собой альтер-эго и, одновременно, Немезиду автора [20]. Этот цифровой Голем – бессознательное творение, выполняющее любые команды и принимающее любые формы. Он также представляет собой судьбонавта, исследующего цифровой фронт. Эта новая цифровая телесность манифестирует процесс отчуждения человека от своего физического естества и одновременно его незащищенность в мире тотальной коммуникации.

В сфере медиаискусства серьезно обсуждаются вопросы, связанные с возможностями искусственного интеллекта создавать произведения искусства. Например, в рамках проведения Международного научно-художественного симпозиума «Brainstorms: художник в контексте нейронаук» на обсуждение были вынесены следующие вопросы:

1. Что наделяет предмет интеллектом и сознанием?
2. Может ли искусственный интеллект быть художником?
3. Какими свойствами он должен для этого обладать?
4. Какие произведения уже созданы искусственным интеллектом?
5. Каковы основные направления экспериментов в этой области?
6. Сможет ли художественный уровень произведений искусственного интеллекта сравниться с творениями человека? Должны ли оба вида творчества рассматриваться вместе или отдельно? [11]

Возможности информационно-коммуникационных технологий, связанные с обработкой огромного количества мультимедийных данных, позволили создавать художественные веб-инсталляции с использованием мега-данных. Но только технической возможности для создания этого вида искусства было бы недостаточно, если бы не сформировалась культура коллективного, свободного доступа к материалам миллионов пользователей сети. Идеи создателей таких веб-инсталляций были поддержаны пользователями, которые разделяют ценности «открытой культуры», или «культуры участия», которая может рассматриваться как культура общего, коллективного сознания или разума, культура формирования ноосферы и, наконец, как культура общей цифровой памяти. Идеей веб-инсталляций американского художника и вебдизайнера Джонатана Харриса является демонстрация разнообразия мира и в то же время универсальности человеческих проблем. Специально разработанные для его проектов компьютерные программы «обьскивают» Интернет, собирая «нефильтрованное» содержание, которое организуется в определенную последовательность из хаоса данных с помощью интерфейсов, представляющих собой виртуальные объекты современного искусства. Два наиболее известных проекта медиахудожника «Мы чувствуем себя прекрасно» (проект, основанный на «сканировании» блогов по всему миру с целью сбора данных, отражающих чувства авторов) и «Новая Вселенная» (проект, который превращает текущие события в созвездия слов) демонстрируют одну из характерных черт культуры информационного общества, которая заключается в возможности упорядочивания (классификации) содержательного хаоса Интернета [22]. С помощью подобных вебинсталляций коллективное сознание репрезентируется в воспринимаемую эстетическую форму, которая может меняться в зависимости от предпочтений зрителя-пользователя. Инсталляция, зародившись как новый способ художественного выражения в эпоху видео, постепенно провела интервенцию в социокультурную сферу, начала транслировать новые идеологемы и, перейдя на цифровой уровень, стала инструментом конвергенции видов и жанров искусства современности. Цифровая среда предоставила для этого процесса возможности, недоступные в доцифровой, докомпьютерной эпохе. Мультимедийность как одна из

базовых особенностей и характеристик цифровой среды определила культурное господство инсталляции: самые разнообразные экранно-цифровые устройства делают инсталляцию опосредованным элементом повседневности. Это культурное господство также отражает особенности новой философии техники, которая выражается в восприятии техники как инструмента биологической и социальной эволюции.

В музыкальной сфере ведущим вектором развития медиаискусства остается замена музыки в традиционном понимании так называемым «звуковым искусством» (sound art). Хотя границы между терминами размыты, по мнению Дж. Секстон, различия определяются через пути, которыми работы дефинируются и представляются в кругах авторов, промоутеров, критиков и аудитории, и через то, как произведение «двигается» внутри каждого конкретного институализированного сегмента [19, с. 85]. Обмен звуковыми данными и доступные цифровые средства обработки звукового материала привели к ситуации, в которой история культуры рассматривается как собрание «ремиксов», открытых для использования создателем/создателями звукового произведения.

В эпоху цифровых сетевых технологий музыкальное творчество, в течение веков являвшееся, как правило, индивидуальным видом творчества, превратилось в со-творчество неограниченных никакими рамками групп людей, которые могут находиться сколь угодно далеко друг от друга и принадлежать к разным национальным и музыкальным культурам. Одним из примеров цифрового медиа-сотворчества является «первая Интернет-опера» [15], которая стала всемирным веб-проектом в течение четырех лет по созданию кибер-оперы не усилиями одного человека, использующего один компьютер, а усилиями множества людей из разных стран мира. Например, в написании либретто и сценария оперы приняли участие шестьдесят человек с глубоким знанием того, как формируются и разрушаются виртуальные взаимоотношения в киберпространстве.

Векторы развития медиаискусства во многом определяются тенденциями развития цифровых технологий как таковых. Современные медиахудожники внимательно следят за изменениями на рынке «носителей», которые происходят практически ежедневно. Сохраняется тенденция использования мега-данных в художественном творчестве. Интернет-поток в данном случае является постоянным и неисчерпаемым поставщиком материала для медиахудожников.

Цифровые устройства и программное обеспечение создают возможности для всех стать участниками художественного процесса (например, инстаграммы), но лишь немногие из них признаются оригинальными авторами. Такой модус искусства обозначается как соц-медиа-арт и подвергается множественным попыткам осмысления в рамках кибер- и медиа-философии.

Но, пожалуй, самым заметным вектором развития медиаискусства является интерактивность. Художественное произведение часто создается на глазах у зрителя с его непосредственным участием, например, прикосновения к тачскрину создают орнаменты или узоры или анимируют неподвижное изображение. Художественное произведение изменяется в процессе интеракции с ним зрителя, и эти изменения часто зависят от того, сколько зрителей вступает в коммуникацию с произведением, как они себя ведут, какие они, вплоть до того, каковы их психофизиологические параметры в момент созерцания произведения. Медиаинсталляции на основе пространственных сканеров (камер) и проекторов высокой четкости создают портреты зрителей, попавших в поле сканирования. Работа медиахудожника в данном случае заключается в формировании замысла работы, техническом обеспечении и разработке художественного фильтра, определяющего стилистическое, цветовое и композиционное решение портрета. Такое художественное произведение, по сути, является интерфейсом для создания множественных коллективных работ, а не одного уникального и неповторимого образа.

Несмотря на свой антропоцентризм (основным субъектом искусства все еще признается человек), медиаискусство, по большому счету, обнаруживает свой дегуманизирующий технологизм, который подвергается жесткой ежедневной критике общественных комментаторов. Действительно, большинство медиахудожников «заражены» современным вирусом «вычислительного способа мышления» [3, с. 241]: вся наличная реальность воспринимается ими как код, явленный через интерфейс или несколько интерфейсов.

Этот бинарный код принимает форму Абсолюта: «Это мир идеальных чистых форм, сложенный из неизменных и неизменяемых «кирпичиков» – бинарного кода. Этот мир не «гниет» и не «пахнет», а если пахнет, то пахнет стерильностью и безукоризненной чистотой. И поэтому этот мир – вечный мир, ибо любая «поломка» устраняется просто: наподобие замены в конструкторе одной детали другой, однотипной с ней» [6, с. 370]. Вместе с бинарным кодом абсолютизируется и цифра, лежащая в его основе, а значит и в основе цифрового мира: «Цифра – по сути своей «атом» этого мира – не подлежит разложению, она вечна, и, кажется, что однозначна, ибо, как сказала бы «народная мудрость»: цифра – она и в Африке цифра» [6, с. 370]. Божественный Логос заменяется божественной Цифрой и отождествляется с ней: «Слово – это Информация и Информация – вездесущая» [8, с. 7]. И далее: «Бог – это Информация и Информация – это Бог вездесущий» [8, с. 7]. В 1974 году И. Бродский с присущим ему поэтическим чутьем предвещает эру Цифры и ее победу над Логосом:

«В будущем цифры рассеют мрак.
Цифры не умира.
Только меняют порядок, как
телефонные номера.
Сонм их, вечным пером привит
к речи, расширив рот,
удлинит собой алфавит;
либо наоборот.
Что будет выглядеть, как мечтой
взысканная земля
с синей, режущей глаз чертой –
горизонтом нуля» [1, с. 27].

Доступные в Интернете визуализации социальных сетей (некоторые из них, кстати, позиционируются как объекты медиаискусства) отображают людей как информационные единицы, вступающие в коммуникацию друг с другом. Однако в этом пугающем выводе, как ни парадоксально это звучит, есть и светлая сторона. Современное медиаискусство пытается отразить, осмыслить этот новый цифровой взгляд на мир, используя коды, лежащие в основе материи (грунта, горной породы, растений, животных, человека, планет, галактик). Для «собирания» картины мира медиаискусство проводит деконструкцию материального, обнажая его «скелет», структуру, часто делая это в формах, не вписывающихся в наши традиционные концепции красивого и безобразного. Эта деконструкция необходима, и ее мы обнаруживаем на всех этапах существования искусства. С другой стороны, с помощью единой «платформы» цифрового интерфейса медиаискусство описывает, структурирует мир, визуализирует его связи, отношения, открывает для нас неавтономность его отдельных частей, таким образом продолжая великую миссию искусства – созидание универсального языка человеческих ценностей.

Литература

1. Бродский И.А. Урания. СПб: Азбука-классика, 2007.
2. Козловский Б. Биомасса с кисточкой // Русский репортер. № 13 (092), 9-16 апреля 2009.
3. Ланир Д. Вы не гаджет. М.: Астрель: CORPUS, 2011.
4. Прудникова А.Ю. Трансформация тела в современном искусстве – от идеи к реальности // Тезисы докладов участников I Российского культурологического конгресса, проведенного 25–29 августа 2006 г. в С.-Петербурге. СПб.: Эйдос, 2006.
5. Советы старейшин. Афиша-Воздух. URL: <http://vozduh.afisha.ru/art/valeriy-podoroga-filosof/> (дата обращения: 03.01.2014).
6. Соколов Б.Г. Генезис истории. СПб.: Алетейя, 2004.
7. Соловьев Д. Соц-медиа-арт – химера сетевого пространства. URL: <http://f26.ru/txt/socmediaart/> (дата обращения: 03.12.2013).
8. Юзвишин И.И. Основы информатиологии. М.: Высшая школа, 2000.
9. Alan Bigelow. Because You Asked. URL: <http://rhizome.org/artbase/artwork/47096/> (дата обращения: 03.12.2013).
10. Benjamin, W. The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. / Durham, M.G., Kellner, D.M. (Ed.). Media and Cultural Studies. Malden: Blackwell Publishing, 2006.
11. Brainstorms. URL: <http://newlaboratoria.ru/brainstorms/> (дата обращения: 01.01.2014).
12. Don Vont, aka the Good (Wood) Indian. Full Phantasm V. 2012 // Rhizoma. URL: <http://rhizome.org/portfolios/artwork/54469/> (дата обращения: 03.02.2014).
13. Grau, O. Virtual Art. Cambridge, London: MIT Press, 2003..
14. Honor Harger. Drone's Eye View: A Look at How Artists are Revealing the Killing Fields. 2012. // Rhizoma. URL: <http://rhizome.org/editorial/2012/nov/13/drones-eye-view-revealing-killing-fields/> (дата обращения: 03.01.2014)
15. Honoria in cyberspazio. URL: <http://www.cyberopera.org.> (дата обращения: 01.02.2014).
16. Kittler F., et al. Gramophone, Film, Typewriter. Stanford: Stanford University Press, 1999.
17. Levy P. Cyberculture. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.
18. Mitchell W. The Reconfigured Eye: Visual Truth in the Post-Photographic Age. Cambridge: MIT Press, 1992.
19. Sexton J. Reflections on Sound Art / Sexton, J., ed. Music, Sound and Multimedia. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
20. Shamus Clisset. URL: http://www.fakeshamus.com/DonVont_lg.php. (дата обращения: 23.11.2013).
21. Sobchack V. Screening Space: The American Science Fiction Film. New York: Ungar Press, 1987.
22. We Feel Fine. URL: <http://www.wefeelfine.org/>; Universe. URL: <http://www.number27.org/universe.html.> (дата обращения: 01.01.2014).

М.Ю. Немцев

ИЗОБРЕТЕНИЕ ДОСТОИНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается необходимость и возможность нового определения этической категории «достоинство» в условиях современной России. Фундаментальная особенность этой ситуации – сохранение общественных институтов, воспроизводящих ситуации рутинного отрицания достоинства (унижение). Пока эти институты продолжают функционировать, многие нормы международного права и западные концепции достоинства фактически не могут эффективно описывать и объяснять отношения достоинства в России. Современная ситуация определяется в статье как постсталинская, а изобретение достоинства, или «воля к достоинству» создает перспективу ее преодоления. Для его описания используются концепты В.В. Бибихина «крепостное право» и «ужасные вещи». В итоге достоинство определяется как воля к социальности вне и/или помимо статусных различий.

Ключевые слова: этика достоинства, воля к достоинству, унижение, сталинизм, пост-сталинизм, Владимир Бибихин, Юрген Хабермас.

M.Y. Nemtsev

RE-ESTABLISHMENT OF DIGNITY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Abstract: The article discusses the ethic category 'dignity', possibilities and necessity of its redefinition in particular inner situation of contemporary Russia. It is the essential feature of the situation when the basic social institutes routinely reproduce humiliation, which is negation of dignity, while everyday function. This is the reason why many international legal norms along with 'Western'-born concepts of Russia factually cannot be applied here. The modern situation is defined as 'Post-Stalinist' one which must be overcome by means of the new invention and development of dignity or the 'will for dignity'. The concepts 'serfdom' and 'terrible things' developed by the prominent philosopher Vladimir Bibikhin are used for the conceptual description. As a result, 'dignity' is defined as the will for sociality excluding or not taking into account power-ability status.

Key words: ethics of dignity, will for dignity, humiliation, Stalinism, post-Stalinism, Vladimir Bibikhin, Jurgen Habermas.

*Хватит... чувствовать себя условно расконвоированными.
О. И. Генисаретский*

Что такое «достоинство»?

Философское исследование содержания и значения категории «достоинство» может пойти традиционным путем реконструкции истории его появления и изменения значений. Альтернативный путь – обратиться к учению о достоинстве в современной этике, где эта категория получила особенно глубокую разработку в связи с проблематикой правового сознания и мышления. В обоих случаях исследователь обратится к классической философской, правовой, социологической и моралистической литературе, прослеживая становление концепта «достоинство» из правовых отношений римского права, сословной

чести, христианского учения о самоценности каждого любого индивида, наконец, из обобщения концепции гражданских прав и прав человека. Достоинство в современной западной правовой культуре, по выражению Ю. Хабермаса, «образует портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право» [12, с. 26]. Безусловная ценность достоинства эксплицитно отражена в важнейших национальных и наднациональных правовых документах [5]. Весьма общая категория достоинства постепенно «обрастает» конкретными правовыми процедурами и проникает в законодательства незападных государств, превращаясь в действительную глобально-значимую норму права. Однако этот процесс не может протекать равномерно и однообразно во всех обществах.

Достоинство в этическом смысле можно определять, например, как «осознанное чувство своей ценности для общества. Ценности, основанной на чувстве своей уникальности, а чувство уникальности, единственности – есть чувство личности, сознание себя личностью, имеющей права» [6 с.]. При определении достоинства полезно вспомнить базовое различие двух смыслов «жизни»: биологической жизни как существования живого и социализированного тела и «полной жизни» общественного человека. Это различие позволяет определить минимальное антропологическое условие достоинства: поддержание дистанции между «просто жизнью» и «полной жизнью». *Обладать достоинством значит быть более чем «просто человеком». Достоинство означает просто безусловную возможность обладания полнотой всего: прав, ответственности, возможностей самовыражения и т. д.* Возможно такое «антропологическое» определение достоинства. Нарушением достоинства является любое «сведение» человека до телесного существа и в этом смысле его десубъективация и реификация. Редукция интеллектуального и духовного существа к телу (с превращением этого тела и тем самым самого человека в предмет, претерпевающий воздействия, несущественно – будет ли это воздействие дисциплинированием, заботой, насилием...).

А теперь я хочу обратить внимание читателя на саму *ситуацию постановки проблемы* достоинства в России начала XXI века (эту статью я пишу зимой 2014 года). Эта совершенно особая ситуация.

На мой взгляд, начать нужно с того, что европейский или даже восточно-европейский философ («западный» в метафорически-широком смысле этого слова) имеет дело с проблемами общества, прошедшего модернизацию и так или иначе использующего наследие социально-культурной традиции предшествовавших веков. В это наследие надо включать, например, опыт колониализма и мирового доминирования, в то же время – опыт освободительной (в том числе антиколониальной) борьбы и критического осмысления актуальной ситуации. Это наследие, с одной стороны, представляет собой готовую, предзаданную форму любого антропологического опыта. С другой стороны, в западной Академии и связанных с ней культурных индустриях (к их числу нужно отнести т. н. «современное искусство», киноиндустрию и пр.) созданы условия для постоянной критической переработки этой формы. Поэтому западная Академия и искусство до сих пор являются месторождением продуктивных антропологических идей. «Достоинство» как правовая и этическая категория является частью этого наследия.

Важнейшее следствие этого положения состоит в том, что в западной Академии и публичной сфере правовая, юридическая или этическая категория «достоинство» становится темой осмысления и обсуждения в условиях существования общественных институтов, не отрицающая человеческое достоинство. Она может функционировать без этой «дополнительной функции». Действительное признание человеческого достоинства является критерием оценки работы организаций и приемлемости законодательных актов благодаря тому, что, как это описывает Юрген Хабермас, изменчивые исторические обстоятельства просто заставили «тематизировать и довести до сознания нечто, уже от начала, хотя и имплицитно, записанное в права человека, а именно – нормативную

субстанцию равнодостоинства людей» [12, с. 70]. Достоинство (dignity) – это также одна из ключевых проблем таких быстро развивающихся областей прикладного гуманитарного знания, как медицинская этика и биоэтика.

В России, напротив, мы оказываемся в ситуации несуществования достоинства как ценности, фактора межличностных отношений и критерия оценки общественных институтов. Это «значимое отсутствие» проявляется, например, в отсутствии достоинства как темы публичных дискуссий. Более того, на уровне повседневных взаимодействий люди не осмысливают свои отношения как позитивные или же негативные (даже унижительные) по отношению к достоинству (своему, другого, «человеческому достоинству» вообще). Прошу читателя извинить недостаток содержательного доказательства этих обманчиво очевидных утверждений, поскольку соответствующий анализ должен был бы стать предметом другой, социально-антропологической работы.

Моя основная гипотеза состоит в том, что такое безразличие к достоинству является проявлением установленного в СССР и в существенных аспектах сохранившегося до настоящего времени социально-политического режима. Называть этот режим «сталинистским» будет, вероятно, большой неточностью (хотя некоторые исследователи полагают его именно таким, см., например [2]), хотя его принципиальные особенности определились в 1920-1940-е гг. XX века. С того времени в России изменились государственная идеология, экономические структуры, трансформировалось общественное сознание. Тем не менее на уровне повседневных отношений можно различить «сталинистские» способы отношений между людьми, а также функционирования различных организаций и институтов. Достоинство личности гарантируется в России 21 статьей Конституции России: *«достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»*. Однако эта статья, как и многие другие статьи, имеет декларативный характер.

Отношение, противоположное отношению достоинства, т. е. уважению, следует называть **«унижением»**. Оно легко воспринимается как «недолжное», оскорбительное и т. д., причем участники унижительных взаимодействий достигают консенсуса о том, что оно таким является, но это не означает, что они стремятся преобразовать отношения, чтобы они не были унижительными (я позволю себе воздержаться от приведения примеров здесь, уповав на обыденное «практическое» знание читателя). Если психологическое отношение унижения является массовой реакцией на «встречу» с неким социальным институтом, можно сделать вывод о том, что эффект унижения (практическое отрицание достоинства) фактически является одним из аспектов функционирования этого института. «Сталинизм» проявляется, в частности, в том, что любой социальный институт в современной России функционирует в «режиме унижения». Это не означает, что посещение больницы или полицейского участка влечет за собой ситуацию унижения, однако жители страны знают о потенциальной возможности оказаться в такой ситуации, причем действенных средств самозащиты нет.

Кроме того, не только т. н. тотальные дисциплинарные институты – такие, как армия или тюрьма – до сих пор, по-видимому, не способны функционировать без воспроизводства ситуации унижения, но и институты социальной защиты, такие, как родильный дом или органы социальной опеки, воспроизводят отношения, описываемые их вынужденными участниками как «унижительные».

Устойчивое сохранение в России таких общественных отношений само по себе требует специального внимательного анализа и объяснения. Изучение статуса таких отношений, как достоинство, уважение, унижение и пр., в современной российской повседневности дает необходимый материал для исследований, ведущих к построению такой теории. В рамках данной статьи я хочу наметить путь философского осмысления перспектив достоинства как ценности публичной и частной жизни в России.

Итак, я исхожу из того, что в современной России нужно говорить об *изобретении достоинства*. Анализ категории «достоинство», предлагаемый мировыми (по умолчанию – западными) философскими и этическими традициями, требует еще специальной предварительной адаптации к действительности «постсталинской» России. Сам по себе он малопродуктивен и остается лишь предметом истории идей. В России к «достоинству» нужно опять прийти. Каким образом «достоинство» может быть помыслено в качестве ценности, а его обретение – стать фактором общественной жизни здесь, в этой ситуации этого общества? Возможна ли «*воля к достоинству*» (выражение О.А. Донских [7])?

Для понимания значимых для такой постановки вопроса особенностей российского общества обратимся к историософии философа Владимира Библихина [3; 4]. Историософия, т. е. изобретение предельных категорий для обозначения общего, специального и особенного в историческом опыте и в мышлении истории, особенно необходима именно в таких случаях. Проблема возможности новой «воли к достоинству» – это философская проблема постольку, поскольку речь идет о философской, а не о правовой категории. Историософ создает не объяснительные концепции, а концепты. Позже они могут стать предметом продуктивных исследовательских программ в социологии, истории, антропологии и других гуманитарных и общественных науках. Назначение концепта – «схватить» существенное в некотором явлении, не определяемое объективистской наукой, но парадоксально привлекающее к себе внимание наблюдателя. Концепт позволяет «войти» в некоторую реальность, сформировать перспективу. В начале Нового времени «индивидуальное достоинство» фактически было концептом для европейских мыслителей. В современной России необходимы новые концепты, которые сделают видимым трудноразличимое и таким образом создадут перспективу для их осмысления, исследования и понимания.

Говоря о правовых отношениях в России, Библихин вводит понятие «*крепостное право*». Эту известную историко-правовую категорию он пересмысливает как онтологический концепт. По ходу лекционного курса «Философия права» Библихин рассматривает такую особенность современного российского общества, как «стабильная неуравновешенность», и сопоставляет ее с определением российского общества как «перманентной революции» в книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Российское общество живет в состоянии «перманентной революции», несмотря на смену политических режимов, модернизацию и другие перемены последних полутора столетий. Библихин сосредоточивается на странном сочетании избыточной жесткости писаного права и его массового непризнания жителями страны. Это право так часто менялось и часто предписывало столь несоотносимые с повседневными реалиями способы поведения и установления отношений, что люди привыкли ему не верить. В этом проявилась «свобода права»: «будем обозначать им, с одной стороны, свободу каждого трактовать здесь и теперь закон применительно к обстоятельствам и, с другой стороны того же листа, свободу создавать для каждого случая новый писанный или неписанный закон» [4, с. 391]. Очевидно, что в ситуации «свободы права» стратегическое преимущество получает сторона с большими возможностями фиксации, пусть временной, выгодного положения дел. Такой стороной в России всегда являлось государство, и как «оборотная сторона того же листа» появилось **крепостное право**.

«В нашем обществе стабильно закрепление человека и его статуса задним числом в рамках ситуативно сложившегося вокруг него и в отношении его права. Например, рождение и место жительства человека случайно, но как только он записан в паспортном столе, место жительства жестко закрепляется за ним (...) Крепостное, или крепостное, право создавалось в ситуации опять же законодательной неопределенности и исправляло текучесть, неясность закона жесткостью вводимого порядка» [4, с. 384-385]. Итак, свобода права – недостаточная рациональность писаного права, позволяющая и даже

требующая его операционализации *ad hoc* – требует в качестве «точки отсчета» присвоения участникам правовых отношений некоторого соотносительного качества, которое вынуждает их не просто выполнять требования права, но и принимать сами эти требования. «Обязанностями» их называть не совсем точно. Эти требования определяются соотношениями статусов, и поэтому «бесправие означает правотворчество, *и мое тоже*, в каждый момент времени. Мой статус определяется не правом, ... а жестким закреплением решений обо мне и моих обо всем. При отсутствии стабильного закона остается всеми уважаемое крепостное право, т. е. моя несвобода внутри того, что мне суждено, в чем *моя доля*» [4, с. 392]. Эта доля, это пользование свободой права могли бы быть свободой, но неравенство людей естественным образом превращает крепостное право в источник новых форм зависимости и подчинения. Накопление этих форм не означает их упорядочения. Они могут быть вполне эффективны для «закрепощения» другого, так что формальное право оказывается просто избыточным.

Концепт крепостного права как действительной формы права в России (в отличие от формального права европейской цивилизации) помогает осмыслить преемственность форм межличностных отношений в России. Эти отношения выстроены вокруг борьбы за статус и, следовательно, за потенциальную возможность закрепощения другого.

Моральные соображения о справедливости или несправедливости такого обращения с «другим» несущественны для людей, живущих в отношениях крепостного права. «Воля к достоинству» должна являть собой для жителя России некое противотечение, поскольку явно отрицает свободу права в отношении другого.

Действие отношений крепостного права Библихин видит, в частности, в неписаном, но строго соблюдаемом правиле согласия следствия и суда, из-за которого в России практически не выносятся оправдательные приговоры судами первой инстанции [4, с. 393]. Из этих же отношений проистекает слабость, декоративность российского конституционализма. Итак, концепт крепостного права указывает на принцип формализации отношений между людьми, действующий в России с неопределенно-древнего времени вплоть до современности.

Однако современное российское общество принципиально отличается от прошлого. Как было сказано выше, это общество – «постсталинистское». И, чтобы понять его, обратимся к другому концепту Библихина – к **«ужасным вещам»**. Мы живем в ситуации последствия «ужасных вещей». Их близкое самонавязывающееся появление и неотменимое присутствие вообще, по Библихину, свойство XX и теперь уже XXI века. Это такие события или процессы, которые производятся человеком (социотехногенны) и при этом оказывают уничтожающее или травмирующее действие на всех без исключения, кто с ними соприкасается. Сила действия «ужасных вещей» как генераторов ужаса исключает возможность их адаптации и нормализации через какое-либо рациональное (этическое, телеологическое и т. п.) объяснение или экзистенциальное принятие. «Глупо воображать железного стойка, который невозмутимо сохранит себя в бесстрастии. Человек выдержать позу героя перед ужасными вещами не может. Ужас наложит свой облик. Бахтин говорил в частной беседе 9 июня 1970 года: «все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве, под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно» [4, с. 176]. «Ужасные вещи» невыносимы – это принципиальное историософское положение Библихина. Но это, как ни странно, не означает, что к ним невозможно приспособиться. В том же очерке Библихин приводит в пример Лосева и Солженицына как людей, прошедших сквозь «ужасные вещи» и принципиально по-разному самоопределившихся благодаря им. Однако такое «приспособление» будет социальной травмой.

Таких «ужасных вещей» немного. Они, как правило, уже давно стали предметом детально философской рефлексии: тотальная война, лагерь уничтожения [1], атомная бомба, эпидемии. В России «явлением ужасной вещи» оказался сталинизм.

Продолжающийся и теперь период постсталинизма – время, когда по-прежнему, по известному выражению Михаила Гелфтера, «Сталин умер вчера». Это период отхождения от такой «ужасной вещи». В этом состоит содержание всего постсоветского периода.

Но сталинизм с его всеобщим равенством перед подавляющей волей власти всего лишь *максимизировал исторические возможности крепостного права*. Для этого Сталин полностью присвоил себе «свободу права». Понимание сталинизма как «ужасной вещи» создает историсофскую систему координат.

Благодаря множеству воспоминаний, аналитических и исторических работ легко сформулировать принцип воздействия режима сталинизма на межличностные отношения: эти отношения и связи, как они ложились исторически, должны быть разорваны и замещены иными, произвольно создаваемыми властью и полностью ею контролируемые. Внутрисословные, общинные или родовые связи в равной мере становились материалом для социального творческого действия власти. Террор, страх предательства, (травматический) опыт неизбежного предательства и т. д., но также и оптимизм строительства нового мира – все это было средством для создания «нового человека», погруженного в такие искусственные связи. При этом отменялось и наследие прежнего крепостного права; объективное чувство освобождения становилось одним из ресурсов легитимации сталинизма и одновременно использовалось им для создания новых искусственных связей. Для обеспечения работы крепостного права и были созданы общественные институты, о которых шла речь выше. Социолог и философ Борис Дубин назвал современный режим общественных отношений «режимом разобщения» [8, с. 9]. Возможно, последствие столь интенсивного ужаса не могло быть иным.

Следовательно, *обретение достоинства в условиях продолжающегося действия последствия «ужасной вещи» сталинизма означает поиск возможности повседневного действия, отменяющего или приостанавливающего, «подвешивающего» действие крепостного права*. «Изобретением» достоинства как исполнением воли к достоинству можно назвать такое «подвешивание», т. е. временную локальную отмену многочисленных практик разделения людей по их неравновесным статусам. Чтобы такая «раскрепощающая» работа могла бы вести к прекращению воспроизводства сталинизма, она должна происходить в первую очередь на микроуровне повседневных отношений. Это новая «воля к социальности», к обретению достоинства в отношениях с другими людьми помимо или даже вопреки нормам отношений, диктуемым правилами крепостного права через всеобщую систему статусных различий.

Важно отметить, что в этом случае изобретение достоинства может быть позитивно определено даже как воссоздание социальности. Точнее, как «*воля к новой социальности*», к установлению связей-с-другими [9; 10]. Это также означает, что становление «гражданского общества» и изобретение новых отношений достоинства – взаимосвязанные процессы, и только такой «низовой» процесс вообще может повлиять на воспроизводящие унижение постсталинистские общественные институты. А.И. Прусак пишет: «Самостоятельность / свобода обеспечивается объемом власти (влияния). Таким образом, утверждение достоинства, реализация интересов индивидов связаны с уровнем и содержанием их включенности в систему властных отношений, с положением в социально-политической организации общества» [11]. Однако именно это «содержание их включенности в систему властных отношений» и необходимо преодолеть! *Абсолютный эгалитаризм достоинства означает, что его утверждение должно быть выведено из какой-либо связи с иерархическими властными отношениями*.

Предстоит научиться определять это «чувство своей ценности» для общества, представленного конкретными окружающими людьми – участниками повседневных отношений вне всяких измерений власти, вне возможности власти. Для этого требуется и произвольно (волевым образом) отказаться от преимуществ пользования свободой права.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: свидетель и архив/ пер. с ит. И. Левиной, О. Дубицкой и П. Соколова / под ред. Д. Новикова. М.: Европа. 2012.
2. Акоюн А.С. Десталинизация здравоохранения как условие модернизации // *Общественные науки и современность*. 2011., № 6. С. 32-48.
3. Бибихин В.В. Введение в философию права. М., ИФРАН, 2005.
4. Бибихин В.В. Другое начало. Спб.: Наука, 2003.
5. Власова О.В. Свобода и достоинство личности // *Ученые записки юридического факультета*. 2010. Вып. 19 (29). Спб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики. С. 5-10.
6. Донских О.А. Dignitas – Достой – Достоинство: глава из книги «Воля к достоинству» // *Идеи и идеалы*. 2009. Т.1. № 1.
7. Донских О.А. Воля к достоинству. Новосибирск: Сова, 2007.
8. Дубин Б. Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики // *Pro et Contra* 2009. №1. С. 9.
9. Немцев М.Ю. Надеяться ли на новые единства? // *60 параллель* 2011. № 2 (41). С. 10-15.
10. Немцев М.Ю. На пути к сообщительности // *60 параллель* 2011. № 1 (40). С. 38-43.
11. Прусак А.И. Достоинство личности в социологическом дискурсе // *Социологические исследования*. 2006. № 7. С. 141-147.
12. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // *Вопросы философии*. 2012. № 2. С. 68.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.851

П.И. Совертков

МЕТОДИКА РАБОТЫ С КЛАСТЕРОМ ПО МАТЕМАТИКЕ

Аннотация: В статье представлена систематизация кластеров в процессе обучения математике, рассматривается формирование шаблона в виде кластера, проводится сравнение различных кластеров.

Ключевые слова: кластер, классификация кластеров, выстраивание встречных связей на кластере.

P.I. Sovertkov

METHODOLOGY OF THE WORK WITH A CLUSTER OF MATHEMATICS

Abstract: The article presents systematization of clusters in the process of studying mathematics, formation of a cluster's template and comparison of different clusters.

Key words: cluster, classification of cluster, building competing networks in a cluster.

I. Общие требования при разработке кластера

Первоначально под кластером понимали объединение нескольких однородных элементов, изображенных графически в виде грозди, пучка, которое можно рассматривать как самостоятельную единицу, обладающую определенными свойствами. В методике кластер – это карта понятий, которая активизирует размышления учеников по обсуждаемой теме, позволяет оценить свои знания и представления по заданной теме [5].

В дальнейшем понятие кластера расширилось. Графическое изображение общего понятия и нескольких частных понятий, изображение операций между элементами, установление причинно-следственных связей между элементами кластера показывают, что в кластере элементы не обязаны быть однородными.

Будем считать, что кластер – это способ графической организации материала, позволяющий сделать наглядными те мыслительные процессы, которые происходят при погружении в обсуждаемую тему.

Использование кластеров для развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП) первоначально получило большое ускорение со стороны психологов и педагогов, но потом затормозилось при попытке использования кластеров при изучении точных наук.

Анализ различных материалов в Интернете по использованию кластеров в обучении математике показывает, что почти половина авторов приводит один и тот же кластер о структуре решений квадратного уравнения. Вторая половина разработок содержит текстовое описание используемых кластеров без их наглядного изображения.

Кластеры, созданные учащимися или студентами на занятии, должны правильно отражать причинно-следственные связи, но они могут иметь недостатки оформительского характера, т. к. создаются в интерактивном режиме.

Кластеры, представленные в материалах Интернета, должны быть методически грамотно оформлены.

Проведем анализ упоминаемых файлов о структуре квадратного уравнения (рис. 1).

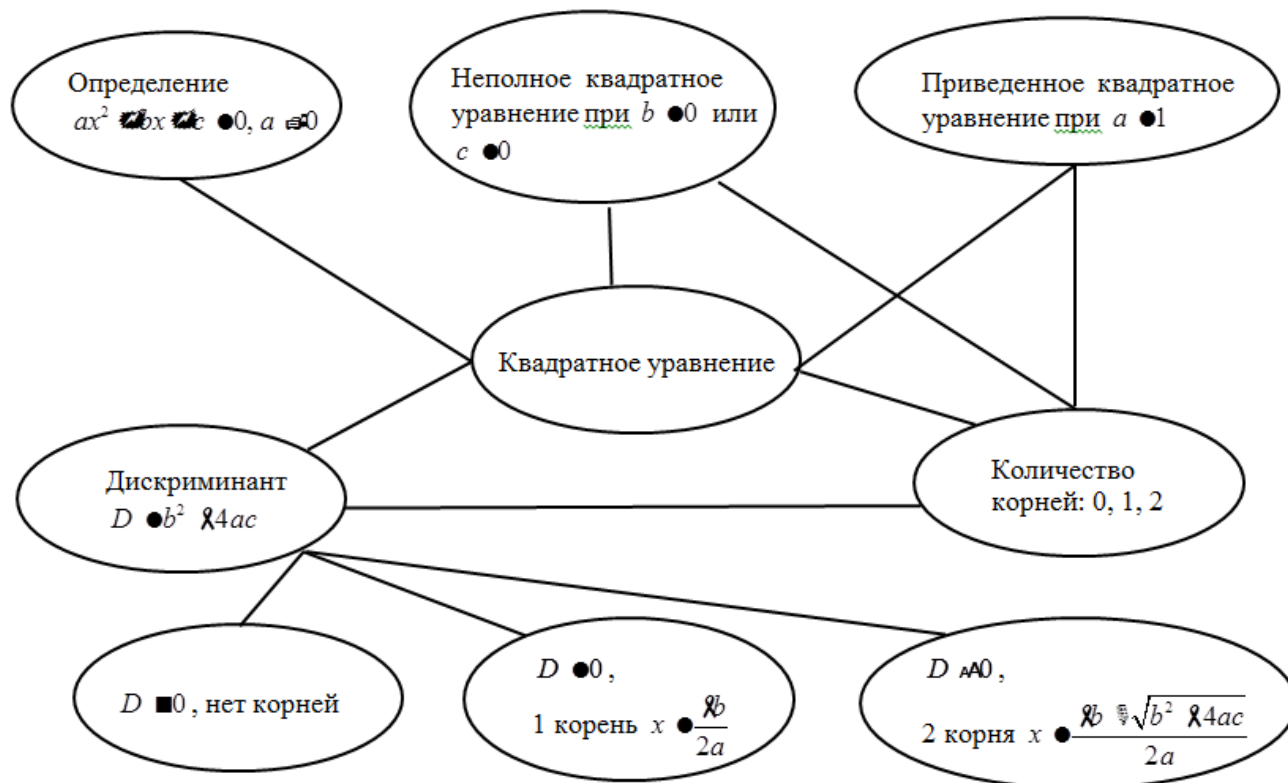

Рис. 1.

Элементы изображенного кластера – определение квадратного уравнения, неполные квадратные уравнения, приведенное квадратное уравнение, дискриминант и корни уравнения.

Все элементы можно разделить на два концентрa. Первые два горизонтальных ряда посвящены определению квадратного уравнения и его частных случаев. Последние два горизонтальных ряда фокусируют внимание на условии существования корней уравнения и их вид.

Неполное квадратное уравнение и приведенное квадратное уравнение определены только при условиях на коэффициенты, поэтому в первом ряду должны быть установлены связи от первого элемента в левом углу к остальным элементам в этом ряду. Аналогично, дискриминант квадратного уравнения определяется только через коэффициенты уравнения, а поэтому к дискриминанту должна приходиться связь от определения уравнения, причем эта связь должна изображаться не отрезком между овалами, а стрелкой.

На рисунке 2 эти замечания учтены на предлагаемом кластере.

Второй важный момент. Частные случаи квадратного уравнения, т. е. неполные уравнения выделяются в школьном учебнике не ради обогащения словарного запаса учащихся, а с той целью, чтобы их быстрее решить, не находя дискриминант уравнения. На рисунке 2 представлены алгоритмы решения частных случаев в виде отдельных цепочек кластера.

Кластер на рисунке 2 содержит значительно больше текстовой и символической информации в виде формул, чем на рисунке 1. Для этого элементы кластера размещены в прямоугольники с закругленными углами. Это тривиальное замечание, но, к сожалению,

на многих кластерах нерационально используется область построения. На рисунке 2 использованы стрелки двух типов: сплошные и пунктирные, чтобы разделить различный смысл при переходе от общего элемента к частному элементу.

Для расширения области применения кластеров в методике преподавания математики нужны общие статьи о классификации кластеров, конкретные примеры применения кластеров при решении некоторых задач, сравнительная характеристика разных методов решения задачи и выделение специфики математических задач, чтобы, учитывая их, видоизменить методику применения кластеров.

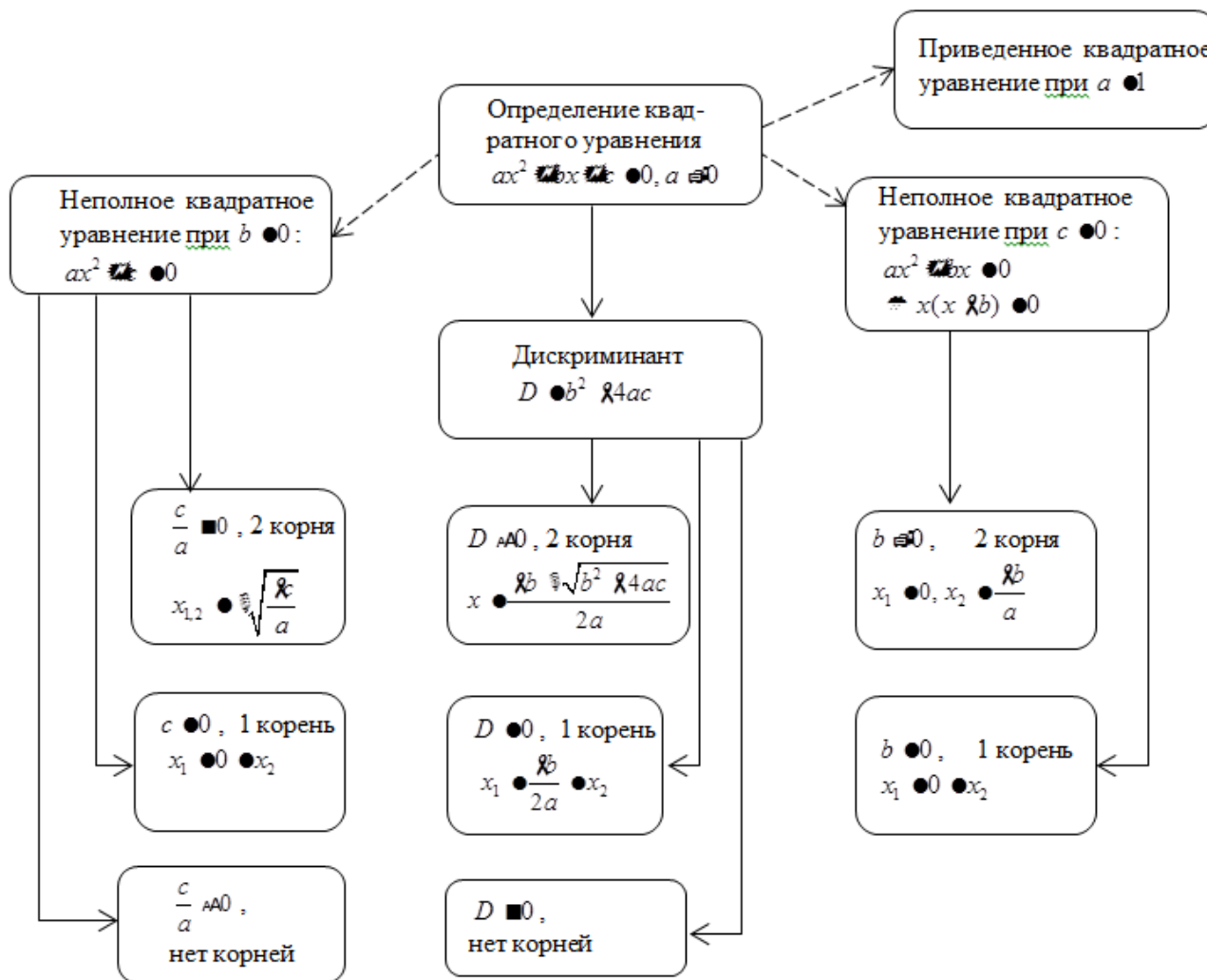

Рис. 2.

Настоящая статья является продолжением цикла статей [5, 6], в которых приведена классификация некоторых кластеров.

Понятийные кластеры [5] предназначены для отображения структуры взаимосвязей между различными понятиями.

Операционные кластеры [5] предлагают восстановить некоторые элементы множества, состоящего из двух однородных объектов, операции между ними и объекта, являющегося результатом операции.

Алгоритмические и сюжетные кластеры [6] предназначены для воспроизведения в наглядном виде элементов задачи, их взаимосвязей и маршрута перехода от условия задачи к заключению.

На каждом кластере закодирована вся информация соответствующего раздела по математике. Разработка некоторых кластеров предполагает выход за рамки теоретических сведений, предусмотренных программой по математике. В этом случае работа над кластером способствует формированию навыков самостоятельной работы и развитию творческой активности.

Кластер-опора обеспечивает логически последовательное раскрытие темы, т.к. на нем указаны причинно-следственные связи. Кластер используется на последующих практических занятиях и позволяет быстро восстановить ослабевшие знания при подготовке к итоговой аттестации.

В большинстве случаев построение кластера вначале осуществляется неудачно. На листе бумаги оказывается мало места для цепочки элементов кластера, содержащей много элементов. При наличии трех и более цепочек на кластере, некоторые цепочки приходится менять местами, чтобы соединить мостом элементы двух цепочек. Хорошо подготовленный кластер должен быть лаконичным, образным и научно строгим.

Если кластер отражает содержание большой темы, то учащиеся класса делятся на группы, каждая из которых разрабатывает указанное направление в кластере по данной теме.

Конкурс кластеров, подготовленных на занятии или в домашних условиях, позволяет выбрать несколько лучших кластеров. В этом случае происходит коллективное обсуждение для окончательного утверждения кластера-опоры. После выбора лучшего кластера в классе этот кластер отсылается в банк кластеров на компьютере по данной дисциплине и может быть размножен на принтере каждым учеником.

Домашнее задание по подготовке кластера развивает познавательную самостоятельность, укрепляет в учащемся чувство уверенности в своих силах и гордости за результат своей деятельности.

Цели использования кластера в обучении близки к целям использования опорных конспектов в системе обучения В.Ф. Шаталова [7].

Опорные конспекты в методической системе В.Ф. Шаталова разрабатывались учителем для компактного изложения темы с опережающей ролью теории перед практикой. Методика использования опорных конспектов при ведущей роли учителя предусматривает семь этапов:

- развернутое объяснение учителем содержания темы;
- сжатое изложение материала по опорному плакату, подготовленному учителем, с расшифровкой закодированных сигналов основных понятий и логических взаимосвязей между ними;
- изучение опорных сигналов на уроке;
- работа с листом опорных сигналов в домашних условиях;
- письменное воспроизведение опорных сигналов на следующем уроке;
- ответы по опорным сигналам;
- повторение и углубление ранее изученного материала.

Отличие использования кластера в обучении от опорного конспекта состоит в том, что он разрабатывается самостоятельно учащимися, и основная деятельность в этом случае направлена на активизацию поиска информации, ее систематизацию, проявление фантазии при оформлении кластера.

II. Использование кластера для сравнительной характеристики методов

Среди авторов школьных учебников по математике, а также среди учителей в течение длительного времени ведется активная дискуссия о соотношении рецептурного усвоения математики, достаточного для решения некоторого класса задач при небольшом объеме выделенных часов для изучения математики и фундаментального усвоения понятия и метода применения этого понятия с выделением достаточного объема часов для изучения математики.

Покажем в этой статье, что каждое из этих направлений можно реализовать при ясном понимании целей усвоения математики, а главное, при понимании цели, для чего применяется математика.

В качестве средства, сближающего эти направления можно использовать кластеры-памятки, которые позволяют активизировать визуальное мышление для расширения принципа наглядности и создают опору для вызова из памяти набора действий, необходимых для решения задачи. Кластер-памятка формирует компактное запоминание алгоритма решения задачи и свертывание мыслительных операций.

Рассмотрим перевод бесконечной десятичной дроби в обыкновенную дробь. В школьном учебнике [1, с. 104] приведен пример перевода простейшей периодической дроби в обыкновенную дробь. Поясним классический метод перевода на примере решения более сложной задачи, но типовой задачи при подготовке к ЕГЭ:

$$0,3(74) = 0,3747474\dots = 0,3 + 0,074 + 0,0074 + 0,00074 + \dots$$

Слагаемые в правой части равенства, начиная со второго члена, – члены геометрической прогрессии. Первый член прогрессии равен 0,74, а знаменатель прогрессии q равен 0,01. Прогрессия является бесконечно убывающей, т.к. $|q| < 1$.

Сумма прогрессии равна

$$S = \frac{0,74}{1-0,01} = \frac{0,74}{0,99} = \frac{74}{99}, \quad 0,3(74) = \frac{3}{10} + \frac{74}{99} = \frac{371}{990}.$$

Рассмотрим примеры перевода бесконечной десятичной дроби в обыкновенную дробь, алгоритм которой можно легко сформулировать позже после анализа рассмотренных ниже примеров:

$$\begin{aligned} 0,(37) &= \frac{37}{99}; \quad 0,37(4) = \frac{374-37}{900} = \frac{337}{900}; \quad 0,035(4) = \frac{354-35}{9000} = \frac{319}{9000} \\ 0,3(74) &= \frac{374-3}{990} = \frac{371}{990} \end{aligned} \quad (1)$$

Алгоритм перевода методом подсчета числа цифр:

Бесконечная десятичная часть с нулевой целой частью равна обыкновенной дроби. Числитель дроби равен разности между числом, записанным всеми цифрами после запятой, и непериодической частью. Знаменатель дроби содержит столько девяток, сколько цифр в периоде, и столько нулей, сколько цифр в непериодической части.

Поясним обоснование алгоритма перевода бесконечной десятичной дроби в обыкновенную дробь с использованием суммы геометрической прогрессии на конкретном примере:

$$\begin{aligned} 0,3(74) &= 0,3747474\dots = 0,3 + 0,074 + 0,0074 + 0,00074 + \dots = \\ &= \frac{3}{10} + \frac{0,74}{1-0,01} = \frac{3}{10} + \frac{74}{99} = \frac{4 \cdot 99 + 74}{990} = \frac{3 \cdot (100-1) + 74}{990} = \frac{374-4}{990} = \frac{371}{990} \end{aligned}$$

Применим третий способ, приведенный в пособии [2, с. 25], уже к нашему примеру.

Пусть $x = 0,3(74) = 0,3747474\dots$. Умножим x на такое число, чтобы в полученном произведении период дроби начинался сразу после запятой, т.е. на 10, тогда $10x = 3,747474\dots$

В полученном числе период содержит две цифры, поэтому умножим $10x$ на 100, чтобы запятая сдвинулась на один период: $1000x = 374,7474\dots$

Вычитая числа, получим

$$1000x - 10x = 374,747474\dots - 3,747474\dots = 371, \quad 990x = 371, \quad x = \frac{371}{990}.$$

Выделим основную идею, которую нужно сформировать так, чтобы она стала руководством к действию при решении других примеров.

Основная трудность задачи при переводе – убрать бесконечное число десятичных знаков, образующих периодическую часть. Если из данного числа получить другое число с такой же периодической частью, то вычитая, получим разность без периодической части. Этот эвристический поиск направлен на поиск другого числа с такой же периодической частью. Сдвиг периодической части числа выполняется умножением на степени числа 10.

На основании рассмотренных случаев можно предложить учащимся составить кластер-памятку, в которой нужно отразить все узловые моменты изучаемой темы. Окончательный вариант должен содержать алгоритмы в компактном виде (рис. 3). Название каждого метода должно отражать главную идею применяемого алгоритма.

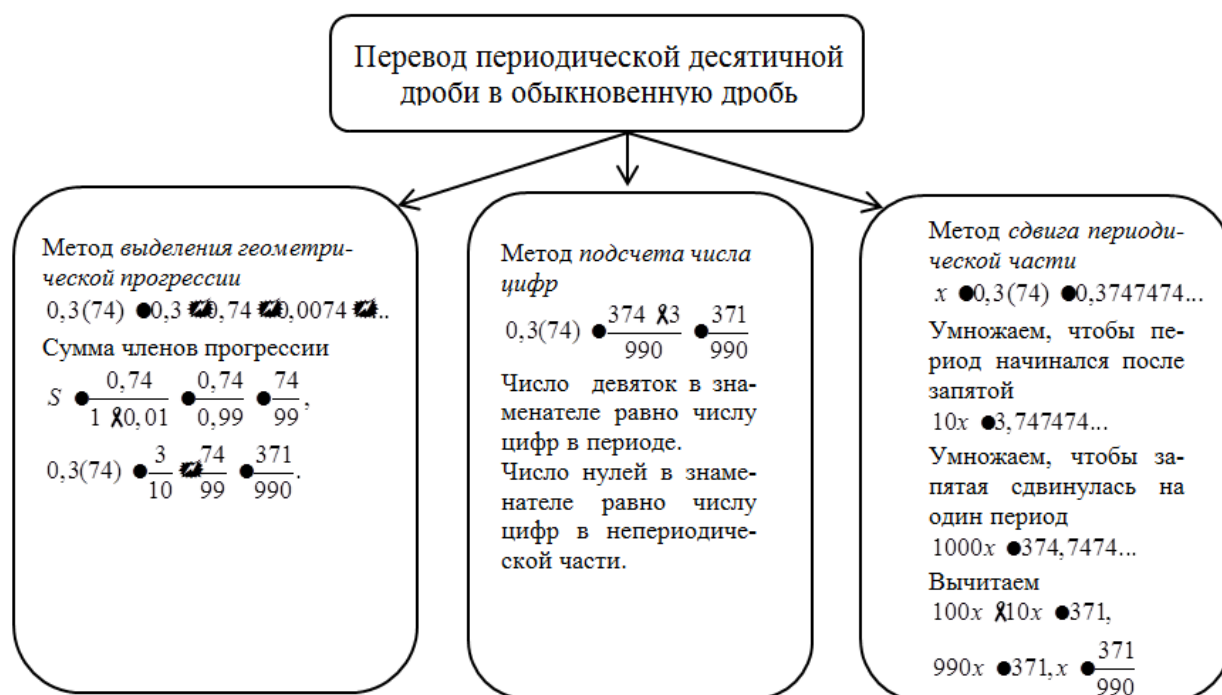

Рис. 3.

Рассмотрим сравнение предложенных методов.

Для перевода периодической дроби классическим способом с использованием суммы геометрической прогрессии требуется несколько минут. В этом случае нужно выделить периодическую часть, найти знаменатель и сумму геометрической прогрессии, провести сложение обыкновенных дробей.

Для перевода периодической дроби по алгоритму (1) требуется около 15 сек.

Для перевода периодической дроби с помощью двух умножений и сдвигом на один период также нужно время, меньшее, чем при использовании классического способа, но большее чем при использовании алгоритма.

Недостатки и достоинства классического способа:

1. Выделение нескольких операций и выполнение нескольких вычислений повышает вероятность ошибки.
2. Объяснение этого метода является более сложным процессом.
3. Перевод числа классическим способом требует времени приблизительно в 10 раз больше, чем при переводе по алгоритму (1).

4. Достоинством этого метода является то, что для запоминания действий в классическом способе достаточно создать одну опору – использовать геометрическую прогрессию.

Недостатки и достоинства алгоритма перевода методом подсчета числа цифр:

1. Перевод числа по алгоритму легко выполняется при визуальной опоре на памятку. Объяснение алгоритма решения задачи является более эмоционально окрашенным. Учащиеся и студенты-первокурсники отдают предпочтение переводу с использованием алгоритма.

2. Практика показывает, что через некоторое время при отсутствии памятки, схема образования числителя и знаменателя обыкновенной дроби быстро забывается. На ЕГЭ или ГИА, где нельзя использовать справочные материалы по математике, в этом случае создается трудная ситуация. Проверить правильность перевода периодической дроби в обыкновенную дробь можно только операцией деления числителя обыкновенной дроби на знаменатель.

Недостатки и достоинства перевода с помощью умножения и сдвига цифр, т. е. поисково-эвристического способа:

1. Выполнение нескольких вычислений незначительно повышает вероятность ошибки, т.к. умножение на числа, кратные 10, выполняется переносом запятой.

2. Для вычислений требуется время, но оно значительно меньше, чем при классическом способе.

3. Достоинством этого метода является то, что для запоминания действий достаточно создать одну опору – из данного числа нужно получить два числа с одинаковыми дробными частями с помощью умножения на степени 10, а затем их вычесть.

Вывод

Метод перевода с использованием алгоритма можно успешно применять при текущей работе. Классический способ перевода и перевод с помощью сдвига нужно рекомендовать при подготовке к ЕГЭ или ГИА.

Различные методы перевода нужно закрепить на примерах с усложнением задач.

1. Сравните числа $0,999\dots$ и 1.

2. Переведите периодические дроби $a = 0,2(45)$ и $a = 0,2(4545)$ в обыкновенные дроби. Сравните a и b до перевода в обыкновенные дроби и после перевода в обыкновенные дроби.

Алгоритм перевода периодической десятичной дроби, записанной в общем виде, требует понимания позиционной системы счисления. Например:

$$0, a(b) - 0, b(a) = \frac{(10a + b) - a}{90} - \frac{(10b + a) - b}{90} = \frac{8(a - b)}{90} = \frac{4(a - b)}{45}.$$

3. Переведите следующие периодические десятичные дроби в обыкновенные дроби и выполните упрощения

а) $0, a(b) + 0, b(a)$, б) $0, a(bc) + 0, b(ca) + 0, c(ab)$.

4. Сформулируйте правило умножения периодической дроби на числа $10, 10^2, 10^3$.

III. Выстраивание встречных связей при поиске на кластере

В гуманитарных дисциплинах кластер используется в основном для наглядного изображения системы элементов некоторого понятия и установления причинно-следственных связей.

Специфика математических задач имеет следующие особенности:

а) Простейшие понятия, сформированные в процессе обучения, приходится преобразовывать при наглядном изображении кластера-условия новой задачи.

б) Заключение задачи трудно изобразить наглядным образом, т.к. в большинстве случаев в математической задаче его нужно найти в виде числа.

в) Основная трудность использования кластеров в процессе объяснения учителем решения новой задачи или в процессе самостоятельного решения задачи учеником состоит в том, что в методической литературе нет примеров выстраивания цепочки встречных связей от кластера-условия к кластеру-заключению. Выстраиванию таких связей, т. е. формированию эвристик нужно обучать на различных типах задач.

Схему решения новой задачи можно представить как два дерева.

Первое дерево, в вершине которого находится условие данной задачи, направляет ветви к заключению задачи.

Второе дерево, в вершине которого находится заключение задачи, направляет ветви к условию задачи.

Используя терминологию теории графов, можно сказать, что процесс решения новой задачи можно изобразить графом-лесом, состоящим из двух деревьев, ветви которых следует ориентировать во встречных направлениях.

Выстраивание ветвей двух деревьев может происходить спонтанно, по мере появления идей при анализе условия и заключения.

Как сделать этот процесс целеустремленным? Каким полем нужно воздействовать на рост ветвей, чтобы ветви одного дерева направлялись к ветвям другого дерева, и появилась общая вершина. Как перебросить мостик от одного дерева к другому дереву, чтобы две компоненты леса превратились в связный граф. Кстати, в теории графов существует понятие моста, соединяющего два подграфа в графе, при удалении которого, граф распадается на две компоненты.

Навыки выстраивания встречных связей на кластере можно формировать на системе задач ЕГЭ с параметрами. Варьирование параметра позволяет найти тот момент, когда связи от одного объекта и связи от другого объекта находят общую точку и выстраивается маршрут от условия задачи к заключению задачи.

Рассмотрим следующую задачу, повышенной сложности при подготовке к ЕГЭ.

При каком значении параметра система имеет три решения

$$\begin{cases} (x-4)^2 + (y-6)^2 = 25 \\ y = |x-a| + 1 \end{cases} ?$$

Уравнение $(x-4)^2 + (y-6)^2 = 25$ определяет на плоскости окружность с центром в точке (4;6) и радиусом 5 (рис. 4).

Уравнение $y = |x|$ определяет на плоскости ломаную линию, состоящую из двух лучей с вершиной в начале координат. Один луч образует угол 45° с осью Ox , а второй луч образует угол 135° .

График функции $y = |x-a|$ получается из графика функции $y = |x|$ сдвигом вдоль оси Ox в точку $(a;0)$.

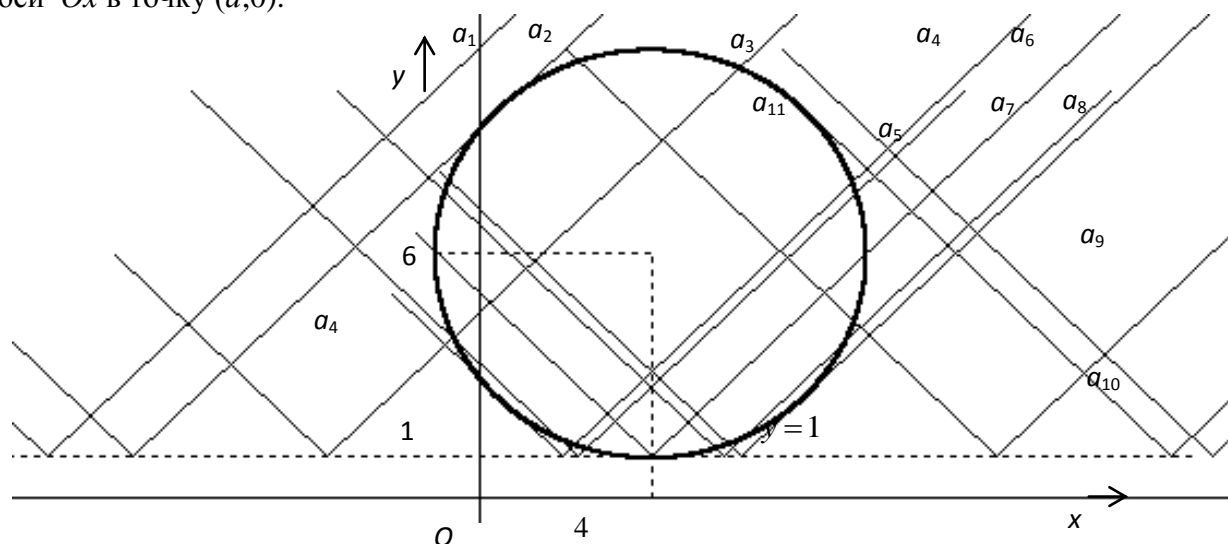

Рис. 4.

График функции $y = |x - a| + 1$ получается из графика функции $y = |x - a|$ сдвигом вдоль оси y на одну единицу.

При изменении параметра a графики функции $y = |x - a| + 1$ образуют множество ломаных линий, вершины которых расположены на прямой $y = 1$.

Начинаем анализировать расположение ломаной линии и окружности, передвигая ломаную линию вдоль прямой $y = 1$.

Ломаная линия может не иметь общих точек с окружностью (на рис. 1 при $a = a_1$ или $a = a_{11}$).

Ломаная линия имеет одну общую точку с окружностью, когда один луч касается окружности (при $a = a_2$ или $a = a_{10}$).

Ломаная имеет две общие точки с окружностью, когда один луч пересекает окружность в двух точках (при $a = a_3$ или $a = a_9$).

Ломаная имеет три общие точки с окружностью, когда один луч касается окружности, а второй луч пересекает окружность (при $a = a_4$ или $a = a_8$), а также, когда вершина ломаной окажется на окружности (при $a = a_6$).

Ломаная имеет четыре общие точки с окружностью, когда каждый луч пересекает окружность в двух точках (при $a = a_5$ или $a = a_7$).

Рассмотрение различных случаев позволило выявить тот момент, когда приходит понимание того, что задачу можно решить, если удастся определить значения трех параметров.

Выстраивание маршрута от условия к заключению осуществлялось не перебором всех значений параметра из множества $R = (-\infty; +\infty)$, а разбивкой значений параметра на группы, при которых получается различное число точек пересечения линий.

IV. Оценка деятельности учащихся и студентов при работе с кластерами

Диагностика уровня овладения навыками и умениями при работе с кластерами предполагает текущий, рубежный и итоговый контроль.

Исходя из различных структур кластеров, в деятельности учащихся можно выделить следующие умения:

а) воспроизведение в тетради, на доске или на экране компьютера кластера, приведенного в учебнике, т. е. извлечение из памяти изученного ранее материала;

б) применение кластера-шаблона по типовому алгоритму для решения задачи с конкретными числовыми данными;

в) умение изобразить графически в виде кластера, изложенный в учебнике текст (в этом случае требуется мыслительная работа по структурированию материала, рациональному расположению элементов кластера с установлением причинно-следственных связей);

г) микроисследования, т. е. выстраивание недостающей цепочки элементов от графа-условия задачи к графу-заключению задачи;

д) творческая работа по формированию кластера с освоением нового материала в дополнительной литературе (например, выстраивание линии аналогий от плоских фигур к пространственным фигурам).

Понятия текущего, рубежного и итогового контроля зависят от объема и сложности кластера.

Рассмотрим формирование среднего по объему и сложности понятийного кластера по теме «Виды матриц».

Текущий контроль осуществляется при выборе элементов для кластера и установлению причинно-следственных связей между элементами кластера.

В этот момент студент, анализируя текст или другой источник информации, осуществляет проговаривание голосом тех элементов понятия, которые нужно изобразить графически.

При рубежном контроле выполняется прослеживание компоновки кластера из элементов.

При итоговом контроле осуществляется проверка графической иллюстрации причинно-следственных связей, т. е. пояснений при переходе от более простого элемента к более сложному элементу и наоборот. Принимается во внимание цветовое оформление, выделение главных направлений, если кластер содержит линейно упорядоченные элементы.

V. Использование кластера для анализа методической составляющей учебного пособия

Построение понятийных кластеров по всему изучаемому курсу позволяет провести анализ правильного расположения понятий. Иногда в учебниках некоторое второстепенное понятие вводится вначале курса, т.к. оно естественно связано с введенным основным понятием, а используется только в конце изучаемого курса, т. е. образуется значительный временной разрыв между введением и закреплением понятия.

При анализе методической составляющей учебного пособия можно заметить, что рядом с кластером изображается шкала недель (временная линейка), и элементы кластера соотносятся с номером недели, на которой вводится данное понятие. Кластер демонстрирует частоту обращения к данному понятию новых вводимых понятий. На кластере нужно также делать ссылки по неделям на решаемые типовые задачи с введенным понятием.

Учебные пособия для учащихся, т. е. учебник и задачник можно проанализировать по структуре расположения материала (рис. 5). Для различных учебных дисциплин – геометрии или алгебры – структура может частично изменяться. Учебные пособия по алгебре и началам математического анализа [2, с. 3], разработанные А.Г. Мордковичем и П.В. Семеновым содержат новую рубрику «Дополнительные задачи», в которой приведены задачи с нестандартными формулировками, навеянными материалами Единого государственного экзамена по математике.

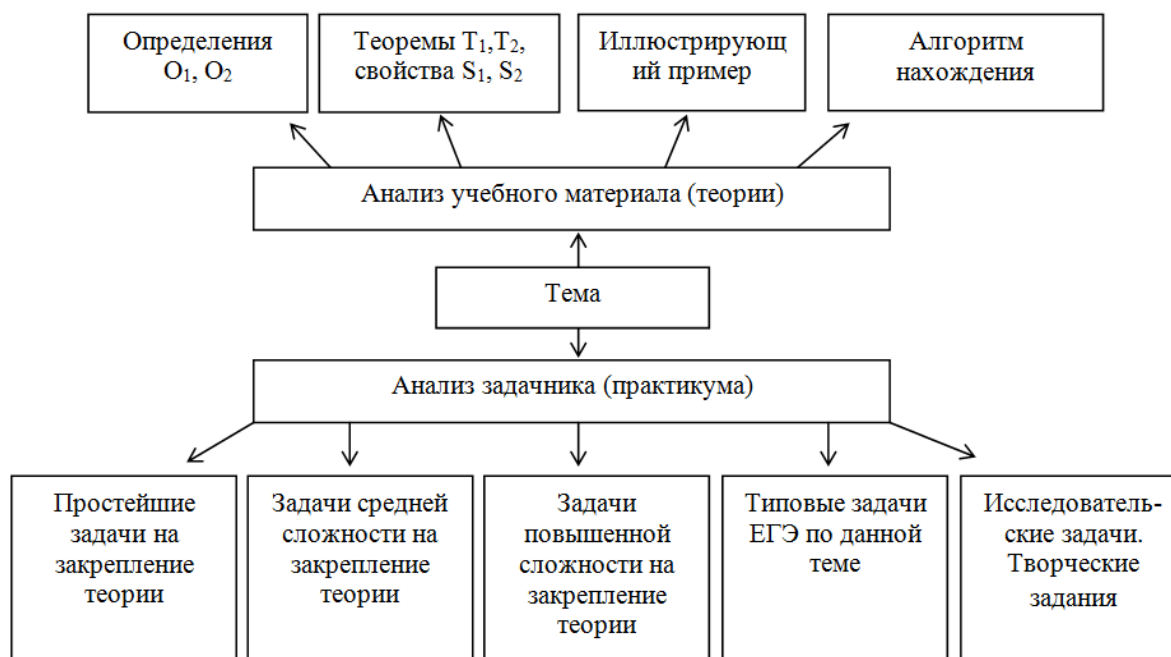

Рис. 5.

Учебники нового поколения активно используют различную символику для обозначения уровня сложности задачи и ориентации учеников на соответствующий тип деятельности при решении задачи (рисуем, делаем модели, вычисляем, исследуем, ищем границы применения данного факта, ищем границы условия задачи, дополняем теорию, планируем и т. д.) [4, с. 178-200].

Если на листе бумаги построить кластер спектра видов деятельности ученика при решении задач, то можно провести методический анализ наполняемости такого кластера по каждому параграфу или по теме. От названия темы, расположенного в центре кластера, к видам деятельности, расположенным на периферии кластера, идут стрелки с указанием номеров задач.

VI. Обоснование мотивации использования кластеров в высшей школе

Если кластеры по математике используются частично в средней школе, то в высшей школе отношение к ним со стороны математиков является скептическим. Можно отметить единичные случаи использования кластеров в процессе преподавания в вузе, хотя в психолого-педагогических дисциплинах систематизация материала с помощью схем активно используется. Обращение к переосмыслению текста воспринимается преподавателями математики в большинстве случаев как потеря рабочего времени.

Многими специалистами отмечается, что уровень математической подготовки в последние годы снижается, поэтому у некоторой части профессорско-преподавательского состава возрастает мотивация использования новых технологий обучения. В связи с уменьшением числа часов на изучение математики возрастает темп изучения дисциплины.

Например, на первой лекции по линейной алгебре и аналитической геометрии нужно изучить две темы – «Матрицы» и «Определители».

В теме «Матрицы» вводятся:

- определения (матрица, элемент матрицы, размер матрицы, главная и второстепенная диагонали матрицы);
- виды матриц (нулевая, верхняя треугольная, нижняя треугольная, диагональная, единичная, квадратная матрица порядка n , противоположная матрица к данной матрице);
- операции с матрицами и их свойства (сложение и вычитание матриц, умножение матрицы на число, умножение матриц).

В теме «Определители» вводятся:

- понятия (определителя второго, третьего и n -го порядков, минор, алгебраическое дополнение),
- различные алгоритмы вычисления определителя;
- свойства определителя.

Одно перечисление этих понятий, свойств и способов вычисления показывает, что освоить такое множество объектов довольно сложно на одной лекции.

Выход состоит в систематизации этого материала не столько в предоставлении готовых схем со стороны преподавателя, а активным привлечением визуального и критического мышлений обучаемого для анализа изучаемого материала.

Построение кластеров по этим темам помогает при работе с текстом в нахождении существенных свойств, которые выделяют нужный объект из рассматриваемого множества. Графическое построение кластера помогает сохранить в памяти причинно-следственные связи от общего понятия к частному понятию. Несколько таких кластеров представлено в статьях [5, 6].

Если в средней школе на уроке вводится одно-два новых понятия, то за один час лекции в вузе вводится значительно больше понятий, свойств и алгоритмов вычисления величин. Мотивация использования кластеров в высшей школе должна быть более высокой и направлена на самостоятельные методы формирования критического мышления, создание опорных сигналов и их обоснование.

Литература

1. Алгебра: Учебник для 9 кл. общеобразоват. учреждений / Ю.Н. Макарычев [и др]; под ред. С.А. Теляковского. М.: Просвещение, 2004. 270 с.
2. Мордкович А.Г., Семенов П.В. Алгебра и начала математического анализа. 10 класс. Ч. 1.: Учебник. М.: Мнемозина, 2008. 424 с.
3. Мордкович А.Г., Семенов П.В. Алгебра и начала математического анализа. 10 класс. Ч. 2.: Задачник. М.: Мнемозина, 2008. 343 с.
4. Совертков П.И. Некоторые направления развития поисковой деятельности учащихся по математике и информатике: Учебное пособие. Сургут: РИО СурГПУ, 2007. 270 с.
5. Совертков П.И., Суханова Н.В. Понятийные и операционные кластеры при обучении математике // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут: СурГПУ, 2013. № 3(24). С. 172-181.
6. Совертков П.И., Суханова Н.В. Сюжетные и алгоритмические кластеры для расширения принципа наглядности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут: СурГПУ, 2013. № 6(27). С. 102-113.
7. Шаталов В.Ф. Учить всех, учить каждого // Педагогический поиск. М.: Педагогика, 1987. С. 141-204.

УДК 811.111:33

*Г.А. Апалькова, Г.О. Хан***ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ
ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ
АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ**

Аннотация: В статье представлены вопросы практического формирования профессиональной компетентности студентов высшей профессиональной школы на материале лексики в области менеджмента, через использование базы освоенной лексики и знаний общепотребительных грамматических структур английского языка.

Ключевые слова: профессиональный английский язык, компетентностно-деятельностные технологии, экономика туризма.

*G.A. Apalkova, G.O. Khan***FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE FOR STUDENTS OF
ECONOMIC DIRECTION BY MEANS OF SPECIAL ENGLISH
VOCABULARY STUDYING**

Abstract: The article is devoted to some practical questions of the professional competence formation for the University students of Economic direction by means of Management special English vocabulary studying on the base of General English lexis and grammar use.

Key words: English for Specific Purposes, Competence-Technology activities, tourism economy.

Современный Казахстан стремительно врывается в мировое сообщество и ставит перед собой важную задачу активной интеграции в него. Именно в этом ракурсе стоит рассматривать и вопросы изучения иностранных языков, качественное знание которых есть сегодня не самоцель, а требование времени.

Войти в число 50-ти наиболее развитых стран и двигаться в этом направлении дальше – задача на многие годы вперед. Это означает, что надо общаться с представителями других стран на одном языке и решать с ними общие проблемы. Расширение внешнеэкономических связей ставит перед вузами страны новые цели при подготовке бакалавров и магистров со знанием английского языка в различных профессиональных областях.

Что касается таких направлений, как «Менеджмент в туризме», «Государственное управление», «Управление персоналом», то знание одного или нескольких языков не только залог успеха, но и неотъемлемая часть профессии. Появление в Казахстане направления «Менеджмент» обусловлено ходом процесса экономического развития. Менеджер – профессиональный управленец, который способен проявить себя в любой учрежденческой структуре организации и в любой отрасли ее деятельности.

Одной из ключевых составляющих профессиональной компетентности, безусловно, является владение иностранным языком, необходимое для эффективного решения профессиональных задач. Для того чтобы выпускник впоследствии успешно адаптировался

и реализовался в трудовом коллективе, где требуется свободное владение иностранным языком, необходимо построить учебный процесс таким образом, чтобы будущий специалист практически свободно владел устной и письменной иноязычной речью.

Таким образом, целью образовательной деятельности высшей школы стало повышение образовательных результатов, то есть повышение качества образования. Образовательный результат высшей школы предполагает развитие навыков и компетенций выпускника в тесной связи с социальной, политической, коммуникативной и общекультурной компетенциями. Более того, образовательный результат вуза не является конечным, он должен иметь долгосрочный эффект, который в будущем может выступать как готовность и способность молодых людей, окончивших вуз, нести личную ответственность за собственное благополучие и благополучие общества.

В системе высшего профессионального образования процесс обучения английскому языку традиционно включает, во-первых, обучение общему или базовому английскому (General English) и, во-вторых, профессиональному английскому (ESP – English for Specific Purposes). Обучение в обоих случаях подразумевает формирование всех видов компетенций.

Профессионально ориентированное обучение английскому языку в вузе ставит целью не просто обеспечить студента определенным объемом знаний и набором умений и навыков, но и в соответствии с требованиями образовательных стандартов и нормативных документов учесть его конкретные потребности, исходя из профессиональной направленности той или иной специальности в области английского языка.

В содержание лексического материала, изучаемого в неязыковых вузах на соответствующих направлениях подготовки, входит освоение лексических единиц, являющихся современными профессиональными терминами, характерными для различных взаимосвязанных областей: 1) экономика и управление; 2) менеджмент организаций; 3) стратегический менеджмент; 4) маркетинг; 5) управление человеческими ресурсами; 6) логистика; 7) информационные технологии в управлении. Используя базу освоенной профессиональной терминологической лексики и знания общеупотребительных грамматических структур английского языка, требуется активизировать умения и навыки за счет тренировки в различных видах речевой деятельности: чтения с целью поиска информации, диалогической и монологической речи профессиональной направленности, элементов устного и письменного перевода.

Преподаватель английского языка в рамках учебной программы должен построить обучение на основе конкретных профессионально значимых для студентов целей и задач, подобрать соответствующую методику и организовать тематический материал, развивать навыки и умения, непосредственно необходимые студентам для будущей профессиональной деятельности.

Функциональным компонентом компетентностно-деятельностной технологии обучения является система упражнений для формирования коммуникативных умений в иноязычной профессиональной сфере деятельности.

В нашей практике мы использовали разработанное нами учебно-методическое пособие "English for Students-Tourists", в котором опирались на комплекс упражнений, направленный на формирование умений извлекать лингвистическую, содержательную, смысловую информацию и оперировать приобретенными компетенциями в профессиональной сфере общения [1, с. 17-19]. Целью ставилась необходимость проследить последовательность выполнения комплекса упражнений, выяснить продуктивность их применения, рациональность использованного времени.

Предложенная система упражнений условно разделена на 5 групп [2]:

- Pre-Reading Activities;
- In-Text Activities;
- Text Vocabulary Activities;
- Specialty Vocabulary Activities;
- New Knowledge Application Activities.

- Complete the following passage with suitable verbs from the list below;
- Replace the words in italics in the following sentences with phrasal verbs from the box below.

Дальнейшее развитие профессиональных навыков в указанной сфере связано с упражнениями четвертой группы – "Specialty Vocabulary Activities". Данная группа упражнений представляет собой языковые упражнения на соотнесение лексических единиц с определением, на заполнение пропусков, дифференциацию понятий и др. К этой группе также относятся упражнения на перифраз, на смысловой выбор суждений, вопросно-ответные упражнения. На этом этапе усвоения профессиональной лексики продуктивно использовать аутентичные диалоги для презентации специальной терминологии. Примеры заданий данной группы упражнений следующие:

- Match the concepts with the appropriate explanations;
- Choose the phrase A, B or C which best completes each sentence;
- Match the terms in the left column with the definitions in the right column;
- Look the extract and answer the following questions;
- Read the dialogue, insert the missing words.
- The following phrases are from two sections of the Balance Sheet: Assets and Liabilities. They are all mixed up. Put them in the correct order.

Упражнения пятой группы – "New Knowledge Application Activities" – выполняются на заключительном этапе работы над профессиональной лексикой и носят коммуникативный характер. Эта группа упражнений имеет своей целью развитие умений и навыков использования усвоенного языкового материала в реальных формах профессионального общения. Упражнения данного типа имеют речевую задачу и ситуативную соотнесенность.

Примеры упражнений: составление тезисов на основе полученной информации, классификация фактов, подбор аргументов, дискуссии, проектные задания, ролевые игры, упражнения на решение проблемных задач и ситуационный анализ.

На наш взгляд, на данном этапе работы следует уделить особое внимание организации интенсивной самостоятельной работы студентов (аудиторной и внеаудиторной). В этом русле метод проектов и ролевых игр, ориентированный на самостоятельную деятельность обучающихся, является продуктивной технологией, способствующей формированию иноязычной профессиональной компетенции будущих экономистов. Самостоятельный поиск информации, использование Интернета, свободный режим работы позволяют развивать устную речь студентов и помогают им реализовать свой творческий потенциал.

- Read the text and find out a number of important issues for the accounting profession, discuss with your friends the importance of the accounting profession.
- Scan through the text and explain "What does the Balance Sheet show?", "What does the Income Statement show?".
- Study the table "Balance Sheet" and explain what Assets are; what Liabilities are. Draw the major sections of the Balance Sheet.
- Make a presentation of the company's Income Statement.

Практика работы показала коммуникативную направленность и продуктивность предложенной системы упражнений, что способствует формированию иноязычной профессиональной компетентности обучаемых. Режим работы, виды упражнений, временные рамки, последовательность выполнения заданий выбирается каждым преподавателем индивидуально в соответствии с языковым материалом, способностями и личностными качествами студентов. Критериями для оценки сформированности профессионально-коммуникативной компетенции могут стать:

- умение задавать вопросы и четко формулировать на них ответы;
- способность адаптировать свои высказывания;
- активно обсуждать идеи профессиональной направленности;
- комментировать высказывания собеседников и давать им критическую оценку.

Литература

1. Апалькова Г.А. English for Students-Tourists: Учебно-методическое пособие. Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ им. С. Аманжолова, 2011. 60 с.
2. Сорокина О.А. Теоретические аспекты проблемы формирования профессиональной направленности будущих переводчиков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Специальный выпуск. Кострома: Издательство КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. С. 101-103.
3. Dudeney G., Hockly N. How to teach English with technology. Pearson – Longman Ltd., 2007. P. 53-57.

УДК 371.3

Ю.В. Брылеева

МЕТОД ПРОЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам профессиональной подготовки будущих учителей истории. Выделяется метод проектной деятельности, являющийся основой развития практического мышления студентов. Отмечено использование компьютерных технологий, расширяющих возможности проектной методики.

Ключевые слова: методика школьного исторического образования, инновационные технологии, метод проектов.

J.V. Bryleeva

PROJECT METHODOLOGY IN MODERN PEDAGOGIC ACTIVITY

Abstract: The article is devoted to the extremely important question of future history teachers' professional development. It considers the project activity method as a foundation for the students' practical thinking. It highlights the use of computer technology which enhances the project methodology.

Key words: methodology of school historical education, innovative technologies, method of projects.

Ежегодно в ХМАО – Югре проводятся конференции, выставки с участием представителей Министерства образования и науки РФ, Правительства и Думы автономного округа, Департамента образования и молодежной политики Югры, педагогической общественности.

Главной целью подобных мероприятий является выработка основных направлений реализации государственной образовательной политики. Итоги работы образовательного сообщества отмечают необходимость перехода на новые согласованные и скоординированные модели образовательной деятельности на каждой ступени образования. Важность осуществления нововведений неоспорима, ведь традиционно профессиональное образование является основным источником формирования квалифицированных кадров для региональной экономики.

Обозначенная работа отражена в целевой программе «Новая школа Югры на 2010-2015 годы» [4].

В данной связи одним из требований, предъявляемых в образовательной среде к подобным программам, является ориентирование ее, прежде всего, на формирование конкурентоспособной личности, свободно формирующейся в быстро меняющихся социально-экономических, политических, жизненных условиях.

Не вызывает сомнения важность подготовки подрастающего поколения, при которой среднюю школу оканчивали бы уже образованные интеллектуальные личности, обладающие знанием основ наук, общей культурой, умением самостоятельно и гибко мыслить, творчески решать жизненные и профессиональные вопросы.

Школа должна формировать людей с новым типом мышления, компетентных, инициативных, творческих личностей. Следовательно, необходимы изменения, в том числе и в методике школьного исторического образования.

Прежде всего, необходимо работать над методами перевода теоретического знания в плоскость решения педагогических проблем. Студенты, усвоив теоретические знания на лекциях и семинарах, приходя на практику, просто копируют подобные формы занятий на уроках, что вызывает сложности в понимании и усвоении материала учениками.

По мнению В.С. Лазарева, весь «процесс профессионального становления будущего учителя должен по возможности моделировать структуру педагогической деятельности. Таким образом, необходимо придать процессу обучения практико-ориентированный характер, увязывать усваиваемые знания с реальными школьными проблемами, чтобы студенты теоретические знания воспринимали через призму практических проблем» [2]. На сегодняшний день школьная практика показывает, что студенты, имея в целом хорошие теоретические знания в области педагогики, психологии, методики, испытывают трудности при их применении в учебно-воспитательном процессе.

В создавшихся условиях необходимы разработка и применение разнообразных инновационных технологий.

Наиболее подходящим к поставленным требованиям к навыкам и умениям выпускников школ выделяют метод проектов в сочетании с использованием информационных технологий. Успешная реализация проектной работы становится возможной благодаря программе «Новая школа Югры», предполагающей создание школьных локальных вычислительных сетей (из каждого кабинета будет выход в сеть Интернет); приобретение интерактивных комплексов.

В настоящее время метод проектов претерпел определенные изменения. Его главной задачей является стимулирование интереса ребят к определенным проблемам; он предполагает владение некоторой суммой знаний и предусматривает через проектную деятельность решение этих проблем, умение практически применять полученные знания, а также развитие практического мышления [3].

Необходимо, чтобы студенты не просто решали конкретные практические задачи проектным методом, а уже на первых этапах профессионально образования усвоили способы поставки проблемы, поиска ее решения, планирования способов достижения результата, целеполагания, оценки достигнутых результатов.

Метод проектов ориентирован на самостоятельную работу учащихся: индивидуальную, парную, групповую, которую учащиеся выполняют в течение определенного отрезка времени. Значительно расширяет возможности проектной методики использование компьютерных технологий. Это представление результатов работы в мультимедийной презентации, разработка компьютерной модели того или иного процесса, явления. Особенно результативна такая работа при изучении культуры, быта определенных периодов. Эффективность такого обучения обусловлена тем, что современному ученику намного интереснее воспринимать информацию, оформленную динамичным видео- и звуковым рядом.

Таким образом, педагогические технологии в сочетании с современными информационными технологиями позволяют добиться решения основной задачи подготовки выпускников: развивать практическое мышление и способности, обеспечивающие человеку возможность адекватно понимать ситуации, возникающие в жизнедеятельности; ставить цели практических действий, планировать их достижение; принимать решения в ходе выполнения действий, прогнозировать и оценивать их возможные последствия.

Литература

1. Загвоздина, С.А. Методолгическая культура учителя: систематизация понятий // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 177-179.
2. Лазарев В.С. Концептуальная модель формирования профессиональных умений у студентов // Вестник СурГПУ. 2011. № 2. С. 5-14.
3. Носова Л.Н. Развитие личности будущего учителя как субъекта педагогической деятельности // Вестник СурГПУ. 2013. № 3. С. 139-143.
4. Окружная целевая программа «Новая школа Югры». URL: <http://www.admsurgut.ru/state.php> (дата обращения: 13.05.2014).

УДК 378.17

Н.Л. Лыцова

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация: Проведена комплексная оценка состояния здоровья студентов высшей школы. Исследование проводилось на базе Института биологии Тюменского государственного университета трижды в межсессионные периоды. У обследованных студентов выявлена высокая распространенность основных поведенческих факторов риска, подрывающих здоровый образ жизни. Биохимические показатели липидного и углеводного обменов сыворотки крови обследованных студентов имели четкую сезонную направленность. На основании проведенного анализа полученных данных для улучшения здоровья студенческой молодежи были проведены беседы со студентами по коррекции питания и образа жизни.

Ключевые слова: здоровье, студенты, сезон.

N.L. Lystsova

COMPLEX ASSESSMENT OF THE STUDENTS' HEALTH IN HIGHER SCHOOL

Abstract: The article highlights a complex assessment of the students' health in a higher school. The research has been conducted three times during the intercessional periods in the Institute of Biology, Tyumen State University. The surveyed students revealed a high prevalence of major behavioral risk factors undermining the healthy way of life. The biochemical indices of the lipid and carbohydrate exchanges of the surveyed students' blood serum had a clear seasonal trend. On the basis of the received data's analysis there were some conversations about the diet and lifestyles' correction in order to improve students' health

Key words: health, students, season.

Здоровье студентов является необходимым условием приобретения профессиональных знаний. Успешная подготовка высококвалифицированных кадров, обеспечивающих устойчивость экономического развития государства, тесно связана с сохранением и укреплением здоровья, повышением работоспособности студенческой молодежи [9].

Обучение в высшей школе на современном этапе является сложным и длительным процессом, требующим огромных затрат внутренней энергии, физических усилий и эмоциональной устойчивости. Вместе с тем все возрастающие требования к уровню подготовки специалистов высшего звена обусловлены увеличением потока научной информации, внедрением инновационных образовательных технологий, наличием напряженного режима дня. Все это приводит к интеллектуальным и психосоматическим перегрузкам: повышается психоэмоциональная напряженность, истощаются адаптационные резервы организма, возрастает вероятность возникновения заболеваний. Кроме того, экономические трудности нашей страны, повсеместное ухудшение экологической обстановки не могут не отразиться на образе жизни и состоянии здоровья студентов [5; 10].

Одной из наиболее важных проблем обучения в современном мире является адаптация организма студента к учебным нагрузкам. Адаптация к ряду неблагоприятных

воздействий учебного процесса, специфичных для высшей школы, сопровождается значительным напряжением компенсаторно-приспособительных систем организма студентов, которое может быть усилено действием природно-климатических факторов. Действие этих факторов часто приводит к срыву адаптации и развитию патологических функциональных отклонений и заболеваний [3].

Анализ научных работ по проблемам здоровья студенческой молодежи и факторам риска развития заболеваний подтверждает необходимость углубленного исследования состояния здоровья студентов для прогнозирования и разработки комплекса мер по сохранению и оптимизации здоровья одной из представительных групп молодежи страны.

Цель работы – оценить состояние здоровья студентов в высшей школе.

Материалы и методы исследования.

Обследованы студенты Тюменского государственного университета (ТюмГУ) Института биологии в межсессионные периоды, в рамках программы «Университет здорового образа жизни». Данная программа реализуется на основании решения Ученого Совета ТюмГУ от 27.02.2006 г. и приказа №330 Минобразования России от 05.05.2002 г. Целью программы явилось создание и реализация в образовательном пространстве университета системы формирования здорового образа жизни, обеспечивающей становление профессионально компетентной, социально активной, нравственно устойчивой, психически и физически здоровой личности. В рамках реализации данной программы ТюмГУ является бессменным победителем Всероссийского конкурса учреждений высшего профессионального образования и призером Всероссийского публичного смотра-конкурса «Вуз здорового образа жизни» (Иваново, 2010; Воронеж, 2011). В конкурсе РАО-2010 за инновационную программу «Университет здорового образа жизни» ТюмГУ завоевал медаль «Элита российского образования». В 2011 году университет стал победителем Всероссийского смотра-конкурса «Лучший университет России по организации физкультурно-спортивной работы среди студентов» [6].

Проведено исследование оценки состояния здоровья студентов-биологов в различные сезоны года, трижды. Первое обследование было проведено в осенний период (в конце сентября – начале октября 2010 года), второе – в зимний период (февраль 2011 года), третье – в весенний (май 2011 года).

Обследовано 250 студентов очной формы обучения юношеского возраста (62 юноши и 188 девушек: 25% и 75%). Из общего количества выделили группу студентов, которую динамично наблюдали в течение одного учебного года. В исследовании приняли участие 30 студентов. Средний возраст составил $19,79 \pm 1,45$ лет. В соответствии со статьями 30-34, 61 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.07.1993 г. № 5487-1, статьями 18, 20-22, 28, 41 Конституции РФ все студенты подписали добровольное письменное согласие на выполнение диагностических исследований и, в соответствии с требованиями статьи 9 Федерального закона от 27.07.2006 г. «О персональных данных» № 152-ФЗ, согласие на обработку персональных данных. На момент исследования никто не предъявлял жалоб на ухудшение состояния здоровья. Обследование студентов носило скрининговый характер.

У всех студентов в утренние часы измеряли вес, рост, систолическое и диастолическое артериальное давление (САД, ДАД) по методу Короткова, частоту сердечных сокращений (ЧСС) по пульсу. Уровень здоровья определяли по скрининговой методике Р.М. Баевского с соавт. [1], которая предполагает определение индекса адаптивных функциональных изменений (ИФИ) сердечно-сосудистой системы (ССС). За удовлетворительную адаптацию принимали $ИФИ < 2,59$ ед. за напряжение механизмов адаптации $2,6 < ИФИ < 3,9$ ед., за неудовлетворительную адаптацию $3,10 < ИФИ < 4,49$ ед., за срыв адаптации $ИФИ > 4,5$ ед. [1]. По данным антропометрии рассчитали индекс массы тела (ИМТ) по формуле: $ИМТ = \text{вес(кг)} / \text{рост(м}^2\text{)}$. По классификации ВОЗ (1997) ИМТ в пределах до 25 кг/м^2 расценивали как нормальную массу тела, ИМТ в пределах от

25 до 29,9 кг / м² как избыточную массу тела, или предожирение, в пределах от 30 до 34,9 кг/ м² как ожирение II степени, от 40 кг/м² и выше как ожирение III степени (морбидное). Забор венозной крови производили в утреннее время для количественного определения параметров углеводного и липидного обменов. Определение глюкозы (ГЛ), общего холестерина (ОХС), триглицеридов (ТГ) в сыворотке крови проводили энзиматическим колориметрическим методом; холестерина липопротеина высокой плотности (ЛПВП) и холестерина липопротеина низкой плотности (ЛПНП) – прямым энзиматическим колориметрическим методом; методом иммунотурбидиметрии были получены концентрации аполипопротеинов А1 и В (АпоА1 и АпоВ). Методом прямого опроса у студентов выясняли их самооценку образа жизни.

Статистическую обработку данных проводили при помощи пакета прикладных программ Statistica (SPSS Inc, ver 11.5). Для проверки гипотезы о нормальности распределения применялся критерий Колмогорова–Смирнова. Для обнаружения различий количественных переменных нормального распределения использовали t-критерий Стьюдента и непараметрический критерий Манна–Уитни, для сравнения качественных и количественных величин, не являющихся нормальными. Динамичное сравнение полученных данных между собой проводили с помощью критерия Вилкоксона для парных измерений. Данные представлены в виде $M \pm SD$: «среднее значение $\pm$ средне-квадратичное отклонение». Вероятность того, что статистические выборки достоверно отличались друг от друга, выявляли при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

Здоровье студенческой молодежи имеет существенное социальное значение. Так, изучение медицинских карт студентов с результатами медицинских обследований, проводимых врачами-специалистами в Медико-санитарной части ТюмГУ, выявило высокую встречаемость различных заболеваний, имеющих хроническую форму: хронический гастрит, хронический тонзиллит, вегето-сосудистая дистония, нарушение осанки, миопия.

На формирование здоровья студенческой молодежи в процессе обучения влияет множество факторов. В реальных условиях обучения и быта на здоровье студентов в большей степени влияют их субъективные, личностные характеристики, такие как двигательная активность, избыточная масса тела, наличие или отсутствие вредных привычек, режим питания. Анализ самооценки образа жизни обследованных показал, что у студентов (52% обследуемых) в течение учебного года наблюдалась низкая физическая активность, что свидетельствует о гиподинамии у большей части студентов. Избыточную массу тела имели 17% студентов. Курение одной сигареты в день и более выявлено у 20% студентов. Оценка характера питания выявила несвоевременное употребление пищи, в основном в вечернее время, и несбалансированность употребляемой пищи, в основном богатой углеводами. Однообразное меню, повторяемость употребления одних и тех же продуктов, частое отсутствие полноценного обеда (закуски, горячий суп, вторые блюда), прием пищи «на ходу», всухомятку – все это свидетельствует о наличии комплекса неблагоприятных факторов, негативно воздействующих на состояние здоровья и нарушающих здоровый образ жизни молодежи [4].

Рост и масса тела являются важнейшими характеристиками морфофункционального статуса человека на протяжении всей его жизни. Рост является основным маркером наследственности и скорости ростовых процессов, при этом длина тела отражает индивидуальную реактивность на сумму экзогенных воздействий. Масса тела зависит от ряда факторов, таких как конституциональные особенности, питание, обменные процессы, двигательная активность, функциональное состояние, климатогеографические особенности. Оценка антропометрических данных показала, что у юношей имели место достоверно более высокие показатели роста и веса, чем у девушек. В осенний период у юношей и девушек рост и вес составляли следующие данные: $180,6 \pm 4,7$ см и $164,1 \pm 6,6$ см, $p < 0,001$ и $70,6 \pm 7,2$ кг

и $57,8 \pm 7,9$ кг, $p < 0,001$. В зимний период – рост: $180,5 \pm 4,8$ см и $164,1 \pm 6,5$ см, $p < 0,001$, соответственно; вес: $71,6 \pm 7,2$ кг и $58,9 \pm 9,0$ кг, $p = 0,001$, соответственно. В весенний период – рост: $179,6 \pm 4,5$ см и $164,4 \pm 6,2$ см, $p < 0,001$, соответственно; вес: $69,6 \pm 7,7$ кг и $58,2 \pm 8,8$ кг, $p = 0,003$, соответственно. Сравнительная оценка антропометрических данных при динамичном исследовании студентов не имела достоверных различий, но у юношей наблюдали тенденцию к снижению веса и роста к концу года обучения, а у девушек, наоборот, тенденцию прибавки веса и роста по сравнению с началом года обучения [4]. Приводя антропометрические данные, мы оцениваем влияние эндогенных (физических) факторов на формирование состояния здоровья [3].

Важнейшим звеном в адаптационных перестройках организма и объективным критерием течения адаптации является изменение уровня функционирования ССС. ССС реагирует на малейшие изменения потребности отдельных органов и систем, обеспечивая согласованность кровотока с их гемодинамическими параметрами на организменном уровне. Именно ССС является универсальным индикатором изменений состояния организма, как адаптационно-приспособительная деятельность целостного организма [5]. Оценка показателей функции ССС студентов выявила мобилизацию приспособительных реакций системы кровообращения как у девушек, так и у юношей в виде учащения ЧСС относительно возрастной нормы. В конце учебного года ЧСС у девушек была достоверно выше, чем у юношей ($90,4 \pm 15,0$ и $82,0 \pm 6,8$ уд/мин, соответственно). Динамичное исследование ЧСС, САД, ДАД у юношей выявило направленность к увеличению этих параметров к концу года по сравнению с началом года обучения, в середине года (в зимний период) наблюдали наибольшие значения этих показателей. Для девушек данный анализ представлен иначе: наибольшие величины САД и ДАД и наименьшее значение ЧСС характерны в середине года обучения, а к концу учебного года наблюдали тенденцию к снижению показателей, по сравнению с началом года обучения (табл. 1) [4].

Таблица 1

Функциональные показатели сердечно-сосудистой системы студентов (n=30)

пол	юноши			девушки		
	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)
ЧСС, уд/мин	$81,8 \pm 14,7$	$87,0 \pm 17,4$	$82,0 \pm 6,8^*$ $p = 0,05$	$94,0 \pm 15,7$	$88,6 \pm 13,3$	$90,4 \pm 15,0$
САД, мм рт ст	$116,3 \pm 14,1$	$121,3 \pm 9,5$	$117,5 \pm 7,1$	$110,5 \pm 8,8$	$113,4 \pm 9,5$	$108,1 \pm 13,2$
ДАД, мм рт ст	$77,5 \pm 8,5$	$78,1 \pm 7,5$	$78,8 \pm 3,5$	$72,1 \pm 8,0$	$73,3 \pm 8,7$	$73,2 \pm 12,0$

Примечание: n – количество студентов, * – достоверность различий в зависимости от пола.

Интегральным показателем, отражающим функциональное состояние организма, является ИФИ, который учитывает данные ЧСС, САД, ДАД, возраст, массу тела и рост. Расчетный показатель ИФИ показал, что у 97 % студентов имел место удовлетворительный уровень адаптации и только у 3% – напряжение механизмов адаптации. По мнению Р.М. Баевского с соавт., состояние адаптивности организма напрямую коррелирует с уровнем здоровья [1]. Мы сочли возможным по величине ИФИ сделать заключение о состоянии здоровья студентов, принимая за основную гипотезу факт лучшего здоровья у студентов с удовлетворительным состоянием ИФИ; его увеличение расценивали как тенденцию к ухудшению состояния здоровья. Среднее значение уровня

здоровья группы студентов в начале года соответствовало $2,20 \pm 0,25$ ед., в середине года – $2,25 \pm 0,28$ ед. и в конце года – $2,19 \pm 0,35$ ед. Динамика уровня здоровья в зависимости от периода имела следующую направленность: у юношей наблюдали увеличение функциональных возможностей в сторону напряжения механизмов адаптации к концу года (весна), пик приходился на середину года обучения (зимний период); у девушек: пик увеличения ИФИ также приходился на зимний период, но весной набралась тенденция к снижению этого параметра, по сравнению с осенью (табл. 2) [4]. Таким образом, было обнаружено наличие более адекватной мобилизации адаптивных возможностей у девушек к концу года обучения.

Таблица 2

Уровень здоровья студентов (n=30)

пол	юноши			девушки		
	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)
ИФИ, ед	$2,17 \pm 0,25$	$2,32 \pm 0,34$	$2,21 \pm 0,13$	$2,21 \pm 0,26$	$2,23 \pm 0,23$	$2,18 \pm 0,41$

Примечание: n – количество студентов, * – достоверность различий в зависимости от пола.

Углеводы являются основными поставщиками энергии в организме, в том числе почти единственным источником энергии для деятельности головного мозга. В сыворотке крови, среди углеводов в наибольшем количестве представлена глюкоза. Она является ценнейшим питательным веществом для большинства клеток организма. 60% энергии, расходуемой организмом, выделяется за счет окисления глюкозы. Среднее содержание ГЛ в сыворотке крови обследованных студентов не выходило за границы рекомендуемых значений (норма 3,5-5,5 ммоль/л). Наибольшую концентрацию глюкозы, как у юношей, так и у девушек, наблюдали в весенний период, по сравнению с зимним ($p < 0,05$) и осенним ($p < 0,001$) периодами обследования (табл. 3).

Таблица 3

Концентрация глюкозы в сыворотке крови студентов (n=30)

пол	юноши			девушки		
	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)
Глюкоза ммоль/ л	$4,37 \pm 0,54$ #(1-3) $p < 0,001$	$4,55 \pm 0,58$ #(2-3) $p < 0,05$	$4,98 \pm 0,54$	$4,35 \pm 0,46$ #(1-3) $p < 0,001$	$4,56 \pm 0,48$ #(2-3) $p < 0,05$	$4,97 \pm 0,70$

Примечание: n – количество студентов, p – достоверная разница, # – достоверность различий в зависимости от сезона обследования.

Все липиды сыворотки крови являются транспортными формами жирных кислот. Физиологические функции липидов важны и многообразны. Холестерин (ХС) и фосфолипиды (ФЛ) являются основными компонентами мембран клеток. Их биологическая роль заключается в том, что они, являясь фактором краткосрочной адаптации клеток к изменениям условий окружающей внешней и межклеточной среды, осуществляют регуляцию постоянства физико-химических параметров плазматической мембраны клеток. Триглицериды (ТГ) представляют собой форму депонирования энергии, служат основным поставщиком и источником макроэнергических связей. В кровяном русле липиды транспортируются в ассоциации со специфическими транспортными белками –

аполипротеинами (АпоЛП) в составе макромолекулярных комплексов липопротеинов (ЛП), формируя сложную липидтранспортную систему (ЛТС) [8]. Изучение параметров липидного обмена в зависимости от сезона года показало, что концентрация общего холестерина и его фракций, а также триглицеридов и аполибелков в сыворотке крови обследованных студентов не выходила за пределы референсных значений (по данным рекомендации ВНОК, 2009) [2]. Весной уровень ОХС, ЛПВП, ЛПНП, ТГ и аполибелков был минимальным по сравнению с другими сезонами обследования. Наряду с этим у всех обследованных юношей и девушек в весенний период уровень аполипротеина В, транспортного белка липидов, находился на более низком уровне по сравнению с осенним и зимним периодами обследования (табл. 4).

Таблица 4

Показатели липидного обмена студентов (n=30)

пол	юноши			девушки		
	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)	1 (осень)	2 (зима)	3 (весна)
ОХС ммоль/л	3,76±0,42	3,81±0,81	3,66±0,63	4,16±0,78	4,29±0,87	4,09±0,78
ТГ ммоль/л	1,04±0,38	1,17±0,28	0,99±0,42	0,91±0,49	0,91±0,38	0,84±0,33
ЛПВП ммоль/л	1,47±0,28	1,49±0,28	1,44±0,25	1,58±0,49	1,61±0,39	1,54±0,29
ЛПНП ммоль/л	1,92±0,39	1,83±0,47	1,75±0,54	2,10±0,67	2,08±0,64	2,06±0,66
АпоА1 мг/дл	166,3±24,2	168,1±16,3	156,4±20,8	169,6±33,3	168,6±26,7	167,1±29,3
АпоВ мг/дл	61,1±12,3 #(1-2, 3) p=0,037	54,2±9,1	53,4±12,3	66,9±17,9 #(1-3) p=0,02	63,0±18,2	57,0±19,9

Примечание: n – количество студентов, p – достоверная разница, # – достоверность различий в зависимости от сезона обследования

Биохимические показатели обследованных студентов свидетельствует о переключении энергетических процессов с жирового на углеводный обмен в весенний период [10].

На основании полученных данных можно сделать заключение, что анализ самооценки образа жизни обследованных показал наличие комплекса неблагоприятных факторов, негативно воздействующих на состояние здоровья и нарушающих здоровый образ жизни молодежи. Показатели липидного и углеводного обменов студентов имеют четкую сезонную организацию. Для улучшения здоровья студенческой молодежи были проведены беседы со студентами по коррекции питания и образа жизни.

Литература

1. Баевский Р.М., Берсенева А.П. Оценка адаптивных возможностей организма и риска развития заболеваний. М.: Медицина. 1997. 235 с.
2. Диагностика и коррекция нарушений липидного обмена с целью профилактики и лечения атеросклероза. Российские рекомендации Всероссийского научного общества

кардиологов (IV пересмотр) // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2009. № 8(6). Приложение 3. 19 с.

3. Кожевников Н.Г., Катаева В.А. Гигиенические аспекты формирования здорового образа жизни студентов // Гигиена и санитария. 2011. № 6. С. 48-51.

4. Лыцова Н.Л., Соловьев В.С., Лепунова О.Н. Оценка состояния здоровья студентов в течение учебного года в высшем учебном заведении // Формирование культуры здоровья как основы развития здоровой личности в условиях инновационного образовательного процесса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием Тюмень, 27-28 апреля 2012 / Под редакцией доктора биологических наук, профессора Н.Н. Гребневой. Тюмень: Вектор Бук. 2012. С. 59-63.

5. Новак Е.С. Здоровье студенческой молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Вып. 2001. С. 125-132.

6. Официальный сайт ТюмГУ: URL: <http://www.utmn.ru>.

7. Панин Л.Е. Энергетические аспекты адаптации. М.: Медицина. 1978. 192 с.

8. Творогова М.Г. Липиды и липопротеины. Лабораторная диагностика нарушений липидтранспортной системы // Клиническая лабораторная диагностика. 2008. № 10. С. 21-32.

9. Шеметова Г.Н., Дудрова Е.В. Проблемы здоровья современной студенческой молодежи и нерешенные вопросы организации лечебно-профилактической помощи // Саратовский научно-медицинский журнал. 2009. Том 5. № 4. С. 526-530.

10. Цатурян Л.Д., Андросова Д.А. Уровень здоровья студентов в современных условиях // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 74. С. 63-69.

УДК 372.882

С.П. Лавлинский, А.А. Хадынская

В «ЛАБИРИНТЕ СЦЕПЛЕНИЙ»: ПО ИТОГАМ РАБОТЫ ШКОЛЫ СЛОВЕСНИКА И ШКОЛЫ ЧИТАТЕЛЯ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы современного литературного образования, а также новая технология преподавания литературы в школе, основанная на коммуникативно-деятельностном подходе, освещенная на курсах повышения квалификации в Сургутском государственном университете. Представлен также материал литературного семинара для школьников, проведенный в рамках указанных курсов.

Ключевые слова: проблемы современного литературного образования, преподавание литературы в школе, новые технологии в современном школьном образовании, коммуникативно-деятельностный подход, анализ и интерпретация произведения.

S.P. Lavlinsky, A.A. Khadynskaya

IN «LABIRINTH OF COHESIONS»: ON THE RESULTS OF PHILOLOGIST SCHOOL AND READERS' SCHOOL

Annotation: The article deals with the problems of contemporary literary education, as well as the new technology of teaching literature at school, based on the communicative activity approach, considered at the professional training course in Surgut State University. It also presents the material of the literary seminar for students, which was held in the framework of this course.

Key words: problems of modern literary education, teaching of literature in school, new technologies in modern school education, communicative activity approach, analysis and interpretation of the piece of art.

Почему «школьники не читают»

... Нужны люди, которые показали бы бессмыслицу отыскивания отдельных мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателем в том бесчисленном лабиринте сцеплений, в котором состоит сущность искусства, и по тем законам, которые служат основанием этих сцеплений.

Лев Толстой

В настоящее время в России существует, казалось бы, переизбыток высказываний о том, как и зачем нужно преподавать литературу в школе. Ими делятся в средствах массовой информации и специалисты, и те, кто в этом ничего не понимает (а таких большинство). Они представлены и в многочисленных программах и учебниках, а с недавнего времени и в недоброкачественных пособиях по подготовке к сдаче ЕГЭ. Существует даже федеральный государственный стандарт по литературе. Однако, за редким исключением, основная часть программных деклараций и чиновничьих инструкций, к сожалению, оторвана от современного уровня литературоведения как гуманитарной науки и от инновационной педагогики, делающей ставку на открытую

коммуникацию субъектов обучения, на их креативный и исследовательский потенциал, а самое главное, тотально отчуждена от *живого читателя*.

Десятилетнее посещение монологических уроков литературы продолжает формировать в обществе своего рода социокультурную дислексию: оно окончательно отбивает у потенциальных и реальных читателей интерес к чтению. Если «глобальная визуализация» является одной из «объективных» причин снижения читательского интереса, то школьная практика авторитарного отношения к литературе и читателю – второй, не менее, а скорее, более существенной. С этим отношением связано сознательное культивирование в образовательном пространстве позиции педагога как исполнителя инструкций и чиновничьих распоряжений, а не творчески мыслящего специалиста-гуманитария. Вспоминается высказывание американского философа и практика образования Джона Дьюи, который почти сто лет назад (!) писал, что в результате подобной подготовки педагогических кадров «интеллект самого учителя оказывается не свободен, будучи ограниченным целями, формулируемыми где-то «наверху»» [2] и не имеющими отношения к сути педагогического дела.

Вздыхать о том, что «сегодня никто из школьников не читает», стало особо популярным в педагогических и родительских кругах. Хотя, как справедливо считает известный французский писатель и педагог Даниэль Пеннак, родители и школа в этом виноваты в первую очередь [4]. Любому здравомыслящему человеку понятно, что давным-давно назрела необходимость коренного пересмотра основ литературного образования, подготовки и переподготовки специалистов в этой области: культура эстетического восприятия и «честного чтения» (А.П. Скафтымов), востребованные современной культурой (но, к сожалению, не государством и российским обществом!), в отечественной школе, за редким и счастливым исключением, не развивается.

Еще в 1990-х гг. в России были предложены альтернативные стратегии освоения литературы в школе, к сожалению, не получившие широкого распространения из-за ригидности и коррумпированности официальных институций, занимающихся «надзором» за гуманитарным образованием. До сих пор наиболее уникальными и научно обоснованными являются концепции и программы, разработанные под руководством ведущих отечественных теоретиков литературы и педагогов Н.Д. Тамарченко и В.И. Тюпы [5; 6]. При всем отличии друг от друга, эти подходы объединяет главная цель, принципиально противопоставляющая их традиционным задачам «усвоения» литературы. Не вдаваясь в детали, отметим, что, в отличие от традиционных, авторы альтернативных концепций связывают их с развитием *культуры читательского восприятия и понимания феноменов литературных произведений прежде всего как явлений искусства. Проблемно-деятельностный* подход к постижению сущности литературы противопоставляется здесь подходу *культурно-информационному* и/или *подчеркнуто назидательному*, репродуктивному по сути своей, исключаяющему активность и соучастность читательских сознаний из процессов реального культурного общения в пространстве современной многоярусной «вавилонской библиотеки» (Х.Л. Борхес).

Основной предмет литературы как школьной дисциплины в альтернативных программах – отдельное произведение, на которое и направлена творческая и исследовательская деятельность читателей. Соответственно *целью обучения* признается *познание «языка» литературы как особого вида искусства, освоение понятий, позволяющих размышлять о произведении* (Н.Д. Тамарченко) и *актуализация определенных эстетических установок восприятия читателя* (В.И. Тюпа). Предполагается, что преемственность такого обучения формирует в сознании школьника эмоционально-ценностные и образно-понятийные (смысловые) представления о постижении сущности предмета и о способах эстетической деятельности, а не подготавливает почву для использования литературы в качестве средства,

обеспечивающего решение всевозможных утилитарных задач: идеологических, откровенно пропагандистских, религиозных и т. п.

Коммуникативно-деятельностный подход к литературному образованию не навязывает готовых схем истолкования произведений, а помогает школьникам и педагогам научиться самостоятельно анализировать текст и интерпретировать его художественный смысл. При соответствующей тренировке словесник начнет находить границы применения современных способов анализа в читательских аудиториях разных возрастов, мастерски организовывать диалогическое общение читателей-собеседников в каждом конкретном случае. Стратегии подхода, о котором идет речь, всегда сосредоточены на преимуществах читательской деятельности, реалистичном отношении к уровню подготовленности школьников – это определяет и материал, и способы работы с ним. Только так, по нашему глубокому убеждению, в современной гуманитарно-педагогической практике возможно образование полноценного читательского бытия, а внутри него формирование позиции культурного читателя XXI столетия [3].

Школа читателя как пространство «развивающего понимания»

Книга – не просто словесное устройство или набор таких устройств; книга – это диалог, завязанный с читателем, интонация, приданная его голосу, и череда переменчивых и несокрушимых образов, запавших ему в память. Этому диалогу нет конца... Ведь книга – не замкнутая сущность, а отношение, точнее, ось бесчисленных отношений. Та или иная литература отличается от другой, предшествующей либо последующей, не столько набором текстов, сколько способом их прочтения.

Хорхе Луис Борхес

Экспериментальной формой осуществления коммуникативно-деятельностных принципов, помимо урока литературы, включенного в расписание, стали для нас семинары Школы читателя – многолетнего проекта, который один из авторов статьи, С.П. Лавлинский вместе со своими студентами начал реализовывать еще в 1999 году. Проект был запущен на базе муниципальной гимназии № 42 г. Кемерово (Школы-лаборатории развивающего образования) и некоторых других школ Кемеровской области. В дальнейшем, в 2000-2010-х гг. он продолжил свое развитие в московском образовательном пространстве – в гимназиях № 45 и № 1538, в некоторых московских частных школах. Кроме этого, семинары Школы читателя проводились в российских школах других городов. Как правило, они шли параллельно курсам Школы словесника, адресованным учителям литературы, чьи ученики и принимали участие в диалогах, проводимых в пространстве Школы читателя.

Модель Школы читателя принципиально альтернативна монологическим способам изучения литературы в российском образовании. Ее можно считать дополнительным «пространством понимания», своего рода «школой коммуникативной дидактики», существующей параллельно и зачастую вопреки системе распространенного беспроблемного обучения. По сути, Школа читателя с самого начала мыслилась как независимый образовательный топос. В нем разрабатываются коммуникативные и организационные условия для осуществления межвозрастной читательской «службы понимания» (С.С. Аверинцев), способы которой в дальнейшем могут переноситься и в учебные аудитории.

Предметно-содержательные цели и задачи Школы читателя связаны с выявлением спектра современных представлений о тексте и произведении (не только литературных, но и кинематографических, живописных, театральных, научных, философских и т. п.) и с определением параметров осмысленного общения читателей.

Образовательные задачи Школы читателя – развитие устойчивого динамизма коммуникативного и критического мышления читателей-собеседников; совершенствование их диалогических представлений о произведении, критериях и способах его воспроизведения, описания, анализа и интерпретации; коллективное и/или групповое моделирование коммуникативных форм читательской деятельности, направленной на познание языка текста и сотворческое «открытие» смысла произведения; комплексная подготовка школьников к участию в олимпиадах и научных конференциях по литературе.

Основные формы общения в Школе читателя – коллективные и групповые коммуникации (диалоги) читателей (школьников, студентов-филологов и учителей-практиков) о культурных текстах (коммуникативно-деятельностные семинары), а также ролевые читательские игры.

Выбор тем встреч и их исследовательская стратегия в значительной степени определяется методологической позицией, сформулированной известным немецким филологом Эрихом Ауэрбахом [1]. Он считал, что посредством самостоятельного грамотного истолкования нескольких мест классических произведений можно узнать больше существенного об их авторах, чем из целых курсов лекций, в которых их жизнь и творчество рассматриваются систематически и в хронологической последовательности. Так в рамках Школы читателя реализуется принцип *минимакса*, наиболее распространенный в современном альтернативном образовании. Своеобразие творческого поведения того или иного автора, отдельных проблем понимания рассматриваются на основе спонтанного восприятия и рефлексивного анализа конкретных текстов (или их фрагментов). Одна из задач Школы читателя – «снять хрестоматийный глянец», упрощающий понимание культуры и полностью сводящий смысл произведений к распространенным ходовым клише, пригодным для использования в «прагматических» целях: формальной сдачи ЕГЭ, написании бездумных сочинений и т. п. Как утверждают участники коммуникативно-деятельностных семинаров, за три дня занятий в Школе читателей они успевают самостоятельно освоить гораздо больше способов понимания произведения, чем на традиционных уроках литературы, проводимых в течение одной четверти.

Перечислим некоторые из многочисленных тем встреч-семинаров в Школе читателя: «Приключение читателя: между текстом и реальностью»; «Приключение читателя в ландшафтах «внутреннего мира»»; «Что такое «смысл художественного произведения»?»; «Путь читателя к автору»; «Классическое художественное произведение и литературный «попс»: откровение автора и игра читателя»; «Опыт читателя и проблема «перевода»»; «Возраст читателя и механизм понимания произведения»; «Воображаемые миры авантюрной фантастики»; «Анатомия «страшной» литературы», «Поэтика детектива: как закручена «Веревка» Хичкока»; ««За» и «против» Закона: преступление и преступник в литературе и кино»; «Схема смеха в произведении»; «Человеческое тело в художественной интерпретации»; «Мастерская слова: природа игровой поэзии»; ««Сцена жизни» в русской драматургии 20 века»; «Тайна «Носа» Гоголя и природа гротеска»; «Текст и музыка в рок-поэзии» и т. п. Каждая из тем и технология семинара, как правило, определяются руководителем и студентами-тьюторами в совместном диалоге с педагогами-филологами и их учениками.

Являясь факультативным (или, как сейчас принято говорить, элективным) образовательным пространством, Школа читателя предлагает учителю и школьникам возможности равноправного читательского диалога: здесь читают, исследуют законы читаемого, определяют границы художественных смыслов, учатся выстраивать рамки исследовательской, студийной и проектной деятельности. Одним словом, культура читателя рассматривается в контексте предлагаемой модели одновременно и узко (читатель как читатель конкретного произведения) и широко (читатель как социальная личность, организующая микро- и макропространства рецептивной, исследовательской,

креативной и проектной деятельности). В этом отношении Школа читателя открыта любой образовательной системе, делающей ставку на диалог, коммуникативное событие и межпредметный контекст (как уже говорилось, помимо литературных текстов, на семинарах Школы читателя обсуждаются произведения живописи, кино, театра и т. п.).

«Тайна «лабиринта сцеплений», или как устроено произведение»: трехдневный семинар Школы читателя и Школы словесника в гимназии «Лаборатория Салахова»

... Мы провели время с пользой, обсудили этические вопросы, вопросы о принципах понимания художественного произведения, будь то кинофильм, театральное представление или литературный текст, а теперь появилось желание не только поглощать, но и отдавать, создавая свое, потому что нам дали поверить в то, что мы это можем, в то, что мы способны сами увидеть тот «лабиринт сцеплений», в котором запутается невидящий и недумаящий.

Анастасия Лукашкина, 10 класс

... Здесь мы создали свой дом, где вечерние кухонные разговоры за чаем превращаются в церемонию инициации с самой сутью вещей, в сакральный обряд интеграции с миром незаметных непосвященному тайн, с той частью умозрительной реальности, которая приоткрывает свои шторы, зазывая в свой пленительный омут.

Екатерина Постникова, 10 класс

Семинары Школы читателя, проведенные 26-28 марта 2014 г. в гимназии «Лаборатория Салахова» г. Сургута, шли параллельно занятиям Школы словесника – курсам для словесников, на которых рассматривались проблемы современного литературного образования. Именно поэтому очень хотелось сконцентрировать внимание коллег на некоторых продуктивных формах работы с читательской аудиторией школьников и показать, как могут формироваться деятельностные позиции участников в ходе коллективного и группового общения.

Школа словесника работала в рамках курсов повышения квалификации «Теория и практика современного литературного образования» на базе Регионального центра дополнительного профессионального образования при Сургутском государственном университете.

Надо отметить, что прообразом этих курсов стал гуманитарный семинар, организованный Сургутским государственным университетом в 2011 году в лице А.А. Хадынской на базе гимназии «Лаборатория Салахова», о чем уже писал наш журнал [7]. Тогда же, по запросам педагогов, сформировались цели и задачи будущих курсов.

Целью программы, таким образом, стало практическое освоение инновационных техник современного литературного образования (от начальной школы до старших классов). *Задачи* же определились следующие:

- прояснить место литературного образования в современном социокультурном контексте;
- определить профессиональные компетенции современного учителя литературы;
- обозначить механизм взаимосвязи между культурным развитием читателя-школьника и становлением литературы как вида искусства;
- практически освоить как способы анализа литературного произведения, так и коммуникативные формы организации учебной и внеклассной деятельности читателей (студийная, исследовательская, проектная работа школьников);
- прояснить перспективы развития отечественного литературного образования.

Приоритетными формами учебной коммуникации стали теоретические мини-лекции, методические семинары-практикумы, эксклюзивные тренинги по анализу художественного текста, проектная деятельность и групповая рефлексия ее результатов. В рамках курса выделяются четыре образовательных пространства, определяющие логику

позиционной деятельности обучающихся: научный лекторий, тренинг-класс, гуманитарно-педагогический клуб, проектная лаборатория.

В отличие от аналогичных услуг, оказываемых учителям существующими структурами (Институт усовершенствования учителей пр.), предлагаемая программа уделяет принципиальное значение *систематическому обучению анализу литературного произведения, комплексной разработке коммуникативных моделей и проектов учебной деятельности в аудитории читателей различных возрастов.*

Особенностью курсов стали мастер-классы, на которых присутствовали вместе и учителя, и ученики. Идея такого совместного постижения смысла художественного текста дала прекрасные результаты: и те, и другие не стояли «по разные стороны баррикад», находясь на позициях обучающихся (читай – назидających) и обучаемых («внимающих» назиданию), а вместе «странствовали» по литературным мирам и в конце пути испытали истинную радость творческого открытия. Школа словесника работала в сложном режиме сопряжения мастер-классов и их совместного обсуждения, лектория, методических штудий и рефлексивных круглых столов. Все это было нацелено на одно: научить школьников читать, то есть испытывать эстетическое наслаждение при знакомстве с литературным текстом, понимать Автора (*другого*), вступать с ним в диалог.

Все становится реальным в новой технологии литературного образования – в том, что может дать университетская наука школе. Долгое время пути вузовской филологической науки и так называемого «школьного литературоведения» пересекались мало. Первокурсники филологических факультетов порой с удивлением узнавали сложное устройство литературного текста, его специфику, так как школа работала в другой «системе координат». Именно это произошло с одним из авторов статьи, А.А. Хадынской, открывшей для себя литературный мир на филфаке Кемеровского государственного университета на занятиях тогда еще молодого С.П. Лавлинского. Результатом знакомства стала ученая степень у обоих, работа вузовскими преподавателями и возвращение в школу, теперь уже в качестве коллег и единомышленников. Думается, опыт совместных филологических поисков – самый верный путь в союзе школы и вуза, подтверждением чему является программа курсов повышения квалификации учителей литературы в Сургутском государственном университете, координатором на которых со стороны вуза выступила А.А. Хадынская, а ведущим преподавателем – С.П. Лавлинский.

Школьной базой для курсов стала гимназия «Лаборатория Салахова» – лучшая школа Югры, славящаяся своими традициями гуманитарного образования. Учитывая небольшой объем статьи, мы осветим только один из аспектов трехдневного общения со школьниками, с остальными надеемся познакомить читателей в следующей публикации.

Курсы прошли в нестандартном режиме, что было продиктовано самим их содержанием: коммуникативно-деятельностный подход был осуществлен применительно не только к ученикам, но и к слушателям-учителям. По логике этой педагогической технологии, постичь суть нового подхода к литературному образованию можно только погрузившись в него. Поэтому сначала были организованы мастер-классы, на которых учителя имели возможность увидеть *живую* работу преподавателя (С.П. Лавлинского) с учениками, подлинное чудо рождения *смысла* текста в творческом полилоге.

Читательская аудитория 9 и 10 классов с самого начала проявила особую заинтересованность в разговоре об устройстве художественного произведения. Было сразу понятно, что ее главное достоинство – нацеленность на совместные поиски смысла. И в этом, безусловно, видится заслуга педагогов и гимназии в целом: учителей *Ирины Серафимовны Берманас, Натальи Николаевны Майраковой, Ольги Александровны Ткаченко*. Уже после первых двух часов диалога стало понятно, что имеешь дело с редкой в России аудиторией школьников, у большей части которых сформирована *установка на учебную деятельность и на рефлексию ее результатов*. Это ученики, которым безразлично, что и зачем они делают в образовательном пространстве, читатели,

которые стремились говорить не только умно, но и ответственно, аргументируя каждое свое суждение. Об этом свидетельствуют и их отзывы о Школе читателя, написанные в финале занятий, и высказывания, которые звучали на завершающих этапах всех трех дней и в ходе обсуждения предложенных произведений. К сожалению, не так часто приходится иметь дело с читателями-школьниками столь высокой исследовательской, коммуникативной, да и просто личностной культуры. И еще раз повторим: в этом заслуга филологов-педагогов гимназии, делающих ставку в своей работе на ценности и технологию учебного диалога.

В общении с читателями можно было выделить четыре основных этапа. На первом этапе важно было обратить внимание школьников на некоторые основные особенности произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман). Вначале диалог «раскручивался» на основе следующих вопросов: зачем люди читают? что такое литературное произведение? Какие из прочитанных произведений кажутся особенно непонятными и странными? Чем художественное произведение отличается от нехудожественного высказывания – публицистической статьи, философского трактата, научной работы и т. п.? Существуют ли какие-нибудь правила восприятия и понимания произведения? Если существуют, от каких особенностей произведения они зависят?

Постепенно от общих соображений типа «Мы читаем, чтобы духовно обогащаться» или «Мы читаем, чтобы отвлечься от проблем» ребята переходили к тонким и оригинальным суждениям о «чтении как «умножении» собственного существования», «возможности прожить не только свою, но и несколько чужих жизней». Особенно ценными оказались замечания о произведении как своеобразном оптическом устройстве, позволяющем по-особому увидеть закономерности первичной действительности, находящейся за границами художественной реальности, в ней отраженных и преобразованных. Тогда-то и прозвучало впервые в диалоге понятие «самоопределение», активно использовавшееся на втором – четвертом этапах занятий. Здесь же было введено и образ-понятие Льва Толстого «лабиринт сцеплений», с помощью которого он отделял риторическое высказывание от высказывания художественного. Первое всегда выражает «главную мысль», второе указывает читателю на совокупность сложно устроенных «сцеплений» смысла.

От теоретических размышлений в дальнейшем перешли к чтению и анализу конкретных произведений. В качестве материала для читательских рефлексий были предложены стихотворения Алексея Хвостенко (Хвоста) «Дети» и Афанасия Фета «Чудная картина...». В данном случае намеренно сближались контрастные тексты: хорошо известное с начальной школы стихотворение Фета и текст авангардистской поэзии, который не сразу опознавался как художественный. Именно на этом этапе актуализировались несколько важных понятий, с которыми читатели уже были знакомы. Наиболее значимым для анализа стало понятие точки зрения: оно высветило движение взгляда и чувств лирических субъектов рассматриваемых произведений. Наиболее ценным оказались наблюдения о природе «чудного» и «родного» в фетовском стихотворении. «Чудо» обнаружилось читателями не в пейзаже как таковом (на нем обычно делается акцент в школьной методике), а в родственном (сопричастном!) отношении к вероятностному седоку, видимому вдали.

Здесь же фиксировался и круг основных понятий (они последовательно записывались на доске и в рабочих тетрадях), помогающих помыслить лирические события, изображенные авторами. Среди понятий особое внимание обращалось на те, что характеризуют «внутренний мир» произведения (пространство и время, событие, мотив, сюжет) и его текст (повествование, описание, субъект речи, точка зрения, композиция). В диалоге отшлифовались и несколько важных «аксиом чтения» (Л.Ю. Фуксон): способность замечать странное и непонятное; видеть совокупность различных художественных элементов друг с другом; обращать внимание на неслучайность любой

детали; прояснять связь части и целого. При этом важно подчеркнуть, что эти аксиомы не монологически преподносились школьникам, а формулировались в процессе диалога самими читателями.

Второй этап перевел внимание с исследовательской деятельности к деятельности творческой, студийной. Представления об аксиомах чтения, правилах понимания текста теперь соотносились с восприятием конкретного произведения. Аудитории был предложен неизвестный для нее текст новеллы Э.А. По «Сфинкс». Диалог строился в следующей логике. Вначале мы попытались обозначить границы восприятия новеллы, определяемые ее заголовком. Здесь предлагалось много интересных вариантов, однако все они связывались с понятием «смертельной тайны» (разумеется, обращалось внимание на мифологические истоки заглавия).

При знакомстве с новеллой использовался прием «прогнозированного чтения»: во время чтения текста была сделана остановка («обрыв») и опущено одно из событийных звеньев, а именно финальное, в котором изображалась точка зрения друга рассказчика на основное событие. Читателям предлагалось самостоятельно, опираясь на факты художественной реальности, завершить новеллу, творчески ответив на вопрос «Что произошло дальше и как, на ваш взгляд, заканчивается история?».

В течение тридцати минут ребята сочиняли концовки истории Э.А. По: читатели стали писателями. Среди получившихся финалов можно выделить несколько разновидностей. В одних вариантах акцент сделан на реалистическом объяснении всего случившегося с героем – Сфинкс оказался плодом его воображения и/или сновидения. Соответственно, все случившееся с героем объяснялось исключительно психологическими факторами. В других вариантах Сфинкс являлся носителем таинственных мистических событий, прежде всего связанных с мотивом предзнаменования болезни, и даже (в некоторых вариантах) воплощением самой смерти. Случившееся с героем имело здесь сверхъестественную мотивировку. В третьих вариантах новелла завершалась некоторой неопределенностью: герой так и не мог окончательно решить, какова природа посетившего его существа – мистическая или исключительно психологическая, связанная с оптическим обманом. В четвертой разновидности финалов акцент делался на соотносении двух точек зрения: согласно точке зрения героя-рассказчика увиденное им существо имело природу исключительно фантастическую, таинственную, согласно позиции его друга – рационально объяснимую.

Вот некоторые из предложенных ребятами вариантов (к сожалению, здесь отсутствуют немногочисленные примеры четвертой разновидности концовок новеллы).

1. Пробуждение ото сна. Сфинкс – воображаемый персонаж сна героя

Спустя пять минут мой друг умер. Спустя еще десять гонец сообщил о скоропостижной смерти моих друзей в городе. Врачи утверждали, что все они умирают от сердечного приступа и последнее, что видят в своей жизни, – это то, что происходит на улице. Они смотрят в окно и умирают. Я прекрасно понимал, что это не из-за холеры и не из-за сердечного приступа, они умирают из-за этого существа, который погубил уже сотни тысяч людей в городе и пригородах Нью-Йорка.

Я ждал следующего дня. И тут я проснулся.

(Калиева Алина)

2. Смерть героя от болезни. Сфинкс – предзнаменование болезни и фантастическое воплощение смерти

...Я с отчаянным криком кинулся к хозяину, который, по всей видимости, не увидел этого существа. Рассказав о гигантском существе с хоботом, хозяин лишь рассмеялся и

предложил расслабиться за чашкой горячего чая, однако я не мог просто забыть об увиденном. Недолго думая, я схватил книгу о предзнаменованиях и стал судорожно перелистывать страницы в поисках нужной. «Кажется, я не позволял брать книги из моей библиотеки, – промолвил хозяин, – но если это тебя успокоит, то удачи».

Я его не слышал. Вернее, я этого не желал. Я боялся увидеть очевидный исход. Найдя нужную страницу, я досконально прочитал ее. В следующую секунду грозное чудовище возникло в комнате. Я знал, что рано или поздно этот момент настанет и смерть настигнет меня. «Гигантское животное с ртом на хоботе и черными клочьями у его основания – к смерти». Цитата из книги. Хозяин стоял недоумевая. Жаль, что он не видел того, что видел я. Ему казалось, что я лишь глубоко над чем-то задумался, поэтому и замер, будто увидел привидение. На самом деле, так оно и было. В считанные секунды мой живот скрутило от жуткой боли, ноги свела сильная судорога, отчего я упал навзничь. Все тело горело, я не мог пошевелиться. Хозяин быстро ко мне подбежал, не веря своим глазам и пытаясь хоть как-то помочь, но все его попытки были тщетны. Все это время существо стояло рядом и с каждым моим вздохом приближалось все ближе и ближе. Было трудно поверить в то, что я был болен холерой с самого начала моего визита к родственнику. Стало трудно дышать. Были слышны едва уловимые мольбы о возвращении хозяина. «Не бойся чешуйчатого существа с хоботом, лишь будь готов встретить его», – было моей последней фразой. Чудовище прикрыло мои глаза и отправилось за следующим мучеником.

(Мария Чеснокова)

Я увидел, как он закрыл книгу и наклонился вперед, чтобы найти в точности то положение, в котором сидел я, когда увидел чудовище. Чувство страха за своего друга не оставляло меня.

- Неужели вы хотите почувствовать присутствие этого зверя прямо сейчас? Рядом с вами? - заявил я.

- Да, я хочу. Я уверен, что это оптический обман. Лучи падали так, что на стекле отобразилось существо. Полностью убедившись в неправильности моего суждения, я заберу свои слова обратно, – сделав серьезное лицо, сказал мой друг.

Я смотрел на него, пытался заметить все изменения, происходившие с ним. Видел, как ему было трудно определить точное положение тела. Друг, ерзая на кресле, на мгновение остановился и стал присматриваться. Капли пота незаметно скатывались с его морщинистого лба.

Я задумался. Сфинкс... Сфинкс Мертвая голова – это ужасный зверь, вызывающий страх и волнение.

- Это знак, знамение! – выкрикнул я.

Вернувшись в реальность, я увидел, как моего друга пробирает дрожь, все тело покрылось мурашками, глаза закатились. Я с ужасом подбежал к нему. Друг в судорогах упал на ковер перед креслом, началась рвота. Ему стало настолько плохо, что нужны были решительные и правильные действия. К сожалению, я ничего не мог сделать. Друг скончался. Его труп забрали специальные люди в черных одеждах.

Я сел в кресло и начал размышлять.

- Что же это за существо такое – Сфинкс? – подумал я. – Оптический обман, реальность? Загадка?

Все мысли спутались в моей голове.

- Симптомы похожи на... Холера! Нет! Загадка была именно в этом. Сфинкс приходит обозначить скорую смерть, болезнь холеру. Это был знак... А я ничего не смог. Помощи от меня не было, – с досадой проговорил я.

Я продолжал сидеть в кресле, как вновь увидел это же существо.

- Оно пришло. Смерть... Я болен!

В следующую минуту мой труп лежал на том же месте, где скончался друг.

(Оксана Куринева)

- Вы, верно, шутите. Это очень похоже на то, что я описал вам, но это... нечто, назовем его так, было огромным. Разве мог я перепутать насекомое с чудовищем, если только не жаркая погода повредила мой рассудок? – воскликнул я в ответ своему товарищу.

- Я же говорил вам об основах умозрительной психологии, друг мой, - покачал головой мой собеседник. – Иногда люди не могут точно установить размер объекта, который находится на довольно далеком от них расстоянии, и...

Его ответ прервал громкий телефонный звонок. С приходом разгулявшейся болезни в Нью-Йорк такие звонки не предвещали ничего хорошего, и мы оба это прекрасно понимали.

Мой товарищ, тяжело вздохнув, поднялся с кресла и подошел к телефону, стоящему на изящном столике из вишневого дерева.

- Алло?

Я наблюдал за товарищем, несмотря на то, что уже знал, о чем идет речь. Холера совсем разгулялась в Нью-Йорке. Это было неизбежно, как смерть или сама жизнь, ее жуткая ирония. Лицо моего товарища изменилось и совсем потемнело, когда он молча повесил трубку.

Он повернулся, и в его глазах я увидел только бесконечную усталость и беспомощность, словно он был загнанным лисицей кроликом.

- Кто? – мрачно спросил я, забыв обо всем, что тревожило меня ранее, минуту назад.

Мрачное его молчание угнетало. Я заерзал во вполне удобном до этого кресле и пристально смотрел на своего товарища, пытаюсь предугадать его ответ.

- Ваша сестра, – он сказал это тихо, но с достаточной громкостью, чтобы я мог это услышать.

Мое дыхание даже не прервалось ни на секунду, все тело просто оцепенело, и я так и остался сидеть в одной позе.

- Мне... очень жаль, – голос моего друга донесся откуда-то снаружи, как будто я был пауком, пойманным в стеклянную банку.

Неожиданно я услышал громкий, пронзительный крик, заставивший мое сердце вздрогнуть. Я резко обернулся и увидел то самое нечто. Огромное чудовище появилось на вершине холма, громко заревело и бросилось бежать в сторону леса, но на полпути изменило траекторию и через секунду уже бежало в сторону дома. Я в ужасе вскочил с кресла, забыв обо всем на свете. Мой взгляд бегал по комнате, ища возможные пути защиты или спасения, но в следующую секунду рев стал настолько оглушительным, что я не смог больше двигаться, осел на пол, прижав ладони к голове. В следующую же секунду все перед глазами моими потемнело, затем стало светло, как днем, и я потерял сознание, наверно, больно ударившись головой.

* * *

Когда я открыл глаза, библиотеку заливал яркий солнечный свет, струившийся из огромных окон. В воздухе витал сладкий запах книг и далекий запах турецкого кофе. Я же обнаружил себя лежащим на небольшой кушетке, стоящей у выхода. Наверно, мой товарищ перенес мое обмякшее тело сюда. Моя шея затекла от неудобного положения во время продолжительного обморока, переходящего в затуманенный сон.

Все вчерашние события всплывали у меня в памяти какими-то неестественными обрывками, скользящими по моему израненному сознанию. Теперь смерть сестры не вызывала во мне никаких особых чувств. Возможно, это только сейчас, недолгосрочное торможение чувств и ощущений, вызванное продолжительной потерей сознания.

Я поднялся с кушетки и встал посреди освещенной жарким летним солнцем библиотеки. Мой взгляд скользил по книжным полкам, и я наконец увидел то, что

тревожило мой ум даже во время моего забвения. Я стремительно подошел к полке, и резким движением снял с нее нужную, уже знакомую, книгу и быстро нашел соответствующую страницу. На книжном развороте передо мной предстало то же самое виденное мной чудовище. Это заставило меня поморщиться и более не смотреть на неприятную иллюстрацию. После нескольких минут изучения материала мой взгляд привлекла пометка. Я переместил взгляд в конец страницы и прочел то, что было написано мелким шрифтом: «Сфинкс – мифическое существо, пожиравшее тех, кто не отгадывал загадываемую им загадку». Наверно, в этот момент моя кровь потекла медленнее, приостанавливая все процессы жизнедеятельности. Кровавую загадку холеры не может разгадать никто, и она, будто обиженный ребенок, проклинает всех за непонимание. Она, словно Сфинкс, пожирала одного за другим, унося с собой то, что так усердно устанавливалось. Это чудовище пожирало и нас, терзаемых смертями близких...

(Мария Грин)

Меня насторожил его маневр. Я резко повернулся туда, куда был устремлен взгляд хозяина. Там было то самое существо, издававшее ужасающий звук. Видение продолжалось около двух минут, после чего чудовище исчезло в темноте. Еще несколько секунд мы сидели в полном молчании. Вдруг мой друг резко подскочил и начал что-то суетливо искать. Нашел чернила и лист и стал писать письмо своему знакомому доктору с просьбой приехать к нам. Ближайшие три дня в ожидании доктора прошли в страхе и напряжении. По приезде доктора нас обоих отвезли в госпиталь, где мы по сей день проходим лечение.

(Екатерина Пупынина)

Мой друг долго смотрел в окно застывшим взглядом, потом неожиданно зевнул и, потянувшись, встал:

- Советую вам идти спать, друг мой. А завтра поедем на рыбалку, развеетесь, как вам идея?

- Благодарю... Я еще немного посижу.

- Вам виднее, - мой хозяин еще раз протяжно зевнул и отправился в свою комнату, пожелав мне напоследок доброй ночи.

- Доброй...

Мне действительно не спалось. К сожалению, я не мог похвастаться такой скептичностью моего хозяина, и мысли о монстре не покидали меня. Ужасный череп мерещился перед глазами, а истошный вопль пронзал слух.

Я вздрогнул, отбросив видение, и взял оставленную другом книгу. Сознание с трудом цепляло расплывающиеся перед глазами символы. Несколько раз бездумно перечитав описание необычного насекомого, я осторожно взглянул в окно. Не увидев там ничего, кроме темного пятна холма на фоне догорающего неба, я с огромным облегчением вздохнул и решил все-таки последовать совету друга. Мной уже явно овладевала паранойя, я не смог спокойно пройти мимо открытого окна и все же зашторил его, и лишь после этого отправился спать.

Сон был тяжелым и сумбурным. Проснувшись в холодном поту, я почувствовал ужасную сухость во рту, словно в пустыне. Не соображая ничего, я ринулся на кухню и разом опустошил целый кувшин воды. Утолив жажду, я почувствовал себя намного лучше и попытался восстановить обрывки сна, но тщетно. Ничего. Кроме ужасного черепа и пронзительного крика.

Мы все же отправились на рыбалку и замечательно провели время. Около полудня мы вернулись домой, но нашему хорошему настроению не суждено было долго жить. Его омрачила очередная траурная весть: умер Джонатан.

Джо – парниша-почтальон, мы не были близкими друзьями, но это был человек из разряда тех, с которыми просто приятно перекинуться парой слов на ходу, так что его

смерть слегка кольнула сердце. Тут же меня накрыла темная завеса хмурых мыслей, и я позволил им овладеть мной. Мой хозяин куда-то отлучился, не менее удрученный, а я сел раскладывать пасьянс. Это ненадолго заняло меня.

Ближе к закату я еще раз увидел чудовище и с трудом смог отвести взгляд.

- Псс... Отвечай мне... – шептал незнакомый голос.

- Ч-что?.. – я мог только бесиумно двигать губами.

- Отвечай мне...

И вновь оглушительный вопль.

С испуганным криком я упал с кровати. Сбежал от губительного сновидения. Оно неимоверно вымотало меня, я покрылся холодной испариной и безумно хотел пить.

Затем весь день у меня неприятно крутило живот. Моему хозяину тоже нездоровилось.

- Может, рыбу не дожарили? – предположил мой товарищ, оскорбляя мое поварское достоинство.

- Нет, ни в коем случае, – резко ответил я. – Возможно, дело в мясе.

Друг задумчиво кивнул, убив ферзем мою ладью.

Окна во всем доме были задернуты, а из дома мы не выбирались почти несколько дней кряду. Каждый день я с ужасом ожидал приближения ночи, а следовательно, и сна – места, где я был сильно уязвим.

Один за другим знакомые уходили из жизни, забирая с собой еще пару душ. Хандра овладевала мной все сильнее. Если мое недомогание ограничивалось только сухостью во рту, болезнь моего хозяина эволюционировала с поразительной скоростью, и вскоре единственный, кто помогал мне успокоиться, сам нуждался в нешуточной помощи. Я незамедлительно вызвал врача.

Врач поставил диагноз, которого я опасался больше всего. Змей холеры проник и в этот потаенный уголок и сразил моего хозяина. Бежать было больше некуда, и я заявил о своем намерении остаться вместе с другом.

- Отвечай мне... Псс... Отвечай...

- Ч-что?..

- Отвечай...

- Что отвечать? – я наконец услышал свой сдавленный голос, отдающийся эхом в голове, так же как и голос незнакомца. Или незнакомки. По шепоту было сложно определить.

- Скажи мне... Кто это... Зарежет без ножа... Убьет без топора...

Я задумался. Ответ был очевидным, но я никак не мог собраться с мыслями.

- Это... Это же... Я знаю! Я знаю!

Я не успел.

Вновь вопль. И я проснулся.

Мой друг умер в пять часов пополудни. Скукожился и иссох, как осенний листок, давно сорванный ветром с дерева. Так ветер холеры оборвал его жизнь.

Меня трясло и тошнило, всюду меня преследовали призраки умерших.

- Я знаю, это все ты! Это ты!!! – в диком исступлении кричал я, сорвав шторы со всех окон. Я выбежал во двор и безумными глазами осмотрел склон холма. – Ну же, где ты?! Выходи, я не боюсь тебя! Я ненавижу тебя!!!

Хотелось плакать. Хотелось убивать и рушить. Хотелось жить.

Тем вечером я не уснул, я просто потерял сознание.

- Отвечай... Отвечай...

- Опять ты?..

- Отвечай... Зарежет без ножа, убьет без топора...

- Смерть! Это смерть, я знаю! Это глупая детская загадка, я знаю! – сдавленный хрип перерастал в восторженный крик. – Я знаю!

Кажется, обладатель голоса ненадолго задумался.

- Это смерть! – для пущей уверенности повторил я темноте.

- Хорошо... – протянул голос. – Живи.

Последнее слово обрезал давно знакомый пронзительный вопль, за которым всегда следует мое пробуждение.

Я жадно втянул воздух и почувствовал себя невероятно легким и свободным.

«Живи».

***

Я похоронил своего родственника и вернулся на берег Гудзона, где продолжал оставаться в коттедже до окончания эпидемии. Чудовище больше ни разу не посетило меня с тех пор.

(Александра Ефремова)

Через несколько дней я обратился к доктору и узнал, что заболел холерой. Когда я пришел домой, меня стали посещать разные мысли о том, что чудовище это нереально и что мой друг, может быть, тоже болен.

В течение двух недель меня мучила страшная лихорадка. Видения о жутком чудовище не прекращались. Доктор навещал меня каждый день, но лечение было не таким успешным. Уже никто не верил в мое выздоровление. Однако вскоре я пошел на поправку.

Но спустя долгие месяцы я наконец-то мог ходить, и вот однажды, когда я опять отправился на прогулку, я подумал, что давно не видел своего друга. На следующий день снова пришел доктор, и я решил поинтересоваться насчет своего приятеля, но меня ждали печальные известия: «Ваш друг не смог вынести холеры и скончался». В моих глазах помутнело, и я упал, потеряв сознание. Опять явилось это чудовище, это страшное и безобразное носатое насекомое, как говорил мой друг.

Когда я проснулся, то понял, что чудовище не что иное, как посланник знаменья. Оно появилось перед моим заболеванием, перед смертью друга, но третий раз...

(Юлия Гребешок)

Наклонившись вперед и приняв в точности то положение, которое я занимал при чтении, он посмотрел вперед. Я с интересом наблюдал за ним, как он разгадывал тайну моих видений. Воцарилось интригующее молчание, в один момент мне показалось, что мой друг играет со мной, заставляя меня все больше сомневаться в реальности происходящего. Быть может, это всего лишь сон, бред, который преследует меня этим летом. Быть может, мне легче было представить мой страх, страх, который охватил меня в период эпидемии в облици ужасного существа.

Не знаю, что случилось, но я вернулся к реальности. Открыл глаза. Темнота. Холод. Страх.

- Ты болен, – сухо заметил мой друг, – долго не протянешь. Друг мой, который был человеком сдержанным, не показывал своего беспокойства, но ввиду того, как хорошо я знал его, могу утверждать, что это лишь маска. Немного думая, я понял, что не хочу никому причинять вреда. Эпидемия слишком много забрала у нас. Пусть хоть кто-то останется в живых, возможно, это будет мой друг. А я уйду...

(Маргарита Трефилова)

После разговора с другом я несколько успокоился, однако смутное чувство беспокойства все еще не покидало меня. Прошло некоторое время. Случай с чудовищем уже не казался мне зловещим предзнаменованием смерти, но то, что случилось, позже ввело меня в ужас.

Шел очередной летний день. Я, как всегда, проводил время за книгами, пока мой друг ушел порыбачить на Гудзоне. Чтение книг быстро наскучило, третье перечитывание одного романа уже не приносило новых впечатлений. Я переключился на газеты, но из-за них лишь впал в уныние. Там говорилось об очередном всплеске эпидемии, о большом количестве умерших и о безуспешных попытках докторов найти лекарство. Через несколько часов мой друг вернулся со славным уловом. Мы быстро очистили рыбу и приготовили сытный ужин. Мое внимание привлекла повязка на руке друга, и я решил его спросить:

- Где же ты так себя поцарапал? Рыба попалась кусучая? - шутя спросил я его.

Посмеявшись, он ответил:

- Нет. Всего лишь небольшая мушка тянула за руку. Пустяки!

Далее мы занялись своими делами. Я в очередной раз опустошал стеллажи, а мой друг решил немного вздремнуть. Вечер был тихим, за окном мирно высился над землей месяц и светило бесконечное количество звезд. Лишь одна вещь не давала мне покоя: как какая-то мушка могла так сильно укусить? Что, если эта мушка была той тварью? Это заставило меня вспомнить мои суеверия и страхи. На всякий случай я решил провести друга. Я поднялся на второй этаж и постучал в дверь.

- Эй! Ты здесь? – крикнул я.

В ответ прозвучало невнятное мычание. Тогда я решил приоткрыть дверь и посмотреть, что творится с моим другом. Он лежал на кровати с очень уставшим видом.

- Все хорошо? – спросил я его.

- Мне что-то нездоровится, - ответил он. – Какая-то жуткая усталость накатила на меня. Можешь принести стаканчик воды? Во рту пересохло.

Я спустился за водой, и меня охватило беспокойство. Я, конечно, знал, что прошло мало времени, но у меня появились опасения. Отнеся воду другу, я решил убедиться, что мои опасения ложные. В маленькой деревушке неподалеку был у меня знакомый лекарь. Я написал ему письмо и отнес его на почту.

Эту ночь я провел в одной комнате с другом. Лучше ему не становилось. Он также просил воды, часто вставал, чтобы сходить в туалет. Наутро лекарь все-таки приехал и осмотрел друга. По его лицу было видно, что ждут меня плохие новости. Мои опасения оказались правдивыми: у моего друга холера. Мы были не в силах ему помочь, разве что только облегчить его страдания. Несколько недель он мучился, постоянно просил воды и его очень часто рвало. Голос его сделался сиплым, руки были в морщинах, глаза запали. Вскоре он скончался, и в день его смерти снова пришло чудовище.

Я все время сидел с другом, то и дело принося ему воду. Он склонил голову к окну и хрипло охнул. Я поднял глаза и увидел то самое чудовище. Послышалось душераздирающее жужжание, звук, вводящий в отчаяние и страх.

- Оноо... это онооо... – прошептал мой друг.

Но я его не слышал, я был в ступоре. Это существо, насекомое, тварь, не важно. Это оно довело его до смерти, именно оно погубило его. Я не выдержал напора чувств и потерял сознание. Когда я очнулся, мой друг был уже мертв...

(Валентин Орлов)

3. Так и не разгаданная тайна Сфинкса

Его действие меня насторожило. После нескольких минут тишины я решил спросить у него, в чем дело. Мой друг поведал, что видел то существо, которое описывал ему я. Однако оказалось, что это было лишь видение. По всему нашему городу стремительно распространялась эпидемия. Люди умирали то ли от увиденного ими существа, то ли от инфекции. Я понимал, что нам с другом удалось чудом спастись от этого ужасного видения. С каждым днем город опустошался все больше. Это была самая ужасная неделя, прожитая мною...

Спустя несколько минут я проснулся в холодном поту, в соседней комнате спал мой друг. Я судорожно подскочил с кровати, чтобы посмотреть в окно. Я так и не смог до конца понять, был это сон или явь.

(Наталия Ткачук)

А ведь и правда, страх был лишь внушен мне, как объяснил потом хозяин. Он оставался в том же положении, и я заметил, как он уснул. Я вышел из комнаты и направился к кабинету, размышляя о том, что рассказал мне родственник. Удобно усевшись в кресле, я стал засыпать, но был прерван ужасным криком. Я примчался на жалостные возгласы моего хозяина и увидел в кресле, где он сидел последние полчаса, то самое чудовище. Оно сильно изменило свои размеры, и, действительно, в тот раз я ошибся с определением формы этого существа. Я протер глаза, надеясь на то, что все это мне привиделось, но тут чудовище стало надвигаться на меня, издавая ужасные звуки. Мне пришлось встретиться со своим страхом лицом к лицу...

На следующий день он умер. Я не помнил ничего и очнулся только тогда, когда приехали врачи и следователи из города. Никогда мне не приходилось испытывать такой страх, я ощущал себя виноватым. Рассказать об этом людям было бы большой ошибкой, поэтому эту историю мой друг забрал с собой в могилу.

Прошло уже много лет, а я все еще не могу понять, что это было. После того случая изучение того существа стало единственным моим занятием. Ключ к тайне я так и не нашел, но, к сожалению, думаю, что кому-то все-таки предстоит ее разгадать...

(Кристина Овсянникова)

Я не смог поверить в только что услышанное и выхватил из рук хозяина эту странную книгу. Я еще раз все внимательно прочитал, рассмотрел, вникая в смысл каждого слова. Я протянул книгу своему собеседнику, уставившись пустым взглядом в окно. В моей голове никак не укладывалась мысль о том, что все мои страхи и опасения являются лишь злой шуткой какого-то насекомого. Это выглядит, по крайней мере, довольно странно, хотя чему удивляться? Может быть, я и не сошел бы с ума, если бы не эта злосчастная эпидемия, не этот дом. Все эти книги про знаки и приметы могли ввести меня в состояние безутешного безумства.

Я отклонился на спинку кресла, продолжая сверлить взглядом пейзаж за окном. В это же время хозяин решил, что мои туманные представления чудовища полностью исчезли и решил поговорить со мной на совершенно другую тему. Так я с отрешенным видом полного идиота слушал очередные монологи хозяина о философии, психологии... К сожалению, я не мог участвовать в беседе, мои мысли слишком быстро перемешались, да и какое-то резкое чувство сонливости заставило меня прикрыть уставшие глаза и отключиться на несколько секунд от вечногo голоса хозяина.

Я не заметил, как снова начал слышать разного рода звуки. Теперь, вместо птиц, сверчков и монотонного голоса хозяина, я слышал рев машин, сильный ветер, как будто за окном, и чью-то непонятную ругань. С видимым недовольством я открыл глаза. И опять мне пришлось испытать то же чувство, что и тогда, когда я услышал всю правду про свое «чудовище». Полное недоумение, я даже немного опешил и оробел. Я лежал в своей постели, в Нью-Йорке, даже квартира была моя. Еще несколько минут я изучал комнату, в надежде найти хоть какие-то странные знаки, хоть что-то, чтобы найти объяснение этому безумию. Но увы, к моему сожалению, самые страшные мои опасения оправдались...

(Анна Заввер)

Второй день начался с презентаций – чтения сочиненных школьниками финалов. Было прочитано десять вариантов, каждый из которых подробно обсуждался аудиторией: авторы пытались объяснить, что в тексте Э.А. По позволило им завершить историю именно *так*, а не *иначе*. В дальнейшем оригинальный текст был дочитан и появилась возможность сравнить его с предложенными вариантами. Эту часть семинара определяли вопросы, задающие исследовательскую парадигму дальнейшему диалогу:

1. *Сколько раз герой видит Сфинкса? Как воспринимает он появление чудовища?*
2. *Назовите все причины, повлиявшие на психологическое состояние героя в новелле. Почему важно все это учитывать для понимания главного события произведения – явления Сфинкса?*
3. *Видит ли хозяин дома чудовище? Как он реагирует на появление чудовища?*
4. *С какой целью автор изображает спор сторонников рационального и мистического объяснений явлений природы? Какие аргументы приводит каждый из персонажей в защиту своей позиции? Обратите внимание на слова, с помощью которых Сфинкс описывается как чудовище и как насекомое. Как они связаны друг с другом?*
5. *Какое значение в новелле имеет упоминание о книгах, стоящих в библиотеке хозяина дома?*
6. *Можно ли свести смысл новеллы к смыслу пословицы «У страха глаза велики»?*
7. *Зачем в самом начале новеллы автор сообщает об эпидемии холеры в Нью-Йорке? Как это событие связано с остальными?*
8. *Совпадает ли точка зрения автора с одной из представленных здесь позиций, или же он хочет, чтобы читатель обратил внимание не только на силу человеческого разума, но и на тайну природы, не поддающейся рациональному объяснению? Что для автора означает? Обоснуйте свою точку зрения.*

Многие пришли к выводу, что автору важно было показать недостаточность одной (рационалистической или мистической) точки зрения на происходящее. Тайна появления Сфинкса связывалась читателями с соотнесенностью этих позиций, многомерным видением мира и его тайн. Таким образом, определилось, чей финал в наибольшей степени приближался к авторскому, чей – в наименьшей. Как видим, креативная рецепция и последующий анализ «Сфинкса» помог не только обнаружить различия между позицией героя и автора в произведении, но и выйти на разговор о природе гротеска – художественного мирообраза, рождающегося на основе использования принципа *перехода границ* и логики «двутелого тела» (М.М. Бахтин).

Литература

1. Ауэрбах Э. Мимесис. М.: Прогресс, 1976.
2. Дьюи Д. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000. С. 105.
3. Лавлинский С.П. Технология литературного образования: Коммуникативно-деятельностный подход. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
4. Пеннак Д. Как роман. М.: Самокат, 2005.
5. Тamarченко Н.Д., Стрельцова Л.Е., Лавлинский С.П., Магомедова Д.М. Литература. 5-11 классы. Программа для общеобразовательных школ / Под ред. Н.Д. Тamarченко. Екатеринбург, 2003.
6. Тюпа В.И. Технология литературного образования // Образовательные системы современной России. М., 2010. С. 274-319.
7. Хадынская А.А. Современное литературное образование: задачи, проблемы, перспективы (по итогам гуманитарного семинара) // Северный регион. 2011. №1 (23). С. 77-82.
(Продолжение следует)

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 657.47:656.7:061.5

Л.В. Зубарева, О.В. Кутуева

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАТРАТ НА УСЛУГИ АВИАПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности работы авиапредприятий по оказанию услуг авиаперевозок и порядок формирования затрат на оказание данного вида услуг.

Ключевые слова: услуги авиапредприятий, порядок формирования затрат на авиаперевозки.

L.V. Zubareva, O.V. Kutueva

FORMATION OF EXPENSES FOR SERVICES OF THE AIR ENTERPRISES

Abstract: This article highlights some features of the air enterprises' operation for rendering services for air transportation and the expenses' formation order for rendering this type of service.

Key words: services of the air enterprises, the expenses' formation order for air transportation.

Реорганизация структуры гражданской авиации в России, развитие современных рыночных отношений вызвали необходимость реформирования системы управления экономической деятельностью предприятий воздушного транспорта и переход на новые методы введения бизнеса и управления. Недостаточно благоприятные макроэкономические условия функционирования современных авиакомпаний, необходимость обновления материально-технической базы предприятий являются предпосылками снижения финансовой стабильности авиапредприятий. В этих условиях авиакомпании сталкиваются с проблемой выработки новых экономических стратегий, направленных на повышение уровня финансового состояния и рентабельности деятельности.

Решение вышеозначенных проблем, принятие эффективных управленческих решений невозможно без обладания полной достоверной информацией как о процессах, происходящих во внешней по отношению к авиапредприятию сфере, так и о процессах внутри предприятия. Информационная база для принятия управленческих решений складывается в системе управленческого учета, основной задачей которого является формирование полных и достоверных данных о затратах предприятия. Используемая многими авиапредприятиями традиционная система учета затрат не позволяет в большинстве ситуаций получать мобильную структурированную информацию о себестоимости авиационных услуг. Это, в свою очередь, не способствует принятию своевременных эффективных управленческих решений, направленных на повышение конкурентоспособности авиакомпаний.

Осуществление авиауслуг представляет собой сложный технологический процесс, включающий большое количество разнообразных затратных операций, вид затрат на которые зависит от того, на выполнение какого рода работ они направлены. В соответствии с видом работ выделяются и учитываются характерные для каждого вида затраты.

Отмеченные задачи учета и анализа издержек на услуги авиапредприятий решаются в системе управленческого учета. То есть к управленческому учету относятся задачи текущего управления финансово-хозяйственной деятельностью предприятия по всей ее структуре, от высших до самых низших звеньев ее управления.

Построение системы управленческого учета необходимо начинать с выделения определяющих факторов, способных повлиять на финансовую и хозяйственную деятельность всей управляющей системы предприятия. Факторы различаются в соответствии с видами процессов и процедур, для которых они рассматриваются. Рассмотрим один из таких процессов как процесс выполнения перевозок, ведь особенности системы организации и выполнения авиаперевозок, последовательность выполнения элементов системы непрерывно связаны с учетным процессом и оказывают значительное влияние на постановку бухгалтерского и управленческого учета.

Для целей управленческого учета рассмотрим основные процессы, характеризующие организацию и технологию выполнения авиаперевозок. Их можно выделить несколько:

1. Процесс мониторинга рынка авиауслуг, анализ и выводы по результатам мониторинга, а если возможно, построение трендовых моделей развития рынка данных услуг и предполагаемые пути расширения услуг (открытие регулярных рейсов, заключение договоров на выполнение чартерных рейсов, приобретение дополнительных единиц самолетного либо вертолетного парка и, соответственно, обучение и подготовка персонала).

2. Процесс предложения и продажи услуг по авиаперевозкам с использованием различных агентств в качестве посредников, либо с использованием собственных представительств, оказание услуг заказчикам при осуществлении чартерных рейсов.

3. Процесс предполетной подготовки, который включает в себя как предполетное техническое обслуживание воздушных судов, так и при наличии данной услуги в договоре доставку пассажиров в аэропорт вылета.

4. Процесс выполнения рейса, включающий кроме всего прочего и обслуживание пассажиров на борту воздушного судна.

5. Процесс послерейсового обслуживания, включающий операции по послеполетному техническому обслуживанию воздушных судов, по доставке пассажиров из аэропорта прилета в место назначения при наличии данного рода услуги в договоре.

Описанные процессы выполнения авиаперевозок включают в себя большое количество фактов хозяйственной жизни, при осуществлении которых наблюдаются значительные затраты как материальных ресурсов, так и различных других.

При осуществлении работы по формированию затрат авиакомпаний и выделении группировочного признака при отражении на счетах бухгалтерского учета необходимо учитывать как особенности технологического процесса выполнения авиаперевозок, так и характер затрат [5]. Процессу осуществления авиауслуг присущи особенности:

- связанные с эксплуатацией конкретного определенного типа воздушных судов, используемых при авиаперевозках. В зависимости от типа судна в системе управленческого учета такие показатели, как амортизация основных средств, заработная плата персонала судна, технические издержки и пр., будут иметь различные значения [2];

- учитывающие значительный удельный вес расходов на горюче-смазочные материалы (ГСМ) и амортизацию основных средств. Объем авиаГСМ для выполнения рейса рассчитывается с учетом дальности полета и взлетной массы воздушного судна, с учетом аэронавигационного и невырабатываемого запаса. Аэронавигационный запас определяется на один час полета или на 45 минут полета на местных авиалиниях. Взлетная

масса зависит и от типа воздушного судна, и от веса пассажиров и их багажа, и от веса попутного груза и почты. Максимальная коммерческая загрузка, которая может быть перевезена на определенном типе воздушного судна, зависит от числа пассажирских мест и емкости багажно-грузовых отсеков в пределах, допускаемых взлетной и посадочной массой воздушного судна, его прочностью и центровкой;

- разрыв во времени операций расчетов как за регулярные, так и нерегулярные (чартерные) авиаперевозки. Оказание услуг по осуществлению регулярных рейсов и части нерегулярных рейсов происходит чаще всего до того как агентства произведут в соответствии с условиями договоров полный расчет с авиакомпанией по продаже авиауслуг и услуг грузовых авиаперевозок. Таким образом, налицо разрыв во времени момента понесения затрат и времени оплаты этих затрат;

- необходимости использования специальных видов услуг предприятий аэронавигации, медицинских учреждений, организаций, осуществляющих орнитологическое обеспечение безопасности полетов, аэропортовую деятельность, аэродромное обеспечение полетов и т. д. Предприятия аэронавигаций осуществляют аэронавигационное обслуживание на воздушных трассах и в районе аэропортов. В данной ситуации было бы правильным отметить, что авиапассажиры и грузоотправители потребляют услуги одновременно двух предприятий: авиаперевозчика и предприятия аэронавигации. Подобное обслуживание связано, в первую очередь, с обеспечением безопасности полетов, особенно в районах прохождения воздушных линий интенсивного использования. Кроме того, оно необходимо для контроля направления полета. На воздушных линиях большой протяженности аэронавигационное сопровождение обычно выполняется несколькими предприятиями в соответствии с закрепленными за ними зонами сопровождения;

- связанные с зависимостью от метеоусловий при выполнении рейсов авиаперевозки. При наличии неблагоприятных метеоусловий осуществление рейса бывает иногда невозможным, что влечет задержание судна в аэропорту, либо, если это возможно, осуществление рейса с увеличением продолжительности полета ввиду необходимости обхода зоны с неблагоприятными погодными условиями, например, грозового фронта, для снижения степени риска. Получение метеорологического прогноза по маршруту полета позволяет экипажу перед рейсом спрогнозировать условия выполнения полета, рассчитать оптимальный запас топлива с учетом мест дозаправки;

- необходимость осуществления разделения работ и затрат между авиакомпаниями и аэропортами. В связи с тем что авиакомпании и аэропорты, за редким исключением, являются различными предприятиями воздушного транспорта, взимаемая с авиакомпаний плата за услуги аэропорта может отличаться между аэропортами и зависит от финансовой политики аэропорта. И не всегда авиакомпании в состоянии воздействовать на тарифы аэропортов;

- связанные со специфическим характером многих расходов, например, содержанием специализированных подразделений, обеспечивающих выполнение авиа рейсов и т. п. К таким подразделениям относятся авиационно-технические базы (комплексы) и линейные станции технического обслуживания, выполняющие техническое обслуживание самолетно-вертолетного парка, учебно-тренировочные центры и др. Они непосредственно не участвуют в оказании транспортных услуг, но их деятельность является необходимым элементом бесперебойной организации авиаперевозок [3];

- отсутствие значительных запасов материалов. Организация производственного процесса в авиакомпаниях не требует создания значительных запасов материалов, так как заправка воздушных судов авиагорючим в подавляющем большинстве случаев осуществляется непосредственно перед выполнением рейса специализированными предприятиями, имеющими разрешение на хранение и реализацию авиагорючего в местах нахождения воздушных судов в аэропортах;

- принятие повышенных мер безопасности при выполнении полетов. Соблюдение требований безопасности проявляется как в контроле за обеспечением безопасности на территории аэровокзала и контроле при посадке пассажиров и доставке груза на борт самолета (это сказывается на аэропортовых сборах), так и в проведении комплекса технического обслуживания воздушных судов. Процедуры проведения периодического и оперативного технического обслуживания строго регламентированы. Различными формами регламентных работ предусмотрены сроки проведения технического обслуживания, которые неуклонно соблюдаются, что вполне оправданно с точки зрения безопасности полетов;

- влияние фактора сезонности на объем пассажирских перевозок;
- существенное влияние субъективного мнения потребителей авиауслуг на объем авиаперевозок.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что процесс формирования затрат на услуги авиапредприятий напрямую зависит от отличительных особенностей технологии и организации всех процессов, осуществляемых на авиапредприятии при оказании услуг. Это влечет за собой возможность осуществления процедур управленческого учета затрат с группировкой их в соответствии с особенностями функционирования авиапредприятий.

Рассмотрим более подробно затраты авиапредприятий и порядок их учета.

Для эффективного учета затрат авиакомпании необходимо четко классифицировать затраты по направлениям, центрам ответственности, а также методикам измерения:

1. *Порядок учета летного и полетного времени.* Время нахождения воздушного судна в воздухе учитывается для учета расходов на топливо – полетное время и расчета заработной платы летного состава – полетное время. Полетное время самолета – время с момента начала запуска двигателей для выполнения полета до выключения двигателей после посадки. Полетное время вертолета – время с момента начала вращения лопастей несущих винтов вертолета до момента полной остановки вертолета и прекращения вращения несущих винтов, продолжительность которого подсчитывается с точностью до 1 (одной) минуты.

2. *Порядок учета пассажиров, груза и почты.* Учет пассажиров ведется на основании сводной загрузочной ведомости по следующим категориям: убывающие пассажиры; прибывающие пассажиры; транзитные пассажиры.

В свою очередь, каждая категория подразделяется по видам: взрослые (12 лет и старше); дети (от 2-х до 12-ти лет); младенцы (до 2-х лет).

Причем в данных статистической отчетности и иных выходных формах учитываются только следующие виды пассажиров: взрослые (12 лет и старше); дети (от 2-х до 12-ти лет).

Необходимо выделять пассажиров по классу обслуживания: бизнес класс; эконом-комфорт класс; эконом класс.

Учет груза и почты ведется на основании сводной загрузочной ведомости по следующим категориям: убывающий груз и почта; прибывающий груз и почта; транзитный груз и почта.

В случае расхождения данных сводной загрузочной ведомости и почтово-грузовой ведомости учитываются данные, отраженные в почтово-грузовой ведомости в соответствии с Руководством по центровке и загрузке самолетов грузовой авиации (ГА) (РЦЗ-83).

3. *Классификация расходов.* Прямыми являются расходы, отнесенные на конкретные выполненные рейсы в момент их совершения или начисления прямо на основании данных первичных документов. К ним относятся: аэропортовые сборы, метеообеспечение, аэронавигация, расходы на авиаГСМ, бортопитание, оперативное техническое обслуживание, расходы по агентскому вознаграждению и др. [1].

Косвенные расходы связаны с выполнением нескольких рейсов. Такие расходы распределяются между отдельными рейсами согласно выбранной методике (базе) их

распределения (производственный налет, тип воздушного судна (ВС), аэропорт, самолетовылет, количество перевезенных пассажиров). К ним относятся: проживание пассажиров и экипажей, сервисное обеспечение (инвентарь, периодика), арендные и лизинговые платежи, периодическое техническое обслуживание, использование агрегатов возвратно-обменного фонда и др.

4. *Порядок учета прямых расходов рейсов.* Учет расходов по рейсу ведется на основании первичных учетных документов, предоставленных в адрес Авиакомпании обслуживающими организациями на основе коммерческих соглашений (договоров). Первичные учетные документы принимаются к учету, если они оформлены в соответствии с Федеральным законом от 06.11.2012 № 402-ФЗ [7].

Учет расходов рейсов ведется в соответствии с «Группировкой аэронавигационных, аэропортовых сборов за обслуживание ВС». При формировании отчетных форм указанная Группировка используется в разрезе расходов центра финансовой ответственности.

Учет прямых расходов рейсов и полетов ведется непосредственно после выполнения рейса и поступления заданий на полет в группу учета на основании актов обслуживания (акт по форме «С», заказ-задание, лист учета услуг и пр.).

На основании заданий на полет ведется учет информации по полетам, рейсам, участкам и сегментам рейсов.

При учете актов обслуживания необходимо фиксировать следующие данные: кто, где и когда предоставил услугу; валюта оплаты данной услуги; объем предоставленной услуги; стоимость обслуживания.

5. *Порядок учета расходов по дотационным рейсам.* Ответственное подразделение обязано поддерживать в актуальном состоянии Перечень договоров дотационных перевозок, а также предоставить перечень дотационных рейсов с указанием типа дотации по каждому из них.

Учет расходов по дотационным рейсам ведется по следующим категориям:

- *Погашение расходов в аэропортах посадки.* Дотационные средства третьих лиц направлены на погашение расходов в аэропортах посадки, расходов на авиаГСМ. Учет указанных расходов в этом случае ведется только в том объеме, в котором были предъявлены расходы по первичным учетным документам обслуживающими фирмами.

- *Погашение части пассажирского тарифа.* Дотационные средства третьих лиц направлены на погашение части пассажирского тарифа. В этом случае учет расходов ведется в полном объеме.

- *Погашение убытков.* Дотационные средства третьих лиц направлены на погашение убытков по согласованным ранее ценам перевозки. В этом случае учет расходов ведется в полном объеме с обязательным предоставлением копий всех первичных документов (по запросу) в заинтересованные службы авиакомпании.

6. *Порядок учета расходов по рейсам с промежуточными посадками*

- *Рейс с промежуточной посадкой запланирован и введен в расписание.* В этом случае учет расходов ведется по участкам. Расходы за рейс состоят из суммы расходов участков.

- *Рейс с промежуточной посадкой выполняется в случае совмещения двух рейсов.* В этом случае учет расходов ведется по участкам. Расходы за рейс формируются из суммы расходов участков. В системе данный рейс необходимо отражать под одним номером фактически выполняемого рейса.

7. *Порядок учета расходов по полетным заданиям, оформленным на экипажи, находящиеся в резерве.* В случае нахождения экипажа в резерве полетные задания не рассматриваются. Расходы на медицинский осмотр, питание и т. п. учитываются как общехозяйственные с отнесением на соответствующие виды бизнеса авиакомпании.

8. *Порядок учета расходов, оплачиваемых непосредственно Заказчиком.* В случае особых договорных условий, по которым Заказчик перевозки оплачивает все

или часть расходов самостоятельно, ведется учет только тех расходов, которые были предъявлены авиакомпаниями, согласно договорным условиям и подтверждены первичными учетными документами.

Если в адрес авиакомпании были предъявлены расходы, по которым оплату производит Заказчик, первичные документы возвращаются в адрес аэропорта с претензионным письмом и к учету не принимаются.

Для осуществления корректного учета расходов рейсов, при выполнении которых часть расходов оплачивается Заказчиком рейса, предоставляются следующие документы:

- чартерная программа;
- копии Заявок на выполнение чартерного рейса;
- штурманские расчеты.

9. *Порядок учета расходов на топливо в собственных аэропортах.*

- *Заправка топливом в собственных аэропортах.* В случае заправки воздушных судов топливом в собственных аэропортах Авиакомпания учет расходов ведется по внутренним ценам. Внутренняя цена указывается в актах формы «С» и является основанием для учета.

- *Заправка собственным топливом.* В случае заправки воздушных судов топливом в аэропортах, завоз топлива в которые осуществляет Авиакомпания, учет расходов ведется по внутренним ценам.

10. *Порядок учета прочих расходов в собственных аэропортах.* В случае обслуживания воздушных судов в собственных аэропортах Авиакомпания учет расходов ведется по внутренним ценам. Внутренние цены указываются в актах формы «С» и являются основанием для учета.

11. *Порядок учета расходов на бортовое питание и сервисные услуги.* Учет расходов на бортовое питание ведется по стоимости питания, указанной в накладных, выписанных на каждый рейс вылета и прибытия. Расходы на бортовое питание корректируются путем учета накладных, выписанных на возврат питания с каждого рейса. Учет расходов на сервисные услуги (внутренняя и наружная уборка воздушного судна) ведется на основании первичных документов по стоимости, регламентированной соответствующими договорами.

12. *Порядок учета расходов на проживание и питание пассажиров при отменах и задержках рейсов.*

Учет расходов на проживание и питание пассажиров ведется на основании предъявленных первичных документов путем отнесения затрат на рейсы, по которым произошли отмены или задержки.

Представитель авиакомпании, находящийся на месте предоставления услуги, при выставлении счета-фактуры в адрес авиакомпании за проживание и питание пассажиров производит проверку факта, количества и стоимости услуг, предъявленных в акте по форме «С» либо иных первичных учетных документах.

В случае расхождения между фактически оказанными услугами и услугами, выставленными в счете-фактуре, представитель предлагает контрагенту переоформить счет-фактуру. При отказе контрагента внести соответствующие корректировки в адрес контрагента выставляется претензия.

13. *Порядок учета расходов на представительские услуги.*

- *Расходы, подлежащие порейсовому учету.* Учет расходов на представительские услуги по сопровождению обслуживания рейсов ведется по ставкам на один самолетовылет (вертолетовылет) в зависимости от типа ВС и аэропорта обслуживания.

- *Расходы, не подлежащие порейсовому учету.* Учет расходов на дополнительные представительские услуги, не подлежащие порейсовому учету, осуществляется по принципу учета косвенных расходов [5].

14. *Порядок учета расходов по авионавигационному обслуживанию*

- *Услуги по аэронавигационному обслуживанию в районе аэродрома.* Учет аэронавигационного обслуживания в районе аэродрома производится на основании ставок, утвержденных приказом ФАС, действующим на момент учета расходов, в разрезе аэропорта вылета, контрагента.

- *Услуги по аэронавигационному обслуживанию на воздушных трассах.* Учет расходов по аэронавигационному обслуживанию на воздушных трассах производится согласно порядку, утвержденному приказом ФАС, действующим на момент учета расходов. Учет расходов по аэронавигационному обслуживанию на воздушных трассах за пределами РФ осуществляется на основании данных по расстоянию в км, указанных в штурманских расчетах рейса и ставок сборов, действующих на территории конкретной страны. Ставки сборов и методы расчетов стоимости указываются в справочниках IATA Airport and En Route Aviation Charge Manual (Справочник IATA аэропортовых ставок и сборов по пролету территории), EUROCONTROL и других.

- *Сбор за аэронавигационное обслуживание в районе авиаработ.* Сбор определяется на основе установленной ставки, максимальной взлетной массы воздушного судна, расстояния полета в соответствии с нормативными документами Росаэронавигации.

15. *Порядок учета косвенных расходов.* Распределение косвенных расходов на выполненные рейсы авиакомпании может быть осуществлено следующими методами:

- пропорционально производственному налету;
- пропорционально самолетовылетам;
- пропорционально количеству перевезенных пассажиров;
- в разрезе типов воздушных судов, аэропортов, бортовых номеров воздушных судов.

16. *Порядок учета расходов на собственное сервисное обеспечение, периодические печатные издания.* Учет расходов на мягкий инвентарь одноразового использования и средства многоразового использования, а также периодические печатные издания ведется по принципу учета косвенных расходов путем распределения ежемесячной суммы расходов на выполненные рейсы Авиакомпании пропорционально количеству перевезенных пассажиров и самолетовылетов.

17. *Порядок учета расходов на проживание и питание экипажей.* Учет расходов на проживание и питание экипажей ведется на основании предъявленных счетов-фактур путем отнесения общих затрат по принципу учета косвенных расходов на выполненные рейсы в разрезе аэропортов (места проживания экипажей).

В этом случае представитель авиакомпании, находящийся на месте предоставления услуги, производит проверку факта и количества услуг, выставленных в счете-фактуре.

В случае расхождения между фактически оказанными услугами и услугами, выставленными в счете-фактуре, представитель предлагает контрагенту переоформить счет-фактуру. При отказе контрагента внести соответствующие корректировки с ним ведется претензионная работа.

18. *Порядок учета расходов на временную стоянку и базирование воздушных судов.* Учет расходов на временную стоянку и базирование воздушных судов ведется на основании предъявленных счетов-фактур путем отнесения общих затрат по принципу учета косвенных расходов на выполненные рейсы пропорционально производственному налету в разрезе типов ВС.

В этом случае представитель авиакомпании, находящийся на месте предоставления услуги, производит проверку факта и количества услуг, выставленных в счете-фактуре.

В случае расхождения между фактически оказанными услугами и услугами, выставленными в счете-фактуре, представитель предлагает контрагенту переоформить счет-фактуру. При отказе контрагента внести соответствующие корректировки с ним ведется претензионная работа.

19. *Порядок учета расходов на хранение собственного топлива.* Учет расходов на хранение собственного топлива ведется на основании предъявленных счетов-фактур путем

отнесения общих затрат по принципу учета косвенных расходов на выполненные рейсы из аэропорта, где хранится собственное топливо, пропорционально производственному налету. В этом случае представитель авиакомпании, находящийся на месте предоставления услуги, производит проверку факта и количества услуг, выставленных в счете-фактуре.

В случае расхождения между фактически оказанными услугами и услугами, выставленными в счете-фактуре, представитель предлагает контрагенту переоформить счет-фактуру. При отказе контрагента внести соответствующие корректировки с ним ведется претензионная работа [4].

20. *Порядок учета налога на добавленную стоимость (НДС)*. Учет НДС производится в соответствии с положениями налогового законодательства Российской Федерации.

Таким образом, четкая классификация расходов рейсов позволяет наиболее полно учитывать и отражать в бухгалтерском учете все производимые затраты, а также планировать будущие затраты и оценивать расхождения планируемых и фактических показателей, то есть полноценно осуществлять функции управленческого учета.

Литература

1. Бабаев Ю.А., Макарова Л.Г., Борисова Е.Ю. и др. Учет затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции (работ, услуг): учебно-практическое пособие / Под ред. Ю.А.Бабаева/ Вузовский учебник. М: Инфра-М, 2009. 159 с.
2. Зубарева Л.В., Виноградова Е.А. Бухгалтерская и налоговая концепции оценки объектов амортизируемого имущества / Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 10. С. 379-386.
3. Зубарева Л.В. Накладные расходы: проблемы учета и распределения / Бухгалтерский учет, анализ, финансы на современном этапе развития экономики: Сб. научных трудов. Вып. 1 / под ред. А.М.Прониной, Л.В.Зубаревой. Ханты-Мансийск, 2006. С. 150-158.
4. Крылов Э.И., Власова В.М., Журавкова И.В. Анализ эффективности использования трудовых ресурсов предприятия и расходов на оплату труда. М.: Финансы и статистика, 2006. 272 с.
5. Попова Л.В., Константинов В.А., Маслов И.А. и др. Управленческий учет и анализ с практическими примерами. М.: Дело и сервис, 2008. 271 с.
6. Султанова Э.Ф. Управленческий учет, контроль и анализ эксплуатационных затрат в авиакомпаниях : автореф. дисс. канд. экон. наук. Казань, 2006. 26 с.
7. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06 ноября 2012 г. № 402-ФЗ.

УДК 339.5(470):061.1ВТО

Е.В. Пилипенко

МАРК ГОЛАНСКИЙ КАК АРХИТЕКТОР ВТО

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению итогов пребывания России в ВТО, поиску решений возникших в связи с этим социально-экономических проблем, исследованию существующих экономических теорий и созданных на их основе экономических моделей, наиболее полно, точно и непротиворечиво описывающих современную социально-экономическую реальность. Особое внимание уделено модели советского экономиста М.М. Голанского.

Авторский подход заключается в рассмотрении ВТО как объективно обусловленного инструмента реализации определенного технологического уклада, следствием становления которого стало появление такой наднациональной структуры, как мировое капиталистическое хозяйство (далее – МКХ). ВТО есть неотъемлемая часть этой системы. А это значит, что и исчезнуть ВТО может только с исчезновением самой структуры – системы МКХ. В свою очередь, система МКХ, будучи «производной» от особенностей господствующих технологий, может быть естественным образом «отменена» переходом на другие технологии – основанные на других принципах и не требующие для собственного воспроизводства институтов, подобных ВТО.

Ключевые слова: ВТО, мировое капиталистическое хозяйство, прогноз

E.V. Pilipenko

MARK GOLANSKY AS AN ARCHITECT OF WTO

Abstract: This article is devoted to considering the results of Russia's membership in WTO; finding solutions to the resulting socio-economic problems; studying the existing economic theories; and creating on its basis some economic models, describing the current socio-economic reality in the most complete, accurate and consistent way. Special attention is paid to the model of the Soviet economist M.M. Golansky.

The author's approach is to consider WTO as an objectively-conditioned tool for implementing a certain technological structure, which consequence was appearance of such supranational structure as world capitalist economy (hereinafter – WCE). WTO is an integral part of this system. It means that WTO can disappear only simultaneously with the disappearance of the structure – the WCE system. In its turn, the WCE system, having been «derived» from the dominant features of technology, can be naturally «cancelled» by means of changing into another technology, based on other principles and not requiring for its own reproduction such institutions like WTO.

Key words: WTO, the world capitalist economy, forecast

Год, прошедший после вступления России в ВТО, в целом подтвердил сделанные накануне вступления прогнозы: «кнут» ВТО российская экономика ощутила практически мгновенно. За этот год в России возрос импорт, снизились таможенные сборы, упали сборы бюджета. Все это грозит разорением промышленных предприятий, сокращением рабочих мест. Уже сегодня отечественный производитель сократил объемы производства. За год членства России в ВТО ни одна отрасль промышленности и сельского хозяйства не

увеличила производство продукции. Напротив, из-за возросшего импорта предприятия отрасли терпят убытки, многие находятся на грани разорения. А вот получение обещанных «пряников» (ради которых, как нам объясняют, все и затевалось) откладывается на неопределенную перспективу. Известный лоббист вступления в ВТО директор департамента торговых переговоров Минэкономразвития России Максим Медведков признал, что потребитель почувствует снижение цен не ранее чем через 7-10 лет.

Поэтому совершенно закономерен царящий в научной и общественной среде пессимизм относительно будущего России в ВТО, хорошо видный уже из заголовков статей: «Бежать от ВТО! И чем быстрее, тем дальше» [1]; «Ничего, кроме убытков: год как Россия в ВТО» [13]; «Вступление России в ВТО оказалось бесполезным» [5]; «ВТО разоряет российских молочников» [8]; «Вступление России в ВТО: год прошел, а бизнес разочарован» [6]; «Вступление в ВТО – это наш билет на «Титаник»» [4] «ВТО – удавка для России» [7] и т. п. Что характерно, оптимизма не высказывает никто: настолько очевидна «яма», в которую угодила страна, что «либеральный оптимизм» может оказаться просто небезопасным для его выразителей.

На этом фоне логичными выглядят резюме по итогам прошедших многочисленных круглых столов, посвященных результатам пребывания России в ВТО [3; 14; 15; 18]:

- последствия присоединения России к ВТО делают его преступлением, а его организаторов и пособников – либеральными террористами, захватившими социально-экономическую власть;

- надо начинать борьбу за выход из ВТО.

Предлагаются и довольно специфические пути достижения заявленной цели (выхода из ВТО). Так, весьма распространенным является мнение, что ситуацию может изменить лишь Путин и все усилия надо сосредоточить на его переубеждении.

Все это, несомненно, демонстрирует накал общественной дискуссии (что и неудивительно: последствия присоединения к ВТО ощутят на себе буквально все, раньше или позже, но все), но, к сожалению, не показывает глубокого научного уровня осмысления проблемы. Нельзя не согласиться с А. Бузгалиным, профессором МГУ, экспертом Московского экономического форума, который считает, что необходимо в срочном порядке подняться до понимания *масштаба проблем*, связанных с ВТО. Он также полагает, что решение проблемы ВТО лежит в поисках и формировании для России *другой экономической модели* [2], с чем также трудно не согласиться.

Прежде чем начать поиск и выработку параметров *новой* модели, необходимо, как нам кажется, определиться с моделью *существующей*, чтобы избежать ситуации смены «шила на мыло», т. е. замены одной «негодной» модели на другую, столь же «негодную».

Итак, требуется ответить на вопрос: какая из существующих экономических теорий и созданных на их основе экономических моделей наиболее полно, точно, непротиворечиво описывает *современную социально-экономическую реальность*? Что следует взять за критерий «полноты, точности, непротиворечивости» экономических теорий и моделей? В каком случае можно утверждать, что теория верна, а созданная на ее основе модель – состоятельна?

Критерий все тот же, универсальный и неизменный – *практика*. То есть верной, точной, состоятельной, заслуживающей внимания и рассмотрения будем считать ту экономическую теорию и модель, сделанные на основе которых прогнозы сбываются. Соответственно, чем больший процент прогнозов сбывается, тем более правильной можно считать исходную теорию, что вполне понятно, поскольку процент сбывшихся прогнозов отражает степень адекватности понимания и описания экономической действительности теорией и моделью.

Много ли известно сбывшихся экономических прогнозов? А много ли известно экономических моделей, *все прогнозы* которых сбывались на протяжении десятилетий? Каждый, кто хоть сколько-нибудь интересовался экономическими прогнозами, скажет, что

существование таких моделей, по меньшей мере, маловероятно, а то и совершенно невозможно. Примеров много, в частности, широко разрекламированные в свое время доклады Римского клуба, *ни один из прогнозов которого не сбился*.

Самое удивительное, что такая модель (со стопроцентной точностью прогнозирования) существует! Еще более удивительно, что она существует уже свыше 30 лет. И уж совсем невероятно, что модель, созданная в совершенно иной, чем нынешняя, социально-экономической реальности, с провидческой точностью описывает сегодняшнюю социально-экономическую реальность (в том числе и такой институт, как ВТО). Это модель советского экономиста М.М. Голанского.

Так, еще в 1987 году, в Советском Союзе, о распаде которого тогда всерьез говорил, пожалуй, только «Голос Америки», М.М. Голанский со стопроцентной точностью предсказал, во-первых, неизбежность включения СССР (на тот момент лидера стран «социалистического лагеря») в систему мирового капиталистического хозяйства (далее – МКХ) и, во-вторых, предельно точно описал последствия такого включения: «...переориентация на капитализм не сулит ничего хорошего Советскому Союзу. Вся нынешняя экономическая система страны окажется разрушенной, а взамен ее возникнет отсталое, застойное мелкотоварное производство. В систему МКХ Советский Союз вступит как отсталая, развивающаяся страна, нуждающаяся в колоссальной помощи извне. В этом случае Советский Союз ожидает та же судьба, что и многие другие развивающиеся страны.... Страна окажется пораженной широкомасштабной безработицей. Она будет страдать от роста социальных бед, пауперизма, преступности и массовой эмиграции. Бедственное положение экономики будет сопровождаться национальной дезинтеграцией и фактически распадом страны.... Переход к капитализму надолго выведет экономику страны из рабочего состояния, и по своим последствиям он может быть приравнен к катастрофе, стихийному бедствию» [11].

Невероятную точность прогнозов М.М. Голанского, базирующихся на разработанных им научных методах и моделях, мы можем вполне оценить и сегодня, когда по многим из них достигнут горизонт прогнозирования. Так, еще в 1987 году (в условиях, напомним, *двухполярного* мира, в условиях сосуществования *двух экономических систем*: социалистической и капиталистической) он с уверенностью предсказывал нынешний экономический кризис – как кризис *единой системы мирового капиталистического хозяйства*, – и очень точно описывал – по годам! – динамику его развития: «Зарождается новая долговременная тенденция затухания экономического роста, и, вероятно, на рубеже первого и второго десятилетий следующего столетия можно ожидать его полного прекращения» [11]. В 1992 году, в работе «Будущее мировой экономики и перспективы России» об этой зарождающейся тенденции он выскажется более определенно: «Согласно этим прогнозам, ежегодные темпы роста выпуска продукции мирового сообщества до конца текущего столетия в среднем не превысят двух процентов, а в начале следующего столетия – одного процента. После 2010 г. вообще начнется длительный спад» [9].

В работах М.М. Голанского содержатся, конечно, не только эти прогнозы – их множество, поскольку это просто словесная интерпретация, описание полученных результатов математического моделирования. Собственно, вплоть до настоящего времени все развитие мировой (и национальной) экономики идет в русле, предсказанном М.М. Голанским. Фактически, *мы сегодня живем в той социально-экономической реальности, контуры которой так точно были обрисованы советским ученым более четверти века назад*. В том числе и ВТО, как инструмент МКХ, была им предсказана и довольно точно описана уже тогда.

Итак, модель М.М. Голанского выглядит следующим образом:

1. В основе всех преобразований социально-экономической реальности лежат *объективные особенности новейших технологий*. Дело в том, что «...новейшие технологии могут эффективно (*наиболее рентабельно – прим. автора*) функционировать

только в мировом масштабе... ограничение рынка сбыта передовых производств национальными пределами неизбежно подрывает их эффективность и заставляет сокращаться» [10, с. 85].

2. Рентабельность была и остается основным принципом организации капиталистического хозяйства, вне которого оно просто не существует. То, что рентабельность новейших технологий может быть обеспечена только в мировом масштабе, и создает *объективную основу экономической глобализации и возникновения ТНК* (транснациональных корпораций). Именно необходимость обеспечения рентабельности новейшим технологиям и «..поднимает весь процесс международной экономической интеграции на новую ступень и в корне преобразует мировой экономический порядок» [10, с. 88].

3. А это значит, что «ныне все объективно обусловленные пропорции экономического воспроизводства определяются не на национальном, а на международном уровне. *Лишь мировое хозяйство в целом обладает всей информацией, необходимой для принятия решения относительно пропорций производства.* Без МКХ сейчас нельзя больше понять ни то, что происходит в той или иной стране, ни куда она идет» [10, с. 86].

4. В результате единственной саморазвивающейся системой (*СР-системой*) становится «мировое хозяйство в целом». *В этом и заключается основное содержание произошедших изменений.* Еще недавно «национальная экономика была, в подавляющем большинстве случаев, самовоспроизводящейся, самодостаточной. Новые производства выступали, как правило, продуктом эндогенного развития». Сегодня «можно с уверенностью утверждать, что никакая национальная экономика, культивирующая современные технологии, не может больше претендовать на автаркию, на самовоспроизводство», поскольку «..никакая развитая экономика в состоянии автаркии не может далее поддерживать даже простое воспроизводство, не говоря уже о расширенном» [10, с. 87].

5. В системе *мирового* хозяйства, заменившей системы *национальных* хозяйств, в соответствии с законом стоимости, регулятором эффективности хозяйственной деятельности становится уже не *средненациональный*, а *среднемировой* уровень производительности труда. «Отставшие страны с производительностью труда в сотни раз ниже среднемирового уровня должны сейчас вступать в открытую конкурентную борьбу с передовыми странами, у которых уровень производительности труда во много раз выше мирового» [10, с. 86]. Тех, кто эту борьбу не выдерживает, «..ждет не помощь, а жестокая расправа в виде создания в этих странах чрезвычайно неблагоприятной обстановки для капитальных вложений в производство. *Настала пора, когда уничтожают не отсталость, а отсталых*» [10, с. 86-87].

6. Однако уничтожают «отсталых» прежде всего как «*производителей*» собственной продукции – и сохраняют их же в качестве «*потребителей*» продукции стран-лидеров. Это еще один принципиальный момент: МКХ, являясь именно *капиталистическим* хозяйством, просто обречено на экспансию, на постоянное расширение. Именно поэтому «*Система МКХ сможет сохраниться только в случае удержания развивающихся стран в этой системе.* Об этом свидетельствует тот факт, что расширенное воспроизводство общественного капитала в системе МКХ возможно лишь при наличии в ней развивающихся стран. Как можно судить по прогнозу для системы МКХ в целом, *без развивающихся стран МКХ придется свертывать свою деятельность*» [11, с. 59].

7. Развивающиеся страны будут нужны МКХ не в любом качестве – их место, роль и функции четко и жестко определены: «*Развивающиеся страны понадобятся системе МКХ скорее как потребители, а не как производители, не как участники мирового производственного процесса... По-видимому, слаборазвитые страны какое-то время будут выступать в роли катализатора экономической активности подобно тому, как это недавно было с военным производством*» [11, с. 59].

8. Как отмечает автор, в МКХ ничто не пускается «на самотек»: *«Подготовка развивающихся стран к роли потребителей в системе МКХ осуществляется с помощью так называемого демонстрационного эффекта, который служит мощным средством насаждения среднемировых стандартов потребления в этих странах и формирует их структуру потребления на соответствующий лад»* [11, с. 59].

9. О том, чтобы со временем перейти из разряда «развивающихся» стран в разряд «развитых» (т. е. из «потребителей» продукции превратиться в ее «производителей»), в системе МКХ можно забыть навсегда – не для этого она создавалась: *«В системе МКХ развивающиеся страны не имеют возможности преодолеть или сколько-нибудь существенно уменьшать свое отставание от развитых капиталистических стран в порядке саморазвития. Об этом свидетельствуют результаты прогноза по открытому сценарию, когда враждебное действие закона стоимости МКХ по отношению к ним проявляется с особой силой (в виде установления практически запретительных нормативов экономической деятельности)»* [11, с. 60].

Работы содержат еще массу интереснейших выводов по результатам интерпретации математических расчетов, однако мы, в целях настоящей статьи, остановимся на вышеприведенных, поскольку они в достаточной степени описывают «почву» для возникновения организации, подобной ВТО. Итак, условием выживания, самого существования МКХ является постоянная экспансия, занятие все новых «сфер» и «ниш». Если таких «сфер» и «ниш» нет или недостаточно, МКХ их искусственно формирует путем перевода все большего количества стран в разряд *«развивающихся»*, т. е. в разряд *«потребителей»* продукции МКХ.

ВТО как раз и является инструментом формирования «жизненного пространства» для системы мирового капиталистического хозяйства.

Об этом очень хорошо М.М. Голанский пишет в другой, более поздней, своей работе: *«Итак, многовариантные прогнозы по миру в целом и по отдельным странам однозначно предсказывают взлет глобального монстра в виде всемогущего мирового рынка... Новорожденный глобальный монстр сразу же получил в свое распоряжение беспрецедентные полномочия и эффективные средства распределения производства между странами и властного установления структуры мирового производства...»* посредством *«...мощного механизма ценностного регулирования»* [10, с. 86-87].

Одним из таких эффективных средств распределения производства между странами и властного установления структуры мирового производства, наряду с МВФ и ВБ, является ВТО, что и подтверждается всей историей существования этой организации. Приведем только некоторые из бесчисленных примеров (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ прогноза М.М. Голанского и практики ВТО

Прогноз М.М. Голанского	Практика ВТО [12]
<p>В нынешней обстановке главенства МКХ для отставших стран нет никакого выбора путей экономического развития. Для них открыт лишь один <i>единственный путь – путь к свертыванию неконкурентоспособных производств</i> и выживанию лишь тех производств, которые либо реализуют дифференциальную ренту, либо оставлены в покое мировым хозяйством. По этому единственному пути страны обязаны двигаться как заключенные на марше: шаг в сторону и...</p>	<p>В условиях, когда капитал свободно перемещается между странами, диктуя им свои условия, МВФ и ВБ требуют от государств «третьего мира» специализации на сельскохозяйственных продуктах и ископаемых – ведь <i>ТНК богатых стран выгодны низкие цены на товары из этих стран и отсутствие в них собственной промышленности</i>: Мировая торговля структурирована так, что Север (страны центра, развитые, богатые страны – ЕС, США, Япония) преимущественно продает на мировом рынке готовые промыш-</p>

<p>Иначе говоря, отставшим странам на экономической ниве оставлен только один путь – <i>путь топливно-сырьевого придатка МКХ.</i></p> <p>Очувтившись в одной компании с передовыми странами, отставшие страны вынуждены преодолевать квалификационную планку, поднятую теперь на уровень под стать только развитым странам. При этом страны, не преодолевшие квалификационную планку, ждет не помощь, а жестокая расправа в виде создания в этих странах чрезвычайно неблагоприятной обстановки для капитальных вложений в производство. <i>Настала пора, когда уничтожают не отсталость, а отсталых.</i></p> <p>Происходящий переворот провел четкую, вполне ощутимую границу между развитыми и отставшими странами, т. е. между странами с производительностью труда выше мирового уровня и ниже его. <i>Одни получают прибыли, а другие несут убытки.</i></p> <p>Выбор пути экономического развития в создавшейся обстановке стал привилегией исключительно передовых производителей развитых стран. Что касается отсталых стран, то им остается надеяться лишь на вмешательство извне, на заинтересованность ТНК.</p>	<p>ленные изделия и услуги с более высокой стоимостью, в то время как Юг (Латинская Америка, Африка, Восточная Европа, Центральная Азия, Южная Азия) продает главным образом растительные продукты, минералы и изделия с низкой степенью переработки и стоимостью. Кроме того, с 1970-х годов цены на продаваемые странами Юга товары упали.</p> <p>После вступления в силу соглашения ВТО цены на переработанные товары упали еще сильнее: «Примерно через девять лет после того, как ВТО вступило в силу, цены на все первичное сырье, кроме нефти, упали больше чем на четверть. Попав в долговую зависимость от западных банков, государств и международных финансовых организаций, страны «третьего мира» вынуждены увеличивать объемы экспорта для погашения кредитов.</p> <p>Однако, так как страны «третьего мира» специализируются на производстве лишь нескольких видов товаров, причем многие из них были ориентированы на производство одних и тех же товаров, рост экспорта однотипных товаров из многих стран снижает на них цену. Это привело к дальнейшему падению цен на продукты стран «третьего мира».</p> <p>То есть ВТО хочет организовать производство в мировом масштабе, причем не с целью развития (для бедных – хотя бы частично «догоняющего»), а для максимизации прибыли ТНК при цементировании асимметрии производственных структур и их неравенства.</p> <p>... ВТО играет по отношению ко всем странам периферии одну и ту же роль: не допустить, чтобы колонии стали в будущем конкурентами, и для этого отнять у государств периферии право на самостоятельное законодательство и регулирование, касающееся деятельности капитала метрополий в этих странах.</p>
---	--

Все остальное – разделение стран на «развитые» и «развивающиеся», принципы и границы такого разделения, роль и функции «развитых» и «развивающихся» стран в МКХ, их взаимодействие, инструменты такого взаимодействия (в том числе и ВТО) – есть лишь неизбежное следствие свершившегося факта: *единственной СР-системой в мире является*

мировое хозяйство в целом, обозначаемое М.М. Голанским как «система МКХ». Все вышеназванные экономические объекты и институты (в том числе и ВТО) есть неотъемлемая часть этой весьма жесткой и цельной системы – системы МКХ. А это значит, что их возникновение и существование носит объективный характер, и их видоизменение и упразднение возможно лишь вследствие видоизменения или упразднения создавшей их структуры – системы МКХ. Невозможно произвольно «выдернуть» из этой системы какой-то элемент, просто потому, что «он нам не нравится», и даже потому, что он «неправильный» и «несправедливый». Во-первых, о «правильности» и «справедливости» можно судить только с позиций всей системы в целом, а не с позиций отдельных ее элементов. Во-вторых, любой элемент системы до тех пор, пока он нужен самой системе, будет восстановлен.

То есть, например, ВТО, даже будучи уничтоженной под давлением, предположим, общественности, непременно возродится в новой форме, но с прежним содержанием. И будет возрождаться до тех пор, пока создавшей его структуре – системе МКХ – для обеспечения ее функционирования будут нужны выполняемые ВТО функции. Надобность в таких функциях (и, следовательно, в ВТО) исчезнет только с исчезновением самой структуры – системы МКХ. В свою очередь, *система МКХ, будучи «производной» от особенностей господствующих технологий, может быть естественным образом «отменена» переходом на другие технологии – основанные на других принципах и не требующие для собственного воспроизводства институтов, подобных ВТО.* Исследования показывают, что такими технологиями могут стать технологии шестого технологического уклада [16; 17]. В осознании этого, как представляется, и заключается главный итог пребывания России в ВТО.

Статья подготовлена на средства программы фундаментальных исследований РАН №12-И-7-2010 «Приоритетные направления модернизации региональных продовольственных систем в условиях присоединения России к ВТО» (руководитель д.э.н. Пилипенко Е.В.).

Литература

1. Бежать от ВТО! И чем быстрее, тем дальше от знаний. URL: <http://www.audit-it.ru/club/user/32690/blog/9687/>
2. В Госдуме прошел круглый стол «Последствия присоединения России к ВТО: кто выиграл?». URL: <http://www.trkterra.ru/tag/vto>.
3. Варламова З.Н. Управление развитием организаций в условиях формирования экономики знаний: монография. Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург, 2010.
4. Вступление в ВТО – это наш билет на «Титаник». URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/58544/>.
5. Вступление России в ВТО оказалось бесполезным. URL: <http://www.newizv.ru/politics/2013-06-28/184761-vstuplenie-rossii-v-vto-okazalosbespoleznym.html>
6. Вступление России в ВТО: год прошел, а бизнес разочарован. URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20130627/210435835.html>.
7. ВТО – удавка для России. URL: <http://runa.pro/doc/economika/vto-udavka-dlya-rossii.html>.
8. ВТО разоряет российских молочников. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1204097/>
9. Голанский М. Новые тенденции в мировой экономике. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/golansky.txt>.
10. Голанский М.М. Современная политэкономия. Что век грядущий нам готовит?. М.: Эдиториал УРСС, 1998.

11. Голанский М.М. Что нас ждет в 2015 году? (экономический прогноз против утопий). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.
12. Ждановская А. Что такое ВТО? В чьих интересах в ВТО принимаются решения? Чем опасна ВТО? URL: http://scepsis.net/library/id_2546.html.
13. Ничего, кроме убытков: год как Россия в ВТО. URL: <http://www.km.ru/economics/2013/06/24/peregovory-o-vstuplenii-rossii-v-vto/714373>
14. Орлов С.Н. Инновационная среда современной Российской экономики // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 19. С. 96-97.
15. Печоник О.И. Влияние норм всемирной торговой организации на возможности перехода агропромышленного комплекса на новый технологический уклад // Северный регион: наука, образование, культура. 2013. № 2 (28). С. 180-185.
16. Пилипенко Е.В. Воспроизводственный процесс в регионе на основе знаний. Препринт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004.
17. Пилипенко Е.В. Основы устойчивого развития экономики региона: монография / Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т экономики. Москва, 2005.
18. Пилипенко Е.В., Печоник О.И. Роль России в решении мировой продовольственной проблемы в условиях ВТО // Аграрная наука. 2013. № 10. С. 5-6.

УДК 658.17:330.4+336.645.3:330.4

Е.В. Попова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Аннотация: В науке до настоящего времени отсутствует комплексная методика оценки социальной ответственности бизнеса. В этой связи возникает необходимость определения набора инструментов оценки социальной ответственности бизнеса: социальные отчеты и социальные индексы. В статье особое внимание уделено рассмотрению разновидностей социальных индексов: фондовые индексы социальной ответственности, нефондовые индексы социальной ответственности, количественный и качественный индекс социальных инвестиций российского бизнеса.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, социальные индексы.

E.V. Popova

METHODICAL APPROACHES TO THE ESTIMATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS

Abstract: In science, up to the present moment, there have not been any comprehensive methods for business social responsibility assessment. It raises the need for defining a set of some tools for business social responsibility assessment: social reports and social indices. In the article special attention is paid to the social indices' varieties: social responsibility stock indexes, social responsibility unfunded indices, quantitative and qualitative indices of the social investment of Russian business'.

Key words: social responsibility of business, social indices.

Основными методами исследования в экономике являются методы общенаучные и частные. К общенаучным методам относятся метод диалектики, метод материалистического подхода к изучению экономических процессов, метод абстракции, метод сочетания исторического и логического подходов. К частным методам относятся метод анализа, метод индукции и дедукции, сравнения, аналогии, математические методы, метод экономико-математического моделирования, статистические методы. Методы статистики могут использоваться и при изучении социальной ответственности бизнеса. В соответствии с Международным стандартом ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности» «социальная ответственность бизнеса – это ответственность организации за влияние ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое согласуется с устойчивым развитием и благосостоянием общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; введено во всей организации» [6].

Изучение социальной ответственности бизнеса ведется с использованием статистических методов, применяемых при рассмотрении вопросов такого раздела статистики, как социальная статистика. Применение методов статистического исследования для оценки социальной ответственности компаний позволяет выявить социальные индикаторы тех или иных процессов, оценить их устойчивость и изменчивость.

В международной практике используется набор инструментов оценки социальной ответственности бизнеса: социальные отчеты и социальные рейтинги.

Отчетностью называют такую организованную форму статистического наблюдения, при которой сведения поступают в виде обязательных отчетов в определенные сроки и по утвержденным формам [7, с. 28].

Получаемая в процессе статистического наблюдения информация об отдельных единицах статистической совокупности характеризует их, как правило, с различных сторон. Например, при изучении социальной ответственности бизнеса района собранные статистические данные о деятельности отдельных предприятий содержат соответствующую оценку работы каждого из них. Однако обобщенную характеристику по предприятиям в целом можно получить, систематизируя и обобщая полученную информацию, а также сводку. В результате индивидуальные данные превратятся в упорядоченную систему статистических показателей, дающих возможность в целом оценить социальную ответственность бизнеса в конкретном районе, выявить закономерности.

За рубежом социальные рейтинги стали уже общепризнанной практикой, в России же в настоящее время не существует ни одной открытой общепризнанной методики оценки социальной ответственности. Российские эксперты единодушны в том, что потребность в создании социального рейтинга существует. «Создание социального рейтинга необходимо начинать с вопроса: что оценивать? В зависимости от того, что та или иная компания будет считать социальной ответственностью, будут меняться и базовые показатели оценки» [8].

Рейтинг – сопоставление разнотипных компаний, входящих в выборку, на основании одного общего для них признака (кредитный риск, степень социальной ответственности и т. д.) [4].

Рейтинг социальной ответственности свидетельствует об уровне социальной ответственности компании в рамках принятой оценочной шкалы [3]. На данный момент основными способами рейтинговой оценки социальной ответственности в мировой практике являются **индексы**, рассчитанные по методу экспертных оценок социальной ответственности компании или по отдельному показателю [2], например, объем социальных инвестиций. Количественное значение индекса социальной ответственности компании – это некоторый расчетный показатель (например, 3,78 по пятибалльной шкале [3]).

В мировой практике социальные индексы делятся на две группы [4]:

1. Фондовые индексы социальной ответственности [4].

Назначение социальных фондовых индексов – обеспечить принятие решений в рамках социально ответственного инвестирования. Этот вид инвестирования отличается высокими темпами развития в США, Европе и в ряде стран, где законодательство требует от пенсионных фондов раскрывать информацию о том, как они учитывают социальные и экологические факторы при инвестировании [3]. Для инвестиционного портфеля отбираются ценные бумаги только тех компаний, которые отвечают заданным социальным критериям [4].

Самый известный из фондовых индексов социальной ответственности – **Domini Social Index 400 (DSI 400)** – взвешенный по капитализации индекс 400 компаний, отобранных с помощью социальных и экологических критериев. Другие известные индексы – **FTSE 4 Good, Dow Jones Sustainability Index**.

2. Нефондовые индексы социальной ответственности.

Нефондовые индексы основываются на оценке деятельности компании различными группами заинтересованных сторон [3]. Для расчета индексов используется как публичная, так и внутренняя информация о компании, проводятся опросы [4] всех заинтересованных сторон.

Например, **Индекс Корпоративной Филантропии (Corporate Philanthropy Index, далее – CPI)**, разработанный Walker Information под эгидой Совета Фондов (США) [5].

Метод основывается на оценке деятельности компании различными группами заинтересованных сторон [3]. Максимальная величина [2] индекса социальной ответственности [3] равна 5,0; среднее значение для США и Канады на сегодняшний день – 3,8. Если компании присвоен СРІ 4,0 и выше, это является свидетельством высокой социальной ответственности. Индексы отдельных компаний остаются конфиденциальными, если компания не заинтересована в обратном. Кроме числового значения индекса, компания получает следующие данные в результате оценки: агрегированное значение индекса социальной ответственности всех компаний, которые на данный момент приняли участие в рейтинге; агрегированное значение целевой выборки (по отрасли, региону, размеру и т. д.).

Еще один пример – **социальный индекс, разработанный Министерством социальной политики Дании в 2007 году (Social Index, далее – SI)** [9]. Индекс позволяет оценить степень социальной ответственности компании, в которой приоритетное внимание уделяется кадровой политике, социальным программам и преодолению различных форм дискриминации на рабочем месте. Индекс SI позволяет показать степень ответственности компании по отношению к сотрудникам и «внешним» группам заинтересованных сторон. Он рассчитывается на основании опроса сотрудников компании по стандартизированному вопроснику (результат – численное значение от 0 до 100). Компании, у которых значение индекса превышает 60, получают право размещать специальный знак социальной ответственности компании на упаковке, в годовом отчете и т. д. [2]

Однако необходимо отметить, что и в России предпринимаются попытки расчета индекса социальной ответственности по отдельному показателю. В частности, Ассоциация менеджеров России представила в «Докладе о социальных инвестициях в России – 2008» методику измерения **индекса социальных инвестиций российского бизнеса**.

Данный индекс представляет собой непосредственную оценку финансовых затрат российских компаний на социальные программы и инициативы. Индекс социальных инвестиций предполагает диагностику как абсолютной, так и относительной величины денежных сумм, выделяемых компаниями на социальные программы [1].

В соответствии с применяемой исследователями методикой измерения было выделено три разновидности *количественного индекса социальных инвестиций российского бизнеса*:

1. Индекс удельных социальных инвестиций **IL**, представляющий собой величину социальных инвестиций российских компаний, приходящуюся на одного работника (единица измерения – рубли). Формула данного индекса имеет вид:

$$IL = \sum_{i=1}^n C_i / \sum_{i=1}^n L_i,$$

где C_i – объем социальных инвестиций i -ой компании (включая добровольные и обязательные затраты на социальные программы);

L_i – среднесписочная численность работников i -ой компании;

n – число компаний, участвующих в исследовании.

2. Отношение (доля) социальных инвестиций исследованных российских компаний к суммарному объему их продаж **IS** (единица измерения – проценты). Формула данного индекса имеет следующий вид:

$$IS = (\sum_{i=1}^n C_i / \sum_{i=1}^n S_i) * 100\%,$$

где S_i – валовой объем продаж i -ой компании.

3. Отношение (доля) социальных инвестиций исследованных российских компаний к суммарному объему их прибылей (до налогообложения) **IP** (единица измерения – проценты). Данный индекс определяется по формуле, аналогичной расчету индекса IS.

Все три разновидности количественного индекса социальных инвестиций не являются нормируемыми и могут принимать любые положительные значения. Большая величина индекса соответствует более высокой социальной активности компании.

В отличие от количественного индекса социальных инвестиций, который создает картину масштаба явления, *качественный индекс социальных инвестиций* призван оценить степень комплексности и полноты такого явления, как социальная ответственность бизнеса.

В настоящее время не существует единых стандартов для оценки степени полноты и комплексности инвестиционного процесса социальных программ [2]. Поэтому в проведенном исследовании использовались три группы критериев качественной оценки социальных инвестиций, базирующиеся на 12 показателях, наиболее адекватно характеризующих современный этап развития российских компаний (табл. 1) [4].

Таблица 1

Показатели качественного индекса социальных инвестиций [1, 3]

Направление оценки	Используемые показатели
Институциональное оформление социальной политики	Наличие специального документа, в котором закреплена социальная политика компании (нормативная централизация социальной политики). Наличие специального подразделения, отвечающего за реализацию социальных программ компании (организационная централизация социальной политики). Наличие коллективного договора (нормативная основа социальной политики).
Система учета социальных мероприятий	Наличие ежегодных финансовых отчетов в соответствии с международными стандартами (унификация и стандартизация финансовой информации). Внедрение международных стандартов социальной отчетности. Оценка эффективности осуществляемых социальных инвестиций (обеспечение обратной связи между инвестором и социальными инвестициями). Примеры социальных программ (информирование общественности в целях передачи позитивного опыта, саморекламы и продвижения репутации и имиджа компании).
Комплексность осуществляемых социальных инвестиций	Развитие персонала компании. Охрана здоровья и труда персонала. Природоохранная деятельность и ресурсосбережение. Поддержание добросовестной деловой практики. Развитие местного сообщества.

С учетом выделенных показателей можно сформировать следующие виды качественного индекса социальных инвестиций:

1. Качественный индекс социальных инвестиций для j -го признака $IK_{(j)}$, показывающий степень присутствия данного качественного признака в выборке компаний-респондентов (единицы измерения – проценты) и рассчитываемый следующим образом [3]:

$$IK_{(j)} = \left(\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_{ij} \right) * 100\%,$$

где n – число компаний, участвующих в исследовании;

j – один из признаков, описывающий различные аспекты внедрения принципов социальной ответственности.

2. Общий интегральный качественный индекс социальных инвестиций IK , показывающий уровень комплексности социальной деятельности исследуемой совокупности компаний (единицы измерения – проценты), рассчитываемый следующим образом [4]:

$$IK = \left(\frac{1}{nm} \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m X_{ij} \right) * 100\%,$$

где n – число компаний, участвующих в исследовании;

j – один из признаков, описывающих различные аспекты внедрения принципов социальной ответственности;

m – число признаков, описывающих различные аспекты внедрения принципов социальной ответственности [1].

Все разновидности качественного индекса социальных инвестиций могут принимать значения от 0 до 100%. Чем больше значение индекса, тем целостнее социальная политика компании [3]. Сравнение индексов для разных признаков позволяет выявить соответствующие «узкие места», то есть те признаки, которые представляют для компаний наибольшую проблему.

Итак, рассмотрев мировой и отечественный опыт построения социальных индексов, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не существует комплексной методики оценки социальной ответственности бизнеса. Для ее разработки необходимо определить набор показателей, позволяющих произвести оценку с позиции различных групп заинтересованных сторон [10].

Литература

1. Доклад о социальных инвестициях в России – 2008 / Ю.Е. Благов (и др.); под общ. ред. Ю.Е. Благова, С.Е. Литовченко, Е.А. Ивановой. М.: Ассоциация Менеджеров, 2008. 92 с.
2. Котляров Д.А. Статистическая оценка социальной ответственности промышленных предприятий : дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 175 с.
3. Кузнецова О.Б. Управление социальными инновациями в системе взаимодействия бизнеса, власти и общественных некоммерческих организаций : дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2008. 275 с.
4. Лифанов Р.В. Оценка эффективности управления корпоративными отношениями : дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 181 с.
5. Магазин инвестиционных фондов. URL: <http://www.fundmanager.bip.ru>. – Загл. с экрана.
6. Международный стандарт ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности», 2010. 129 с.
7. Общая теория статистики: Статистическая методология в изучении коммерческой деятельности: учебник / под ред. О.Э. Башиной, А.А. Спирина. М.: Финансы и статистика, 2007. 440 с.
8. Отчет о работе круглого стола «Корпоративная социальная ответственность: бремя или выгода». URL: <http://www.urbanconomics.ru>. – Загл. с экрана.
9. Сайт Министерства социальной политики Дании. URL: <http://www.detsocialeindeks.dk>. – Загл. с экрана.
10. Popova E.V. Russian experience of formation of social responsibility of oil and gas industry companies // Applied Sciences and technologies in the United States and Europe: common challenges and scientific findings»: Papers of the 2nd International Scientific Conference (September 9-10, 2013), New York, USA. 2013. P. 219-222.

УДК 659.4:81'38

*Т.В. Галкина***ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ЯЗЫКА СЕТЕВЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей языка журналистики в сети Интернет – наиболее перспективной сферы средств массовой коммуникации. Учитывая низкую себестоимость создания и поддержки, неудивительно наблюдать их широкое распространение, растущее с каждым месяцем едва ли не в геометрической прогрессии. В этом контексте исследование лингвистической специфики сетевых изданий становится особенно важным. Здесь наиболее ярко проявляются все языковые новшества, в частности, активное размывание границ функциональных стилей и смешение их характерных признаков. Автор анализирует лингвистическую и стилистическую специфику сетевой прессы: снижение культуры речи, орфографической и пунктуационной грамотности, рост частоты использования экспрессивных (особенно пейоративных) слов и конструкций. Причины данных явлений автор видит в неязыковых определяющих качествах коммуникации в сети Интернет (гипертекстуальности, мультимедийности, интерактивности, оперативности), общих тенденциях изменения публицистики (усиление «желтого», бульварного компонента) и путях развития русского языка в целом.

Ключевые слова: коммуникация, гипертекстуальность, язык сетевых СМИ.

*T. V. Galkina***FUNCTIONAL-STYLISTIC SPECIFICITY
OF MEDIA NETWORK LANGUAGE**

Abstract: The article examines the characteristics of the language of journalism on the Internet – one of the most promising areas of mass media. Taking into account the low cost of its creating and maintaining, it is not surprising to observe its widespread growing every month almost exponentially. In this context, the study of the linguistic specificity of online publications is especially important. Here all language innovations are most manifested, in particular, active blurring of functional styles and mixing their characteristic features. The author analyzes the linguistic and stylistic specificity of network media: reducing the culture of speech, spelling and punctuation literacy; increasing the frequency of use of expressive words and constructions (especially pejorative). The author sees the reasons for these phenomena in non-linguistic qualities of Internet communication (hypertextuality, multimedia, interactivity, speed), the general trends in journalism (prevailing of "yellow", tabloid component) and the ways of the development of the Russian language as a whole.

Key words: communication, hypertextuality, media network language.

Начало XXI века в языке публицистики отмечено существенными изменениями. Наиболее ярко выражены они в сетевых СМИ, которые являются полигоном для испытаний всего нового в области технологий, процесса коммуникации и функционирования языка. В последней области заметно все более активное размывание границ функциональных стилей и смешение их характерных признаков.

Главными преимуществами Интернет-СМИ являются оперативность отображения новостной информации и предоставление возможности открыто высказывать свое мнение широкому кругу читателей, однако именно эти достоинства таят наибольшую опасность для чистоты публицистического стиля. Необходим комплексный анализ функционирования в сети всех уровней русского языка, определения значимости происходящих в нем процессов, отражения особенностей Интернета в языке и речевом поведении интернет-коммуникантов.

Материалом для анализа послужил контент Интернета, включающий в себя различные русскоязычные сайты Казахстана и России, охватывающие все сферы информации и коммуникации: от региональных до международных. Потребность в изучении речи на сайтах заставила нас сохранить в примерах авторскую пунктуацию и орфографию, специфика которых является одним из вопросов данного исследования.

Причина языковых изменений не только в том, что лексические средства постоянно обновляются, но и, в первую очередь, в появлении новой среды функционирования языка – Интернета. Эта среда наложила отпечаток на язык публицистики в целом, и особенно – на язык сетевой публицистики, функционирующей непосредственно в Интернет-среде. Здесь происходит смешение стилей, стирание границ между ними, экспансия разговорно-просторечных средств.

К новым признакам, которые отличают «новые» СМИ от «старых», относятся три родовых качества Интернета: гипертекстуальность, мультимедийность, а также интерактивность.

Термин «гипертекст» многозначен: гипертекст как способ организации информации в машине и гипертекст как социокультурный феномен [1]. Гипертекстуальность дает нам, например, возможность легко добыть подробные сведения о любом персонаже статьи сетевой газеты, правда, за это нам приходится расплачиваться просмотром «гектаров» рекламных баннеров и сопутствующей, далеко не всегда интересной и даже приличной, информации.

Мультимедиа – сумма компьютерных технологий, применяющих графику, видео- и аудиоинформацию, анимацию и другие эффекты. Круг возможностей сети до конца еще не изучен. Активно используется возможность размещения большого количества фотографий, что позволяет сократить текстовую часть журналистского материала.

Интерактивность – активное взаимодействие создателей сетевых СМИ с потребителем информации: читатели имеют возможность прокомментировать практически любой публицистический материал в сети.

В ходе исследования мы выделили следующие функционально-стилистические черты языка Интернет-СМИ.

1. Прогрессирующее доминирование разговорной речи в сети отмечают все исследователи – Солганик Г.Я. [3], Костомаров В.Г. [2]. Эта черта обусловлена, в частности, *интерактивностью* Интернет-СМИ: каждый желающий может высказать свое мнение о материале, предмете речи, авторе статьи и т. п., причем комментарии подчас читают больше, чем сам материал. Усиление разговорности проявляется более всего на лексическом уровне, например: «Из-за их безответственности и вполне земных "косяков" система государственного управления в стране *дошла до ручки* и нуждается в реформировании, считает старший научный сотрудник института экономики при Министерстве образования и науки Ильдар Дауранов» (mk-kz.kz); «В Билайне дело было гораздо хуже. Во-первых, голосовая система меню Билайна – *полный отстой*» (community.life.ru).

В странах постсоветского пространства особенно заметна межъязыковая игра: оправданное и неоправданное окказиональное заимствование слов, без изменений или с приметами приспособления к заимствующему языку: «Кандидат с голым бэком» (gazeta.ru); «О бастыках [начальниках – перевод с казахского] на прошлой неделе говорили в Алматы в Клубе Института политических решений» (mk-kz.kz); «За примерами далеко

ходить не надо. Чего только стоит недавний провал пенсионной системы, расхлебывать который придется *аташкам* и *ажешкам* [дедушкам и бабушкам – перевод с казахского] по всей стране» (mk-kz.kz). Интересно, что подобная лексическая интерференция встречается не только в тех случаях, когда речь идет о безэквивалентной лексике.

На грамматическом уровне кроме расшатывания нормы можно отметить расширение сферы использования разговорных конструкций – именительного темы, неполных предложений и др.: «*Щенячий восторг*. В минувшее воскресенье в зале бывшей ПТШ № 8 прошла выставка собак разных пород» (ustinka.kz); «*Креатив на грани абсурда!* Жители Усть-Каменогорска возмущены билбордами, появившимся в городе накануне Дня Победы» (v-seti.kz); «*Скандал высокого напряжения!* В Усть-Каменогорске жители пригородного села перекрыли дорогу, требуя подключить их дома к электричеству» (v-seti.kz).

2. Из первого вытекает второе – низкий уровень культуры речи. Это проявляется в целом комплексе признаков – нарушении языковых норм, усилении негативной оценочности речи, наличии в публицистических материалах и, особенно, в комментариях к ним ненормативной лексики.

Несоблюдение литературных норм (орфографических и пунктуационных ошибок, нарушения правил сочетаемости слов, нарушений стиля и т. д.) заметно даже невооруженному профессиональными лингвистическими знаниями взгляду.

Орфографические ошибки касаются написания словарных слов, грамматических форм: «Вот почему ректор К.Бисенов оставил престижное депутатство в Парламенте РК, сменил высокую государственную деятельность на ректорскую должность *провенциального* (нужно: *провинциального*) университета» (zona.kz); «На повестке дня *так же* (правильно: также) рассмотрены новые редакции устава и программы КНПК, положений о ЦК, ЦК РК, депутатской фракции, о Совете ветеранов партии (yk.kz/news). Появление ошибок такого типа само по себе примечательно, ведь в текстовых программах есть функция проверки орфографии, следовательно, журналист настолько торопится, что не обращает внимания даже на сигналы программы.

Лексические ошибки связаны с бедностью словаря, незнанием особенностей лексической сочетаемости и др.:

«Мы изучили 900-страничный материал и знаем, что на той высоте, где расположено Кок-Жайляу, требуется искусственное оснежение, то есть надо ставить снежные пушки, и это *удорожит стоимость* и эксплуатацию на 30–50 процентов» (caravan.kz) – здесь мы видим явное нарушение лексической сочетаемости, удешевить или удорожить можно не стоимость, а товар;

«Несмотря на юный возраст Арианы, она очень амбициозна и обладает великолепным талантом» (yk.kz/news). Лексема «талант» должно иметь зависимое слово, поясняющее характер таланта, без этого оно семантически недостаточно.

Синтаксические ошибки касаются правила сочетания слов в словосочетании и предложении: «Землетрясение магнитудой 4,6 произошло сегодня рано утром по местному времени *на калифорнийской побережье* (следует: на калифорнийском побережье) США в 20 км от Санта-Барбары» (i-news.kz); «Казахстанские папы будут меньше алиментов» (ustinka.kz) – в данном предложении пропущена часть аналитической формы простого глагольного сказуемого «платить»; «Просим *внимание* чиновников!!!» (gazeta.ru) – правильно *внимания*. Наиболее частотными являются нарушения управления и согласования.

Пунктуационные ошибки отражают уровень грамотности сетевых журналистов: «В связи с этим, усилены профилактические мероприятия на уровне первичной медико-санитарной помощи по раннему выявлению и диагностике данного заболевания» (yk.kz/news) – запятая в этом предложении не нужна; «Школьникам, которые должны проверить свои знания по естествознанию предлагается выбрать правильный ответ на вопрос: "Время вращения Земли вокруг Луны" из вариантов ответа» – в этом примере, наоборот, нужна запятая после слова «естествознанию», так как здесь заканчивается придаточная определительная часть в составе сложноподчиненного предложения.

Опечатки – мена местами рядом стоящих букв, отсутствие пробелов – встречаются гораздо чаще, чем хотелось бы: «Заккрытие сервиса *якобы предполагается* для того, чтобы специалисты в течение десяти лет смогли определить имя автора лучшего видео всех времен Москва, 1 апреля – АиФ-Москва» (i-news.kz).

Основные причины этого масштабного явления: спешка, неудобство вычитки текста с экрана и привычка обращать внимание только на слова, подчеркнутые текстовым редактором.

Усиление пейоративной экспрессивности речи выражается в проникновении в язык современной публицистики жаргонизмов, арготизмов (беспредел, кидала и т. п.) и т. п., например: «В Казахстане можно *«развести»* абсолютно любое нарушение на дороге – все дело в цене» (gazeta.ru); Главная головная боль властей Киргизии – *«разборки»* между бывшими соратниками» (gazeta.ru); «Борцов с *«дурью»* теперь самих обвинили в покупке и хранении героина » (gazeta.ru); «Куда *затарить герыч...* Пособие для неудачников» (v-seti.kz).

В сетевой публицистике для элементов жаргона сегодня нет тематических ограничений (это могут быть статьи о политике, экономике, спорте или искусстве). Причем часто жаргонизмы употребляются в тексте без кавычек, поэтому читатель может принять это за норму.

Использование ненормативной лексики (что вообще не встречается в традиционной публицистике) имеет место не так уж редко. Особенно это заметно в комментариях читателей к материалам Интернет-изданий, но встречается и в текстах самих журналистов: «Если в нашем государстве все так хорошо, то почему народу этого государства все-таки *хреново..?*» (yk.kz/news). Иногда нецензурное слово видоизменяется, часть составляющих его букв заменяется звездочками, но сути дела это не меняет. Достаточно употребительными стали окказионализмы, «намекающие» на нецензурное слово своим началом или концовкой: «Полный *кипрец...* Всю неделю предприниматели дискутировали на тему финансового кризиса в одной из самых популярных офшорных зон – на Кипре» (caravan.kz).

3. Тенденция к усилению «желтизны» журналистских материалов. Черты «желтой» прессы – сенсационность, тематический эклектизм, избыток второстепенных сведений при недостатке важной информации, превалирование иллюстраций над текстом, усиление позиций заголовка. Такие издания имеют предварительную установку на существование из ряда вон выходящего события, нарушающего эмоциональное равновесие читателя в сторону как положительных, так и отрицательных эмоций.

С точки зрения языка «бульварность» проявляется, в частности, в высокой употребительности определенных тематических групп лексики. Мы выделили 6 групп:

1) слова и обороты, связанные с интимной жизнью людей – *сексуальный, любовник, желанный* и др.: «Самые *желанные* женщины 2012 года по версии сайта AskMen.com» (yk-news.kz); «Губернатор Флориды предложил пострадавшим от вспышки менингита звонить в *«секс по телефону»*» (yk-news.kz) – речь идет об оговорке: главный герой материала ошибся на одну цифру, называя телефон горячей линии;

2) названия преступных действий и их признаков: *воровать, грабить, нелегальный* и др., например: «*Легальна* ли метадоновая терапия в Усть-Каменогорске?» (ustinka.kz); «В УВД Усть-Каменогорска обратился житель города, мужика *грабанули* по полной программе» (v-seti.kz).

3) названия разных видов семейного статуса и его изменений: *жениться, разводиться, расходиться*: «Гарик Харламов *разводится* с женой, но не спешит *жениться* на Кристине Асмус» (zheltaya.ru);

4) слова и обороты, связанные с рождением и ожиданием детей: *беременна, ждать пополнения, ждать ребенка, готовится стать мамой*: «Жена Ивана Урганта Наталья Кикнадзе снова *беременна?*» (zheltaya.ru); «Ирландка родила близнецов с интервалом в три месяца» (yk-news.kz);

5) слова и обороты, связанные с болезненным состоянием и лечением (*недуг, свиной грипп, бороться за жизнь*), например: «Лучшие врачи изо всех сил *борются за жизнь* Петросяна» (zheltaya.ru);

б) слова и обороты, описывающие внешний вид (одеться, раздеться, похудеть, поправиться, потолстеть, названия предметов одежды), например: «Волочкова опять *разделась*» (smi2.ru).

Заметно увеличилось и использование ярко (агрессивно) экспрессивной (чаще пейоративной) усилительной лексики для создания сенсационности: *чудовищный, необычайный, жуткий, ужасный, шок, страшный, шокировать* и др.

«Косметологи в *шоке!* За месяц женщина помолодела на 10 лет» (livesmi.com);

В сети усиливается роль и, соответственно, выразительность заголовка-гиперссылки. В Интернете почти на каждой веб-странице вы можете увидеть заголовки следующего характера:

«Алла Пугачева: «Я сбросила столько килограммов и всего 2 раза в день пила...» (livesmi.com);

«Так вот как Пугачева скинула 51кг за 2 месяца! Она утром...» (marketgid.com);

«Алла похудела на 51 кг без диет и тренировок! Она утром пила...» (marketgid.com);

«Примадонна: «Я выложила свое диетическое меню на...» (marketgid.com).

Все эти заголовки обещают рассказать каким чудеснейшим способом Алла Пугачева похудела, обещают выложить меню специальной диеты, а в итоге вы переходите от одной ссылки к другой, и в конце концов вам предлагают пройти тест, отправить платное сообщение на указанный номер, и вам якобы пришлют ваше индивидуальное меню диеты; либо предлагают заказать в Интернет-магазине диск с программой похудения, который вы должны сразу же оплатить.

Во всех заголовках мы видим глаголы совершенного вида прошедшего времени «сбросила», «скинула», «похудела», это говорит нам о том, что действие уже совершилось и результат мы можем увидеть, тем самым психологически настраивая читателей обратить внимание на данную статью и прочитать ее, а вдруг и у них получится.

Как показывает анализ языкового материала, для создания интригующей игры слов в заголовках применяются следующие механизмы:

1) двусмысленность (из-за лексической или грамматической многозначности):

«Наташу Королеву *не могла спасти* даже мать» (zheltaya.ru) – статья рассказывает о провале кулинарной телепередачи, ведущей которой является Н. Королева; можно составить своеобразный словарь: *нас покидает* – не умирает, а уезжает за границу, *вся страна прощается с актером, оплакивает известного актера* – его персонаж погибает в фильме, *врачи умоляют отказаться от какого-либо продукта* – он вреден в больших количествах при определенных заболеваниях и т. д.

2) метонимия – обобщение значения какого-либо конкретного действия, явления или наоборот использование собственного имени для названия рода:

«Астрономы обнаружили на Меркурии силуэт Микки Мауса» (newsru.com) – «Изображение знаменитого диснеевского мышонка, размещенное на официальном сайте космической миссии, составляют три кратера: центральный кратер – 105 километров в диаметре – по бокам украшен двумя кратерами поменьше, которые напоминают уши грызуна»;

«Власти *хочется* баурсаков» (uk-news.kz) – «Руководство области планирует выходить с отечественной продукцией (баурсаки) на внутренний и внешний рынок».

3) гиперболизация – преувеличение:

«Брошенный якорь *лишил* Восточную Африку доступа в Интернет» (uk-news.kz) – «Якорь, брошенный с судна, повредил идущий по дну Индийского океана оптический кабель, снабжающий побережье высокоскоростным Интернетом. Скорость соединения уже упала на 20%».

«Галкин бросил Аллу Пугачеву ради Софии Ротару» (livesmi.com) – в данной статье рассказывается, что на юбилее знаменитой певицы Софии Ротару приятным моментом для именинницы стало появление Максима Галкина с роскошным букетом роз, шоумен – давний поклонник Ротару.

Стремление «сделать сенсацию» часто ведет к прямому искажению, подтасовке содержащихся в тексте фактов, например:

«Жуткая новость о малыше Жанны Фриске!» (livesmi.com). Далее мы видим следующий текст: «Сын Жанны Фриске станет футболистом? Судьба ребенка двух российских звезд – Дмитрия Шепелева и Жанны Фриске уже предсказана. Кем станет маленький Платон?»

4) недосказанность: «Известный блогер рассказал, как...» (nblogers.com).

Тот факт, что в Интернете «желтеют» даже качественные издания, связан с его *гипертекстуальностью*: авторам сайтов выгодно, чтобы пользователи посетили как можно больше страниц на пути от заголовка-гиперссылки до полного текста статьи, поэтому заголовок должен быть достаточно привлекательным.

4. Широкое использование собственно «сетевых» особенностей языка: использование специальной «компьютерной» лексики, сетевых англицизмов, сокращений, эрративов, графических неязыковых знаков и др.

Обусловлено средой распространения отражение в лексике сетевой публицистики терминологии Интернета, как официального, так и намеренно искаженного, например: «Браузеры Opera сменяют движок» (peoplenews.kz), «Начните новый виртуальный спортивный сезон с PES 2013» (peoplenews.kz).

Американское происхождение Интернета определяет внедрение в лексику сетевой публицистики большого числа англицизмов: собственно калькирования английских слов (сайт, блогер, хостинг, хакер, флуд и т. д.) и производных от них (блогерский, блогосферный, блогерши и т. д.), например: «Канадский изобретатель распечатал автомобиль на 3D-принтере» (peoplenews.kz); «Израильские специалисты отразили кибератаку хакеров на правительственные сайты» (i-news.kz); «В России блогер выложил в интернет фото предположительно молодой Ангелы Меркель, на которой она с подругами позирует обнаженной» (i-news.kz).

Большинство освоенных компьютерно-сетевых заимствований активно участвуют в процессах русского словообразования, что также свидетельствует и об их русскоязычной адаптации, и об их устойчивости в качестве характерных примет языкового вкуса интернет-эпохи.

Экономия пространства публикации и времени, затрачиваемого на подготовку материала, заставляет пользователей и сетевых журналистов создавать сокращения от слов, широко употребляемых в Интернет-среде, а также производных от этих слов (комп, коммент (от «комментарий»), откомментировать (прокомментировать)) и т. п.

Обилие эрративов – намеренного искажения орфографии, использование слов из так называемых маргинальных языков Интернета: аффттар жжот, падцталом, криатиф, жесь, красафчег и т. п. обусловлено общим игровым «настроением» сетевой коммуникации, желанием противопоставить себя авторитету нормы. Отрадно, что просматривается тенденция снижения частотности подобных единиц в последние 2-3 года.

Усиление игровых элементов в языке и интенсивное образование неологизмов, в том числе аббревиатур (имхо, лол) и сложносоставных слов (френдленты) обусловлено стремлением к краткости, оперативности реагирования, экономией речевых усилий, например: «Гастарбайтерстан»; «Facebook исключит из френдленты непопулярных друзей» (peoplenews.kz).

Использование невербальных знаков (эмотиконов) в качестве словозаместителей, обозначающих широкий спектр эмоционального состояния автора, подчеркивающих его отношение к сказанному (смайлики, различные конфигурации пунктуационных знаков) – своеобразное проявление мультимедийности Интернет-текста, использование невербальных возможностей сети.

Таким образом, специфические особенности сетевой коммуникации стали главными причинами функционально-стилистических и языковых изменений публицистических текстов в сети. Многие исследователи считают гипертекстовость основной особенностью сетевых СМИ. Гипертекст – это текст ветвящийся или выполняющий действия по запросу. Журналисты должны умело пользоваться возможностью вставки в свои тексты ссылок на другие источники информации, не злоупотребляя такой возможностью. Рекомендованное кратчайшее расстояние между двумя узлами гипертекста в рамках одного сайта – это два перехода. В этих условиях возрастает функциональная нагрузка на заголовок-гиперссылку. Он строится сегодня по законам «желтой» прессы: он должен быть сенсационным, интригующим, сориентированным на «модные» темы – личная жизнь звезд, скандалы, преступления. В лингвистическом аспекте это достигается активностью определенных лексико-тематических групп, иронической игрой разных смыслов полисемичных слов и грамматических форм, гиперболизацией и специфическими «обобщающими» метонимиями.

Интерактивность обеспечивает оптимальную обратную связь. Любой пользователь может прокомментировать прочитанное в сети. Сетевые СМИ дают возможность существовать диалогу, выходящему на всеобщий уровень.

Возможность участвовать в сетевом полилоге и простота этого участия привлекает широкий круг пользователей, не все из которых в нужной степени владеют литературным языком. Это вызывает экспансию сниженной речи с обилием жаргонизмов, арготизмов, ненормативной лексики, ошибок самых разных типов.

Мультимедийность позволяет дополнить вербальную информацию фотографиями (причем, в любых количествах), видео- и аудиоматериалами, анимированными рисунками и разного рода графическими элементами. В языке это отражается меньше (как раз в силу невербального характера визуальных и аудиальных медийных средств). Неязыковые графические средства (цифры, эмодзи) позволяют сделать текст короче и выразительнее.

Наиболее заметными тенденциями этих изменений становятся: рост влияния разговорной речи и снижение общего уровня речевой культуры, усиление экспрессии, прежде всего негативной, расширение сферы влияния «желтой» прессы. В этих лингвистических признаках проявляется общие признаки сетевой коммуникации – мультимедийность, гипертекстуальность и особенно интерактивность.

Таким образом, источники функционально-стилистического своеобразия сетевых СМИ – это особенности современного состояния и развития языка в целом, публицистики как функционального стиля, сети Интернет как сферы осуществления коммуникации.

В указанных особенностях сетевого текста можно увидеть приметы некоторой деградации, упрощения языка современной журналистики. Однако в силах самих журналистов сделать сетевые СМИ качественными, интересными, актуальными каналами получения информации.

Литература

1. Калмыков А.А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. М., 2009. URL: <http://www.eartist.narod.ru/text19/159.htm#3> (дата обращения 21.09.2013).
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над языковой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 248 с.
3. Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. 3-е изд. М.: Фелита: Наука, 2008. 232 с.

URBI ET ORBI

УДК 7:001.2:165

В.В. Мархинин

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВО

Аннотация: В статье показывается, что социально-гуманитарное познание в том качестве, в каком оно дает определенные основания считать его научным, выступает во внутреннем единстве с философией и искусством. На взгляд автора статьи, единство науки, философии и искусства является определением сути специфики социально-гуманитарных наук. При этом философия входит в состав социально-гуманитарных наук в форме метода восхождения от абстрактного к конкретному, представляющего собой модификацию философского диалектического метода. Искусство входит во внутреннее единство с философией и наукой в составе социально-гуманитарного познания в форме поэтического в широком смысле жанра искусства.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, философия, искусство, поэзия.

V.V. Markhinin

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES, PHILOSOPHY AND ART

Abstract: The paper shows that social and humanitarian cognition taken as scientific one is inherently integrated into philosophy and art. According to the author's view, integrity of science, philosophy and art determines the essence of specific character of social sciences and humanities. Philosophy is an integral part of social sciences and humanities as a method of ascending from abstract to concrete which is a modification of philosophic dialectical method. Art together with philosophy and science forms social and humanitarian cognition as a poetic (in a broad sense) genre of art.

Key words: social sciences and humanities, science, philosophy, art, poetry.

Тема специфики социально-гуманитарного познания, и, в частности, того особого значения, которое философия и искусство имеют для социально-гуманитарных наук, затрагивается в ряде философских учений XIX–XX веков: в «философии жизни» (В. Дильтей), неокантианстве (В. Виндельбанд и Г. Риккерт, М. Вебер), структурной антропологии (К. Леви-Стросс), в философской герменевтике (Х.-Г. Гадамер) и др. Опираясь на опыт философских исследований особенностей научного социально-гуманитарного познания, можно утверждать, что специфика социально-гуманитарных наук в том и состоит, что они представляют собой синкретическое единство науки (в собственном смысле этого слова, т. е. в смысле, тождественном понятию науки в естествознании), философии и искусства [1, с. 234-235]. В данной статье мы рассмотрим проблему внутренней связи собственно научной составляющей социально-гуманитарного познания с философией и искусством.

Литературные жанры искусства – самый близкородственный социально-гуманитарному познанию род искусства. И эти жанры, и социально-гуманитарное научное познание, как в свое время философия, в отличие от естественнонаучного познания, происходят непосредственно из стихии обыденного мышления и естественного языка. Генетическая связь социально-гуманитарных наук, а также философии с художественной литературой не прерывается с течением времени; скорее, напротив, обновляясь вместе с обновлением обыденного мышления, естественного языка и данных видов познания, воспроизводится во времени в обогащающемся виде. Не случайно к настоящему моменту сложилось интеллектуальное течение, «открывающее», что различия между, с одной стороны, социально-гуманитарными науками и философией, а с другой стороны, – художественной литературой являются будто бы лишь условными. Конечно, нельзя согласиться с отождествлением социально-гуманитарной науки и художественной литературы, философии и художественной литературы, ибо они используют различные познавательные средства и методы (см. критику упомянутой позиции: [5, с. 160-179], [11, с. 194-222]). Но, очевидно, представление о том, что социально-гуманитарные науки и философия, с одной стороны, и литературные жанры искусства – с другой – различаются только внешне, потому и оказывается возможным, что между сторонами существует глубокая связь.

В естественнонаучном познании главную роль играют методы индукции и дедукции, представляющие частные аспекты философского диалектического метода. Специфика социально-гуманитарных наук состоит, в частности, в том, что в них методы индукции и дедукции подчиняются как генеральному такому методу, в котором в целом философский метод диалектики модифицируется для нужд научного познания. Вслед за К. Марксом мы полагаем, что этот модифицированный метод диалектики, значимый для всех социально-гуманитарных наук, есть метод восхождения от абстрактного к конкретному, называют его так или не называют использующие его исследователи (о методе восхождения от абстрактного к конкретному см.: [8, с. 36-45]). Поскольку метод восхождения – особая форма метода диалектики – является центральным методом научного социально-гуманитарного познания, постольку следует признать, что искусство в его литературно-художественных жанрах действительно находится во внутренней связи с этим познанием.

Теоретическая корректность высказанной мысли видна из нераздельности диалектического метода и искусства, что было открыто еще Платоном, завершившим процесс формирования диалектического метода в античной философии и поистине впервые создавшим его во всей его цельности. Согласно античным представлениям, искусство есть отображение прекрасного или подражание (в смысле др.-греч. *μιμῆσις*, *μίμησις* – подобие, воспроизведение, подражание) прекрасному, как оно явлено в окружающем, т. е. чувственно-доступном, человеческом и природном мире.

В соответствии с античной традицией Платон мыслит искусство (*τέχνη*) как умение, искусность, мастерство, доведенные до совершенства, то есть как то, что мы могли бы назвать способностью действовать технически, технологически совершенным образом. Потому и древнегреческое слово *τέχνη*, *téchne* в европейских языках было положено в основу слов *техника* (русск.), *technica* (лат.), *technics* (англ.), *Technik* (нем.), *technique* (фр.) и др. В древнегреческой культуре искусству, как мы его обычно понимаем, соответствовали так называемые *мусические искусства* (*мусический* от греч. *μουσικός* – высокая образованность; то, что идет от муз, божественных покровительниц искусств). Однако искусство-*téchne* – это не только мусические искусства (поэзия, музыка, танец и др.), а вообще любые занятия, в том числе всякого рода ремесла и земледелие, доведенные до такого совершенства, что их результатом становятся прекрасные вещи.

Скажем сразу, что искусством Платон считает также философию. Больше того, философия – это «высочайшее из искусств» (*Phaed.* 61 a; пер. А.Н. Егунов). Определение Платона вовсе не произвольное и не случайное. Оно укоренено в древнегреческой

культурной традиции. Дело в том, что слово *τέχνη-искусство* в мифопоэтической и эпической традиции зачастую выступает как синоним слова *σοφία-мудрость*, вошедшего затем в состав слова *φιλοσοφία*. Эта синонимизация имеет место тогда, когда *τέχνη-искусство*, как и *σοφία-мудрость*, имеет божественную природу, т. е. в рамках философской рационализации – вселенскую размерность. Слово *φιλοσοφία* неявно подразумевает внутреннюю взаимосвязь *σοφία* и *τέχνη* как обозначения двух вариантов происхождения вселенского космоса: путем, соответственно, (само)порождения и сотворения и двух способов постижения космоса: посредством, соответственно, интуиции и понятийного мышления (о связи слов *σοφία* и *τέχνη* см.: [9]; об изначальном смысле слова *φιλοσοφία* см.: [2]). Платон, определяя философию как искусство, притом высочайшее, по сути, эксплицирует изначальный смысл слова *φιλοσοφία* – *φιλοσοφία*.

Определение философии как искусства не мешает Платону в целом в учении о философии проводить и принципиальную границу между философией и искусством: искусство отображает доступные чувственному восприятию «прекрасные тела», а философия постигает мир, лежащий за границами чувственной данности (см.: «Пир», «Федр» и др.). Конечно, говоря о философии как искусстве «высочайшем», Платон и в этом случае ставит ее над другими искусствами, таким образом все же отделяя ее от искусства как совокупности всех других искусств. Очевидно, Платон имеет в виду, что в философии есть нечто существенно общее с искусством. По греческим представлениям, в первую очередь должен предполагаться умелый, искусный способ действий по отображению того предмета, которым занимается философия. И действительно, можно сказать, что Платон конкретизирует и/или уточняет свой тезис о философии как искусстве, когда квалифицирует в качестве искусства диалектику – философский метод познания (Phaedr. 266 d, 276 e). Диалектика, говорит образно Платон, подобна «карнизу, венчающему все знания, и было бы не правильно ставить какое-либо знание выше нее: ведь она вершина их всех» (Resp. 534 e; пер. А.Н. Егунов).

Диалектика есть метод постижения истины о мире. А истина, согласно учению Платона, в перспективе, запредельной чувственно данному миру, сливается с прекрасным как таковым (Sympr. 210 a – 212 a) в единое, представляющее суть бытия (см. об этом: [6, с. 279-287]). Невозможно выставить против этой мысли Платона какие-либо возражения. В общем, диалектический метод вполне оправданно определяется как искусство. Вполне оправданно и утверждение Платона, что это искусство – «высочайшее». Постигание истины о мире и вместе с тем отображение красоты представляет восхождение от низшей ступени познания, познания мира чувственно данных вещей и отображения их красоты к высшей – к постижению мира, запредельного чувственной доступности, и прекрасного как такового. Можно не соглашаться с Платоном в том, что бытие в его единстве и красоте имеет в качестве определяющего идеальное мировое начало – так, мы стоим на позиции, в соответствие с которой мировым началом является материя, – но нет основания не соглашаться с тем, что бытие в своей сути есть единое бытие. И как единое мировое бытие оно неотъемлемо обладает свойством прекрасного, проявляющимся в телесном, чувственно данном мире. Потому этот видимый мир, называемый греками также небом, и является космосом – прекрасно устроенным миром.

Видимый телесный космос, считает Платон, – это самое совершенное и прекрасное тело (Tim. 30 d – 31a). Но прекрасен в подлинном окончательном смысле слова космос вселенский, воспринимаемый лишь умозрительно (Tim. 36 d – 38 b).

Диалектический метод есть метод познания вселенского космоса – мирового бытия в его единстве. Платон подчеркивает, что диалектик, прежде всего и главным образом тот, кто способен «охватывать взглядом единое и множественное» (Phaedr. 266 b; см. также: Phaedr. 266 d – e; Theaet. 253 d – 254 d; и др.). Охватить одним «взглядом» (имеется в виду умственный взор, а не взгляд телесных очей) единое и многое, значит постичь целое, ибо единое соотносимо с многим лишь постольку, поскольку многое есть совокупность частей

единого как целого (Theaet. 204 – 206 b, 245; Parm. 137 c – d; и др.). Таким образом, предметом философии, постигаемым с помощью искусства диалектического мышления, является мир в целом как прекрасное вселенское целое.

Но поскольку прекрасное мировое целое не дано и в принципе не может быть дано органам чувственного восприятия, постольку и диалектика как мышление не может опираться при его отображении на данные чувственного восприятия. Диалектика опирается на данные интуиции прекрасного мирового целого. Или, как говорит Платон в диалоге «Пир» (Sympr. 210 – 212 d; пер. С.К. Апт), имеющем особенно большое значение для понимания того, что есть интуиция мирового целого: «созерцать прекрасное», а именно – «прекрасное по природе», прекрасное «само по себе». Возвышаясь от любви к прекрасным телам и ступени их познания как вещей окружающего мира к собственно философствованию – любви к мудрости как постижению прекрасного по природе, познающая душа сначала проникается любовью к существующим учениям и занимается их изучением, а затем – создает собственное учение о прекрасном по природе, т. е. о прекрасном мировом целом. Все это познающий совершает, конечно, посредством философского мышления, вооруженного диалектическим методом. Свидетельством истинности учения является то, что, повернув «к открытому морю красоты» и «созерцая его в неуклонном стремлении к мудрости», душа познающего оказывается способной «рождать великолепные речи и мысли» (Sympr. 210 d). Понятно, что это состояние, достигнутое с одержимостью совершаемыми попытками диалектического ума взойти к прекрасному, эта способность созерцать прекрасное по природе и озарение души созерцаемым прекрасным, благодаря чему познающая душа обретает огромную творческую продуктивность, есть состояние, обнаруживающее особую познавательную способность, которую позже стали называть интуицией (лат. *intuitio* – созерцание). Таким образом, диалектическое постижение вселенского космоса опосредуется интуицией мирового целого – единого бытия, снимающего в себе многое.

Все другие искусства, кроме диалектики, постигают прекрасное в вещах окружающего, поднебесного мира. Этот мир – видимый космос, тоже прекрасное целое. Вопрос в том, каким искусством (какими искусствами) постигается видимый космос как целое. Для прояснения вопроса о том, какую роль в видении чувственно-телесного космоса как целого играет искусство, следует обратиться к искусствам, предметы которых лежат внутри этого космоса.

Искусства, отображающие красоту и подражающие красивым вещам в окружающем мире, различаются степенью способности выполнять свое эстетическое предназначение. Как показано в одной из убедительных интерпретаций платоновской классификаций искусств [3], существует восходящая иерархия совершенства этих искусств. Всякое искусство доставляет удовольствие от наслаждения красотой. Но среди всех искусств, доставляющих удовольствие, есть такие, которые не ставят специально цель отображения и подражания красоте. Подражательные (т. е. точнее было бы сказать, отображательно-подражательные) искусства и составляют более совершенную и, значит, более высокую группу искусств, чем просто искусства, доставляющие удовольствия. Среди отображательно-подражательных искусств выделяются мусические искусства, не имеющие утилитарного назначения, которые и составляют более высокую группу, чем просто отображательно-подражательные. Наконец, среди мусических искусств, а значит, и среди всех вообще искусств, отображающих окружающий мир, самым совершенным и высоким искусством является поэзия. Причем под поэзией Платон понимает не только лирику и эпос, но и драму – трагедию и комедию, и вообще всякое словесно-художественное творчество. Сочинения самого Платона, его философские диалоги и письма, являются как раз замечательным примером особенно тесной близости в широком смысле поэзии и философии. Так что проводимая в нашем очерке позиция, согласно которой именно жанры словесно-художественного творчества наиболее непосредственно связывают искусство с

научно-философским, т. е. социально-гуманитарным, познанием, в общем, совпадает с платоновским представлением и опирается, в первую очередь, на платоновское представление о наибольшей близости поэтического в широком смысле искусства к философии, а именно к диалектике как самому высокому искусству вообще.

Наибольшая сравнительно с другими искусствами близость поэзии к философии проистекает из того, что в поэзии, как и в философии, основополагающую роль играет такая познавательная способность, как интуиция. Притом по своему содержанию это интуиция мирового целого, которую только философия и поэзия способны самостоятельно развернуть в дискурс – рационально артикулированную речь.

Специально тему значения интуиции в словесно-художественном творчестве Платон разрабатывает в раннем диалоге «Ион». Здесь обосновывается мысль, что способность поэтов непосредственно, т. е., как сейчас говорят, – интуитивно, усматривать прекрасное является важнейшим признаком поэтического творчества. Состояние одержимости, неистовства, исступления, экстаза, вдохновения, в котором осуществляется интуиция, – это божественный дар, дар муз (375 d – 376 e). Мы бы сказали – дар природы. Одаряя вдохновением, божество отнимает у поэта рассудок, чтобы поэт мог творить благодаря поистине божественному наитию, а не рассудочно приобретенной искусности. Наитие, а не рассудок и мастерство, – источник знания об истинно прекрасном. Идея основополагающего значения в поэтическом творчестве бессознательно-интуитивного способа усмотрения прекрасного после раннего диалога «Ион» проводится Платоном и в диалогах зрелого периода творчества, особенно в «Федре». Так, в «Федре» он говорит о соотношении интуиции и рассудка, по сути, то же, что и в «Ионе»: «Кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» (245 a; пер. Я.М. Боровский). Надо отметить, что мысль о необходимости вдохновения, божественного наития в поэтическом творчестве в противоположность рассудку не является исключительно платоновской. Вовсе не является она и следствием философского идеализма Платона, ибо рационализированная теология была общим компонентом всей античной философии. Например, так же, как идеалист Платон, понимает этот вопрос и материалист Демокрит. В одном из демокритовских фрагментов говорится: «Без безумия не может быть ни один великий поэт» (68 В 17Diels = 569 Маков.). В продолжение сказано: «Все, что поэт пишет с божественным вдохновением... то весьма прекрасно» (68 В 18Diels = 570 Маков.) (цит. по: [7, с. 772]). Но диалог «Ион» примечателен еще тем, что в нем обозначается и разрешается коллизия между пониманием значения в постижении прекрасного, с одной стороны, вдохновения, наития, а с другой – рассудочно усвоенным и применяемым мастерством. Хотя божественное наитие действует «безрассудно» – без чего невозможно истинно поэтическое творчество, тем не менее, полноценная поэзия предполагает и основанную на рассудке и знании дела искусность. В противном случае удачными окажутся только случайные отдельные поэтические опыты. В диалоге приводится пример Тинниха, не создавшего за всю свою творческую жизнь «ничего достойного памяти, кроме одного лишь пеана, который все поют, – почти прекраснейшее из всех песнопений; как он сам говорит, то была просто «находка Музы». «Тут, по-моему, – продолжает Платон устами Сократа, героя диалога, – бог яснее всего показал нам, что мы не должны сомневаться, что не человеческие эти прекрасные творения и не людям они принадлежат; они – божественны и принадлежат богам, поэты же – ни кто иные, как толкователи воли богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет. Чтобы доказать это, бог нарочно пропел прекраснейшую песнь устами слабейшего из поэтов» (376 d – e). Поэтому, когда Платон в «Федре» утверждает, что поэтические творения здравомыслящих и искусных затмеваются творениями неистовых, то надо не только обращать внимание на то, что речь идет о слабости поэтов, которые обходятся одним лишь искусством, т. е. одной лишь рассудочной искусностью без вдохновения, но и иметь в

виду, что настоящее искусство, с другой стороны, невозможно и без того, чтобы вдохновенные прозрения не облекались в осмысленную и искусную форму.

Мы исходим, имея в виду и позицию Платона, из того, что именно поэтическому искусству принадлежит интуиция прекрасного видимого мира как целого. Отображая прекрасное и подражая прекрасному в вещах окружающего мира, поэзия берет за образец интуитивно данное целое видимого космоса. Однако поэтическая интуиция видимого космоса оказывается возможной только потому, что она «вписывается» поэтическим чувством в содержание интуиции прекрасного мирового целого – вселенского космоса. Поэтому и поэтическое творчество, так же как философия, постигает истину о красоте вещей лишь принципиально проблематичным образом. Но кроме того, что непосредственный предмет поэтического искусства – видимый космос и вещи окружающего мира – ставится в абсолютный горизонт, его отображение проблематизируется еще тем, что он неустойчиво двоится, колеблясь между полюсами целого и части (или на порождающем уровне – между единством и множественностью). Видимый космос как целое выступает в качестве части по отношению к вселенскому космосу, а значит, не как целое. Как целое видимый космос выступает по отношению к вещам окружающего мира как своим частям, но они в себе – целые, а потому он не целое, а сам является частью окружающего мира. Эта неустойчивость видимого космоса как целого, его колебание между состоянием части и целого, в отличие от вселенского космоса, который суть целое и только целое, предопределяет то, что поэтическая интуиция видимого космоса как целого создает основания для значительной неопределенности или – что то же самое – многосмысленности, многозначности поэтических образов прекрасного в окружающем мире.

Интуиция космоса как прекрасного целого – видимого космоса, взятого в пределе космоса вселенского, – обычно является лишь неявным образцом, но не содержанием поэтического дискурса, ибо поэты чаще всего избирают темами своих творений прекрасные вещи внутри окружающего мира. Среди немногих примеров произведений, в которых в поэтической речи отображается космос как целое, возьмем один, может быть, особенно замечательный пример – описание Гомером в «Илиаде» кованого изображения космоса на щите Ахиллеса (XVIII, 478 – 609; пер. Н.И. Гнедича). Этот пример хорошо иллюстрирует и структуру поэтической интуиции космоса как целого. На щите представлены Земля, море, небо и Солнце, и «все прекрасные звезды, какими венчается небо», т. е. весь видимый космос. Внутри видимого космоса, на Земле, изображены «грады» «ясноречивых народов», праздники и труды человеческие. И все это, вопреки войне, несущей Злобу, Смуту, Смерть, светится красотой, излучаемой видимым космосом как целым, символизируемым замкнутостью изображения на щите кругом блестящего тройного обода. Круг – образ совершенства, самая совершенная, согласно античным представлениям, фигура и форма. Но круг также образ вечного движения. Между тем в окружающем мире все смертно, нет ничего вечного, все возникает и гибнет. И если видимый космос как целое способен обладать вечностью, то это, конечно, не благодаря тому, что он есть целое своих внутренних преходящих частей, а благодаря тому, что сам есть лишь часть – не целое – вечного вселенского космоса. Эта идея замкнутости-разомкнутости видимого космоса, его включенности во вселенский космос усиливается также тем, что под верхним ободом внутреннее изображение окружает изображение мифологической реки Океан, отсоединяющей, но и соединяющей видимый космос с космосом вселенским. Незримый телесными очами космос входит на картине щита, пересекая небесную границу, в космос видимый в образе богов Арея и Афины, совершающих благое дело помощи обороняющим город от разрушения и грабежа захватчиками. К тому же контекст, в котором дается описание изображения на щите, вносит в сюжет рассказа о видимом космосе мотив неопределенности, неустойчивости, колеблемости его, этого космоса, статуса как прекрасного целого. Щит выкован богом Гефестом, уверенным, что щит оборонит Ахиллеса от смерти.

Из предыдущего рассмотрения следует, что поэтическое искусство, руководствующееся интуицией прекрасного окружающего мира как целого – интуицией, содержание которой в силу недостаточной определенности этого целого может быть выражено и оправдано в своей сути только образными средствами, смыкается с философией или, точнее, с искусством диалектики с ее категориально-понятийными познавательными средствами, поскольку поэтическая интуиция видимого космоса выступает в пределе частью содержания интуиции прекрасного вселенского космического целого.

Позже, во время создания диалога «Государство», Платон замечает существование коллизии в отношениях искусства и философии. «Издавна, – говорится в «Государстве», – существует некоторого рода различие между философией и поэзией» (Resp. 607 b, 608 b). Речь идет о том, что, в отличие от философии, непреклонно верной благу, а значит, и добру, поэзия может отклоняться от исполнения своего этического и катарсического предназначения, впадая в аморализм. Выходит, что философия нравственна по определению, поэзия же в нравственном отношении может быть и хорошей и плохой. Оценка проекта цензуры искусства в платоновском идеальном государстве – это тема, требующая отдельного рассмотрения, для нас же важно, что осуждение Платоном плохой поэзии ни в какой мере не отменяет его учение о поэзии как особом виде познания. В полной силе остаются аргументы и выводы учения о поэзии, способной постигать истину прекрасного в вещах окружающего мира и о нем самом как прекрасном целом благодаря интуиции вселенского космоса, общей с философией.

Подытоживая рассмотрение соотношения философии и искусства, надо подчеркнуть, что это соотношение выступает вместе с тем и как их взаимоотношение. Искусство, непосредственно в лице поэтического в широком смысле искусства, т. е. как то, что называют изящной или художественной литературой, есть ступень постижения красоты – красоты вещей окружающего мира, без которой была бы невозможна философия, так как философия познает не просто единое бытие, снимающее в себе бесконечно многое, а бытие как прекрасное целое – вселенский космос. Философский диалектический метод есть понятийная подготовка интуиции вселенского космоса, определяющего существование видимого космоса, представляющего собой порождающий образец красоты для вещей окружающего мира.

Правда, поэтическое искусство своими художественными средствами и само достигает интуиции вселенского космоса. Самому же ему принадлежит и интуиция видимого космоса. Так что искусство в некотором роде самодостаточно в отображении красоты вещей окружающего мира и этого мира как прекрасного целого в горизонте интуиции вселенского целого. Недаром порой говорят даже о многих поэтических произведениях как о философских. Но это верно только в некоем условном, а не точном смысле. Если искусство есть «мышление в образах» или «мышление образами», то как собственно мышление, т.е оперирование понятиями, оно протекает вне строя философских понятий, понятий-категорий, единственно адекватно соответствующих бесконечной размерности вселенной. Поэзия не способна быть рациональным дискурсом интуиции вселенского космоса. Благодаря диалектическому методу, который не только готовит интуицию вселенского космоса, но и понятийно-категориально обосновывает ее содержание, развиваются также понятийный план поэтического «мышления образами», без чего поэтический дискурс красоты вещей окружающего мира, вероятно, не отвечал бы нормам рациональности каждого данного исторического времени.

Итак, мы рассмотрели соотношение и взаимоотношение диалектического метода философии и искусства как особого вида познания. Это, как было замечено выше, необходимо для уяснения отношений метода восхождения от абстрактного к конкретному – генерального метода социально-гуманитарных наук и искусства.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку он представляет собой преобразование философского диалектического метода, взятого в целом, так же как и

диалектический метод, есть искусство. Исследовательское движение посредством метода восхождения направляется интуицией мира как прекрасного целого, как вселенского космоса. Однако, в отличие от философского диалектического метода, предметом исследовательского дискурса в случае научно-философского метода восхождения от абстрактного к конкретному является не вселенский космос, а вещи окружающего мира, точнее – окружающего человеческого мира. Ценностный план предметной области метода восхождения составляет красота вещей окружающего человеческого мира. Предметная область метода восхождения, как видно, совпадает в существенной части с предметной областью искусства, постигающего прекрасное в вещах всего окружающего мира – и человеческого и природного – и красоту самого этого мира как целого.

Вещи всего окружающего мира – это предметная область всей науки, и социально-гуманитарных и естественных (включая технические) наук. Но естественные науки, науки, изучающие вещи природного окружающего мира, не включают в свою предметную область план прекрасного в вещах природного мира. Известно, что красота является одним из критериев истинности научных теорий. Красота теории косвенным образом, конечно, отражает и красоту самих познаваемых вещей. Но в естественных науках красота вообще входит в предмет изучения именно лишь таким косвенным образом, в то время как в социально-гуманитарных науках она составляет значимое измерение предметной области.

Между тем, естественные науки в лице физики как космологии и физики как квантовой теории познают, продвигаясь все дальше, самые дальние пространственно-временные рубежи окружающего мира, обозначая тем самым общие для всей науки координаты ее предметной области. В этом грандиозном и непостижимом не только для обыденного, но и для теоретического социально-гуманитарного рассудка продвижении пространственно-временных координат той области мира, которая затем оказывается познаваемой различно применяемым человеческим разумом, а следовательно, и практически используемой человеком, выражается уникальное среди других видов познания значение науки как таковой. А также тот факт, что естественные науки, прежде всего, в лице физики, – это и есть собственно наука, наука по преимуществу.

Развивая высказанную выше мысль, скажем, что, однако, и теперь, когда после европейских эпохи Возрождения и Нового времени собственно наука уже существует и когда именно она определяет границы окружающего мира, окружающий мир как целое, а, значит, и прекрасное целое, видимый космос остается непостижимым ничем, кроме, как и в античности, поэтической интуиции. Как раз потому, что собственно наука оказывается способной грандиозно раздвигать и определять рубежи окружающего мира за счет отвлечения от задачи познания красоты вещей окружающего мира и его постижения как прекрасного целого, которое как целое конституируется не вещами окружающего мира, а вселенским космосом.

Но социально-гуманитарные науки, не собственно науки, а специфический, синкретический вид научного познания, обязаны предполагать целое окружающего мира, так как исследуемый ими человеческий мир существует не иначе, как в *отношении* к жизненно значимому для него окружающему природному миру. Естественные науки есть познавательный, а модификация естественных наук в виде наук технических – технологически-практический инструмент осуществления отношения человеческого мира к окружающему природному миру. То есть, в то время как естественные науки являются нормативным образцом научного познания для социально-гуманитарных познавательных дисциплин, в функциональном плане первые подчинены вторым. Следовательно, социально-гуманитарные науки, исследуя окружающий человеческий мир, который до сих пор в качестве непосредственного местообитания сосредоточен на Земле и лишь едва-едва выходит за ее пределы, должны предполагать значение естественнонаучных знаний о всем видимом космосе как для их использования на Земле, так и – во все большей степени – для последующей экспансии человечества за пределы земного местообитания. Предполагать же *весь* окружающий мир, научные знания о котором становятся практически безбрежными и к

тому же представляются в причудливо дифференцированных видах, социально-гуманитарные науки способны не иначе, чем в форме представлений об окружающем мире как *целом*, содержащихся в поэтической интуиции видимого космоса – окружающего мира как прекрасного целого.

В литературе высказывалась точка зрения, согласно которой предназначение искусства по отношению к науке состоит в том, чтобы обеспечивать доверие к научным суждениям, имеющим интуитивный характер. Эта роль искусства фундаментальна, ибо подлинно интуитивные суждения будто бы не имеют иных способов подтверждения – не опираются на доказательства и не допускают доказательств [10, с. 273]. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения. Интуиция в философии и искусстве невозможна без предварительной проработки и последующего – после интуитивного озарения – обоснования ее истинности соответственно либо с помощью диалектического метода, либо художественными средствами. Иначе для познания истинного положения дел не нужны были бы ни философия, ни искусство. В науке также интуиция должна быть адекватными этому виду познания средствами подготовлена и обоснована. Пока подготовленная должным образом интуиция существа предмета (законов или тенденций его функционирования и изменения) не обоснована также нормативным именно для науки образом, она все еще не имеет статуса истинного суждения о нем. Это будет «только» гипотеза. Искусство как таковое никоим образом не способно удостоверить истинность (достоверность, состоятельность) интуитивных суждений в науке. Иначе и в научном познании истинного положения дел в окружающем мире (так же, как и в философском познании – положения дел во вселенском космосе) не было бы нужды. Достаточно было бы – добавим к сказанному ранее – познания лишь средствами искусства. Искусство может играть по отношению к науке «только» эвристическую роль, способствуя выдвижению «только» научных гипотез. В случае социально-гуманитарных наук общезначимую для всех этих наук эвристическую роль, как вытекает из нашего предыдущего рассмотрения, играет поэтическая интуиция окружающего мира как прекрасного целого, определяемая в пределе – повторим это – содержанием общей с философией интуицией вселенского космоса.

Неустойчивостью окружающего мира как целого, красота которого является образцом для вещей окружающего мира; его положением, колеблющимся между ипостасями части и целого; его определенностью в качестве прекрасного целого лишь в пределе вселенского космоса обуславливается то, что поэтическая интуиция и поэтический образ той или иной вещи окружающего мира отображают непосредственно не ее наличное состояние, а представляют собой идеал: то, что становится в настоящем, чтобы состояться в будущем окружающего мира (или в бесконечно удаленном будущем вселенского космоса), «Искусство есть скорее организация нашего поведения на будущее, установка вперед, требование, которое, может быть, никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней» [4, с. 286]. О том, что поэтическое искусство есть предвосхищение прекрасного будущего отображаемого предмета в форме его идеала, особенно наглядно проявляется в существовании одного из древнейших жанров – литературной утопии (включающей, конечно, и антиутопию).

Поэтическая интуиция вещи окружающего человеческого мира (например, того или иного типа личности, сферы жизни, социального устройства), поскольку содержание этой интуиции выступает в качестве образа-идеала, соответствует размерности, а значит, отвечает и эвристическим запросам научно-философского метода социально-гуманитарного познания, метода восхождения от абстрактного к конкретному, который ведь, как мы видели, обязательно раскрывает футурологический план существования исследуемого предмета. Научное постижение вещи как целого и призвано определять конкретную меру воплощения даваемого поэтической интуицией идеального образа вещи как целого в реальности настоящего и меру реальных возможностей его воплощения в перспективе будущего.

То, что социально-гуманитарные науки состоят во внутреннем единстве собственно научной составляющей с философией и искусством предполагает, конечно, что исследователь должен обладать способностью не только к научному, но и в некоторой мере к философскому и художественному, в первую очередь, поэтическому творчеству, а кроме того – высокой эрудицией в области научного социально-гуманитарного познания и богатой философской и художественной культурой. Между прочим, именно тем, что исследовательская деятельность в области социально-гуманитарных наук требует большого культурного и научно-интеллектуального багажа, объясняется то, что в этих науках значимые результаты достигаются, главным образом, во второй половине периода творческой активности, ближе к завершению жизни, в то время как в естественных науках основные достижения обычно приходятся на первую половину научной карьеры, на молодые годы.

В заключение надо подчеркнуть, что если социально-гуманитарные науки, сравнительно с естественными науками, не вполне науки, зато в неизмеримо большей степени, чем научное естествознание, они являются, так сказать, философией и искусством. В общем же, социально-гуманитарное научное познание не менее почтенная деятельность, чем естественнонаучное познание, поскольку первое не менее необходимо для благоустройства жизни человеческого рода, чем второе.

Литература

1. Мархинин В.В. О специфике социально-гуманитарных наук // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса. В 3 томах. Т. II. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012.
2. Мархинин В.В. ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ: слово-концепт // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 166–175.
3. Винник Н.В. Система искусств у Платона // Материалы Шестой научной конференции преподавателей и студентов: 3-4 марта 2005 г. Новосибирск, 2005. С. 40–45.
4. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
5. Карр Д. История, художественная литература и человеческое время // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. 2011. №1(61), С. 160–179.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. М.: АСТ, 2000. С. 279–287.
7. Лосев А.Ф. Примеч. 16 к диалогу «Ион» // Платон. Собр. соч. в 4-х томах. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 772.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 46. Ч. 1.
9. Топоров В.Н. Еще раз о др.-гр. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Гносис, 1995. Т. 1. Приложение I. С. 67–93.
10. Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино: Век 2, 2004.
11. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003, С. 194–222.

УДК 821.161.1Прусская невеста7Буйда.09

К.А. Дегтяренко, М.А. Дмитриовская

АЛОГИЧНЫЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ И НУМЕРОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ГРОТЕСКНО-КОМИЧЕСКОГО В КНИГЕ РАССКАЗОВ Ю. БУЙДЫ «ПРУССКАЯ НЕВЕСТА»

Аннотация: В статье рассмотрены языковые приемы создания гротескно-комической картины мира в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста», прямо или опосредованно связанные с понятием количества. К ним относятся алогичные перечисления и использование числительных. Показана связь комического и гротеска у Ю. Буйды с гиперболой и нарушением отнесенности перечисляемых сущностей к явлениям одного логического порядка. Выявлены типы алогичных перечислений (зевгма и синтаксический параллелизм) и рассмотрен механизм семантических девиаций, вступающий в противоречие с синтаксической устойчивостью конструкций с однородными членами. Проанализирован случай сближения зевгмы с каламбуром. Выявлена отличительная характеристика нумерологии Ю. Буйды – использование сверхточных больших чисел. Рассмотренные приемы работают на создание гротескной, абсурдной реальности с нарушенным принципом правдоподобия. Отмечена их связь с мифопоэтической семантикой жизни и смерти, где смерть является рождающим началом. Этим объясняется важность области телесного низа в художественном мире Ю. Буйды.

Ключевые слова: Юрий Буйда, «Прусская невеста», миф, гротеск, комическое, гипербола, алогичные перечисления, нумерология.

К.А. Degtyarenko, M.A. Dmitrovskaya

ILLOGICAL ENUMERATIONS AND NUMEROLOGY AS MEANS OF CREATING A GROTESQUELY-COMIC WORLD VIEW IN YURI BUIDA'S BOOK OF SHORT STORIES «THE PRUSSIAN BRIDE»

Abstract: The article considers linguistic means of creating a grotesquely-comic world view in Yuri Buida's book of short stories "The Prussian bride", directly or indirectly connected with the notion of quantity. These are illogical enumerations and using of numbers. It shows connection between comic and grotesque in Yuri Buida's book with a hyperbole and absence of a single logical order in enumerated entities. The article reveals the types of illogical enumerations (zeugma and syntactic parallelism) and the work of semantic deviations, contrasting the syntactic stability of constructions with homogeneous parts of the sentence. It examines the case of convergence between a zeugma and a pun. The article discovers Yuri Buida's distinguishing features of numerology with the large numbers of high-accuracy. It is concluded that all the considered linguistic means work for creating a grotesque, absurd reality with destroyed probability. The authors highlight their connection with the mythopoetic semantics of life and death, where death is a bearing source. It explains the importance of body images in Yuri Buida's literary world.

Key words: Yuri Buida, «The Prussian bride», myth, grotesque, comic, hyperbole, illogical enumerations, numerology.

В сборнике рассказов Юрия Буйды «Прусская невеста» (1998) повествуется о небольшом городке Калининградской области – бывшей немецкой территории, ставшей после Второй мировой войны русской. Описываемый мир мифологизируется в соответствии с поисками писателя ответа на вопрос о характере произошедших исторических изменений, который сопрягается со стремлением найти решение предельного вопроса бытия – о соотношении жизни и смерти.

В архаике смерти как чего-то конечного, завершенного не существовало: «умереть значит на языке архаических метафор *ожить*, а *ожить* – умереть» [19, с. 64]. «Смерть есть жизнь, а потому из жизни проистекает смерть, из смерти жизнь» [19, с. 229]. Подобные архаические представления основаны на связи с землей: она одновременно рождает и умертвляет, через смерть дает новую жизнь. Земля в архаике отождествлялась с производительным и рожающим низом человека, или материально-телесным низом [1; 19]. Связь текстов Ю. Буйды с мифом обусловила важность и особый характер восприятия области телесного низа в творчестве писателя. Здесь это глубоко положительное и созидающее начало.

В архаике, как и у Ю. Буйды, образы материально-телесного низа тесно связаны с гротеском и гиперболой. Гротескное тело как воплощение жизнеутверждающего начала подвергается преувеличению. В стремлении стереть границу между телом и вещью, телом и миром пропорции гротескного тела нарушаются, балансируя на грани реального и ирреального, комического и трагического, жизни и смерти. Механизмы гротеска – фантастическая гипертрофированность образа, сочетание чужеродных, разнопорядковых элементов и игра на контрастах – наиболее точно передают особенности художественного мира Ю. Буйды, мира переходных состояний, а также часто являются основой создания комического эффекта в текстах писателя.

Вопрос о связи гротеска и гиперболы в соотношении с категорией комического на материале книги «Прусская невеста» рассматривался нами ранее [8]. В настоящей статье ставится задача рассмотреть другие языковые приемы создания гротескно-комической художественной картины мира – алогичные перечисления и нумерологии (особенности употребления числительных). Указанные приемы объединяет прямая или опосредованная связь с категорией количества. В случае гиперболических перечислений количественные характеристики заданы через особенности синтаксиса. В нумерологии количество выражается семантически.

Прием объединения в форме перечисления логически неоднородных членов имеет широкий спектр обозначений: комический алогизм [18, с. 35], мнимо однородные перечисления [6, с. 225; 7, с. 79], рассуждения, противоречащие логике [12], конструкции с нарушением смысловой гомогенности [3, с. 234-235], паралогические высказывания [11]. Принцип построения подобных конструкций заключается в нарушении логического порядка. В творчестве Ю. Буйды широко представлены алогичные перечисления, которые основаны на нарушении семантической сочетаемости слов при синтаксической однородности.

Указанный прием традиционно связывают с комическим. Подобные языковые явления следует характеризовать как «группу семантических аномалий, цель которых – привлечь внимание к нарушаемому правилу, достигая этим комического эффекта» [5, с. 94-106]. Прием алогичных перечислений широко использовал Ф. Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», названном М. Бахтиным подлинной энциклопедией народно-праздничного, карнавального смеха. Перечисления Рабле – гротескные, алогичные, чрезмерные, избыточные, проникнутые логикой фарсовой обратности и перевернутости – отражают игровую суть карнавально-народного смеха [1, с. 188, 194-196, 214 и др.]. Связь комического и приема алогичных перечислений рассматривается также в исследованиях, посвященных творчеству Н.В. Гоголя – мастера подобных конструкций [18; 7].

В творчестве Ю. Буйды можно выделить следующие способы создания алогичных сцеплений однородных компонентов: зевгматические конструкции и синтаксический параллелизм. Начнем с зевгмы. Существует два подхода к определению данного термина.

Согласно первому, зевгма трактуется как стилистическая фигура, которая состоит из ядерного слова и зависимых от него однородных членов предложения – равноценных грамматически, но разноплановых семантически, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка [2, с. 60]. При этом комизм возникает за счет игры значений в ядерном слове, актуализируемых зависимыми лексическими элементами конструкции. Механизм этого типа зевгмы аналогичен приему каламбура, под которым понимается словесная шутка (игра слов), основанная на смысловом объединении, или сосуществовании в одном контексте разных значений слова [16, с. 490]. Реализация разных значений в зевгме достигается за счет объединения лексем, указывающих на сущности разных логических порядков, что тоже создает комический эффект.

Представители второго направления определяют зевгму как синтаксический прием экономии языковых средств или как эллиптическую конструкцию с однородными членами, в которой ядерное слово, образующее сочетания с несколькими разными словами, фигурирует в высказывании только один раз [17, 591]. В зевгме второго типа механизм создания комического эффекта несколько другой. Здесь ядерное (общее) слово, объединяющее семантически неоднородные компоненты в грамматически однородном ряду, не реализует разные значения (как в зевгме первого типа), а только актуализирует в соположении с зависимыми словами семантику ирреальности, неправдоподобия, абсурдности, алогичности, что порождает комический эффект.

В рассказах Ю. Буйды используются оба типа зевгматических конструкций. Рассмотрим прием более подробно. Про Зойку-с-мясокомбината в рассказе «Братья мои жаворонки» автор сообщает, что «баба она была *ненасытная до водки и мужчин*» [4, с. 40]. В данном случае комизм достигается за счет столкновения в паратактической цепочке понятий *водка* и *мужчина*, противопоставленных по типу «одушевленное – неодушевленное». Благодаря этому ядерное слово *ненасытная* одновременно реализует два значения: 1. ‘жадный на еду, не могущий насытиться’, которое актуализируется по отношению к слову *водка*; 2. перен. ‘не удовлетворяющийся ничем’ [14, с. 348], актуализируемое в соположении с лексемой *мужчина*. Неожиданное, логически неоправданное переключение на семантически контрастный объект в паратактической цепочке – с *водки* на *мужчин* – провоцирует игру прямого и переносного смыслов в ядерном слове, что в сумме порождает комический эффект.

Комический эффект усиливается, если ядерное слово в зевгматической конструкции под воздействием контекста приобретает новое, окказиональное значение. В рассказе «Седьмой холм» сообщается, что главный герой рассказа Берия Лаврентий Павлович «женился на бабе по прозвищу Мясо. Эта бесформенная колода то и дело *попадала то под поезд, то под сокращение на службе, то под пьяного мужика*, и рожала что придется: *котят, мышей или даже зеленых чертиков*, которые – неспроста же! – все чаще являлись почти трезвым мужикам» [4, с. 16]. Ядерное слово *попадала* объединяет синтаксически однородные члены предложения, противопоставленные по признакам «конкретное – абстрактное», «одушевленное – неодушевленное». Комизм, основанный на нарушении смысловой однородности слов сочинительного ряда, усиливается за счет расширения сочетаемостных возможностей ядерного слова *попасть (под)*. Этот глагол в силу особенностей коннотативной семантики может сочетаться с ограниченным рядом зависимых слов, в число которых не входит последний компонент ряда – существительное *мужик*. В рассматриваемом случае новое окказиональное значение словосочетания *попасть под мужика* (‘вступать в интимную связь’) далее подвергается игровому развертыванию в описании того, кого рожала эта женщина. В основе приема перечисления мнимо однородных компонентов – *кошки, мыши* и *чертики* – во главе с ядерным словом *рожала* лежит другой механизм создания комического эффекта. В конструкциях подобного типа – в нашей классификации это второй тип зевгмы – комизм возникает за счет реализации семантики ирреальности, абсурдности, алогичности. В данном случае

нарушение логического порядка проявляется в том, что женщина не может родить никого из перечисленных существ. Автор играет и компонентами сочинительного ряда, различающимися по признакам «материальное, реальное» (*котятка, мыши*) – «нематериальное, нереальное» (*зеленые чертики*). Комический эффект значительно бы снизился, если бы ряд перечислений состоял из семантически однородных понятий. Высокая степень комизма обусловлена здесь также привлечением понятийной области пьянства, которая является традиционной темой снисходительно-веселого словотворчества в русском языковом сознании [20, с. 101-102], располагающей говорящего к языковой игре [20, с. 5]. Все перечисленные в цепочке существа «все чаще являлись почти трезвым мужикам», то есть находящимся, с одной стороны, в здравом уме и способным реально оценить ситуацию, что свидетельствует о реальности, достоверности невероятного факта рождения всех перечисленных в цепочке существ, но, с другой стороны, – используемое здесь наречие *почти*, указывает на признак частичного опьянения мужчин. Итак, автором применяется конститутивный для игровой поэтики Ю. Буйды прием «мерцания» двух модальностей: «реальное – нереальное» [9, с. 165].

Прием объединения логически неоднородных членов предложения в зевгматической синтаксической конструкции (зевгме второго типа) встречается и в других произведениях. В рассказе «Чудо о Буянихе» сообщается, что «под утро браконьеры, которые уже несколько ночей подряд выслеживали того, кто рвет их снасти, на песчаном островке ниже водопада забили веслами некое чудовище с обезьяньей головой на длинной шее, конскими ногами и туловищем слепой собаки. В желудке чудовища обнаружили *три рваных бредня, ржавую швейную машинку и резко пахнувший водкой граненый стакан*» [4, с. 112]. Подобная детализация находок в желудке невероятного, в духе гротескной образности чудовища имеет целью создать иллюзию реальности его существования. Игровое «мерцание» понятий «реальное – нереальное» рассчитано на создание комического эффекта. Кроме того, контраст двух модальностей акцентируется и характером предметов, найденных в желудке, что усиливает эффект комического. Предметы разнородны и нелепы – это само по себе вызывает смех. Однако все они являются предметами, то есть сущностями одного логического порядка, поэтому, чтобы разбить эту гомогенность, Ю. Буйда играет на разнопорядковом характере признаков этих предметов. Если предметы успели покрыться ржавчиной, значит, они пролежали под водой достаточно много времени. Это предполагает, что и запах водки должен был исчезнуть, – но этого не произошло, более того, запах стал резким. Использование гротескной гиперболы, которая акцентирует сдвиг в логических порядках: слой ржавчины нарастает быстрее, чем выветривается запах, – реализует семантику ирреальности. Степень комизма усиливается за счет синтаксической однородности предложения, которая акцентируется при помощи одиночного союза *и*, что создает особое впечатление логической однородности и законченности перечисления.

В том же рассказе «Чудо о Буянихе» одной из ключевых сцен является сцена прощания с умершей Буянихой: «прощались с Ведьмой и Змеей – многие, многие женщины <...> своими глазами видели, как по ночам Ведьма *летала в ступе (на помеле, на красном быке, на белом льве, на черном вороне, на ассенизационной бочке, на Буяне, на Недотыкомке, на сложноподчиненных предложениях с придаточными образа действия, меры и степени)*» [4, с. 101-102]. Комический эффект провоцируется синтаксической однородностью семантически гетерогенных элементов. Ядерное слово, выраженное предикатом *летала*, объединяет лексемы, указывающие на объекты разных логических порядков: одушевленные (*бык, лев, ворон, Буян*) и неодушевленные (*ступа, помело, бочка*), воображаемые (*Недотыкомка* – отсылка к Ф. Сологубу) и языковые (*предложения*). Но главное здесь в построении цепочки, «ранжировании» предметов. Начав со ступы и помела, которые в сказочном (то есть нереальном) мире могут выступать в качестве средств полета ведьмы, далее писатель постепенно наращивает степень ирреальности, заканчивая предложениями как средством полета. Анализируемая конструкция содержит 10 однородных членов, что намного

превышает среднее количество допустимых единиц (в норме обычно 2-3). Сам прием многократного нанизывания поддерживает и усиливает комизм.

Одновременно в анализируемом рассказе присутствует указание на то, что «многие, многие женщины своими глазами видели», как Буяниха летала на всех этих предметах. Это утверждение создает иллюзию реальности совершения невероятных событий (в том числе полет на предложениях). Однако поскольку это видел не сам автор, а женщины (тем более не днем, а ночью), то здесь содержится указание на возможность того, что они ошиблись. Тем не менее подтверждение реальности этих событий происходит в финале рассказа – в пассаже, описывающем похоронную процессию, в которой шествовали все: «шли красный бык; белый лев; Недотыкомка, непрестанно ковыряющийся в носу; заплаканные сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия, меры и степени» [4, с. 114] и сам повествователь «редактор районной газеты Юрий Васильевич Буйда со своей женой Еленой Васильевной и детьми Никитой и Машенькой» [4, с. 113]. Итак, в финале рассказа сам автор видит все бывшие средства полета в их материальной реальности, что является подтверждением достоверности факта полета. Одновременно появляются и новые фигуранты, среди которых литературные герои, персонажи живописных изображений, предметы и локусы городка. Этот пассаж с огромным перечислением занимает страницу с четвертью. В книге Ю. Буйды это самая длинная зевматическая синтаксическая конструкция. Она построена на основе сочетания грамматически однородных лексем, принадлежащих разным логическим порядкам, которые относятся к ядерным словам со значением движения. Подобные объемные перечисления как прием известны с древности: по сути, это древняя техника эпического перечисления. У Ю. Буйды этот прием применяется в комических и игровых целях: перечисления гиперболизированы до абсурда. В книге Ю. Буйды такого рода гротескные, масштабные перечисления также встречаются в рассказах «Седьмой холм» и «Семерка».

От зевматических конструкций перейдем к синтаксическому параллелизму, под которым понимается стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся синтаксических конструкций, следующих друг за другом, которые характеризуются синтаксической тождественностью и логико-смысловой общностью [10, 49]. Нарушение одного из правил построения конструкции синтаксического параллелизма порождает комический эффект. В текстах Ю. Буйды рассматриваемый прием применяется в разных рассказах и реализуется разными средствами: нагнетанием синонимов – языковых и индивидуально-авторских («Семерка», «Чудо о Буянихе», «По Имени Лев»), повторением предикатов («По Имени Лев»), повторением указательных или вопросительных местоимений («Черт и аптекарь»). В силу объемности самих примеров, репрезентирующих прием синтаксического параллелизма, рассмотрим только один случай из рассказа «Черт и аптекарь» – анафору, или анафорический параллелизм. Анафора представляет собой частный случай синтаксического параллелизма, связанный с повторением начальной части предложений.

В рассказе «Черт и аптекарь» председатель совета по прозвищу Кальсоныч получил информацию, что Генералиссимус умер. Эта весть ошеломила всех жителей городка: «И вот *выходит*, что шпионские газеты писали правду? *Выходит*, и впрямь умер *тот*, по воле которого текли облака в небесах и реки в назначенных руслах, *тот*, кто был единственным мужем наших матерей и единственным дедом наших внуков? Легко сказать: умер. Но *кто* же тогда будет поднимать нас по утрам могучими гудками фабрик и заводов? *Кто* будет растить нашу картошку и наших детей? *Кто* будет выпускать бумагу, макаронные изделия и высококачественные гробы с латунными ручками, прославившие наш городок на весь мир? *Кто* будет выдавать нам зарплату, крутить кино, продавать леденцы на палочке и поплевывать на наших червяков, прежде чем насадить их на крючки и забросить в воду? *Кто* избавит нас от запоров и взгромоздит кобелей на сучек? *Кто*, наконец, будет возвышаться над пышными купами каштанов в скверике на центральной площади?» [4, с. 64-65]. В этом пассаже выделяются две анафорические конструкции.

Первая построена при помощи двукратного повторения вводного слова *выходит* и указательного местоимения *тот*. Вторая организована при помощи шестикратного повторения вопросительного местоимения *кто* в сочетании с предикатом будущего времени *будет*. В данном случае комический эффект базируется на игровом контрасте – на несоответствии формы приема и вложенного в нее содержания. Многократное повторение однотипных конструкций придает пассажи особый эффект – ораторской декларативности, торжественности, приподнятости, эффект лозунга, что предлагает и соответствующее содержание. Ю. Буйда играет этой формой, вкладывая в нее контрастирующий смысл: *крутить кино, продавать леденцы на палочке и поплевывать на наших червяков, прежде чем насадить их на крючки и забросить в воду, избавит нас от запоров и взгромоздит кобелей на сучек*. Столкновение высокопарного стиля, достигаемого многократным повторением лозунговых фраз (*кто будет*), и содержания с противоположной полярностью – бытовой, низкой, уничижительной – является ярким источником комизма.

В рассматриваемом случае комическому обыгрыванию подвергается не только особая ритмико-интонационная модель организации пассажа, достигаемая при помощи приема синтаксического параллелизма, но и один из принципов построения фигуры – принцип нарастания значимости составляющих ее элементов. У Ю. Буйды элементы перечисления выстраиваются по принципу от противного – в конце цепочки располагается наименьший по значимости компонент. Это противоречие является основой создания комического эффекта. Пассаж начинается предложением «умер тот, по воле которого текли облака в небесах и реки в назначенных руслах», где использование гротескной гиперболы до абсурда возвеличивает культ Генералиссимуса. К финалу пассажа, наоборот, прослеживается семантика уничижения: «*Кто* избавит нас от запоров и взгромоздит кобелей на сучек?». Объединение предложений, указывающих на отдаленные, логически несовместимые порядки, является основой создания комического эффекта. В рассмотренном случае прием синтаксического параллелизма подвергается авторской трансформации, что обусловлено игровой стратегией писателя. При помощи обыгрываемого здесь приема происходит комическое восхваление-снижение. Подобные амбивалентные фигуры, заключающие противостоящие начала, уходят корнями в архаику, где смех обладал двойственной семантикой: он снижал, развенчивал (хоронил) и возносил, возвеличивал (возрождал).

Таким образом, используемые Ю. Буйдой перечисления – алогичные, противоречивые и чрезмерно длинные – работают на создание гротескной, абсурдной реальности с нарушенным принципом правдоподобия. Нарушение логического порядка, составляющее основу создания комического эффекта, проявляется здесь в содержательном плане – формально прием перечисления выстроен с соблюдением логических требований. Контраст формы и содержания порождает гротеск и комизм.

Перейдем к явной нумерологии. Игровое использование числительных не является широко распространенным приемом в художественной литературе и разговорной речи, о чем свидетельствует его незафиксированность в исследованиях, посвященных рассмотрению (и перечислению) приемов языковой игры. У Ю. Буйды же этот прием широко используется в качестве средства конструирования игрового пространства текстов. Можно выделить два способа обыгрывания числительных у Ю. Буйды, которые выступают как отдельно, так и в связке. Это, во-первых, мифопоэтическая составляющая указаний на число и количество, во-вторых, гротескный характер преувеличения, присущий количественным характеристикам. В настоящей статье акцент будет сделан на гротесковом характере нумерологии у Ю. Буйды, а также его игровом и комическом потенциале.

Дело в том, что не каждое гиперболизированное число гротескно. Так, у числительных, за которыми в языке закреплен статус указания на большое число, эффект гротесковости отсутствует. Это «круглые» числительные 100, 150, 200, 1000 и др. В выражениях типа «Я сто раз тебе говорил», «Ему можно тысячу раз повторять», «Мы с ним тысячу лет не виделись» функция преувеличения количества заключается в повышении

экспрессивности, что достигается за счет употребления вместо выражения *очень много* – количественного, более эмоционального выражения. В языке функция количественного преувеличения закреплена и за рядом существительных (*море, гора, куча, бездна, тьма*), имеющих общую семантику множественности. Итак, гиперболизация, или преувеличение количества составляет общезыковой прием. Что же тогда делает число гротескным?

Гротескную концепцию числа развивает М.М. Бахтин, который выделяет в романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» гиперболизированные числительные – безмерно преувеличенные, раздутые, хватающие через край, нарушающие всякое правдоподобие, а также вводит понятие гротескной структуры числа, то есть числа, «подчеркнуто отклоняющегося от уравновешенного, спокойного, круглого и завершенного – числа асимметричного и открытого» [1, с. 514]. Другой подход реализует В.П. Руднев. Использование больших чисел исследователь определяет не традиционно – как *гиперболизм*, а как – *гиперобсессию*. В.П. Руднев исследует так называемый *обсессивный дискурс*, организованный посредством больших чисел, на материале творчества Ю. Олеси, В. Маяковского и Д. Хармса. Выразительность числа состоит «в сочетании гиперрациональности и оккультности»: большое число имеет значение не просто ‘очень много’, а ‘неправдоподобно много’, ‘чудесно много’, но при этом оставляет иллюзию точности, «некоей обсессивной завершенности и достоверности произносимого» [15]. Это амбивалентное свойство обусловлено тем, что числительное, являясь объектом деловых документов и научной литературы, при его употреблении в художественной литературе сохраняет эффект документальности, достоверности описываемого, приближая художественную реальность к действительной реальности. Именно на этой особенности числа и играет Ю. Буйда. В творчестве писателя игра на взаимооборачиваемости художественной и действительной реальности представляет собой один из конститутивных способов создания комического эффекта. Фантастически гиперболизированное, ирреально большое число одновременно наделяется признаком реальности. Совмещение двух контрастирующих планов – реального и ирреального – обуславливает гротесковый характер числительного, ведь по своей сути гротеск – это игра на контрастах (сочетание несочетаемого). У Ю. Буйды выделяются два механизма создания комических числительных в стиле гротесковой образности: чрезмерная точность гиперболизированного числительного и введение реальной детали, игровым образом конкретизирующей или уточняющей гротескно-гиперболизированное указание на число. Рассмотрим каждый прием более подробно, учитывая обе концепции гротескного числа – М.М. Бахтина и В.П. Руднева.

Комический эффект чрезмерно точного гиперболизированного числительного основывается на псевдодокументальности, псевдоточности, под которой понимается введение чрезмерно точного гиперболизированного числительного, когда сколько-нибудь точный подсчет вообще невозможен или является излишним, ненужным, избыточным. Это объясняется стремлением автора к игре: сделать повествование максимально объективным, создать иллюзию реальности описываемых событий.

В рассказе «Тема быка, тема льва» весь городок готовился к появлению Богини (самой красивой в мире женщины) на танцах в клубе вечером. «Ради такого случая открыли пустовавший летом зал в первом этаже гостиницы, смели пыль с окон и светильников, гроздьями свисавших с потолочных балок, и притащили *три тысячи сто семьдесят три пластинки*» [4, с. 54]. Комический эффект основан на том, что составное гиперболизированное до гротескных размеров числительное детализировано вплоть до единиц. Сама структура числа гротескна. Если бы это число было бы на три единицы меньше – *три тысячи сто семьдесят*, то комический эффект резко бы снизился. В этом случае число бы «успокоилось, закруглилось, завершилось»: оно перестало бы быть гротескным числом [1, с. 514]. Число у Ю. Буйды подчеркнуто отклоняется от уравновешенного и завершенного числа. Это число асимметричное и открытое. Гротескная структура числа является здесь мощным источником создания комического эффекта.

Игровая стратегия Ю. Буйда заключается в создании эффекта достоверности, документальности совершаемого в рассказе невероятного, вакхически-оргиастического действия с оживлением скелетов, манекенов, превращением танцующих людей в свиней и пр.

Главный герой рассказа «Бедный крестьянин» Алексей Иринархов по прозвищу Бедный Крестьянин, неудачник по жизни, прославился в городке за свое умение рассказывать «необыкновенно правдивые истории» [4, с. 83]. По возвращении с Урала в первый же вечер Бедный Крестьянин поведал мужикам историю своего обогащения. «Спасаясь от цинги, он прибегнул к самому эффективному средству: добавлял к пище золотые опилки, обтачивая потихоньку самородок. Когда впереди показались крыши таежного поселка, от куска золота уже ничего не осталось: Бедный Крестьянин съел его. *“Девятнадцать кило триста пятьдесят семь граммов, – с мечтательным вздохом уточнил Бедный Крестьянин. – Видели бы вы тогда мой кал...”*» [4, с. 84]. В основе комического эффекта лежит гротескное преувеличение количества съеденного золота – детализированного до граммов, что при таком гиперболизированном числительном является излишним. Авторская стратегия введения столь скрупулезно детализированного числительного заключается в игровом стремлении сделать повествование максимально достоверным: заставить читателя поверить, что золото есть действенное средство против цинги (что является ложью). «Мерцание» двух модальностей – реальное (правда) и нереальное (неправда) – является одним из источников комического. Одновременно комическое здесь связано и с введением снижающего телесного начала. Два полюса – золото и кал – «всегда притягивались друг к другу в художественном языке и обыденной речи, фольклоре и литературе» [13, с. 123]. Так, известно, что золотом, помимо драгоценного металла, назывался еще и кал, прежде всего человеческий: *золотарить* обозначает ‘убирать отхожие места’ [13, с. 127]. Итак, в рассмотренном случае прием введения псевдоточного числительного дополняется игрой смыслов, реализующей комический эффект на разных уровнях: на поверхностном – за счет введения архаического символа смеха (лексемы *кал*) и на имплицитном – посредством привлечения культурно-языковых связей и ассоциаций. Степень комизма значительно повышается при обнаружении завуалированных смыслов.

Второй используемый Ю. Буйдой прием заключается во введении детали, конкретизирующей или уточняющей гротескно-гиперболизированное количество. Функцию этой детали выполняет лексема, которая указывает на предмет реального мира. Ее появление приводит к «мерцанию» реальности и ирреальности. Похороны Буянихи описываются следующим образом: *«Восемьдесят пять самых крепких мужчин, у каждого из которых было не менее двоих детей, благоговейно вынесли из больницы тело Буянихи. <...> Восемьдесят пять самых крепких мужчин, у каждого из которых было не менее троих детей, благоговейно сняли лодку с машины, торжественно внесли в паркетный зал»* [4, с. 96]. *«Громко фыркнув, доктор Шеберстов приказал нести гроб на руках, и тотчас сто пятьдесят самых крепких мужчин сняли лодку с машины. Процессия двинулась дальше»* [4, с. 114]. Сцена похорон Буянихи переводится в комический план. Это достигается за счет гротескного нарастания числительных с резким скачком от восьмидесяти пяти до ста пятидесяти, что вводит семантику ирреальности, абсурдности данной ситуации, поскольку совершенно невероятно, чтобы один гроб поднимало такое количество мужчин. Преувеличение мотивировано тем, что после смерти героини вся энергия, исходившая от нее при жизни, материализуется в ее усопшем теле: *«казалось, она была сразу во многих местах, <...> рядом с каждым жителем городка. Она была здесь и повсюду, сейчас и всегда. Она была всевездесущей и бессмертной. <...> Казалось, энергия, выработанная этой женщиной, продолжала жить и после ее смерти, – а можно ли уложить в гроб и похоронить энергию – вихрь, смерч, ураган?»* [4, с. 95]. Именно поэтому тело после смерти внезапно приобретает космический масштаб и с развитием сюжетной линии, с приближением к моменту погребения оно все больше увеличивается и растет (о чем свидетельствует рост числительных). Гротескное тело буквально заполняет собою весь

мир: «Водокачка Буянихи. Мостовые Буянихи. Голуби Буянихи. Водопад Буянихи. Шлюзы Буянихи. Облака Буянихи. Сновидения Буянихи. Дожди Буянихи. Солнце, Луна и Звезды Буянихи. Пространство Буянихи. Время Буянихи» [4, с. 103].

В данном случае на создание комического эффекта также работает деталь, указывающая на количество детей у «самых крепких мужчин», поднимавших гроб с телом Буянихи: сначала не менее двух детей, потом не менее трех. Числительные, указывающие на количество детей, не нарушают принцип правдоподобия, поскольку иметь двоих или троих детей вполне допустимо. Введение реальных числительных создает комический контраст по отношению к гротескно преувеличенным числительным, указывающим на количество мужчин. Одновременно эта «реальная» деталь – количество детей – есть скрытое указание на мужскую производительную силу, которая ставится здесь в зависимость от физической силы мужчин: чем сильнее мужчина, тем больше детей. Актуализируемая в завуалированной форме семантика телесного низа – снижающего и одновременно рождающего – является основой создания комического эффекта. Итак, смерть Буянихи оказывается в буквальном смысле чреватой новым рождением, что реализует архаическую концепцию вечного круговорота, где смерть есть жизнь, а потому из жизни проистекает смерть, из смерти жизнь.

В рассказе «Черт и аптекарь» появляется эпизодический персонаж Лидочка – «весьма интересная девушка, весившая ровно восемь пудов – без ботинок и лифчика» [4, с. 66]. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* в составе имени собственного Лидочка предполагает, что субъект имени – это либо маленькая девочка, либо миниатюрная девушка. Однако в рассказе эта девушка весит «*ровно восемь пудов*». Пуд – это старая русская мера веса, равная 16,38 кг. Совершив несложную математическую операцию умножения 16,38 на 8, мы получаем вес Лидочки – 131 04 кг. Контраст имени с вложенной в него семантикой ‘маленький’ и веса девушки порождает комический эффект. Итак, в данном случае комизм построен на приеме «обманутого ожидания»: на игре между ожиданиями и конечной реализацией этих ожиданий. В рассматриваемом случае комический эффект усиливается за счет введения наречия *ровно*, выполняющего здесь функцию псевдоточного указания на вес персонажа. На создание комического эффекта также работает деталь, сообщающая, что это чистый вес девушки «*без ботинок и лифчика*». Подобная детализация, уточняющая вес «нетто» героини, является комичной, поскольку происходит нарушение традиционных представлений о процедуре взвешивания. Если бы автор использовал в качестве уточняющей детали только ботинки, эффект комического не был бы столь сильным: при взвешивании действительно принято снимать обувь. Что касается лифчика, то эта деталь женского гардероба практически ничего не весит. Однако указание на лифчик в рассказе наводит на мысль, что у Лидочки он по весу соизмерим с весом ботинок (ввиду ее большого веса). Здесь в имплицитной форме содержится указание на огромный размер груди героини. Указание на вес героини комично также потому, что это вообще единственная характеристика – деталь, которая повторяется автором в рассказах, где появляется этот персонаж: дважды в рассказе «Черт и аптекарь» и единожды в рассказе «Чудо о Буянихе».

Казалось бы, что нет ничего более далекого от комического, чем число. Однако Ю. Буйда и его сумел сделать смешным и приобщить к карнавальному миру своих произведений. Числа, принадлежащие художественному миру Ю. Буйды, беспокойны, открыты, незавершенны, двусмысленны – они развенчивают и снижают. Но это не нигилистическая, а веселая карнавальная профанация, возрождающая и обновляющая число. У Буйды господствует особая эстетика числа – гротескная и комическая. Такова же и эстетика алогичных перечислений.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья. М., 1990.
2. Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. № 5.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1984.
4. Буйда Ю. Прусская невеста. М., 1998.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
6. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.
7. Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: от Гоголя до Ахматовой. М., 2003.
8. Дегтяренко К.А., Дмитровская М.А. Гипербола, комическое и гротеск в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста» // Слово.ру. Балтийский акцент. Калининград. 2013. № 4.
9. Дмитровская М.А. Об отношении искусства и действительности, или Почему майор Лавренов убил Элизу Прево: рассказ Юрия Буйды «Чужая кость» // Балтийский филологический курьер. Калининград, 2004. № 4.
10. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. 1977.
11. Клюев Е.В. Риторика. М., 1999.
12. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
13. Новичкова Т.А. Сор и золото в фольклоре. Полярность в культуре // Канун: Альманах. Вып. 2. СПб., 1996.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1985.
15. Руднев В.П. Обсессивный дискурс // Логос. 2000. № 3.
16. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
17. Скребнев Ю.М. Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия. М, 1997.
18. Слонимский А. Техника комического у Гоголя. СПб., 1928.
19. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
20. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

Г.И. Полторжицкая, Р.Ю. Иващенко

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация: Статья посвящена проблемам состояния славянского фольклора на территории Восточно-Казахстанской области. Выявляется жанровый состав несказочной прозы, а также выделяются характерные для региональной традиции произведения. Для анализа использованы жанры мифологических поверий, быличек, суеверных рассказов, обрядов и обычаев. В статье последовательно прослеживается, что мифологическая проза пронизывает многообразные стороны жизни общества и активно проявляет себя во многих фольклорных, ритуально-коммуникативных и речевых жанрах. Славянский фольклор, являясь неотъемлемой частью общекзахстанского региона, развивается в соответствии с общими законами, в то же время неизбежно отражает самобытность местного уклада.

Ключевые слова: мифологическая проза, демонологические представления, быличка, нарратив, оппозиция «свой – чужой», диалектные обороты, мотив.

G.I. Poltorzhitskaya, R.Y. Ivashenko

CURRENT STATE OF MYTHOLOGICAL PROSE IN EASTERN KAZAKHSTAN

Abstract: The article covers the issues of current state of the Slavic folklore in Eastern Kazakhstan. It highlights the genre composition of non-mythical prose, as well as, traditional opuses. The analysis is based on the genres of mythological legends, folk tales, superstitions, customs and traditions. The article consecutively describes how the mythological prose penetrates various sides of life and actively comes out into numerous folklore, ceremonial communications and verbal genres. The Slavic folklore, as an integral part of Kazakh region, is developing in line with the general rules, and at the same time, is reflecting the uniqueness of local behaviours.

Key words: mythological prose, demonological beliefs, folk tale, narrative, antithesis: insider – outsider, dialectal forms, motive.

Цель нашего исследования – выделить особенности и связи славянских демонологических представлений с фольклорной традицией народов, проживающих на территории Восточного Казахстана. Мы обратились к региональному материалу, который позволил обнаружить изменения, характерные в современной фольклорной ситуации, и выявили особенности функционирования системы демонологических персонажей в народной культуре Восточного Казахстана. Наше исследование базируется на работах классических и современных исследователей: А.Н. Афанасьева, Е.М. Мелетинского, Л.Н. Виноградовой, А.К. Байбурина, казахстанских ученых – М.М. Багизбаевой, Н.М. Назаренко, А.Д. Цветковой.

Каждой эпохе свойственна своя мифология, которая определяется параметрами времени, этноса, социума и т. д. Миф, по словам Е.М. Мелетинского, «первичная модель всякой идеологии и синкретическая колыбель различных видов культуры – литературы, искусства, религии и, в известной мере, философии и даже наук» [5, с. 78]. В славянском

фольклоре практически не сохранилось мифов о верховных божествах, участвовавших в сотворении мира. В связи с этим в реконструкции мифологической системы персонажей центральную роль будут играть герои «низшей» мифологии, так как на сегодняшний день в мировоззрении славян сохраняется комплекс верований в сверхъестественные существа демонологического характера – это фольклорные тексты о духах, нечистой силе и людях, наделенных фантастическими исключительными способностями. Демонологические поверья, по мнению Л.Н. Виноградовой, пронизывают практически все, самые многообразные стороны жизни традиционного общества и активно проявляют себя во многих фольклорных, ритуально-коммуникативных и речевых жанрах. Они являются неотъемлемой частью семейных, календарных и хозяйственно-бытовых обрядов; тесно связаны с представлениями о времени и пространстве, о явлениях природы, о животном и растительном мире, о причинах возникновения болезней и эпидемий; находят свое отражение в представлениях о судьбе человека, его удачливости и психическом здоровье [3].

В фольклорных материалах архива ВКГУ им. С. Аманжолова с 2004 по 2012 год зафиксировано около 30 текстов несказочной прозы, записанных на территории Восточно-Казахстанской области (ВКР). Большинство из них составляют былички, но сами информанты называют свои рассказы поверьями, преданиями, рассказами о прошлом, случаями и даже легендами. В Курчатове был записан следующий текст: «Рассказывали мне, что вроде был какой-то механизатор – Иван. И здесь была посеяна, якобы пшеница. Потом случился пожар. Он решил спасти пшеницу и опахивал вот это вот место, на котором образовалась гора. Но насколько верна эта легенда, я не знаю» [1, с. 9].

Наибольшее число быличек было записано в селах со старожильческим русским населением, появившихся в числе первых славянских поселений. Это село Северное и Никольское Зырянского района, с. Коробиха Катон-Карагайского района, с. Черемшанка, Глубоковского района, с. Палатцы Самарского района, с. Самарское Кокпектинского района. Но в ВКО былички бытуют и в городской среде, ряд из них был записан в г. Усть-Каменогорске, Риддере и Курчатове.

В нашей области записаны былички, где главные герои являются традиционными персонажами восточно-славянского фольклора: это ведьма, колдун, черт, домовый, банник. Под быличкой мы вслед за А.Д. Цветковой будем понимать устный прозаический суеверный рассказ о столкновении человека с представителями «чужого» мира или с людьми-посредниками между «своим» и «чужим» миром. Построенные на суевериях данные устные рассказы служили своеобразным доказательством могущества и всевластия представителей народной демонологии (комплекс мифологических представлений и верований в «нечистую силу», принадлежащую к потустороннему миру и взаимодействующую с человеком) [7].

Несмотря на сложившуюся фольклорную традицию, с течением времени в фольклорных текстах нашего региона отражаются история заселения местности, хозяйственно-экономические, природные, культурно-бытовые особенности края. Межэтнические связи народов проявляются в том, что устные рассказы записываются не только от русских, но и от информантов других национальностей: немцев, поляков, казахов, белорусов и украинцев. От информантки Сучковой В.Д., украинки, записано: «Я слышала, почему село Камышенка называлось. Там было озеро, и росли одни камыши и деревья, сосны. И вот, люди, в основном, с Украины приехали на лошадях. Ехали в город Верный – это в Алматы. А там значит, были местные жители, но их было очень мало. И вот мой отец и мать обозом ехали с Украины в Казахстан. Обозом – это 20-30 повозок, на каждую семью своя повозка. И они доехали до Семипалатинска, немного не доезжая, им люди стали говорить, вот, не езжайте туда. Там, значит, делают набеги казахи. Они и сами знают казахи, что такое было, что там грабуют, все забирают повозки, все. И многие уехали, а мои деды остались. А село назвалось Камышенка, потому что там было озеро и очень много камышей росло. Так и назвали Камышенка» [1, с. 9].

В текстах часто называются конкретные имена и фамилии: Иван, Сергей, Яна, Петр, Мария Протопопова, Санька. Информантка М.В. Какаулина из с. Северное Зырянского района повествует о событиях, происходивших в ее селе: «Председатель сельсовета был по фамилии *Плотников*. Все пошли с иконами – старухи, ребятишки. Было советское время, запрещали же. Плотников вышел и сказал вроде того что куда пошли, куда вас нечистая понесла. А у него был маленький сын, его Галина мать (теща) несла на плечах. Подошел колхозный бык и боднул женщину. Ей ничего, а сын председателя слетел с плеч и насмерть. Гадай теперь: Бог наказал или нет» [1, с. 9].

Безусловно, можно говорить о продуктивности жанра, свидетельством этого является включение в текст быличек не только современных местных реалий, но и современных разговорных и диалектных оборотов («*короче*», «*прям*», «*в натуре*», «*шуганулись*» и др.). От Карменова Ж.М., казаха по национальности, записана следующая быличка: «Это мне еще бабушка моя рассказывала, что есть *за аэропортом*, там где *Прапорщиково* – вот это все – гора, *короче*. И там, *короче*, есть пещера. *Прям* конкретная пещера, большая. Она еще говорит, там этот, как его, бандит... А! – Разбойник! – Во! *Короче*, говорит, разбойник там жил и оттуда, с горы, всех высматривал, и, *короче*, грабил там, кого. А! Орел – *короче*, она говорила – и гору в честь него так называли. Ну, что он как орел там высматривал все.

Ну и мы, *короче*, еще пацанами были – классе в седьмом, что ли? – ну и поехали, *короче* эту пещеру искать. Человек пять было, где-то. Ну и поехали, *короче*, в «экспедицию». Все – на «двенадцатом» до аэропорта, там потом... *Короче*, ходили-ходили там по горам по этим, хрен знает сколько.

Нашли мы эту пещеру! Ага! Нашли – все... Зашли, *короче*, туда, ну там как – заползли, скорее. А там, внутри-то, *прям* конкретная пещера, ну как вот комната, *короче*, большая. *В натуре!* И там, вроде, дальше еще есть че-то. Ну там я не разглядел. Почему! Потому что там, *короче*, такой камень – вроде как стол. Ну стол, *короче*, конкретный. А на столе на этом (я отвечаю!) стоит бутылка вина и консерва какая-то открытая. И мы, такие, стоим, смо-отрим. И там вдруг, в глубине-то че-то – как кашлянул, что ли, кто-то. И мы тут, *короче*, ... как *шуганулись!* Я вот даже не помню, как бежал, куда бежал...

Потом-то мы уже с пацанами думали, кто бы это мог быть. Скорее всего, зэк какой-нибудь сбежавший. Ну а кто еще? Вот такая у нас была «экспедиция». Но, главное, пещеру-то мы нашли! Так что есть эта пещера!» [1, с. 10].

Несомненно, наблюдается подвижность жанра, что позволяет наблюдать не только суеверное мировоззрение информантов, но и детали окружающей человека современной действительности. Функционирование жанра быличек определяется, прежде всего, назидательным характером текстов. В них проецируются поведенческие нормы. Все, что противоречит народной морали, приводит к дисгармонии между «своим» и «чужим» миром. В быличках осуждается такое явление, как воровство. «Дед, отец моего отца, знал слова, чтоб у него никто ничего не украл. Оставит сани на улице, например, и если, кто-то что-то украдет, он от саней не сможет отойти», – вспоминает М.И. Гетеникова из села Самарское. [1, с. 5]. Нарушение той или иной нормы поведения влечет за собой наказание, в данной быличке это невозможность уйти с места преступления.

Наиболее распространенной темой в быличках, записанных на территории ВКО, является тема домашнего культа, а демонологическим персонажем – хранитель этого культа домовый. Дом, жилище для человека – свое освоенное пространство, это «один из ключевых символов культуры» [2, с. 3]. «В образе домового, – считает исследовательница жанра быличек А.Д. Цветкова, – олицетворяется жизнь дома, совокупность неведомых и непостижимых явлений, причин, действий возле домашнего очага. Исходя из этого, любое нарушение гармонии, равновесия в системе «дом-человек» приписывалось действиям домового в ответ на нарушение традиционной нормы» [7, с. 26-27]. Это может быть реакцией духа дома на незнакомого, чужого человека. «Летом ко мне из Ярославля

приезжала моя двоюродная сестра Яна. Мы остались с ней дома одни. Вдруг я обнаружила, что дома закончился хлеб, и пошла в магазин. Яна осталась дома одна. Когда я вернулась и зашла в свой подъезд, то увидела сестру на площадке. Она была напугана и говорила, что больше никогда не останется у меня дома одна. Впоследствии она рассказала мне, что как только я ушла, ей на правое ухо кто-то стал шептать что-то неразборчивое. Скорей всего это был домовый. Наверное, он увидел в моей двоюродной сестре незнакомого человека» (записано в 2009 г. в г. Усть-Каменогорске от А.П. Лейсле, 1991 г. р.) [1, с. 11].

В следующей быличке информант очень подробно останавливается на описании домового:

«Мария Протопопова (односельчанка в родном селе – *примечание А. Семенко*) видела домового! Рассказывала. Она вечером тесто ставила. Но и воды у ней не хватило. Она думает: «Че же делать?» Поздно уж. К колодцу не схотелось ей идти. Думает: «В бане возьму воды!» Но и пошла в баню-то. А у их баня-то за огородом. Но вот она в баню-то заходить. Фонарь у ей. А он у ей в ногах-то и как побежит наружу-то. Ее толкнул. Ага. Она-то упала. Не заорала, главно, ниче. Соскочила и – домой. А там-то потом отдышалась, но а пото-ом уж потом рассказывала. Ага. Разглядела она видь ево. Маленького росту – как мужичок такой невысокай. Ага. А он ышшо согнулся весь, вроде как прятался. Да весь в шерсти. Шерсть-то длинная, вроде как у медведя. Да и бурая тоже. А лицо вроде как прятал. А у ей ышшо спрашивали: може то медведь-то и был?. Нет, говорит, не медведь. На ногах, говорит, бежал. Да и видала, говорит, медведей я. А може то цыган, говорят, какой, приبلудный? В полушубке, мехом наружу? А она говорит, нет, мол, шерсть-то и на лице была – заметила, и на голове. Но. И цыганов-то по ту пору никто окрест не видал. От. А ышшо у ихнай лошади нет-нет, да и косички в гриве появятся. Много потом че говорили...» (записано в 2008 г. в г. Усть-Каменогорске от М.Г. Хайдиной, 1926 г. р.) [1, с. 16].

«Люди, скажем, домового почитают. Это дух дома, это хозяин, к нему очень уважительно надо относиться. Вот, в нашем городке я слушала много историй про домовых. И одна женщина мне рассказывала о том, что она переехала в новую квартиру, купила ее у бабушки у одной. И у нее начались в квартире непонятные вещи. Вот у нас на кухне есть такой ящикек, как мы его называем, хрущевский холодильник. И там она хранила банки с вареньем. И вот она говорит, не пойму, что такое. Постоянно какие-то стуки, звоны и так далее. И, как утром встаю, у меня постоянно банки вот эти, которые с вареньем, они все выброшены из этого холодильника. И некоторые, конечно, разбитые, все варенье по полу. И она не знала, что делать. Это продолжалось в течение некоторого времени и пришлось мне эту бабушку потом разыскивать, прежнюю хозяйку. И вот, когда она ей рассказала, что творится что-то неладное в квартире, бабушка и говорит, что домового-то она забыла взять с собой.

А вообще есть такой обряд, обычай, как забрать с собой домового на новое место. Приходишь домой и вот, когда уезжаешь, нужно позвать домового с собой. Обычно, берется такой лапоть, веничек и вот в такое место, где думаешь, может жить домовый, подносишь лапоть, как совочек, и веничком заметаешь. И приговариваешь: «Хозяин, хозяин, пойдём-ка со мною в новое место жить». И как бы заметаешь. И вот таким вот образом уносишь его с собой.

А если ты уехал и забыл домового, то, естественно, к новому хозяину он очень пренебрежительно относится, начинает делать различные проказы.

Бывает, что обозлиться может домовый. Многие бабушки рассказывают, что когда к вам приходит домовый, он приходит с какой-то вестью, либо с радостной, либо с печальной. И обычно он представляется таким вот мохнатым существом, пушистым, но очень холодным на ощупь. Ну вот так вот рассказывали очевидцы. И когда к вам приходит домовый, если он запрыгивает к вам на кровать, нужно его вот так вот обнять и сказать: «К худу? Или к добру?». И вообще, можно услышать. Если к добру, он вам ничего не скажет, просто помолчит, полежит и уйдет. Если к худу, то можно услышать – к худу, к худу. И вот, как бы, он вестник такого, что возможно что-то изменится.

Бывает, что домовые обижаются на хозяев, тогда пропадают вещи. У меня обычно пропадают тетради. Бывает такое. И я все время хожу, не могу найти тетрадь. Потом становлюсь посреди комнаты и говорю: «Отдай. Вот тебе нужны эти тетради? Отдай». И через 2 дня я их нахожу» (записано в 2008 г. в г. Курчатове от С.М. Топоровой, 1962 г. р.) [1, с. 23].

По композиции среди записанных текстов можно выделить рассказы двух типов. В первом типе мы наблюдаем сохранение всех традиционных особенностей жанра: установку на достоверность, ссылку на авторитетный источник, указание на точное место происшедших событий. Сюжет былички связан чаще всего с конкретным лицом. «Ночью, часа в два, мой отчим Сергей приехал с работы домой. Он лег спать, но через несколько минут услышал, как в ванной бежит вода. Воду открыть было очень трудно – краны были тугие. Сергей пошел, отключил воду, крепко закрутил кран. После этого он опять лег спать. Через некоторое время в ванной опять побежала вода. Сергей разбудил мою маму. Они вместе слышали, как бежит вода. Мама потом сказала, что так шутит домовый. А Сергей впоследствии видел домового воочию. Он описал его так: невысокое существо, примерно 50 см. ростом, похожее на дедушку, покрытый длинной густой шерстью» (записано в 2008 г. в г. Усть-Каменогорске от А.А. Заклинского, 1957 г. р.) [1, с. 30].

Второй тип – это рассказы, абстрагированные от конкретного лица, местности и времени происходящего события. «Шел мужик по деревне. Смотрит, у ворот чьих-то собака черная сидит и на него лает. Взял мужик камень и хотел кинуть в собаку. Пригляделся, а то уже не собака сидит, а старуха в черных лохмотьях. Говорит ему старуха: «Чем я тебе помешала?» Мужик испугался, покачал головой. «Ну и иди тогда отсюда подальше, а то я тебя в кого-нибудь превращу», – сказала старуха» (записано в 2008 г. в г. Усть-Каменогорске от Ж.М. Карменова, 1969 г. р., казах). По мнению А.Д. Цветковой, «фабулат, лишенный конкретности, – это своеобразная ступень эволюции сюжета, что иллюстрирует мысль о продолжающихся в наши дни процессах создания новых, не разрушающих традиционную художественную основу рассказов» [7, с. 20].

Часто быличка повествует не только о столкновении человека с ирреальным миром, но и о семейном укладе, деталях народного быта. «Дело было уж скоро двадцать лет будет, как Санька (сын – *примечание А. Семенко*) тогда еще не разговаривал толком. Ну так – мама, папа, ляля, да и то – когда как. Мы тогда еще на Арматурном жили. Ну вот, однажды вечером, как-то, его спать уложили. Убаюкали. Ну и сами... А! Моя-то тогда на смене была. Ну вот. А я чего-то там делаю. То ли писал чего-то. Не помню. Но это и не важно. В общем, лежал он и, главное, спал, вроде. И вдруг как-то так садится, показывает рукой в угол комнаты и четко – абсолютно четко – произносит: «Там боб!» Потом посидел еще секунд пять, лег и дальше спит.

Надо сказать, что я, вообще-то, мистикой совершенно не увлекаюсь, ну и как-то вообще эта тема меня не трогала. Я был «правоверным» материалистом. Но в этот момент мне стало, мягко говоря, не по себе. Сашка-то дальше спит, а я вот долго тогда не смог уснуть. Но это еще не все. Потом еще продолжение было.

Уже несколько лет прошло (я уж не помню сколько). Я уже и как-то подзабыл про этот случай. А тут как-то – сплю. И вдруг что-то меня разбудило. Бывает так – шум какой-нибудь или еще что-нибудь. А тут вроде и шума-то не было. Но только проснулся я. И почему-то сразу сел. И вдруг увидел – и именно в том самом углу, куда в тот раз Сашка показывал – такая, как галактика, спираль, такого изумрудного цвета. И она, вращаясь, постепенно втянулась в точку. Ну, где-то секунды за две. В общем, опять я, конечно, заснуть уже не мог. Ну вот. После этих случаев я, конечно, уже не стал таким ярким материалистом как раньше. Мистиком, надо заметить, я тоже не стал, да и не собираюсь, но вот, например, в домового верю довольно твердо, надо сказать» [1, с. 22].

Рассказчик говорит и об изменении своего отношения к сверхъестественному. Данный текст был записан от Заклинского А.А. в г. Усть-Каменогорске. Следует отметить неповторимую манеру исполнения данного информанта, которая проявляется не только в отношении к описываемому событию, но и в художественных особенностях рассказа. В текст включаются личные комментарии, оценка событий, попытка проанализировать и объяснить увиденное, что создает определенную интригу, занимательность повествования, а также раскрывает внутренний мир самого рассказчика.

Взаимоотношения человека и природы в быличках четко регламентированы. Нарушение этих отношений грозит опасностью человеку. Особенно это проявляется, когда человек нарушает устоявшееся веками соблюдение календарных обрядов, а именно совершение купания в запрещенное для этого время. «Я узнала, что в день Троицы (день всех утопленников) никто никогда в селе не купается, включая молодежь. Были, конечно, и исключения, но все, кто купался в этот день, неизменно тонули. В селе есть болото, которое раньше было чистым, в нем купались. Однажды в день утопленников компания из пяти человек решила там искупаться, как их ни уговаривали одуматься, они только смеялись и говорили, что не верят в «бабушкины сказки». Стали купаться: ныряли, веселились, шумели. Один из них зацепился под водой за что-то, остальные кинулись его спасать, нет, я не знаю, может это просто виннинская легенда, но и сейчас к этой воде не подходят. Все 5 человек в тот день утонули. После произошедшего водоем стал заболачиваться, в нем уже никто не купался, воду считали проклятой. Было это на самом деле или нет, я не знаю, может, это просто виннинская легенда, но и сейчас к этой воде не подходят» [1, с. 14].

Для бухтарминских староверов река служила символом благодатного края. Она отдавала свою животворящую силу, служила оберегом для новорожденных, которых в ней крестили и наказывала преступников за злодеяния. «Пуская плот со злоумышленником по течению реки ... полагались на волю Божью и рассуждали: невиновен, значит останется жить, виновен – Бог его накажет. Когда хотели показать свою удаль, говорили: «Ведьмы в Бухтарме крещены» [4, с. 86]. Но вода, река в народном понимании всегда считалась и границей между мирами и, соответственно, представляла опасность для человека. В быличке мы наблюдаем устойчивый мотив-инвариант: «человек переживает последствия контакта с мифологическим персонажем», нарушение запрета оборачивается гибелью для людей.

Тексты быличек соединяют в себе не только языческие верования и обряды, но и православные представления о нечистой силе. Христианским персонажем, воплощающим нечистую силу, является черт. Н.М. Назаренко, исследуя сказочную прозу Казахстана, отмечает, что сам образ черта довольно редко встречается в быличках, чаще это обобщенный образ нечистой силы, вобравший в себя множество народных суеверий [6]. В следующей быличке демонологический персонаж не определяется рассказчиком. «Это было после войны. Брат мой Иван, работал бригадиром. Ехал из Акчуа аула. Ехать надо было 6 км. Там по дороге был крутой овраг. А с ним были две собаки. Когда он доехал до этого оврага, собаки кинулись лошади под ноги. И он обратил внимание, что там трое высоких мужчин в белом прыгают по узкой тропинке друг за другом. Лошадь остановилась, и они остановились. Он думал натравить собак, а собаки спрятались. Он и сам испугался. Стал погонять плеткой лошадь, лошадь храпит, а не идет, и они стоят. Он сильнее ударил лошадь, лошадь начала ход, и они попрыгали тихо. И он это место проехал тихо, пока они не скрылись из этого места» (записано в 2007 г. в селе Самарское от М.И. Гетениковой, 1935 г. р.) [1, с. 22]. Мифологический персонаж в данном нарративе не называется, но его присутствие проявляется в невозможности человека объяснить происшедшее. По мнению А.Д. Цветковой, «большинство славянских демонов классифицируется по месту обитания. Черт же локально не ограничен. Поскольку для местной традиции не характерен образ лешего, сверхъестественные события вне дома в том случае если персонаж не называется, в рассказе приписываются черту» [7, с. 173].

В архиве ВКГУ им. С. Аманжолова записаны тексты, которые можно назвать и антибыличками. В них фактически разрушена жанровая основа, и они больше напоминают байку или анекдот. «Раньше печную трубу закрывали на крыше. Как-то хозяйка затопила печку, а один шутник закрыл трубу. Хозяйка как раз к нему и обратилась: «Степанушка, поворожи, чтоб дым в комнату не шел». А «Степанушка» был с другом, и как только скажет «Дым, вон из избы», друг открывает трубу, а скажет «Дым, в избу!», друг трубу закрывает. Так «Степанушка» с другом шутили над хозяйкой. А в конце сказали хозяйке: «Затопляй печку, черт ушел» (записано в 2005 г. в с. Северное, Зырянского района от А.А. Стариковой, 1926 г. р.) [1, с. 25].

Таким образом, исследование несказочной прозы на территории Восточного Казахстана позволяет сделать следующие выводы:

- тексты быличек соединяют в себе не только языческие верования и обряды, но и православные представления о нечистой силе;
- славянская демонология – это не только список мифологических персонажей, но и значительный комплекс специфических сюжетов и мотивов;
- функционирование жанра быличек определяется, прежде всего, назидательным характером текстов: в них проецируются поведенческие нормы, которым человек должен следовать, общаясь с мифологическим персонажем;
- в устных рассказах наблюдается перерождение предания в легенду; в быличке может присутствовать наличие поэтических особенностей сказочного эпоса; может происходить трансформация былички в антибыличку;
- включенность представлений о демонологических персонажах в самые разные сферы жизни традиционного общества позволяет рассматривать демонологию как особый культурный код, с помощью которого могут быть описаны практически любые фрагменты народной культуры;
- межэтнические связи народов проявляются в том, что устные рассказы записываются не только от русских, но и от информантов других национальностей: немцев, поляков, казахов, белорусов и украинцев.
- о продуктивности жанров несказочной прозы свидетельствуют и включения в текст не только современных местных реалий, но и современных разговорных и диалектных оборотов.

Содержание быличек интересно тем, что в нем преломляется общеславянская традиция. Кроме того, шелковый путь и кержацкие скиты в заповедных лесах, «родительница степь» и древнейшие петроглифы, Восток и Запад – эти константы нашего края определяют специфику бытования славянского устного народного творчества.

Литература

1. Архив фольклорных материалов ВКГУ им. С. Аманжолова (записи 2004-2012 гг.). 500 с.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 188 с.
3. Виноградова Л.Н. Славянская народная демонология: Проблемы сравнительного изучения. М.: РГГУ, 2001. URL: www.ruthenia.ru/folklore/vinogradova1 (дата обращения: 30.01.2014).
4. Лухтанов А.Г. Алтайское притяжение: очерки по истории Восточно-Казахстанской области. Усть-Каменогорск, 2006. 460 с.
5. Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998, 576 с.
6. Назаренко Н.М. Несказочная проза в русском фольклоре Казахстана : дис. канд. филол. н. А-Ата, 1991.
7. Цветкова А.Д. Русская устная мифологическая проза Центрально-Северного Казахстана : Учебное пособие. Павлодар, 2006. 264 с.

НАШИ АВТОРЫ

Антонова Надежда Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Antonova Nadezhda Leonidovna – PhD (Economy) Associate Professor, Department of Management, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: antonova.surgu@mail.ru

Апалькова Галина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Apalkova Galina Alexandrovna – Senior Lecturer, Department of Practical Course of Foreign languages, East-Kazakhstan State University named after S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

E-mail: gallaush@rambler.ru

Балалаева Ольга Эдуардовна – кандидат филологических наук, эксперт ЮНЕСКО, г. Ханты-Мансийск

Balalaeva Olga Eduardovna – PhD (Philology), UNESCO consultant, Khanty-Mansiysk

E-mail: o.balalaeva@gmail.com

Брылеева Юлия Вячеславовна – ассистент кафедры истории России, Сургутский государственный университет ХМАО-Югры

Bryleeva Julia Vyacheslavovna – assistant lecture, Department of History of Russia, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: ogorodnikovajv@mail.ru

Галкина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Galkina Tatiana Vladimirovna – PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Practical Course of Foreign languages, East-Kazakhstan State University named after S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

E-mail: tatjana.ga2012@yandex.ru

Главан Анна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Glavan Anna Andreevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of the German Language, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: ann-glavan@yandex.ru

Дегтяренко Ксения Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени адмирала Н. Кузнецова», г. Калининград

Degtyarenko Kseniya Andreevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign languages, Kaliningrad branch of Military Training and Research Centre named after admiral N. Kuznetsov, Naval Academy, Kaliningrad

E-mail: kseniya.degtyarenko@gmail.com

Денисова Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Denisova Tatiana Yuryevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: denisovasever86@bk.ru

Динисламова Светлана Силиверстовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок ХМАО – Югры, г. Ханты-Мансийск

Dinislamova Svetlana Siliverstovna – PhD (Philology), research associate, Obsko-Ugric institute of applied research and development of KhMAO – Ugra, Khanty-Mansiysk

E-mail: dinislamovass@mail.ru

Дмитровская Мария Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русской филологии Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград

Dmitrovskaya Maria Alexeevna – Doctor of Philology, Professor, Department of the Slavo-Russian Philology, Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad

E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Зубарева Любовь Витальевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Zubareva Lyubov Vitalyevna – Doctor of Economics, Professor, Department of Accounting, Analysis and Auditing, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: zlv@mail.ru

Иващенко Родион Юрьевич – ученик 8 класса школы-гимназии №38 акимата г. Усть-Каменогорска, Казахстан

Ivaschenko Rodion Yurievich – the 8th grade student of Gymnasium No 38, Ust-Kamenogorsk Akimat, Kazakhstan

E-mail: powerd122@mail.ru

Климась Сергей Викторович – соискатель Центра гуманитарного образования Национальной Академии наук Украины, г. Киев; Украина

Kliman Sergey Viktorovich – researcher, Centre of Humanity Education of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

E-mail: klimansergei@mail.ru

Кодинцев Александр Яковлевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Kodintsev Alexander Yakovlevich – Doctor of Laws, PhD (Historical Sciences), Head of the Department of State and Municipal Management, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: Balsak2@yandex.ru

Корснес Карл-Фредрик Вегнер – бакалавр искусств (специальность философия), бакалавр наук (специальность политические науки), Вест-Честерский университет, (Пенсильвания, США); Норвегия

Korsnes Carl-Fredrick Wegner – Bachelor of Arts (Philosophy), Bachelor of Science (Political Science), West Chester University, (Pennsylvania, USA); Norway

E-mail: CK797426@wcupa.edu

Кутуева Олеся Васильевна – аспирант кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Kutueva Olesya Vasilyevna – Postgraduate student, Department of Accounting, Analysis and Auditing, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: kutueva_o@mail.ru

Лавлинский Сергей Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Lavlinsky Sergey Petrovich – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Poetic Theory and History of the Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: slavlinsky@mail.ru

Лисицына Марина Ивановна – студентка Института экономики и управления, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Lisitsyna Marina Ivanovna – Student, Institute of Economics and Management, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: mkv131601@yandex.ru

Лошаков Руслан Анатольевич – доктор философских наук, профессор университета Нурланда (Норвегия), профессор кафедры философии и политологии Мурманского государственного гуманитарного университета, приглашенный профессор университета Париж-4 (Франция); Швеция.

Loshakov Ruslan Anatolyevich – Doctor of Philosophy, Professor, University of Nordland (Norway); Professor, Department of Philosophy and Politology of Murmansk State Humanity University; Visiting Professor, Université Paris-IV (France); Sweden

E-mail: veroneze1120@hotmail.se

Лыцова Надежда Леонидовна – аспирант Тюменского государственного университета

Lystsova Nadezhda Leonidovna – Postgraduate student, Tyumen State University

E-mail: lystsovanl@mail.ru

Мархинин Василий Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Markhinin Vasily Vasilyevich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy Department, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: Markhinin@yandex.ru

Нахрачева Мария Николаевна – магистрант, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Nakhracheva Maria Nikolaevna – Master student, Ugra State University, Khanty-Mansiysk

E-mail: Nachrayova.masha@mail.ru

Немцев Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Nemtsev Mikhail Yurievich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: nemtsev.m@gmail.com

Онина Софья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Ханты-Мансийский технологическо-педагогический колледж ХМАО – Югры
Onina Sofia Vladimirovna – PhD (Philology), Associate Professor, Technological and Pedagogical College, Khanty-Mansiysk Autonomous Region – Ugra
E-mail: OninaS@yandex.ru

Пилипенко Елена Васильевна – доктор экономических наук, доцент, директор Курганского филиала Института экономики УрО РАН
Pilipenko Elena Vasilyevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Director of Kurgan branch of Institute of Economics UrO RAN
E-mail: pilipenkoev@bk.ru

Полторжицкая Галина Ивановна – доцент кафедры русского языка и литературы, Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова г. Усть-Каменогорск, Казахстан
Poltorzhitskaya Galina Ivanovna – Assistant Professor, Department of the Russian Language and Literature, Eastern-Kazakhstan State University named after S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan
E-mail: gaipol61@mail.ru

Попова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры
Popova Ekaterina Vladimirovna – postgraduate student, Department of Accounting, Analysis and Audit, Surgut State University of KhMAO – Ugra
E-mail: k121time@yandex.ru

Пузанов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры
Puzanov Vladimir Dmitrievich – Doctor of Historical sciences, Associate Professor, Department of the history of Russia, Surgut State University of KhMAO – Ugra
E-mail: alan1971@bk.ru

Совертков Петр Игнатьевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры
Sovetkov Petr Ignatyevich – PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Higher Mathematics, Surgut State University of KhMAO – Ugra
E-mail: PSovertkov@mail.ru

Соловьев Александр Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А.Есенина.
Soloviev Alexander Vasilyevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Cultural Studies, Ryazan State University named after S. Esenin
E-mail: soloviev.al@gmail.com

Ставрुक Марина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры
Stavruk Marina Alexandrovna – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Surgut State University of KhMAO – Ugra
E-mail: marinastav-17@yandex.ru

Стаканова Любовь Павловна – руководитель детского этнического стойбища «Мань Ускве», п. Саранпауль, Березовский район, ХМАО – Югра

Stakanova Lubov Pavlovna – manager of the Children's Ethnic Camp «Man' Uskve», Saranpaul, Berezovsky region, KhMAO – Ugra

E-mail: lubov-stakanova@mail.ru

Труфанова Жанна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Trufanova Zhanna Nikolaevna – PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of history of Russia, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: janent@mail.ru

Хадынская Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Khadynskaya Alexandra Anatolyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University of KhMAO – Ugra

E-mail: opus2000@mail.ru

Хан Галина Октябровна – доцент кафедры практического курса иностранных языков Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Khan Galina Oktyabrovna – Associate Professor, Department of Practical Course of Foreign languages, East- Kazakhstan State University named after S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

E-mail: gallaush@rambler.ru

Эпштейн Михаил Наумович – профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта, США); профессор, директор Центра гуманитарных исследований современных языков и инноваций, Даремский университет, Великобритания

Epstein Mikhail – Professor of Cultural Theory and Russian Literature, Emory University (Atlanta, USA); Professor, Director, Centre for Humanities Innovation, Head of the Department of Russian School of Modern Languages & Cultures, University of Durham, United Kingdom

E-mail: epstein05@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Все авторы должны предоставить информацию о себе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы;
- электронный адрес.

Пример:

Хадынская Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Сургутского государственного университета ХМАО – Югры
Khadynskaya Alexandra Anatolyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University of KhMAO – Ugra
E-mail: opus2000@mail.ru

Рукопись должна быть выверена и датирована; в конце рукописи должны быть указаны адрес с почтовым индексом и контактные телефоны. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае несоответствия требованиям к содержанию и оформлению.

Материалы высылать в электронном виде по адресу: **sev_region@mail.ru**.

Структура статьи:

1. Индекс УДК.
2. Имя, отчество (инициалы) и фамилия автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
3. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру).
4. Аннотация статьи (120-250 слов) на русском и английском языках.
5. Ключевые слова (3-5 слов) на русском и английском языках.
6. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
7. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Оформление статьи:

- объем статьи – 10-12 с., сообщения, рецензии – 2-3 с.;
- шрифт Times New Roman 12, интервал – 1,5, только с расширением .rtf или .doc.;
- отступ 1,25.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию.

Использование цветных заливок и выделений не допускается.

Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании.

Все таблицы, схемы и иллюстрации должны быть предварительно упомянуты в тексте.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться.

Не следует производить табуляцию, разделять абзацы пустой строкой, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения», форматировать текст и расставлять принудительные переносы. При подготовке

иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких заливок. Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif. Шрифт в подписях не должен быть меньше 9 кегля.

Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями к затекстовым библиографическим ссылкам, предусмотренными ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Источники приводятся в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

Постраничные сноски не допускаются.

Примеры оформления библиографических ссылок

1. Валукин М.Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.
2. Ефимова Т.Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.
3. Коняева Т.П. Функционально-морфологические нарушения слизистой оболочки тонкой кишки после острой смертельной кровопотери (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Кемерово, 2005. 23 с.
4. Лешкевич И.А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.
5. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А.Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А.И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voенноеправо.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

Если ссылки на электронные ресурсы включают в массив ссылок, содержащий сведения о документах различных видов, то в ссылках, как правило, указывают общее обозначение материала для электронных ресурсов:

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки на архивные документы

6. Гущин Б.П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 1 (29) / 2014

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
8-902-817-05-37

Подписано в печать 29.05.2014 г. Формат 60x84/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 34. Уч.-изд. л. 26. Тираж 200 экз. Заказ № П-54.
Отпечатано в полиграфическом отделе издательского центра СурГУ,
ул. Энергетиков, 8, г. Сургут
Тел. (3462) 76-30-67

ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет ХМАО – Югры»
пр. Ленина, 1, г. Сургут ХМАО – Югра, 628412
Тел.: (3462) 76-29-00